

ПРАВИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ
ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
ПЯТНИЦКАЯ, 19

ЛЕВ КЕКУШЕВ
АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МОСКВЫ

Лев Кекушев. Архитектурное наследие Москвы

Создатели книги благодарят за помощь в подготовке издания:
Чрезвычайного и Полномочного Посла Исламской Республики Афганистан в Российской Федерации
Его Превосходительство господина Азизуллу Карзая
Военного атташе при Посольстве Египта в Москве – полковника ВВС господина Баха Али Митвали
Чрезвычайного и Полномочного Посла Литовской Республики в Российской Федерации
Его Превосходительство господина Ренатаса Норкуса
Атташе по культуре Литвы господина Фаустаса Латенаса
Чрезвычайного и Полномочного Посла Новой Зеландии в России Его Превосходительство господина Иэна Хилла
Чрезвычайного и Полномочного Посла объединённой Республики Танзании в Российской Федерации
Его Превосходительство господина Джака Мгваби Мвамби
ГлавУпДК при МИД России и лично начальника В.И. Пашко
Министра транспорта Российской Федерации М.Ю. Соколова
Заместителя губернатора Калужской области и руководителя представительства Правительства Калужской области
при Правительстве Российской Федерации В.В. Потёмкина
Главное архивное управление города Москвы и лично руководителя В.А. Маныкина

А так же:
Е.В. Агееву, А.А. Александрова, О.А. Ашуркова, И.А. Баженову, Г.А. Базанчук, В.И. Блинова,
Е.Г. Болдину, Л.П. Болдырева, Г.Ю. Борисову, Т.М. Булавкину, Т.М. Валеева, Г.В. Ваулина, Н.А. Волобуева,
В.Н. Галкина, Н.Н. Гульба, В.А. Дейнека, А. Домбровскую, А.В. Егорова, Е.М. Ершову, О.А. Захарову,
Б.А. Зарбаилова, Т.М. Киселеву, Н.Б. Клещову, Н.В. Коваль, М.В. Копеечкина, О.Б. Кривалева, С.М. Крошнина,
С.Н. Крысанова, Е.Ф. Кудряшова, А.М. Кульчицкого, А.В. Лазарева, Н.Л. Манукяна, Л.А. Марихбейн,
С.В. Михайлова, Е.В. Михеля, И.Ю. Михнову, В.Н. Морозова, А.Б. Попова, С.В. Привезенцеву, И.А. Родину,
В.Б. Симоненко, Е.В. Сорокина, Е.Б. Устенко, Э.Н. Чижикова, Е.А. Шабанову, И.К. Шевелеву

Благодарим за предоставленные фотографии:
О.Н. Ларионову, М.В. Нащокину, Б.Е. Пастернака, Л.Г. Тудося, И.М. Хилько

Выражаем особую благодарность
Ирине Анатольевне Буяльской – невестке Л.Н. Кекушева,
и Андрею Николаевичу Сахарову – внуку Л.Н. Кекушева

Руководитель проекта – министр Правительства Москвы, руководитель Департамента культурного наследия города Москвы
А.В. Кибовский

Автор-составитель – М.В. Нащокина
Фотограф – М.П. Федина
Художник (карта-схема) – С.А. Рубис

Дизайн, адаптация серийного макета и вёрстка – Ф.И. Смирнов, бюро «Sm...art»

Ответственный редактор – И.А. Савина
Выпускающие редакторы – И.П. Иванова, Н.П. Логинова
Корректор – Ю.П. Балакова
Координатор съёмок – И.Ю. Акопова

Пре-пресс – Бюро «Sm...art»
Издатель – ООО «ВЕГА», генеральный директор А.В. Кузьменко

В книге использованы архивные материалы Департамента культурного наследия города Москвы,
Главного архивного управления города Москвы, Центра историко-градостроительных исследований и из личных архивов

© Департамент культурного наследия города Москвы
© Общество с ограниченной ответственностью «ВЕГА»
© М.В. Нащокина
© Ф.И. Смирнов
© М.П. Федина

Текст печатается в авторской редакции

ЛЕВ КЕКУШЕВ
АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МОСКВЫ

СОДЕРЖАНИЕ

8	Мария Нащокина. <i>Вклад Л.Н. Кекушева в развитие архитектуры Москвы</i>
10	Мария Нащокина. <i>Творческий путь Льва Кекушева</i>

ОСОБНЯКИ

30	<i>Особняки в творчестве Л.Н. Кекушева</i>
36	Особняк А.И. Обуховой, 1890–1893 гг., <i>Малый Козловский пер., д. 4</i>
42	Особняк А.А. Пантелеева, 1893–1894, 1898, 1909 гг., <i>Олсуфьевский пер., д. 2</i>
48	Особняк Т.И. Коробкова, 1894–1896 гг., <i>Пятницкая ул., д. 33</i>
62	Особняк О.А. Листа (Н.К. Кусевицкой), 1898–1899 гг., <i>Глазовский пер., д. 8, стр. 1</i>
78	Городская усадьба И.И. Некрасова, 1899 г., <i>Гоголевский бульвар, д. 4/3 (Большой Знаменский пер., д.3), стр. 1</i>
84	Главный дом в усадьбе М.С. Грачёва, 1899–1900 гг., <i>Клинская ул., д. 2 (Фестивальная ул., д. 77а, Зеленоградская ул., д. 13)</i>
98	Особняк М.С. Саарбекова, 1899–1900 гг., <i>Поварская ул., д. 24, стр. 1</i>
110	Особняк А.И. Кекушевой, 1900–1903 гг., <i>Остоженка ул., д. 21, стр. 1</i>
126	Особняк В.А. Лыжина, 1901, 1907 гг., <i>Остоженка ул., д. 24</i>
138	Особняк М.Г. Понизовского (Торгово-строительного акционерного общества), 1903–1904, 1914–1915 гг., <i>Поварская ул., д. 42/1 (Скатертный пер., д. 1)</i>
150	Особняк И.А. Миндовского, 1903–1904 гг., <i>Поварская ул., д. 44/2 (Скафятинский пер., д. 2), стр. 1, 2</i>
168	Особняк В.Д. Носова, 1903 г., <i>Электроставодская ул., д. 12</i>
180	Особняк И.А. Морозова (Морозовская галерея). Перестройка и отделка интерьеров, 1904–1906, 1908(?) гг., <i>Пречистенка ул., д. 21/12 (Мансуровский пер., д. 12/21)</i>
186	Особняк С.И.Шукина (Шукинская галерея). Перестройка. 1907–1913(15(?)) гг., <i>Большой Знаменский пер., д. 8/12 (Колымажный пер., д. 12), стр. 1</i>

ДОХОДНЫЕ ДОМА

192	<i>Доходные дома в творчестве Л.Н. Кекушева</i>
198	Доходный дом храма Святого Григория Богослова, что на Большой Дмитровке, 1893–1894 гг., <i>Большая Дмитровка ул., д. 30/1 (Петровский пер., д. 1), стр. 3</i>
206	Доходный дом наследниц Хлудовых, 1894–1896 гг., <i>Театральный пр., д. 3/1/2 (Рождественка ул., д. 1, Неглинная ул., д. 2), стр. 1</i>
214	Доходный дом князя В.С. Оболенского-Нелединского (Е.П. Кудрявцевой), 1896–1898 гг., <i>Варсонофьевский пер., д. 6, стр. 1</i>
222	Жилой дом Я.А. Бабушкина, 1897 г., <i>Покровка ул., д. 29</i>
234	Доходный дом В.И. Грязнова, 1901 г., <i>Остоженка ул., д. 17, корп. 1</i>
242	Доходный дом А.Ф. и Н.Ф. Бочаровых, 1902–1903 гг., <i>Гоголевский бульвар, д. 21, стр. 1</i>
254	Доходный и торговый дом М.А. Франка, 1902, 1904–1905 гг., <i>Большой Кисельный пер., д. 11</i>
260	Ювелирная фабрика и доходный дом О.Ф. Курлюкова (с конторой и магазином), 1902–1903 гг., <i>Колпачный пер., д. 4, стр. 1</i>
266	Доходный дом А.И. Кекушевой, 1902–1903 гг., <i>Остоженка ул., д. 19, стр. 1</i>
278	Доходный дом А.Ф. Франк, 1902–1903 гг., <i>Уланский пер., д. 5</i>

284	Доходный дом К.В. Исаева, 1903–1904 гг., <i>Пятницкая ул., д. 49, стр. 3</i>
288	Доходный дом И.П. Исакова (Московского Торгово-Строительного Акционерного Общества), 1904–1906 гг., <i>Пречистенка ул., д. 28</i>
294	Доходные дома В.Е. Быкова, 1909–1911 гг., <i>2-я Брестская ул., д. 19/18, стр. 1, 4</i>

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ

298	<i>Общественные здания в творчестве Л.Н. Кекушева</i>
304	Центральные («Китайские») бани, 1889–1893 гг., <i>Театральный пр., д. 3, стр. 3, 4</i>
310	Богадельня имени И.Н. Геера, 1894–1899 гг., <i>Верхняя Красносельская ул., д. 15, стр. 1</i>
320	Восточное крыло и крытый перрон в здании Ярославского вокзала, 1895–1896 гг., <i>Комсомольская пл., д. 5</i>
326	Станция «Мытищи» Северной железной дороги, 1895–1896 гг., <i>г. Мытищи, Вокзальная ул., д. 1</i>
330	Начальное училище им. Востряковых во владении Г.И. Хлудова, 1897–1898 гг., <i>Сыромятинский пр., д. 8, стр. 1</i>
334	Надстройка боковых крыльев здания Императорского Московского Технического училища (Слободской дворец), 1898–1899 гг., <i>2-я Бауманская ул., д. 5</i>
338	Гостиница «Метрополь», 1898–1905 гг., <i>Театральный пр., д. 2</i>
350	Станция «Одинцово» Московско-Брестской железной дороги, 1898–1899 гг., <i>г. Одинцово, Привокзальная пл., д. 1</i>
354	Общежитие Императорского Московского Технического училища, 1899-1902 гг., <i>2-я Бауманская ул., д. 14</i>
360	Химическая лаборатория Императорского Московского Технического училища, 1899 г., <i>2-я Бауманская ул., д. 10</i>
364	Никольские (Иверские) торговые ряды, 1899–1900 гг., <i>Никольская ул., д. 5, стр. 3</i>
366	Ресторан «Прага», 1902, 1906 гг., <i>Арбат ул., д. 2/1</i>
374	Хирургическая лечебница С.М. Руднева, 1902 г., 1910–1911 гг., <i>Серебряный пер., д. 4</i>
380	Дом 1-го Пятницкого отделения Дамского попечительства о бедных ведомства учреждений императрицы Марии, 1904 г., <i>Малый Козихинский пер., д. 4</i>
384	Ресторан И.А. Скалкина «Эльдорадо» (проект), 1907 г., 1908–1910 гг., <i>Красноармейская ул., д. 1/7 (Серегина ул., д. 7/1)</i>
390	Убежище престарелых сестёр милосердия, 1910–1913 гг., <i>г. Сергиев Посад, Митькина ул., д. 37</i>
394	Часовня-сень Н. Ф. Кёльха на Введенском кладбище, 1911 г., <i>Наличная ул., д. 1</i>
398	Больница при Преображенской старообрядческой общине, 1912–1914 гг., <i>Преображенский вал ул., д. 19, стр. 1</i>

ПРИЛОЖЕНИЯ

404	Пресса начала XX века о постройках Льва Кекушева
411	Глоссарий. Список сокращений и аббревиатур
415	Список объектов Л.Н. Кекушева, внесённых в Городской реестр недвижимого культурного наследия
б/н	Карта г. Москвы с нанесёнными на неё объектами Л.Н. Кекушева (вкладка)

ВКЛАД Л.Н. КЕКУШЕВА В РАЗВИТИЕ АРХИТЕКТУРЫ МОСКВЫ

В 2012 году исполнилось 150 лет со дня рождения московского архитектора Льва Николаевича Кекушева (1862–1917). За последнюю четверть XX века, ознаменованную широким интересом к архитектуре и искусству Серебряного века, имя этого «архитектора-энциклопедиста», высоко ценимого современниками мастера московского модерна, стало достаточно известным, а его многие незаурядные произведения по праву вошли в число объектов культурного наследия Москвы. Впрочем, даже популярность и внимание со стороны московских историков архитектуры и краеведов долгое время не позволяли выстроить его полную творческую биографию. Только благодаря архивным находкам последних лет, наконец, появилась возможность охватить весь творческий и жизненный путь архитектора и в год юбилея выпустить о нём первые монографические издания.

Книга, представляемая читателю, посвящена московским постройкам зодчего, которые занимают, несомненно, центральное место среди его работ. Льва Кекушева справедливо называют московским архитектором. Это означает не только то, что его творческая жизнь прошла в Москве и здесь сохранилось немало его работ, но и особое, присущее им качество, – своеобразный московский шарм, даром создания которого обладали и обладают далеко не все творцы её архитектуры.

Москва всегда поражала заезжих европейцев пестротой и яркостью своего облика, так разительно не похожего на классические столицы Европы. Столетия главным украшением Первопрестольной, объединяющим её в единое художественное целое, были «сорок сороков» церквей, создававших её неподражаемый, единственный в своём роде силуэт, тонувший в зелени знаменитых московских садов. Однако XIX столетие, начавшееся для города грандиозным пожаром 1812 года, выдвинуло на первый план новую задачу – гармонизацию жилой застройки, превращение московских площадей и улиц в целостные архитектурные ансамбли. Постепенно важнейшей

оценочной характеристикой московских новостроек, актуальной по сей день, стало их архитектурное и строительное качество, которым в полной мере наделены лучшие постройки Кекушева в Москве, созданные в 1890-х – 1900-х годах.

В должности московского городского архитектора Кекушев проработал всего несколько лет (с 1893 по 1898 год), успев принять участие в оформлении редкого праздника – коронационных торжеств, оказавшихся в России самыми пышными и... последними. В последующие годы он занимался в основном частной практикой, выстроив в Москве около 60 зданий. Хотя энергичному и удачливому архитектору, строившему для многих богатых московских купцов, полной самореализации судьба, думается, так и не предоставила, это солидное число сооружений свидетельствует не только о его работоспособности, но и об умении вести дела с именитыми заказчиками – Мамонтовыми, Хлудовыми, Кузнецовыми, Носовыми, деловые отношения с которыми обычно сохранялись у него надолго.

Творческая жизнь Кекушева почти полностью пришлась на годы господства в России архитектурного многостилья, которое в полной мере не смог поколебать даже новый стиль модерн. Повинуясь велению времени и начав успешно проектировать в формах поздней эклектики, с явным предпочтением неогреческих и ренессансных мотивов, архитектор уже в конце 1890-х годов, ранее многих своих коллег, разработал свой собственный легко узнаваемый стилистический язык модерна, и именно ему принадлежит почётное первенство в развитии московского варианта стиля. Однако оба этих стилистических начала проходят через всё его творчество, они стали импульсом для создания выдающихся сооружений. Практически одновременно неподражаемая Грачёвка с её великолепным двухсветным залом – одним из самых красивых в Москве, отразила эстетику поздней московской эклектики, а собственный особняк зодчего в Глазовском переулке стал первым произведением московского стиля модерн.

Как и многие зодчие конца XIX – начала XX века, Лев Кекушев не был москвичом по рождению, он приехал в Москву уже с дипломом гражданского инженера, но именно в его постройках оказалось на редкость точно и ярко воплощено своеобразие московской архитектуры. Можно сказать, что ему удалось с поразительной чуткостью впитать и отразить в своём творчестве все наиболее характерные художественные вкусы москвичей – неистребимую патриархальность и тягу к острой новизне, любовь к броскому запоминающемуся декору и яркому цвету, приверженность к самым невероятным выдумкам и фантазиям, наконец, желание любыми средствами выделиться, выстроить что-то из ряда вон выходящее, бросающееся в глаза, вызывающее завистливые взоры соседей. Для самого Кекушева на протяжении всего творческого пути неизменными остались такие эстетические предпочтения конца XIX века, как приверженность к скульптурному декору и использованию орнаментов, изобретательное применение ордера, полихромия и многостилье в отделке интерьеров, которые очень точно соответствовали консервативным архитектурным вкусам москвичей и их естественному стремлению к внешней стабильности и традициям.

В архитектуре кекушевских особняков неизменно обращают на себя внимание сложность объёмного построения, значимость силуэта, особые «перспективные» порталы и аппликативные пятна наличников, использование керамики, мозаики, фигурных оконных рам, резных дверных полотнищ и кованых металлических ограждений – всё это обнаруживало глубинную связь его творчества с историческими традициями русского зодчества и подчёркивало преемственность модерна с предшествующим развитием русской архитектуры, которой так недоставало многим его современникам. Яркое художественное дарование позволяло ему всякий раз находить новые оригинальные решения, оставаясь в рамках узнаваемой индивидуальной манеры, многими нитями связанной с предыдущим этапом развития архитектуры. Неудивительно, что эти качества обеспечивали Кекушеву стойкую популярность у самых завидных и именитых московских заказчиков. Увлекать их своими идеями зодчему помогало прекрасное владение пером и кистью, которым он отличался с институтской скамьи – его проектные чертежи могут служить эталонами архитектурной графики своего времени.

Яркую художественную натуру Кекушева отличали остроумие, изобретательность, эффектность – качества, которые как нельзя лучше отвечали эстетике нового стиля и особенно его декору, который отличался от декора предыдущих исторических стилей неканоничностью, легкостью и динамизмом. Любовь мастера к скульптурному декору, отвечавшая московскому пониманию архитектурного богатства, воплощалась в многообразной скульптурной декорации из камня, металла и стукко, выразившей обе ключевые темы декора стиля модерн – растительную

орнаментику и многоликие рельефы женских голов, а также в частом использовании круглой монументальной скульптуры (к сожалению, почти везде утраченной!), роднившей кекушевские произведения с европейским зодчеством. Зарождавшиеся в начале XX века пуризм и аскеза в трактовке архитектурной формы, а также неоклассическая аранжировка ампирных мотивов его не вдохновляли, а потому Лев Кекушев оказался одним из самых последовательных приверженцев модерна в Москве 1900-х – начала 1910-х годов.

Как пионер нового стиля зодчий, безусловно, повлиял на становление и развитие стиля модерн в городе. Глубоко индивидуальная манера и общепризнанные «талантливые шаблоны» вызвали у молодых коллег естественное желание подражать мастеру, а его лучшие московские постройки, не раз опубликованные в печати, «эхом» отозвались и в провинции. Обаяние архитектурных образов знаменитых кекушевских особняков было так велико, что в провинциальной архитектуре России можно нередко найти цитаты из них. Надо сказать, что композиционные находки Кекушева вдохновляют и современных зодчих, ценящих их стилистическую цельность и художественные достоинства.

Сегодня нетронутые фрагменты исторической застройки в Москве можно пересчитать по пальцам, и среди них особенно ценны те, которые могут служить своего рода эталонами времени. Именно к таким относится небольшой участок Остоженки, где сохранились четыре стоящие рядом постройки Кекушева, отражающие особую рафинированную архитектурную пластику рубежа веков. «Лицо» московского дома издавна было «говорящим» – оно обозначало статус владельца, его характер, амбиции и понимание красоты, то есть выполняло примерно ту же роль, что и нарядная одежда, отличная от повседневной и надеваемая для выхода в гости. Пользуясь этой метафорой, можно сказать, что «лица» кекушевских построек донесли до нашего времени лучшие черты многоликого образа Москвы Серебряного века.

Знаменитый московский художественный журнал начала XX века «Золотое руно» выразил эстетические потребности своего времени так: «Мы сочувствуем всем, кто работает для обновления жизни, мы не отрицаем ни одной из задач современности, но мы твердо верим, что жить без Красоты нельзя и <...>, надо завоевать для наших потомков свободное, яркое, озаренное солнцем творчество, влекомое неутомимым исканием, и сохранить для них Вечные ценности, выкованные рядами поколений». Служение Красоте и желание сделать современный город комфортнее и гармоничнее – вот что вдохновляло творчество выдающегося московского архитектора Льва Кекушева, пионера московского модерна.

Доктор искусствоведения М.В. Нащокина

мария нащокина

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ЛЬВА КЕКУШЕВА

В каком же стиле может быть охарактеризована эта неустойчивость эпохи, случайность её идейного содержания? Только в Modern'е!

М. Михайлов, 1903

В 2012 году исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося архитектора Льва Николаевича Кекушева, одного из создателей и апологетов стиля модерн в Москве, чьи постройки во многом определили развитие и архитектурный язык стиля в его московском варианте. До сих пор в городе и его ближайших окрестностях сохраняется более пятидесяти его созданий. Это особняки, доходные дома, больницы, богадельни, железнодорожные сооружения и дачи, большинство которых имеют статус памятников истории и культуры. Многие из его произведений стали знаковыми для своего времени и образцами для подражания среди современников. На рубеже XIX–XX веков к Кекушеву пришли заслуженное признание и известность, позволившие ему стать желанным зодчим для многих именитых московских заказчиков. Впрочем, не только московских – его постройки есть и в Тамбове, Рязани, Архангельской, Вологодской и Калужской областях. Однако превратности его судьбы были таковы, что шумный успех и известность уже в 1910-х годах сменились полным забвением, продлившимся почти до конца XX века.

Имя архитектора Льва Кекушева стало постепенно выходить из забвения лишь в начале 1980-х годов, когда в обществе начал возрождаться интерес к стилю модерн и его архитектурным созданиям. Городская среда центра Москвы того времени почти наполовину ещё состояла из сооружений конца XIX – начала XX века, причём многие из них сохраняли подлинные приметы времени – первоначальную лепнину, облицовочную плитку, полотнища входных дверей, парадные лестницы (порой мраморные), камин, печи, деревянные рамы и даже стекла, придававшие их облику неповторимый московский шарм.

Постройки московского модерна особенно выделялись в городской среде оригинальностью фасадных решений, лепного декора и насыщенным цветом.

На этом многообразном архитектурном фоне особенно ярко выделялись работы корифеев стиля – Франца Шехтеля и Льва Кекушева, авторов нескольких незаурядных московских особняков. Создания Шехтеля демонстрировали изысканный лаконизм композиции и совершенство декоративных деталей; постройки Кекушева привлекали острым силуэтом, особо тщательной проработкой и мягкостью фасадной пластики. Однако если краткий очерк творческой биографии Шехтеля появился практически одновременно с рождением общественного интереса к стилю и стал одним из его импульсов, формирование целостного представления о творчестве Кекушева растянулось на несколько десятилетий. Главной причиной этого стало почти полное отсутствие его личного архитектурного архива и мемуарных свидетельств, а также фактологическая незавершенность его судьбы, как бы оборвавшейся в 1912 году. Потребовались годы архивных изысканий, чтобы наконец полно и достоверно представить творческий путь мастера.

Будущий зодчий родился 7 (20) февраля 1862 года, по-видимому, в Вильно (Вильнюсе)¹, где служил по военному ведомству его отец – надворный советник Николай Григорьевич Кекушев и где жила вся семья. Дворянин по рождению, Лев окончил Ви-

¹ Печатные свидетельства, что Л.Н. Кекушев родился в 1863 году в Симбирской губернии (*Барановский Г.В.* Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников, Института гражданских инженеров (Строительного училища). 1842–1892. СПб., 1893. С. 146; *Архитектурная Москва*, М., 1912, С. 14), противоречат новым архивным биографическим данным (РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 291. Сведения найдены А.В. Лазаревым).

ленское реальное училище, по-видимому, уже там обнаружив свои художественные способности. По окончании училища он поехал учиться в столицу, в С.-Петербургский институт гражданских инженеров (ИГИ), дававший общее архитектурно-строительное образование. Многие выпускники этого солидного учебного заведения в те годы уже вышли на ведущие позиции в отечественной архитектуре и были активно востребованы не только в провинции, но и в столичных городах Российской империи – Санкт-Петербурге и Москве.

Годы учёбы в столице (1883–1888) стали для юного Льва Кекушева плодотворными и успешными. Он сразу же обратил на себя внимание художественной одаренностью, делая превосходные учебные акварели, экспонировавшиеся на институтских выставках. Закончив ИГИ с правом на чин X класса, он был зачислен в Техническо-строительный комитет Министерства внутренних дел и в 1889 году поступил на службу помощником архитектора по постройке Петербургских скотобоев, где спроектировал типовые здания для обстройки внутренних дворов и водонапорную башню. Однако уже через год Кекушев вышел в отставку и переехал в Москву, чтобы реализовать свою молодую творческую энергию и талант в самостоятельной работе. Москва, в то время уже охваченная набиравшим силу строительным «бумом», несомненно, открывала перед ним более широкие возможности для самореализации, чем северная столица. Московская буржуазия была богата, следовательно, могла позволить себе строить в городе в соответствии со своими представлениями о прекрасном, а к тому же и совершенно свободно от тех тесных поведенческих рамок, которые установились в служилом Петербурге. Московские нувориши, желая перещеголять друг друга, строили свои особняки, не скупясь.

Переехав в первопрестольную, молодой начинающий архитектор устроился помощником к известному зодчему С.С. Эйбушицу, в то время одному из самых уважаемых и высокооплачиваемых в городе. Тогда практически все зодчие начинали свой путь, работая помощниками в мастерских известных зодчих, где в реальном деле не только ими приобретались необходимые практические навыки, но и формировались неповторимые творческие индивидуальности. По существу, для будущих архитекторов это была своеобразная «проба пера», которая позволяла каждому трезво оценить свои собственные возможности. Для энергичного и одаренного Кекушева этот период оказался сравнительно коротким (с 1890 по 1893 годы), но чрезвычайно важным – именно тогда он не просто зарекомендовал себя профессионалом в строительном деле, но и сумел заинтересовать своим талантом именитых заказчиков, вскоре предоставивших ему завидные строительные возможности. Первой крупной работой Кекушева в Москве стало его участие в строительстве

Центральных («Китайских») бань и доходного дома для наследниц именитого московского фабриканта и коллекционера русской живописи Г.И. Хлудова на углу Неглинной и Театрального проезда. Примерно за три года работы на этой престижной стройке в центре Москвы он фактически стал полноправным соавтором этих сооружений, проявив прекрасное владение архитектурным языком и знанием исторических стилей. Как многие его современники, получившие архитектурное образование в 1880-е годы, Лев Кекушев начал свой творческий путь со стилистических предпочтений поздней эклектики, в то время переживавшей фазу увлечения многословной барочно-ренессансной монументальностью, стилизующей западноевропейские образцы, и восточной экзотикой. Именно эти стили и стали основными в декоративной обработке фасада доходного дома Хлудовых и интерьеров «Китайских» бань, к которым он имел непосредственное отношение.

Авторское участие в этих постройках для наследниц Г.И. Хлудова не помешало молодому зодчему выполнить и несколько самостоятельных работ по частным заказам. Его первые постройки – это небольшие частные домики в переулках старой Москвы, тогда ещё целиком находившихся во власти мелкой усадебной застройки, утопавшей в зелени садов и обеспечивавшей городу обаяние его прославленной неистребимой патриархальности. Но, как описывал современник тех лет, «и в Москве существует потребность нового, свежего, ещё не примелькавшегося. Новые идеи требуют новых форм – и в Москве, как и везде, есть попытки идти по новому пути в архитектуре. Но такие постройки – не здесь, в шумных торговых кварталах; чтобы их видеть, нужно идти туда, где в тиши безлюдных переулков ещё держатся обычаи старой Москвы, и где лавки и торговые конторы ещё не убили человеческое жилище»². Кекушев внёс немалый вклад в обновление городской усадебной застройки, и уже в своих первых, достаточно скромных сооружениях проявил себя как настоящий профессионал. Планы его построек, как правило, весьма продуманны и функциональны, а их современный и нарядный облик – украшение окружающей среды.

Итак, архитектурный старт Льва Кекушева в Москве был очень уверенным и энергичным, а все

² *Yvonne d'Axe [Николаев Б. Н.]. Современная Москва // Зодчий, 1904, № 15, С. 179.*

На странице 10 – Лев Кекушев за работой.
Художник В. Соколов. 1899. Собственность семьи архитектора

Л.Н. Кекушев – выпускник Института гражданских инженеров. Фото Р. Тъеле.
Начало 1890-х годов. Архив семьи зодчего

его первые осуществлённые сооружения в той или иной степени внесли свою неповторимую ноту в московскую городскую среду. Неудивительно, что появление на московском архитектурном небосклоне новой яркой звезды было сразу замечено весьма завидными для профессионального сообщества заказчиками: уже упомянутыми наследниками – дочерьми и зятьями богатейшего московского купца и благотворителя Герасима Хлудова, а также Саввой Ивановичем Мамонтовым.

Довольные работой Кекушева по отделке Центральных бань, наследницы Г.И. Хлудова в 1894 году уже ему лично заказали постройку огромного многофункционального доходного дома в том же квартале на углу Рождественки и Театрального проезда, в котором должны были разместиться торговые помещения, квартиры, ресторан и конторы. Этот монументальный доходный дом (1894–1896), ставший одним из известнейших произведений московской архитектуры конца XIX века, продемонстрировал не только современный подход к поставленным задачам, но и зарождавшиеся черты нового архитектурного стиля, лишь в богатом декоративном убранстве сохранив предпочтения поздней эклектики. Грандиозная постройка, воплотившая новейшие представления о торгово-развлекательных комплексах своего времени, эффектно дополнила ансамбль городского центра и положила начало самому успешному периоду в жизни Кекушева, стала для него самым убедительным пропуском в среду крупнейших московских заказчиков.

В годы возведения хлудовских построек в центре Москвы Лев Кекушев выполнил ещё несколько заказов наследниц – выстроил памятник-часовню над семейным захоронением Хлудовых в Покровском ставропигиальном женском монастыре, перестроил здания во дворе владения Г.И. Хлудова на Ленивке, которыми, видимо, начал заниматься ещё под руководством С.С. Эйбушица, по заказу К.Г. Востряковой (Хлудовой) в 1894–1895 годах в Кисловодске, на слободской земле построил водолечебницу имени её матери, Пелагеи Давыдовны Хлудовой, для бесплатного пользования местных жителей. Позднее, в 1897 году, на обширном участке Дома призрения бедных Г.И. Хлудова в Москве молодой архитектор возвёл небольшое двухэтажное здание женской ремесленной школы и деревянную часовню с покойницей, а также спроектировал для Востряковой в Кисловодске нарядную дачу в восточном стиле. Все эти проекты и постройки точно соответствовали условиям заказа и демонстрировали не только профессионализм Кекушева, но и высокое качество строительства, которое станет одной из характерных черт его лучших московских созданий.

В период строительства дома наследниц Хлудова Кекушеву посчастливилось познакомиться и с самым ярким представителем купеческой элиты Москвы того времени – Саввой Ивановичем Мамонто-

вым. Как известно, его личность, художественный вкус и ярчайший организационный талант в то время повлияли на обновление и развитие нескольких искусств – живописи, скульптуры, декоративно-прикладного, театрально-декорационного, оперного и музыкального. Мамонтов первым оценил Михаила Врубеля, открыл талант Фёдора Шаляпина, способствовал раскрытию дарований Валентина Серова и Константина Коровина... Его друзьями были лучшие художники того времени – Илья Репин, Василий и Елена Поленовы, братья Васнецовы, Исаак Левитан, Илья Остроухов, Михаил Нестеров, Паоло Трубецкой, Марк Антокольский, Александр Матвеев и многие другие... Едва ли не главной чертой его личности было чутье на молодые таланты, что по справедливости оценили уже современники: «Савва Мамонтов – человек редкой и крайне интересной индивидуальности, чутко и бережно отнесшись к молодежи, дал ей возможность своей поддержкой выработать и осуществить смелые стремления»³.

Знаменательно, что в орбиту этого неистощимого на творческие проекты человека вошёл и молодой тридцатидвухлетний Кекушев – талантливый и энергичный зодчий. С Саввой Ивановичем будут связаны самые грандиозные его замыслы и архитектурные работы, оставившие заметный след в истории русской культуры. За небольшой срок совместной работы – чуть больше пяти лет – начинающий архитектор превратится в маститого и успешного зодчего, одного из самых знаменитых в Москве, владельца богатого особняка, обременённого множеством престижных архитектурных заказов.

Знакомство Льва Кекушева с Мамонтовым, видимо, произошло около 1894 года, когда зодчий получил от него первый заказ – к 150-летию Троице-Сергиевой лавры ему было поручено выстроить новый летний вокзал «Сергиево» (или «Сергиевский посад», ныне – Сергиев Посад) на станции Ярославской железной дороги, полновластным владельцем которой и был Мамонтов. Архитектор выстроил очень нарядное деревянное здание, заметно отличавшееся от большинства современных ему аналогичных сооружений тонкой прорисовкой всех архитектурных деталей, их качественным исполнением и привлекательностью общего облика. Вокзал имел

³Филанский Н. По поводу Московской Выставки «архитектуры и художественной принадлежности нового стиля» // Зодчий, 1903, № 9, С. 116.

Л.Н. Кекушев с детьми. 1905 год. Архив семьи

Деревянная дача в подмосковном имении И.И. Некрасова «Райки». На переднем плане – Л.Н. Кекушев с женой и сыном Николаем. Фотография 1899 года. Архив семьи

На странице 15 – Плакат выставки афиш в Строгановском училище. Рисунок Л.Н. Кекушева. 1897 год. ГТГ

ясную, удобную для пассажиров композицию и привлекал изобретательностью декора и тонким пониманием природы дерева. Собственно, это первая известная нам деревянная постройка Кекушева, в которой проявился его особый дар – создавать уникальные, единственные в своём роде по пластике и декору деревянные сооружения.

В этом вокзальном здании архитектор впервые использовал накладную орнаментальную резьбу, ставшую с тех пор его оригинальным авторским приёмом в деревянных строениях. Этот приём, несомненно, происходил от архитектурных форм русского народного жилища XIX века, в котором заметную роль играли узорчатые наличники и подзоры, выполненные в технике декоративной пропиленной резьбы. Однако Кекушев делал рисунки для пропиленных орнаментов (каждый раз разные), соответствовавшие стилистике форм сооружения. Например, в декоративных филёнках и наличнике выразительного трёхчастного окна вокзала в Сергиевом Посаде были использованы элементы древнегреческой архитектуры и орнаментики – пальметты и акротерии, обычно применявшиеся только в каменных зданиях или изображаемые в технике живописи. Здесь же они были трактованы очень вольно и в совершенно не типичной для них технике русской деревянной резьбы.

Особенно насыщенным в плане совместных с Мамонтовым работ оказался 1896 год – год коронации в Москве нового императора Николая II и приуроченной к этому событию Всероссийской художественной и промышленной выставки в Нижнем Новгороде, которая по праву может считаться одной из самых значительных экспозиций XIX столетия в мире.

В Москве кульминацией 1896 года, ознаменованного началом царствования последнего русского императора Николая II, стало редкое и необычайно красочное зрелище – коронация императорской четы в Успенском соборе Московского Кремля. Лучшим московским архитекторам были заказаны разнообразные трибуны, флагштоки, обелиски, павильоны, украшения зданий и городских ворот. В число немногих зодчих, привлечённых к выполнению ответственного задания, попал и Лев Кекушев, всего лишь шестой год работавший в Москве. Ему поручили украсить последнюю перед Кремлём часть пути следования праздничной процессии – от Тверской площади (напротив дома генерал-губернатора) до Охотного ряда, а также площадь перед зданием Городской Думы. На площадях им были возведены обелиски и орифламы, отличавшиеся гармоничными пропорциями и эффектными силуэтами, вдоль Тверской улицы – флагштоки.

Кроме уличной декорации, Кекушев выстроил к коронации и несколько железнодорожных сооружений – нарядный деревянный павильон на Брестском вокзале для приёма и отправки царского поезда во время коронационных торжеств, станционное зда-

ние в Мытищах (1895–1896), водонапорную башню при Ярославском вокзале и новый, богато отделанный крытый перрон самого вокзала, пристроенный к старому зданию. Законченные в 1896 году строительные работы существенно повысили комфорт пассажиров, в том числе паломников, традиционно отправлявшихся в Троице-Сергиеву лавру, и сразу выделили мамонтовский вокзал Северной (Ярославской) железной дороги среди прочих московских вокзалов.

Начало нового царствования решили отметить и созданием беспрецедентной для того времени по масштабу Всероссийской художественно-промышленной выставкой в Нижнем Новгороде. Для многих предпринимателей выставка была реальной возможностью продемонстрировать новому императору и его кабинету плоды своей деятельности и в благоприятном случае получить государственные заказы или субсидии. Серьёзно готовился к выставке и Савва Мамонтов, предполагавший продемонстрировать богатый потенциал Русского Севера и получить государственную поддержку для продолжения железной дороги от Вологды до Архангельска, проект которой тогда разрабатывался по его инициативе.

Льву Кекушеву Савва Иванович поручил создать выставочный павильон Крайнего Севера, и, думается, именно он нашёл его образ, навеянный лаконичной архитектурой норвежских факторий и композицией старинных норвежских деревянных церквей. Однако в натуре был реализован другой вариант, созданный художником Константином Коровиным. Хотя коровинский павильон был лаконичнее и образно выразительнее (по воспоминаниям художника, он был навеян «поморской промысловой избой»), нельзя не отметить, что абрис и объёмная структура постройки во многом повторяли кекушевский проект, явно послуживший для него отправной точкой. К тому же, скорее всего, строительством па-

вильона руководил именно Кекушев, ведь без профессионала-архитектора такую масштабную, хоть и деревянную, постройку возвести было невозможно. В результате Мамонтов получил искомую государственную поддержку, и строительство Северной железной дороги продолжилось самыми высокими темпами.

Успех первых железнодорожных построек Л.Н. Кекушева стал прологом к новой грандиозной работе по заказу С.И. Мамонтова – созданию полного архитектурного комплекса строящегося вологодско-архангельского участка Северной железной дороги.

После путешествия по Северу вместе с министром финансов Российской империи С.Ю. Витте романтик Мамонтов заболел идеей создания процветающей «Русской Норвегии». Без строительства железной дороги осуществить это было невозможно. Хотя существовало несколько вариантов пути между Вологдой и Архангельском, прозорливый Витте выбрал прямой, через леса, болота и бездорожье, кратчайший, а значит в перспективе самый быстрый и удобный. На новой дороге планировалось построить семнадцать новых станций, десятки полустанков и разъездов, для чего требовалось возвести множество жилых, технических и хозяйственных сооружений. Объём проектных работ был столь велик, что единственным выходом было сделать все постройки типовыми. Но Мамонтов не был бы Мамонтовым, если бы его дорога застраивалась архаично: ведь на Север прокладывался поистине «цивилизационный» путь, а потому железнодорожные сооружения должны были быть современными, красивыми и напоминать своим особым стилем. Можно утверждать, что именно председатель правления предопределил общий архитектурный замысел Северной железной дороги. Прав был К.С. Станиславский, афористично выразивший едва ли не главную черту Мамонтова:

А.И. Кекушева с сыном Николаем и Л.Н. Кекушев (справа) у конюшни, построенной по проекту зодчего в имении И.И. Некрасова «Райки». Фотография 1900 года. Архив семьи

Дом в имении И.И. Некрасова «Райки» Фотография 1900 года. Архив семьи

«Всем, что делал Савва Иванович, тайно руководило искусство».

Таким образом, с середины 1890-х годов тесные связи предпринимателя и архитектора подкрепились ещё одним важнейшим общим делом – грандиозной стройкой Вологодско-Архангельской железной дороги, охватившей отдалённые и малоосвоенные районы Севера страны. К этому масштабному делу Кекушев привлёк своего однокурсника Иллариона Иванова-Шица, к тому времени также переехавшего в Москву, но главную роль, видимо, играл сам. Об этом свидетельствуют подцвеченные акварелью проекты нескольких крупных сооружений дороги с его подписью – вокзалных зданий, жилых домов, водонапорных башен. Ансамбли выразительных деревянных железнодорожных построек между Вологдой и Архангельском по сей день привлекают внимание пассажиров своим стильным обликом и добротностью, удачно соединивших традиционные черты русского деревянного зодчества и мотивы формировавшегося в те годы стиля модерн.

В 1896–1897 годах Лев Кекушев вёл довольно значительные строительные работы и в московской городской усадьбе Саввы Ивановича Мамонтова, что свидетельствует об укрепившихся деловых и личных связях между ними. Окончание грандиозной северной стройки завершило необыкновенно плодотворный период в его жизни и совпало со знаменательным событием: уже известный и состоятельный зодчий в 1897 году женился на прелестной молодой девушке – провинциальной дворянке из Кременчуга Анне Ионовне Болотовой.

Сотрудничеству с С.И. Мамонтовым Кекушев обязан и одним из своих самых завидных заказов – проектированием и строительством гостиницы «Метрополь», замысел которой должен был продемонстрировать жизненность ультрасовременных тенденций в архитектуре и гостиничном сервисе в соединении с multifunctionальным городским центром. Недаром в программу первоначально должен был входить, ни больше, ни меньше, как шестиярусный театр. Однако история строительства этой известной московской гостиницы оказалась трагична и в чём-то поучительна, показав, как далеки могут оказаться результаты от первоначальной идеи, и как много препятствий может возникнуть на намеченном пути.

В 1898 году Льву Кекушеву как главному архитектору Северного домостроительного общества, руководимого Мамонтовым, было поручено составить проект огромной новой гостиницы на Театральной площади в Москве. По инициативе Саввы Ивановича, кроме зимнего сада, многочисленных залов для выставок, маскарадов и танцевальных вечеров, ресторанов и магазинов, в неё должен был входить упомянутый оперный театр – «чуть больше Венской оперы!» Его постройка, видимо, имела для Мамонтова первостепенное значение. Сам неплохой певец-любитель, он хотел поместить в новых просторных

помещениях своё любимое детище – Частную оперу и таким образом расширить её сценические возможности.

Работа над проектом начиналась серьёзно и с характерным мамонтовским размахом. Пресса сообщала: «Архитектор Л.Н. Кекушев и инженер С.П. Чокотов на днях выехали за границу для осмотра в Вене, Берлине, Париже и Лондоне больших гостиниц, чтобы при окончательной выработке плана перестройки гостиницы «Метрополь» и сооружения здесь большого театра применить все новейшие усовершенствования, которые введены в Западной Европе»⁴.

Однако петербургский заказчик, видимо, не совсем доверяя выбору Мамонтова (мамонтовское Северное домостроительное общество выступало в качестве подрядчика), в 1899 году решил объявить международный конкурс на проект фасадов новой гостиницы. Объективное жюри тем не менее вновь остановило выбор на проекте Кекушева и его помощников – С.С. Щуцмана, Н.Л. Шемякова и В.В. Воейкова. Казалось бы, все трудности позади, но на деле оказалось, что они только начинались.

Споры и взаимные претензии заказчика и подрядчика создали атмосферу строительной неразберихи. В конце концов, в отделке фасадов было предложено учесть проект Вильяма Валькота, удостоенный на конкурсе лишь 4-й премии. Переработку и приспособление его к уже начатой постройке, видимо, также делал Л.Н. Кекушев (Валькот, не имевший требуемого строительного опыта, этим заниматься не мог), продолжавший руководить строительством, тем более что фасады со стороны Китайгородской стены и во внутренних дворах полностью соответствовали именно его чертежам. Вероятно, он и в дальнейшем принимал участие в выработке образа «Метрополя», о чем свидетельствуют многие детали, характерные именно для его творческого почерка. Однако в целом воплотить свой замысел архитектору не удалось, а в конце 1901 года, когда уже близилось открытие комплекса, здание сгорело, что заставило заказчиков начать его отделку почти заново. В этих работах Кекушев, скорее всего, почти не участвовал. Относительная неудача с «Метрополем» с лихвой покрывалась дру-

гими заказными работами, которые поступали к Л.Н. Кекушеву с завидной регулярностью. В 1890-х годах среди состоятельных московских заказчиков зодчего появляются новые громкие имена Т.И. Коробкова, М.С. Кузнецова, М.С. Грачёва, В.Д. Носова, В.А. Лыжина и других.

Успешно выполненный заказ на перестройку из уже существовавшего строения особняка для потомственного почётного гражданина Трифона Ивановича Коробкова на Пятницкой улице (1894–1899), наглядно показавший блестящее владение зодчим разнообразными приёмами внутренней декорации, стал для Л.Н. Кекушева прологом к целой серии богатых особняков и усадебных домов, выполненных в барочно-ренессансных формах поздней эклектики. Одним из самых заметных среди них стал главный дом в подмосковной усадьбе Ховрино (1898–1900), принадлежавшей московскому купцу М.С. Грачёву. Архитектурный образ нового усадебного дома был довольно необычен, что, по-видимому, связано с личностью владельца, заказавшего дом в своём имении Ховрино, внешне напоминавший казино, что в Монте-Карло на Лазурном берегу Франции. Именно такой дом и возвёл Лев Кекушев, большой поклонник стиля знаменитого архитектора Шарля Гарнье – автора французского казино.

Привлекательная нарядность построек Гарнье, его манера трансформации ордера, характерные детали и умелое соединение архитектурных форм со скульптурным декором, видимо, очень импонировали Кекушеву, использовавшему аналогичные приёмы во многих сооружениях 1890-х годов. Ордерная структура – колонны или пилястры, ниши, руст, массивные сандрики, фриз и карнизы, – в которой, как правило, сосуществуют разномасштабные ордерные элементы для создания эффекта большей монументальности, повышенное внимание к тонкой детализировке силуэта зданий, устройство грузных куполов с бельведерами и сложными короноподобными завершениями или чешуйчатых граненых куполов с люкарнами, наличие множества изящных металлических элементов (оград, лестниц, гребней на куполах), частое использование круглой скульптуры и обилие выразительного, подчеркнуто артикулированного скульптурного декора (ваз, рельефных масок, путти, женских фигур, растительных завитков и гротескных «чудовищ») – всё это характерные черты эклектического языка форм в работах Кекушева, разработанного не без влияния творчества весьма популярного в России 1880-х годов французского мастера.

Кроме постоянной работы над архитектурными проектами и постройками, Кекушев как прекрасный рисовальщик много проектировал для художественной промышленности – делал рисунки бронзовых, деревянных и цинковых предметов для различных московских фабрик. К сожалению, эти произведения не подписывались, поэтому сейчас определить

их число и выявить среди множества других уже невозможно. Образцы декоративного творчества зодчего сохранились только в его архитектурных произведениях: например, красивые решётки балконов в доходном доме Григорие-Богословской церкви (1893–1894) на Большой Дмитровке и известные нам по фотографии великолепные Царские врата в церкви богородицы им. И.Н. Геера (1894–1899).

Активная работа Кекушева в 1890-х годах в сфере декоративно-прикладного искусства позволяет предположить, что его роль в процессе обновления предметной среды Москвы того времени была весьма значительной. Зодчего всегда отличало прекрасное владение пером и кистью, а его архитектурная графика могла служить эталоном чертёжной культуры рубежа XIX–XX веков. В его изящных рисунках, подчинённых игре лёгкой летящей линии, без усилий сплетающей прихотливые орнаментальные узоры, обнаруживались явные приметы нового. Точность передачи стилизуемого прототипа, важная для архитектора-эклектика, постепенно уступала место изысканному линейному маньеризму, синтезировавшему приметы разных эпох в качественно иное целое, обладавшее чертами бесспорной современности.

На рубеже веков Кекушев несколько раз пробовал совмещать архитектурную практику с преподаванием: сначала зодчества в Императорском высшем техническом училище, затем с 1898 по 1901 год – серебрения, железнойковки и композиции в Строгановском художественно-промышленном училище. Однако в конечном счёте это оказалось слишком обременительно, ведь именно в эти годы он был одним из самых востребованных мастеров московской архитектуры. Построив несколько зданий для Императорского высшего технического училища, он полностью отдался частной практике. Заказы приносили ему солидный доход, который позволил в 1898 году купить небольшой участок земли в Глазовском переулке и заняться наконец строительством своего первого собственного особняка.

Этому новаторскому сооружению суждено было стать ключевым в развитии московского модерна 1900-х годов. Уже в этой первой небольшой модернистской постройке зодчий уверенно представил те особые приёмы, которые впоследствии стали характерными для всех его последующих построек в стиле модерн. Собственно индивидуальный путь создания нового стиля как нельзя лучше соответствовал его «идее», ведь стиль модерн («ар нуво»), первоначально явленный как стиль бельгийца Виктора Орта, а затем А. Ван де Вельде, Г. Гимара, О. Вагнера, Й. Ольбриха, Й. Хоффмана и других европейских зодчих, лишь с течением времени приобрёл типизированные черты. Стиль Кекушева, в отличие от многих других московских зодчих, склонных к прямым заимствованиям из работ западноевропейских зодчих, был в этом смысле совершенно оригинален.

⁴ Новости дня, 1898, 24.XII.

Конечно, в его произведениях порой можно найти отдельные мотивы, напоминающие некоторые работы родоначальника европейского «ар нуво» Виктора Орта, а также уже упомянутого более раннего французского мастера Шарля Гарнье, однако это обычно касается лишь типологического сходства, а не копирования, которое было, по-видимому, чуждо Кекушеву. Создать собственный стиль, свой особый язык архитектурных форм под силу только самым одарённым зодчим, которых в истории мировой архитектуры не так уж много. Этой способностью был наделён Лев Кекушев...

Поскольку стиль всегда содержит определённую художественную идею, воплощённую в индивидуальной форме, особняк в Глазовском переулке стал своеобразным манифестом «кекушевского» модерна, который сразу был довольно благожелательно принят и публикой, и профессионалами. Благодаря проявившейся цельности оригинальной стилистической манеры Кекушева его постройки, в отличие от сооружений подавляющего числа московских архитекторов, можно узнать визуально по объёмно-пространственным и декоративным приёмам, характерным только для него.

Хотя трактовка форм собственного особняка Кекушева в Глазовском переулке достаточно самостоятельна, современники заметили в нём «дверь романского характера»⁵. Средневековые прообразы ассоциативно прочитываются также в каменной растительной орнаментике и своеобразной трактовке колонки лоджии, и в подчёркнуто массивной, как бы крепостной, расширяющейся книзу каменной кладке цоколя, прорезанной глубокими окнами полуподвального этажа. Действительно, для этого особняка, как и для последующих работ мастера, характерно слияние форм модерна с отдельными мотивами западноевропейского Средневековья. Конечно, это – общее веяние времени, но не только. По свидетельству родственников, Кекушев больше всех европейских городов любил старую Прагу, с её дивным силуэтом и чудесными уютными улочками, утверждая, что она красивее Парижа.

Как ни парадоксально, но историческая память XIX века стала необходимым основанием грядущего модерна, ведь его художественные образы, богатые

Т.Л. Кекушева. Фото 1930-х годов. Архив семьи зодчего

Дети Л.Н. Кекушева (слева направо) – Татьяна, Екатерина, Николай. Фотография 1904 (?) года. Архив семьи зодчего

Старшая дочь архитектора Татьяна Кекушева (1900–1945), в третьем замужестве Сахарова, прожила короткую жизнь. Её не стало в 1945 году, когда её сыну Андрею – единственному внуку знаменитого архитектора, было всего семь лет. Его воспитала бабушка – Анна Ионовна Кекушева (1877–1956), заменившая ему обоих рано умерших родителей. Младшая дочь архитектора Екатерина Львовна (1901–1959) окончила Одесский институт гражданского и коммунального строительства и стала архитектором. Работала в «Спецвоенпроекте», среди её построек – здание больницы МВД на Октябрьском Поле (совместно с архитектором С. В. Сергиевским).

историческими и инокультурными ассоциациями, удивительным образом уравнивали страстные порывы стиля ко всяческой новизне. Множественность культурных отражений – едва ли не самая основная черта эпохи. «Друг друга отражают зеркала,/ Взаимно умножая отраженья...», – писал Георгий Иванов, и это, пожалуй, стало одной из основных особенностей изобразительного искусства и архитектуры того времени. В конце XIX века сформировалось оригинальное художественное кредо стиля модерна, буквально воплотившееся в архитектурном творчестве – осознанное применение форм и композиционных приёмов прошлого при явно выраженном стремлении к неповторимости и современности результата, что блестяще воплотилось в творчестве Льва Кекушева.

Разрабатывая свой вариант стиля модерна, в начале 1900-х годов он проектирует в его формах самые разные сооружения. Среди построек зодчего рубежа веков железнодорожная станция «Одинцово» Московско-Брестской дороги (1898–1899), перестройка особняка И.И. Некрасова (1899) на Гоголевском бульваре, особняк М.С. Саарбекова (1899–1900) на Поварской улице, Никольские (Иверские) торговые ряды (1899–1900), особняк В.Д. Носова (1903) на Электrozаводской улице, возведённый в стиле загородных дач с обширными террасами, фигурными козырьками и резными обрамлениями – редкий пример использования стиля «ар нуво» в деревянном сооружении – и, наконец, самый заметный и привлекательный новый особняк А.И. Кекушевой (1900–1903) на Остоженке, где смогла разместиться его разросшаяся к тому времени семья – жена, сын и две дочери, а также построенный рядом с ним собственный доходный дом. Все эти сооружения, отмеченные ярким авторским почерком, показывают, что на рубеже веков Лев Кекушев предстал как наиболее последовательный и художественно одарённый приверженец стиля модерна в Москве.

Композиционно его постройки складывались из объёмов внутренних помещений, словно из кубиков, то есть он всегда подчёркивал в общей композиции и внешнем облике построек их внутреннюю структуру, что, безусловно, было новым качеством его архитектурных произведений. Современники отмечали в его работах и «симпатичное стремление пользоваться, по возможности, естественным видом самого материала, избегая окраски или оштукатурки, а также и стремление избавиться от больших штукатурных навесов»⁶. Эти тенденции, безусловно, также были новаторскими, отличными от прежних строительных традиций XIX века.

В то же время новый стилистический почерк Льва Кекушева был генетически связан с архитектурой поздней эклектики, на период которой пришлось время его учебы и первое десятилетие практической работы. И в этом его манера удивительно точно совпала с общим характером городской архитектуры

того времени – тесная взаимосвязь форм нового стиля и поздней эклектики, несомненно, стала родовой чертой всего московского модерна. Вот почему приёмы и лексика архитектурных форм эклектических построек Кекушева конца 1890-х годов актуальны и для архитектурного языка кекушевского модерна, опиравшегося фактически на те же эстетические и композиционные принципы. Все его постройки в стиле модерна подчёркнуто нарядны и демонстрируют органичное соединение разнообразных декоративных элементов и приёмов отделки. Среди использованных им средств архитектурной выразительности прежде всего обращают внимание тщательно проработанный силуэт, асимметрия, особая пластика фасадов, полихромия и фактурное разнообразие поверхностей, выразительный скульптурный декор, почти обязательное наличие настенных рельефов и круглой скульптуры, хотя бы в проекте. Последняя черта особенно характерна для большинства работ Льва Кекушева – и позднееклектичных, и модернистских. Он всегда уделял большое внимание скульптурным деталям, работая с лучшими лепщиками Москвы – в частности, со скульптурной мраморной и бронзоцинколитейной мастерской премников А.С. Козлова (В.Л. Гладкова и В.А. Козлова), существовавшей в Москве с 1872 года.

Ещё одной характерной особенностью кекушевского модерна была тщательность, с которой зодчий прорисовывал криволинейные дверные рамы и полотно, оконные рамы и наличники. Графически отточенные абрисы наличников и подоконных филёнок он превращал в неподражаемую фасадную аппликацию, художественно выявлявшую структуру постройки. В особняке Саарбекова, в собственном особняке и доходном доме на Остоженке этот приём достиг своеобразного совершенства.

Постройки мастера имели ещё одну индивидуальную черту. Как правило, окна и двери в них заглублены сильнее, чем это обычно было принято в московских постройках – они располагались в фасадных нишах, глубину которых зрительно усиливало несколько уступов обрамления, создававшего эффект перспективного портала. Плоскость фасада таким образом пространственно «разыгрывалась» не наружу, а внутрь. Лепной декор, картуши, резные

⁵ Yvonne d'Axe [Николаев Б.Н.]. Современная Москва. Перевод Б. СПб., 1904. С. 26.

⁶ Yvonne d'Axe [Николаев Б.Н.]. Современная Москва // Зодчий, 1904, № 17, С. 201–202.

архивольты арок, розетки, как правило, почти не выступали за плоскость оконных обрамлений, а были заглублены относительно них.

Это сообщало произведениям московского зодчего особую скульптурную пластику. «Тело» дома представляло плотным и вязким монолитом, толщина стен которого зримо превалировала над заключённым в них пространством.

Эстетике нового стиля как нельзя лучше отвечали и личные качества, которыми безусловно был наделён Лев Кекушев: остроумие, изобретательность, склонность к внешней эффектности. Особенно явно они были востребованы при создании скульптурного декора стиля модерн, который отличался от декора предыдущих исторических стилей нарочитой неканоничностью, легкостью, динамизмом и целиком зависел от фантазии автора. Кекушев с легкостью придумывал новую орнаментику, которая обычно у него не повторялась; щедро используя скульптурную декорацию, как правило, он наделял её смыслом – символическим или аллегорическим. Буквально все произведения мастера были украшены либо скульптурами львов, либо львиными масками. Так, верный своей эпохе, настроенной на считывание тайных смыслов и многозначность архитектурных деталей, Лев (!) Кекушев зашифровывал свою авторскую подпись. Пример тому – весёлый задиристый лев с победно поднятой головой, исполненный в натуральную величину и шагавший по аттике особняка зодчего на Остоженке (не сохранился). Несколько раз в произведениях мастера возникали музы и аллегории искусств – их атрибуты держат в руках скульптурные кариатиды в Грачёвке, а фасад особняка И.А. Миндовского украшает рельефное панно с фигурками голеньких путти: один играет на дудочке, другой высекает вазу, третий с циркулем размышляет над листом бумаги.

Нельзя не упомянуть и деревянные постройки Л.Н. Кекушева в стиле модерн. В отличие от многих его коллег, они занимали в его творчестве довольно значительное место и никогда не были чисто функциональными или проходными. Его деревянные сооружения, напротив, очень выразительны, порой уникальны и несомненно, полнее раскрывают его архитектурное дарование. Как и в лучших каменных постройках «кекушевского модерна», в них зодчему также удалось создать свой индивидуальный и неповторимый архитектурный язык форм, по которому их можно легко отличить. Это вовсе не означает, что он тиражировал одни и те же решения: напротив, его работы в дереве отличаются друг от друга по функции, масштабу и облику, но их объединяет особая кекушевская пластика и авторские приёмы отделки. Можно утверждать, что его поистине виртуозное владение фактурой дерева, схожее с мастерством скульптора, не имело соперников среди московских архитекторов начала XX века. В 1900-х годах судьба подарила Кекушеву ещё одну судьбо-

Шкаф из особняка А.И. Кекушевой на Остоженке, выполненный по рисунку зодчего. Собственность семьи зодчего

Каля Кекушев. Фото 1899 года. Архив семьи зодчего

Дача Л.Н. Кекушева в Серебряном бору. На террасе – А.И. Кекушева. Фотография – конца 1890-х годов. Архив семьи зодчего

Л.Н. Кекушев в своём кабинете в квартире в Скертном переулке. Фотография 1910-х (?) годов. Архив семьи зодчего

годаря предприятию Рекка, исторический центр города стал строительной площадкой для нового поколения городских усадеб. Казалось бы, на глазах у современников начала XX века вновь оживала старая дворянская Москва, только теперь в пандан к ещё сохранявшимся классическим усадьбам здесь возникали новые нарядные особняки со службами, окружённые небольшими садами.

В 1903 году, как раз на месте старой городской усадьбы на Поварской улице, Московское торгово-строительное общество предприняло строительство ещё двух особняков «под ключ» в стиле модерн – на сей раз по проектам Л.Н. Кекушева, которые вошли в историю архитектуры Москвы по именам своих позднейших владельцев – И.А. Миндовского и М.Г. Пониловского. Хотя последнее сооружение было заново отделано снаружи в начале 1910-х годов в формах неоклассицизма, оба особняка среди московских произведений зодчего до сих пор занимают особое место благодаря разнообразию элементов сохранившегося внешнего и внутреннего декоративного убранства – лепного декора (особняк Миндовского), облика парадных лестниц, витражей, деревянных элементов отделки. К сожалению, революционные события 1905 года в Москве свели на нет спрос на дорогие особняки, а потому чудесные кекушевские творения на Поварской долго пустовали.

Последней кекушевской постройкой, инициированной Московским торгово-строительным обществом, стал респектабельный доходный дом (1904–1906) на Пречистенке (позднее – дом И.П. Исакова), до сих пор являющийся одним из главных архитектурных украшений улицы. Уникальной особенностью здания стала выразительная фасадная пластика, разнообразие декора и подчеркнутая сложность деревянных оконных переплётов (на каждом этаже разных), демонстрирующих плавно изогнутые линии модерна, в таком изобилии и разнообразии ни-

где в Москве более не встречающаяся. Стоит добавить, что Кекушев обращал внимание не только на рисунок оконных переплётов, но и на их функциональность. Он разработал авторскую конструкцию оконных рам, которые не требовали привычной в то время заклейки на зиму, а также старался, при наличии средств, заказывать их из дуба, обеспечивавшего их качество и долговечность.

Как незаурядный мастер интерьера Кекушев проявил себя не только в целостных ансамблях возведённых им особняков, но и в оформлении интерьеров уже существующих зданий. Одной из самых успешных его работ стал заново отделанный ресторан «Прага» в начале Арбата (1902, 1906), прежде известный среди московских извозчиков под нелюбимым названием «Брага». Благодаря созданному зодчим особому уюту и современной художественной обстановке он стал одним из любимых мест встречи творческой интеллигенции Москвы. Завсегдатаем «Праги» был Иван Бунин и многие другие молодые писатели, поэты, актёры, журналисты. Об этом времени с грустью потери вспоминал впоследствии писатель Борис Зайцев: «...Литературный кружок, ресторан «Прага»... Пёстрой и шумной, легкой и радостной кажется теперь жизнь тогдашней Москвы. Может быть, просто молодость? Необычное по силе чувство жизни? Но – и

⁹ Зайцев Борис. Указ. соч. С. 46.

¹⁰ Справка получена А.В. Лазаревым 09.03.2006 года из Центра общественных связей ФСБ на основе документов Архива ФСБ в г. Омске.

Л.Н. Кекушев и его архитектурная мастерская. Слева, склонив голову, сидит А.В. Кузнецов. Фотография 1900-х годов. Архив семьи зодчего

само время: какое привольное, сколь подходящее для артистического! Какой интерес к литературе! Сколько молодых дарований... Сколько споров, волнений, чтений, удач и неудач, изящных женских лиц, зимних санок, блеска ресторанов, поздних возвращений...»⁹. Залы «Праги» видели многих местных и заезжих знаменитостей, многие события – радостные и печальные – были отпразднованы здесь, и роль архитектора и декоратора была в этом далеко не последней. Недаром Кекушев с тех пор был постоянно связан со своим детищем, до конца жизни рисуя для ресторана «Праги» стильно оформленные меню.

Знаменательно, что именно Лев Кекушев стал автором интерьеров и в домах двух великих московских коллекционеров современной западной живописи: в особняке С.И. Щукина в Большом Знаменском переулке и в доме И.А. Морозова на Пречистенке (1907–1909). Он не заставил их об этом пожалеть, полностью подчинив свою индивидуальность музейной экспозиции, задуманной заказчиками. Поистине выдающейся его работой стало архитектурное оформление Белого зала в особняке И.А. Морозова для размещения живописных панно Мориса Дени на сюжет истории Психеи – его лучшего монументального произведения. Достаточно сказать, что французский художник писал свой знаменитый античный цикл специально для стен этого зала. Жаль, что теперь эти картины находятся в Санкт-Петербурге, и мы не можем воочию представить себе этот ансамбль – союз архитектуры и живописи, созданный двумя равновеликими по таланту мастерами.

Едва ли не самым значимым произведением позднего модерна Льва Кекушева в Москве, поистине «лебединой песней» стиля мог стать ресторан И.А. Скалкина «Эльдорадо» в Петровском парке (1907). Упругость линий, образующих и в плане и на фасаде удивительное по красоте и гармонии целое, уникальный пространственный замысел, задолго до известных опытов 1920-х годов создавший серию «перетекающих» друг в друга пространств, – всё это демонстрировал кекушевский проект здания, к сожалению, осуществлённый со значительными изменениями, в целом снизившими его первоначальный замысел и качество. Скорее всего, это произошло по желанию заказчика, который прежде всего руководствовался практическими и финансовыми соображениями.

Прежнее кекушевское мастерство «прочитывается» лишь в организации углового входа и великолепной парадной лестницы, ведущей на бельэтаж, где располагались основные залы ресторана.

Однако в середине 1900-х годов что-то сломалось в столь успешно складывавшейся карьере архитектора, о чём свидетельствует его острый отход от активной творческой деятельности примерно с 1907 года и почти полное прекращение её с 1912 (1913(?)) года. Конечно, постепенный закат стиля модерн и его исчезновение из архитектурной практики Мо-

Павильон для приёма царского поезда на Брестском (Смоленском) вокзале Московско-Брестской железной дороги. На лестнице стоит Л.Н. Кекушев. Фотография 1896 года. Архив семьи зодчего

сковы конца 1900 – середины 1910-х годов не могли не повлиять на сокращение профессиональной деятельности Льва Кекушева, чей неповторимый архитектурный почерк проявился именно в этом стиле. Симбиоз модерна с входившим в моду неоклассицизмом удавался зодчему меньше: например, левая часть корпуса хирургической лечебницы С.М. Руднева в Серебряном переулке (1910–1911) или Богадельня для престарелых сестёр милосердия в Сергиевом Посаде (1910–1913). Что же произошло в его жизни в этот период? К сожалению, по прошествии ста пятидесяти лет со дня рождения и почти века после его смерти личность Льва Кекушева почти утратила реальные человеческие черты, а подлинные факты его жизни скрыты от нас из-за отсутствия подробных воспоминаний, мемуаров современников и его потомков... Хранит молчание и архитектурная печать того времени.

Последние известные нам работы зодчего датированы 1912–1913 годами. О дальнейшей судьбе Льва Николаевича долгое время не удавалось получить достоверных сведений. Прояснить, когда же окончил свои дни замечательный московский мастер, помогли документы его младшей дочери, ставшей архитектором и работавшей в «Спецвоенпроекте».

Вот что собственноручно написал в 1935 году о своём отце в автобиографии Екатерина Львовна Яковлева (Кекушева): «Отец – Лев Николаевич Кекушев, известный московский архитектор, построивший около 60 различных зданий и сооружений, в 1913 году в связи с заболеванием был помещен в психиатрическую клинику, где в начале января 1917 года на 55-м году умер. Похоронен в Москве»¹⁰. Таким образом, последние годы жизни зодчего были омрачены его психическим состоянием и нервной болезнью, отчего Кекушев вынужден был оставить свою деятельность и что привело к преждевременной смерти замечательного мастера.

Творчество выдающегося мастера московской архитектуры пришлось на переходный период, когда на фоне архитектурного многообразия поздней эклектики рождались формы нового стиля модерн, свободного от исторических реминисценций, и новая эстетика была устремлена к простоте форм, лаконизму композиции и скупости декора. Это сделало творчество Льва Кекушева двойственным – создатель первой московской постройки в формах нового стиля, в трактовке форм модерна и в отделке интерьеров своих построек нередко сохранял знакомые приёмы поздней эклектики.

Эстетические предпочтения конца XIX века проглядывают буквально во всех его работах – это любовь к скульптурному декору, свободное владение искусством орнамента и многообразием ордерных форм, тонкое понимание фактуры разных строительных материалов, полихромия в отделке интерьеров и т.д. Однако во многом благодаря именно этим качествам, которыми умело пользовался Кекушев, его архитектурное наследие выглядит ярким, стилистически цельным и очень «московским» по характеру.

В заключение стоит ещё раз подчеркнуть, что бесспорное архитектурное дарование позволило Л.Н. Кекушеву – единственному среди московских зодчих – синтезировать свой собственный, легко узнаваемый язык стиля модерн, отличавшийся оригинальной объёмной и линейной пластикой, игрой света и тени, тщательной прорисовкой деталей.

Закономерно, что его яркая художественная индивидуальность и неизменно привлекавшие внимание коллег-архитекторов московские постройки и многочисленные публикации проектов не только получили в 1890–1900-х годах широкий общественный резонанс, но стали признанными образцами современной русской архитектуры и источником вдохновения для других столичных и провинциальных зодчих.

Сегодня постройки Льва Кекушева по праву занимают весьма значительное место в московском архитектурном наследии конца XIX – начала XX века, выделяясь высоким архитектурным и художественным качеством.

Вклад зодчего в создание запоминающегося образа Москвы короткой, но насыщенной эпохи Серебряного века несомненен, а обаяние его лучших произведений до сих пор дарует нам драгоценную возможность почувствовать неповторимую атмосферу города того времени.

Л.Л. Кекушев в форме кадета. Фото 1910-х годов. Архив семьи зодчего
 Николай Кекушев (29.02.1898 – 2.03.1978) окончил Первый Московский Императорский Екатерининский кадетский корпус в чине прапорщика. Успел попасть на фронты Первой мировой войны, в мае 1917 года убыл в школу лётчиков-наблюдателей. После войны в 1921–1923 годах Николай окончил курс Электротехнического института, получив одобрение к военному полному техническому образованию. С 1923 года служил в авиации. Именно ему, старшему бортмеханику, в составе лётного экипажа 5 мая 1937 года довелось впервые достичь Северного полюса на небольшом двухмоторном самолёте-разведчике АНТ-7 под управлением Павла Головина. Событие это тогда особо не рекламировалось, и хотя Кекушев и его сослуживцы стали настоящими первопроходцами, тем не менее, покорителями Северного полюса считаются другие лётчики, десятилетием позже сумевшие посадить там самолет. В годы Великой Отечественной войны, служил в ВВС Северного флота, совершил 59 полётов в осажденный Ленинград, вывозя блокадников на Большую землю. Удостоен многих правительственных наград.

На странице 26 – обратная сторона фотографии Л.Н. Кекушева с его собственноручной дарственной надписью. Архив семьи зодчего

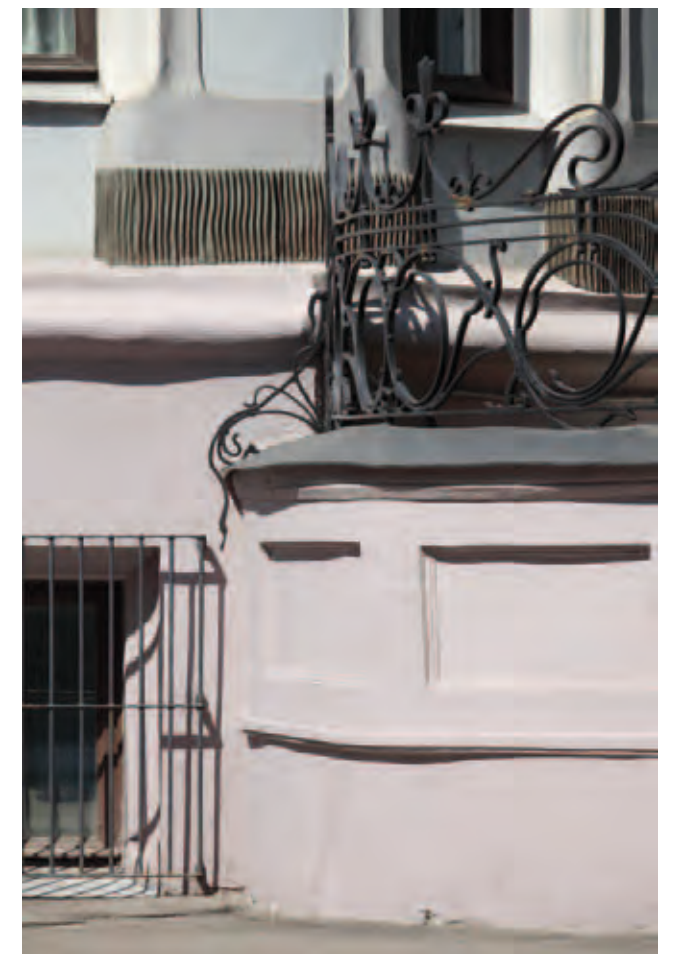
ОСОБНЯКИ

ОСОБНЯКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЬВА КЕКУШЕВА

Особняк – особый архитектурный жанр, широко распространившийся в московской застройке как раз во второй половине XIX – начале XX века. Его предшественниками были толстостенные жилые палаты XVII–XVIII веков, а затем дома городских усадеб эпохи классицизма первой половины XIX века. Особенное сходство с особняками московские усадьбы приобрели после опустошительного пожара 1812 года – вернувшиеся в город после войны домовладельцы, потерявшие своё имущество, часто не могли восстановить свои постройки в прежнем объёме и величии. Вот тогда на многих московских улицах и в переулках появилось множество небольших деревянных оштукатуренных домиков с мезонинами и белоколонными портиками, построенных по так называемым образцовым проектам, окружённых зеленью садов и ставших со временем своего рода визитной карточкой архитектуры древней столицы. Частные домики с садами, хотя и были нередко похожи друг на друга, со временем приобретали неповторимый индивидуальный шарм, отражавший вкусы, пристрастия и привычки своих хозяев. Так сложился частновладельческий облик Москвы, многократно воспетый в русской литературе Золотого века.

Во второй половине XIX века ампирные домики стали дряхлеть, а их место постепенно стали занимать другие частные дома, выстроенные в соответствии с изменившимися вкусами в разных исторических стилях. Их облик был уже программно индивидуален, выражая эстетические представления своих владельцев на языке стилей – «русского», «готического» или «ренессансного». Тогда и появились «особняки», вернее слово, которое в словаре Владимира Даля прежде всего обозначало одинокого, уединённо живущего человека или пустое отхожее поле, стало всё чаще применяться к самим городским домам, которые всё больше и больше отличались друг от друга. Так застройка центра Москвы на-

На странице 30 – парадная лестница особняка Т.И. Коробкова

На странице 32 – лестница главного дома усадьбы Грачёва

Фрагмент декоративного ограждения палисадника особняка И.А. Миндовского

Фрагмент лепного декора в гостиной особняка Т.И. Коробкова

чала приобретать новое качество, становясь всё более разнообразной в стилистическом и композиционном отношении. Для московских зодчих постройка особняка была весьма заманчивым заказом – она давала возможность зодчему продемонстрировать свои творческие способности и заявить о себе в среде потенциальных заказчиков, ведь частное жилище традиционно наиболее богато и необычно украшалось, и на него состоятельные московские чиновники, купцы, промышленники денег не жалели.

В творчестве Льва Кекушева особняки и близкие к ним по типологии загородные усадьбные дома и дачи занимают довольно значительное место. Именно в этом архитектурном жанре он наиболее полно реализовал своё декоративное дарование и создал самые яркие произведения в формах поздней эклектики и в стиле модерн. Получивший образование в 1880-х годах, зодчий великолепно владел языком исторических архитектурных стилей, особенно выделяя пышные ренессансные декорации и стиль «неогрек», вновь получивший популярность в 1880–1890-х годах. Отдельные орнаментальные и декоративные детали этих стилей, особенно любимые им пальметты, акротерии, меандр, аканты, раковины, гирлянды, скульптурные путти и т.д., нередко встречаются у него даже в сочетании с отделками в стиле модерн, внося в них легкую стилистическую небрежность и чисто московское обаяние.

Самым первым московским особняком в новом стиле стал собственный особняк Льва Кекушева в Глазовском переулке, где он, не будучи связанным какими-либо условиями заказа, представил новые формы и декоративную отделку, которые в дальнейшем

легли в основу его индивидуального архитектурного языка модерна. Постройка, ставшая своего рода манифестом московского варианта стиля и визитной карточкой архитектора, положила начало яркой серии московских новостроек, в которых автор продолжил разработку найденных им новых стилистических приёмов. Акцентом в организации внутреннего пространства в них всегда были парадные лестницы, задававшие основную тему отделки интерьеров.

Нельзя не обратить внимание и на некоторые композиционные анахронизмы, присущие произведениям Кекушева, как впрочем и всей архитектуре Москвы того времени. Хотя большинство его особняков асимметричны, а их композиция рассчитана на восприятие с разных сторон, тем не менее во многих случаях архитектор декоративными средствами подчёркивал только главный фасад постройки, обращённый к улице, или в сочетании с боковым, выходившим во двор. Другими словами, он по старинной московской традиции выделял «лицо» дома, часто оставляя дворовые фасады чисто утилитарными.

Его городские особняки обычно строились из кирпича и получали соответствующую отделку из современных строительных материалов. Время склонялось к постепенному отказу от многодельной и дорогостоящей штукатурки, и Кекушев одним из первых стал использовать для стен тонированную облицовочную плитку, для оконных и дверных обрамлений – натуральный камень, а для кронштейнов свеса кровли – металл, то есть натуральные материалы, которые не требовали дополнительной отделки или окраски. На окраинах города и за городом зодчий нередко возводил деревянные частные жилые дома,

Угловая колонка лоджии второго этажа особняка О.А. Листа

Декоративное оформление парадного зала в усадьбном доме М.С. Грачёва в Ховрине (Грачёвке)

которые были, как правило, не менее выразительны. Как и в его лучших каменных постройках в новом стиле, в них зодчему также удалось разработать индивидуальный и неповторимый язык архитектурных форм, по которому их можно легко отличить.

В отделке особняков и дач, созданных по его проектам, он уделял большое внимание скульптурному, металлическому и деревянному декору. Скульптурный декор – основа декоративной отделки архитектурных сооружений поздней эклектики и модерна. Зодчий сотрудничал со многими известными скульптурными мастерскими, поэтому в его работах качество круглых скульптур, рельефов и барельефов всегда было очень высоким. Для большинства построенных им особняков Кекушев рисовал специальные проекты орнаментальных металлических оград, ворот, балконных решёток, внутренних лестниц. Особое внимание он всегда уделял деревянным отделкам, которые у него на редкость разнообразны. Можно без сомнений утверждать, что оригинальность, сложность и пластическое богатство его деревянных отделок составляло одну из самых ярких сторон его дарования.

Кроме новых построек в жанре индивидуального дома заметное место в творчестве архитектора занимали перестройки старинных московских особняков. В них зодчий неизменно проявлял себя и как высокий профессионал, точно выполнявший просьбы заказчика, приспособляя ту или иную постройку к требованиям времени, и как опытный строитель, умело модернизирувавший и дополнявший устаревшие конструкции, и, несомненно, как мастер оформления интерьеров.

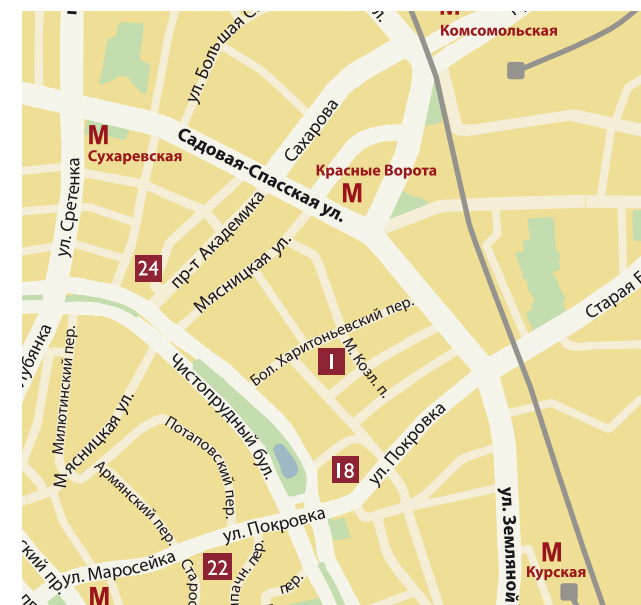
ОСОБНЯК А.И. ОБУХОВОЙ

1890–1893 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Малый Козловский пер., д. 4

Особняк А.И. Обуховой – один из самых ранних самостоятельных архитектурных проектов Льва Кекушева в Москве. Небольшое двухэтажное сооружение появилось в тихом районе старой Москвы, рядом с Большим Харитоньевским переулком, издавна известным своими старинными усадьбами. Скромный патриархальный облик нового дома Обуховой вполне отвечал окружающим его в ту пору строениям – вплоть до 1895 года напротив него тоже находилась обширная усадьба с большим садом и полным комплексом дворовых хозяйственных служб, с начала XIX века принадлежавшая князьям Одоевским. Лишь в 1895 году на её месте появилось два благотворительных учреждения – Ксенинский и Долгоруковский приюты, здания которых сохраняются до сих пор. Особняк купеческой жены А.И. Обуховой также строился на месте главного дома давно сформировавшейся небольшой городской усадьбы, участок которой своей узкой стороной выходил в Малый Козловский переулок. Кекушев построил новый лицевой дом, но со стороны двора к нему примкнули жилые и хозяйственные пристройки, частично переделанные из ранее существовавших сооружений.

Сохранившийся проект, утвержденный Московской Управой к постройке, молодой Кекушев эффектно выполнил коричневой тушью со штриховкой. Однако здание было построено с отступлениями от утвержденного проекта – в натуре главный фасад стал как бы зеркальным отражением авторского проекта, но без нарядных лепных «рокайлей». Окна получили простой прямоугольный абрис; над входом так и не был осуществлен запланированный куполок с фигурной решёткой, козырёк и другие детали. Скорее всего, упрощения были сделаны самим архитектором по просьбе заказчицы, чтобы снизить стоимость строительства.

Эта первая законченная московская постройка Льва Кекушева ещё далека от его зрелых произведе-

На предыдущей странице – вход в особняк А.И. Обуховой

Лепной декор над фасадными окнами особняка

Фрагмент фасада первого этажа. Заглубленный проём окна в оформлении простых профильных наличников

ний 1900-х годов, но в ней уже видны характерные черты его индивидуального почерка. Здание компактно, его почти правильный прямоугольный объём раскрепован только двумя небольшими выступами ризалитов на главном и южном боковом фасадах, намекающих на внутреннюю планировочную структуру сооружения. Внешний облик постройки очень прост и соответствует архитектурному языку поздней эклектики, оперировавшей в основном ордерными формами в ренессансной интерпретации.

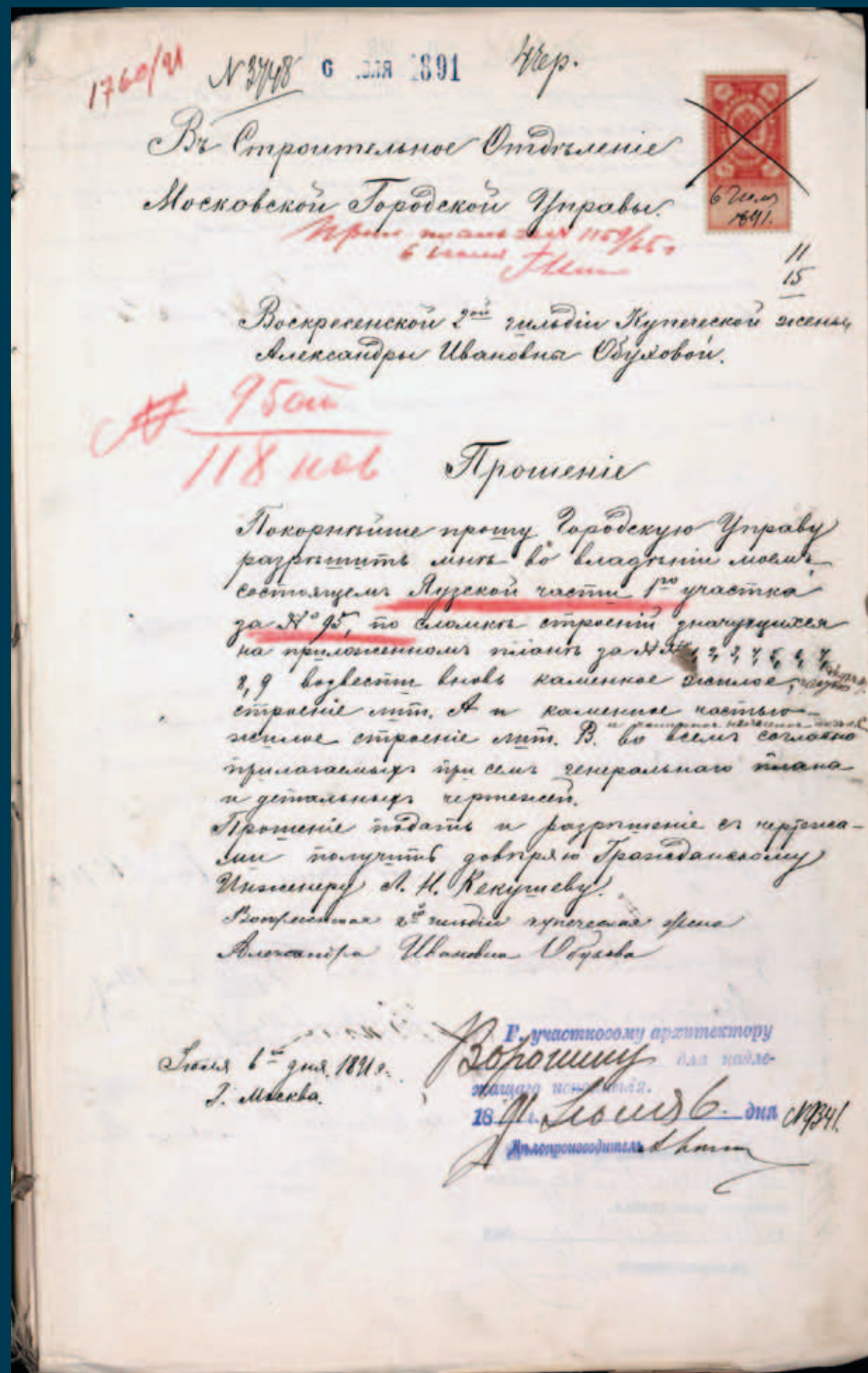
Архитектор сосредоточил своё внимание на фасадной пластике. Самый мощный светотеневой эффект дало использование в обработке стены первого этажа рельефного скелетного руста с большим выступом, которым отделаны края обоих ризалитов и выступ брандмауэрной стены, ограничивавшей постройку и всё владение с севера. Заданную им рельефную артикуляцию фасадной плоскости поддерживают и три крупные фактурные горизонтальные тяги – над фундаментом, междуэтажная и карниз. Окна заднего и южного бокового фасадов обрамлены простыми профильными наличниками. Однако в решении окон фасадной плоскости Кекушев использовал иной приём, впоследствии ставший

одним из его излюбленных. Он «утопил» окна в неглубоких фасадных нишах, сами же рамы заглубил чуть больше обычного. Все это создало дополнительные нюансы светотени, придавшей простому фасаду большую пластическую сложность.

Из мелких декоративных элементов на главном фасаде сохранились маленькие лепные кронштейны под горизонтальной тягой, расположенной над тремя окнами первого этажа. Хотя все использованные элементы совершенно типичны для московской эклектики, они образуют на редкость гармоничное целое – постройка обращала на себя внимание новизной простоты и элегантности и в то же время была наделена явственными чертами традиционной московской застройки.

Уже состарившийся особняк, проданный в 1917 году С.И. Дзамгарову, предполагалось надстроить третьим этажом и частично перелицевать, что так и не было реализовано, поэтому он до сих пор сохранил черты своего первоначального облика. В процессе современного приспособления здания под административную функцию (сейчас в здании расположен Итальянский институт культуры), все элементы внутреннего убранства были утрачены.

Прощение А.И. Обуховой в Строительное отделение Московской городской управы о разрешении строительства жилого здания в её владении. 6 июля 1891 г. Центральный архив научно-технической документации Москвы

Центральная часть фасада особняка.
Летные кронштейны под горизонтальной тягой над окнами первого этажа.

ОСОБНЯК А.А. ПАНТЕЛЕЕВА

1893–1894, 1898, 1909 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Олсуфьевский пер., д. 2

Особняк А.А. Пантелеева был выстроен на Девичьем поле, в местности, находившейся в излучине Москвы-реки к северу от Новодевичьего монастыря, от которого поле и получило своё название. В XVII веке здесь были устроены сады и специальные аптекарские огороды, где разводились лекарственные травы. В 1760–1770-х годах на поле стоял казённый театр, сюда же из-под Новинского были перенесены народные гуляния, продолжавшиеся до 1911 года. В конце XVIII века Девичье поле постепенно стало застраиваться – появились загородные дворы боярина Д.Н. Головина, князей В.В. Голицына и М.А. Черкасского. В 1885 году на Девичьем поле развернулось строительство новых университетских клиник медицинского факультета Московского университета, сразу же задавших столичный характер окружающей архитектурной среде. К концу XIX века застройка улиц и переулков бывшего Девичьего поля, в основном состоявшая из частных домов, была уже довольно плотной. Здесь и находилось несколько участков, принадлежавших купцу Александру Алексеевичу Пантелееву, бравшему строительные подряды.

Дом Пантелеева в Хамовнической части Москвы на Девичьем поле стал одной из первых самостоятельных построек Льва Кекушева в Москве. Любопытно, что архитектор работал над ним в 1893, 1898 и 1909 годах, то есть в общей сложности в течение пятнадцати лет. Это характерно для биографии Кекушева, у которого по обыкновению устанавливались длительные деловые и человеческие контакты с заказчиками. Одновременно этот дом стал первой авторской постройкой зодчего, которая была замечена в профессиональных кругах и опубликована в «Архитектурных мотивах».

В архитектурном отношении дом Пантелеева, к сожалению, сейчас надстроенный тремя этажами и во многом потерявший своё первоначальное лицо – прямое продолжение композиционных приёмов,

На предыдущей странице – летная маска льва над окном второго этажа бокового фасада особняка

применённых Кекушевым в более раннем особняке А.И. Обуховой. Это тоже дом-блок с небольшими фасадными выступами-ризалитами, выявляющими его внутреннюю структуру, только более монументальный, с подчеркнуто высоким вторым парадным этажом, завершённым мощным карнизом с модульонами. В этой постройке впервые был последовательно применен излюбленный кекушевский приём раскреповки фасада, только намеченный в доме Обуховой – размещение оконных проёмов в нишах, порой, как в данном случае на втором этаже, превращающихся в подобие перспективных порталов, создающих впечатление массивности стены и играющих важную роль в её светотеневой пластике. Здесь же, в окнах второго этажа, появляются оконные рамы со сложными рельефными архитектурно-декоративными импостами (не сохранились), впоследствии ставшие одной из характерных примет почерка зодчего.

В доме Пантелеева впервые появляется и ещё один любопытный приём, в дальнейшем также не раз использованный Кекушевым – богатая декоративная разработка боковых фасадов здания, обращённых в сторону небольшого садика или въезда. Именно эти фасады были украшены лепниной, а окна второго этажа отделаны как изящные пилястровые портики. Такая неожиданная разница между строгим «лицом» дома, обращённым в переулок, и его неожиданно более нарядными «профилями» говорит о постепенном отходе от привычной иерархичности в трактовке зданий, когда главный фасад несёт основную зрительскую нагрузку и имеет абсолютный приоритет в отделке. Акцентирование бокового фасада постройки, обращённого прежде всего к владельцам, создание особого «интимного» контакта между ними и домом, совершенно естественно для Кекушева, уделявшего в особняках большое внимание общей пространственной структуре зданий.

На боковом фасаде дома Пантелеева впервые появился сандрик со скульптурной львиной маской, вскоре ставшей фирменной подписью зодчего и неперменным атрибутом декора большинства его произведений. В данном случае львиная головка – маленькая, покрытая металлическим сливом, как чепчиком, кудри гривы переходят в завитки традиционной растительной эклектической орнаментики.

Небольшой палисадник перед домом А.А. Пантелеева вдоль переулочка был ограждён нарядной кованой решёткой, одно звено которой сохранилось до наших дней. Она, безусловно, принадлежит руке архитектора, известного своими декоративными работами по металлу. В её рисунке преобладал ритм вертикальных стержней, трактованных как элементы растительного мира и противопоставленных мощному скошенному русту стены первого этажа.

В 1894 году Кекушев создал для подворья А.А. Пантелеева проект деревянной беседки, а с 1898 года по желанию владельца начал расширять лицевой дом, создав проект каменной трёхэтажной пристройки, предназначенной для сдачи внаём. С 1899 года в работе с проектной документацией ему помогал Сергей Шуцман.

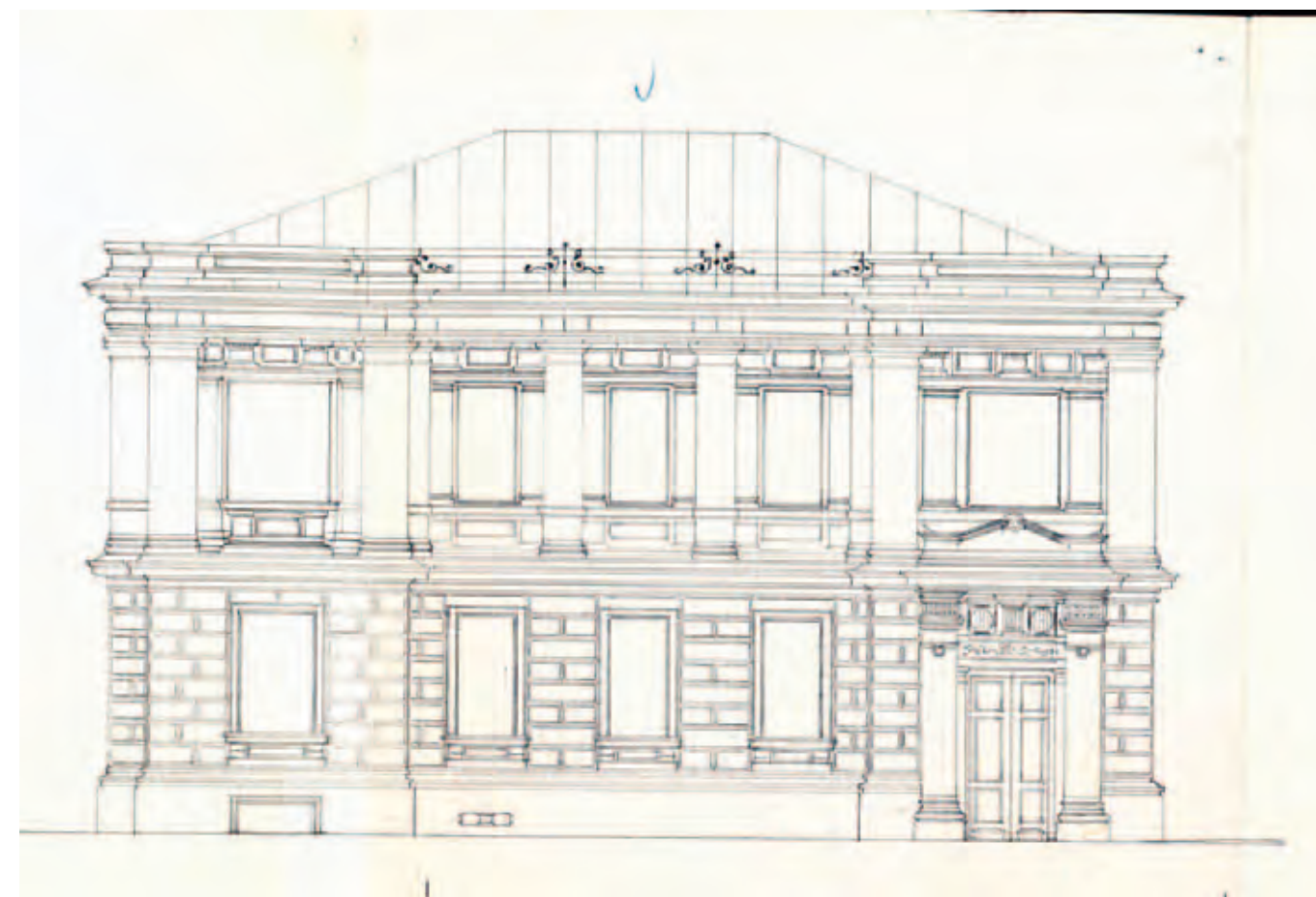
В 1909 году владелец захотел расширить личные помещения уже увеличенного доходной пристройкой дома, что также было поручено Кекушеву. Однако выполненный зодчим проект по каким-то причинам так и остался нереализованным.

Бывший особняк А.А. Пантелеева в настоящее время используется под банковское помещение; пристроенный к нему дом по сей день сохранил свою жилую функцию.

Фрагмент кованой решётки, ограждающей палисадник

Декоративное оформление фронштейна наличника

Фрагмент фасада особняка А.А. Пантелеева

Особняк А.А. Пантелеева. Проект фасада. Архитектор Л.Н. Кекушев. 1893 г.
Центральный архив научно-технической документации Москвы

Декоративное оформление окна первого этажа особняка

ОСОБНЯК Т.И. КОРОБКОВА

1894–1896 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Пятницкая улица, д. 33

Район Замоскворечья издавна был излюбленным местом жительства сравнительно небогатого купечества и московских мещан, территорией, где строились небольшие усадьбы, многие из которых имели в своей основе ещё средневековые строения. В первой половине XVIII века несколько небольших усадеб, преимущественно с деревянными домами, располагалось и на месте будущего особняка Т.И. Коробкова. В 1803 году на углу Пятницкой и Проезжего (Старо-Толмачевского) переулка уже появился каменный усадебный дом, сохранившийся в основе существующего жилого дома (Пятницкая, 35). Во время пожара 1812 года вся деревянная застройка в этом квартале сгорела. В 1830-х годах во владении, принадлежащем купеческой семье Головиных, возобновляется застройка, и в его северной части появляется ещё один жилой дом. В 1860-х годах земля была разделена на два участка – северный и южный. Северный участок, принадлежащий егорьевскому купцу П.А. Тугаринову, в 1866 году строится дом по линии Пятницкой улицы, который в дальнейшем войдет в состав перестроенного особняка Коробкова. Наконец, в 1890 году оба соседних владения становятся собственностью его жены, Ольги Петровны, и она капитально перестраивает оба участка. Угловой дом по Пятницкой и Старо-Толмачевскому переулку был надстроен третьим этажом и предназначен для сдачи квартир внаём (не исключено, что эту надстройку также делал Л.Н. Кекушев, поскольку оконные наличники в ней напоминают его характерное оформление), дом по Пятницкой улице был существенно расширен и заново отделан для проживания самих владельцев; кроме того, появились новые жилые, служебные и хозяйственные строения по внутренней границе участков. Таким образом, оба владения вновь были объединены не только формально, но и благодаря общему использованию.

Заказ на перестройку особняка на Пятницкой улице для потомственного почётного граждани-

На предыдущей странице – летняя композиция в углу гостиной особняка

Фрагмент витража стены парадной лестницы особняка Т.И. Коробкова

на Москвы Трифона Ивановича Коробкова и его жены Л.Н. Кекушев получил в 1894 году. Дом перестраивался из уже упомянутого существовавшего строения – небольшого двухэтажного особняка с мезонином 1866 года, от которого сохранились некоторые наружные стены и сводчатые помещения первого этажа. В перестроенном виде лицевой дом сохранил прежнюю этажность; часть постройки получила антресоли, часть – полуподвал. Первоначальный проект в стиле «неогрек», видимо, владельцами был отклонён; осуществлён более нарядный вариант, обильно украшенный хорошо прорисованной эклектической лепниной.

Сначала была возведена только левая часть постройки с башенкой и новым парадным входом с улицы, сразу отмеченная среди прочих новостроек Замоскворечья благодаря гармонии найденных пропорций и умелому использованию нарядного лепного декора. Общему впечатлению, несомненно, способствовала также красивая кованая ограда с воротами и кованой арматурой в основании фонарей, расположенных на каменных пилонах ворот. Ограда и арматура демонстрируют излюбленные приёмы Кекушева, обычно сочетавшего простые кованые стержни (прямые или изогнутые) с объёмными элементами, изображающими растительные формы.

Однако богатый заказчик не остановился на первом этапе перестройки, оказавшейся столь удачной, и вскоре заказал Кекушеву дальнейшее расширение своего особняка вдоль Пятницкой улицы. В 1899 году с восточной (дворовой) и южной (справа по уличному фасаду) сторон к уже обновленному дому были сделаны дополнительные пристройки с идентичной наружной отделкой, увеличившие его площадь почти в три раза, после чего особняк обрел ныне существующий облик. По окончании строительства особняка Коробкова – асимметричная эклектическая постройка с запоминающимся силуэтом и лепниной – стал общепризнанной удачей автора.

Признание было вполне заслуженным, ведь Лев Кекушев капитально изменил облик старого невзрачного дома с помощью сравнительно немногих средств. Пристроив небольшую башенку-фонарик с фигурным куполом, покрытым чешуйчатой кровлей и завершённым кованым гребнем с львиной маской у основания (потихоньку становившейся обязательным элементом всех его построек), он сразу придал особняку новый масштаб и акцентировал его в ряду уличной застройки. Чтобы сделать фасад по Пятницкой более эффектным и динамичным, зодчий увенчал основной объём дома мощным карнизом с частыми модульонами и изменил несколько монотонный ритм окон второго этажа простым способом – чередуя окна без обрамлений с глубокими оконными наличниками с сочной лепниной и крупными сандриками.

Очень изобретательно был оформлен и боковой фасад дома, обращённый в сторону ворот участка.

Как и в доме Пантелеева, он насыщен даже большим количеством декоративных элементов, чем главный. Именно на нём устроено оригинальное овальное окно с раскреповками, добавляющее в кабинет дополнительный свет. В центре бокового фасада находится неглубокий ризалит с необычной эдикулой на втором этаже. Она состоит из каннелированных колонн композитного ордера, капители которых представляют вольную авторскую интерпретацию привычных элементов – пальметт, волют и т.д., фриза, насыщенного лепниной, и карниза с простыми модульонами. По сторонам от эдикулы устроены широкие трёхчастные оконные проёмы с мощными impostaми в виде крупных герм с женскими головками.

Напротив ворот в глубине владения в 1894 году Л.Н. Кекушев пристроил к старому каменному сараю новую конюшню с каретником. Нарядная симметричная (по фасаду) постройка выполнена в тех же архитектурных формах, что и особняк. Её стены эффектно отделаны желобчатым рустом, над широким проёмом въезда помещён фигурный аттик с высоким окном, а кровля сделана с характерным барочным переломом. Облик этого строения неплохо сохранился до наших дней.

В особняке сохранилась богатая отделка отдельных интерьеров. Вдоль фасада по Пятницкой улице были расположены парадные помещения – зал, гостиная и будуар; во вновь пристроенной части – столовая, кабинет, зимний сад, буфетная с кухней наверху и детская внизу. Особенно изысканно и лаконично выглядел новый вестибюль особняка – небольшое, высокое, залитое светом из окон второго этажа помещение вмещало выразительную дугообразную парадную лестницу с забежными ступенями, окаймлённую изящной кружевной решёткой с рокайльной орнаментикой и завершённую на втором этаже маленьким полукруглым балкончиком, а также чёрный мраморный камин с зеркалом над ним (собственно камин производства Ф. Сан-Галли) и монументальный металлический фонарь-торшер на высоком каменном постаменте (сейчас осталось лишь его основание). Признанный мастер красивых лестниц, каким был Кекушев, безусловно, создал в особняке Коробкова одно из лучших своих произведений в этом жанре.

Стены вестибюля на уровне первого этажа были отделаны греческим рустом, на уровне второго – раскрепованы простыми профильными рамками. От кабинета, расположенного над частью вестибюля на уровне второго этажа, вестибюль отделялся стеной с вкомпонованным в неё световым витражом с изображением цветов в орнаментальной растительной рамке, по форме и размеру повторяющим овал оконного проёма на боковом фасаде. Витраж в помещении парадной лестницы создавал яркий цветовой акцент.

Необычно была решена двухсветная столовая – большое трёхчастное окно в её торце располагалось на боковом фасаде особняка, а ещё больший по раз-

мерам световой застекленный проём по её длинной стороне был обращён в зимний сад, выходивший на задний восточный фасад. В зимнем саду Коробковых росли мощные тропические растения – пальмы и плетистые лианы. (Помещение зимнего сада ещё в 1910-е годы превратилось в обычное, когда были заложены слишком большие остекленные проёмы.) Столовая была обита тканью с набивным орнаментом и уютно отделана тёмным деревом, украшенным небольшими декоративными резными элементами. Отделка столовой в основном сохранилась.

Кабинет хозяйки, выходивший окнами на Пятницкую улицу и к проезду во двор, также был решён не совсем традиционно благодаря особой организации пространства и света. На главном фасаде кабинет выделялся эркером с огромным полуциркульным окном, возле которого стоял письменный стол. Однако это окно было обращено на запад, и летом в солнечную погоду его закрывала штора-маркиза. Небольшое уютное пространство, выходившее на северный боковой фасад вытянутым эллипсовидным окном, дававшим ровный неяркий свет, было специально приспособлено для чтения, здесь стояли кресло и столик. Напротив центрального окна располагался проём в виде вытянутого эллипса, в который был вставлен тот цветочный витраж, что встречал гостя ещё в вестибюле. Таким образом, в небольшом кабинете были устроены три оконных проёма разной формы, делавшие его светлым в любую погоду и подчёркивавшие его пространственное своеобразие.

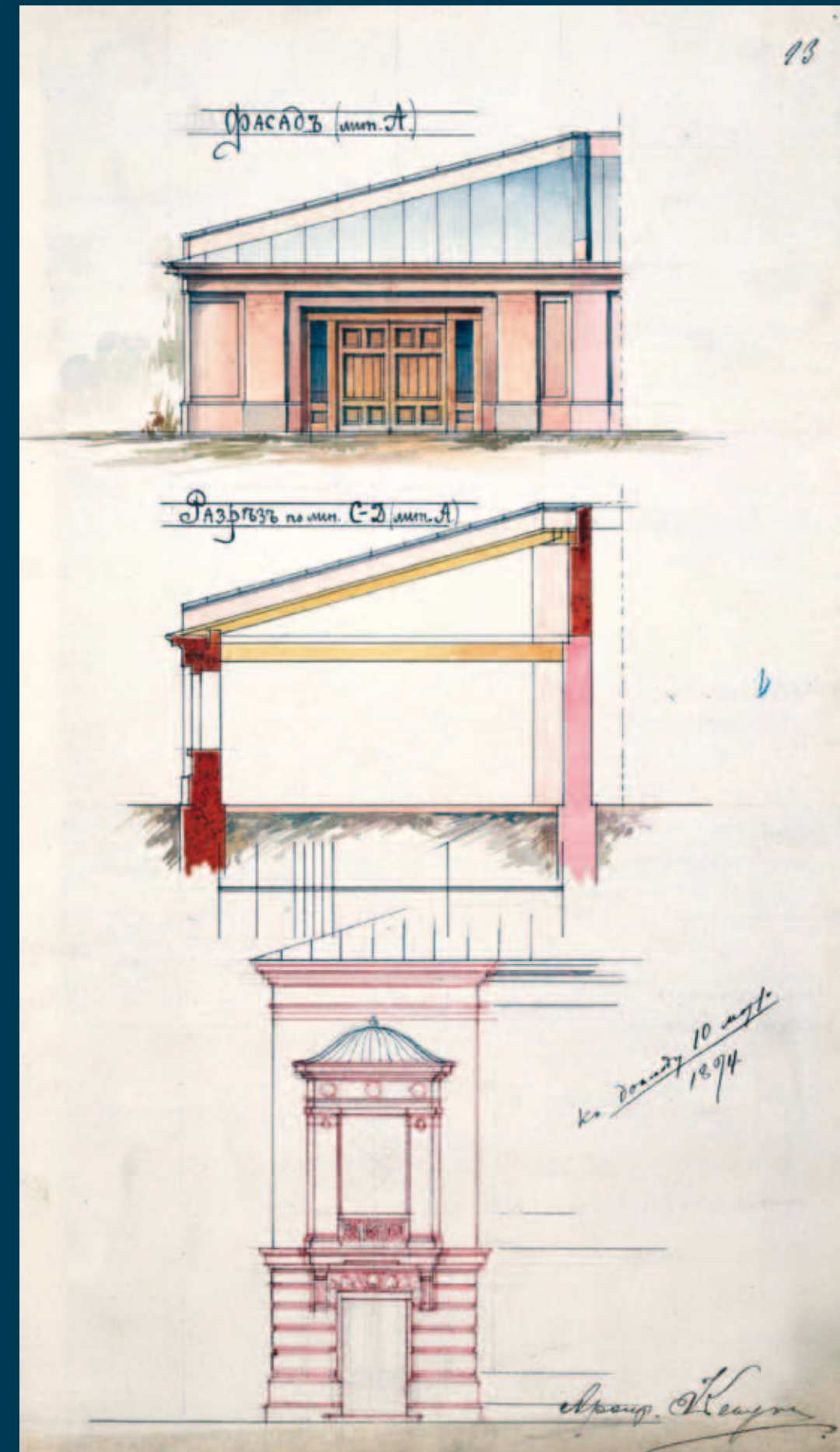
Небольшой же кабинет хозяина особняка был строго отделан лепными карнизами, большим трёхчастным окном обращён во двор, в сторону Пятницкой полицейской части. Сохранилась очень нарядная лепная отделка зала, расположенного вдоль Пятницкой улицы, а также лепные потолки соседствующего с ним маленького будуара в стиле рококо, перекрытого впарушенным сводом, и гостиной с плоской потолочной орнаментикой в английском викторианском стиле. В настоящее время планировка особняка в целом существенно отличается от первоначальной, также менявшейся в течение 1900–1910-х годов.

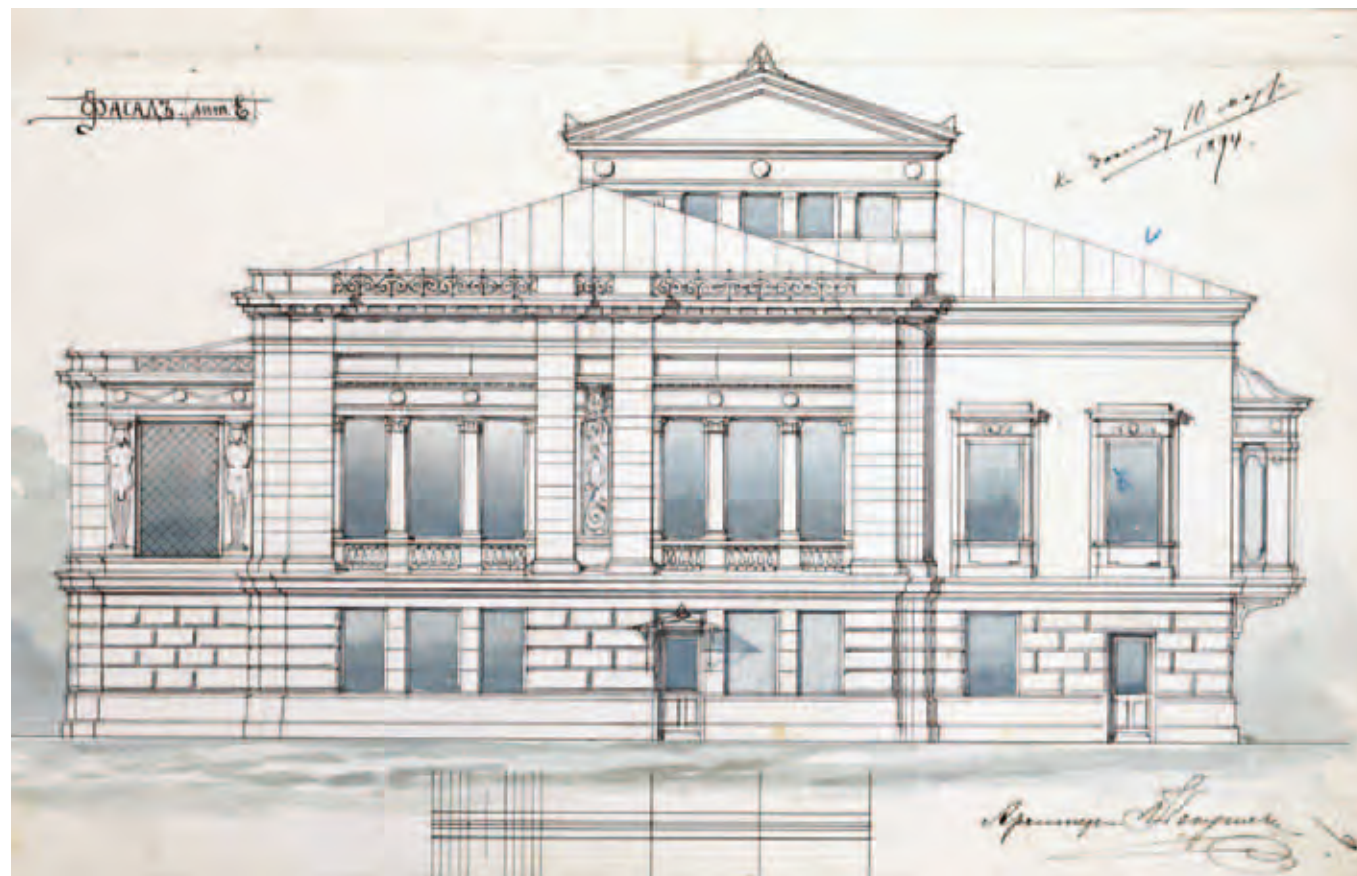
В 1911 году владельцы предполагали уплотнить застройку владения, чтобы увеличить доход от помещений, сдаваемых в аренду. Рассматривался даже проект соединения особняка с угловым жилым домом вдоль Пятницкой улицы, который, к счастью, не был осуществлён. В 1911–1912 годах угловой доходный дом был надстроен четвёртым этажом, а на месте каменных сараев вдоль восточной границы участка был выстроен ещё один четырёхэтажный жилой дом со скромной наружной отделкой, где располагались квартиры для сдачи внаём.

В 1920-е годы во владении располагался детский дом и детская столовая. Среди арендаторов постройки в послевоенные годы был Институт истории искусств АН СССР, которым в ту пору руководил И.Э. Грабарь. В настоящее время помещение занимает посольство Республики Танзания.

Общий вид особняка Т.И. Коробкова по Пятницкой улице

Фасад и разрез конюшни во дворе особняка Т.И. Коробкова на Пятницкой улице. Вариант фасада пристройки к главному дому. Архитектор Л.Н. Кекушев. 1894 г. Центральный архив научно-технической документации Москвы

Проект фасада особняка Т.И. Коробкова на Пятницкой улице. Вариант. Архитектор Л.Н. Кекушев. 1894 г. Центральный архив научно-технической документации Москвы

Пристроенная часть к особняку Т.И. Коробкова. Фото 1899 года

Вид пристроенной части к особняку со стороны улицы

Фрагмент деревянной отделки стены столовой особняка

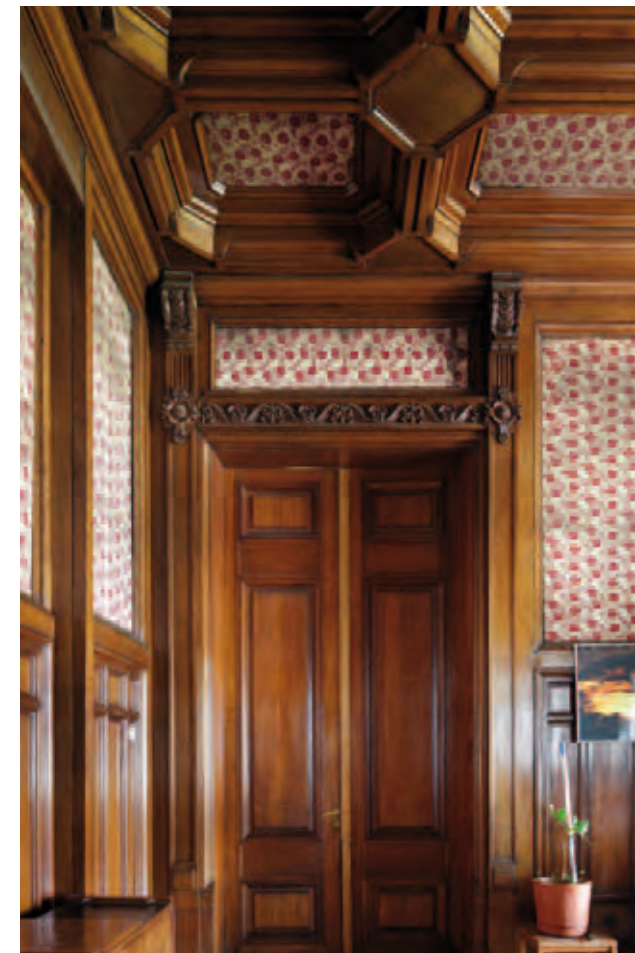

Декоративная отделка трёхчастного окна столовой на боковом фасаде особняка

Фрагмент летины окна фасадного эркера

Парадная лестница особняка с фокальной кововой решёткой ограждения

Овальное окно кабинета особняка Т.И. Коробкова

Общий вид столовой особняка Т.И. Коробкова

Парадная лестница особняка Т.И. Коробкова. Фото 1909 года

Входная дверь в столовую особняка

Общий вид кабинета второго этажа особняка. Фото 1900 года

Вход в кабинет из гостиной особняка Т.И. Коробкова
Общий вид вестибюля особняка
На следующей странице – верхняя часть кованых въездных ворот особняка

Витраж в помещении парадной лестницы особняка.
Вид с площадки второго этажа

Фрагмент лепного декора гостиной особняка

Общий вид гостиной особняка Т.И. Коробкова
Общий вид столовой особняка Т.И. Коробкова. Фото 1900 года

Деталь отделки лестничного ограждения

ляпиным, а знаменитые гости дома Кусевицких – А.Н. Скрябин, Клод Дебюсси и другие – придали зданию мемориальную ценность. Имена последующих владельцев говорят сами за себя – красивая, современная и качественно выполненная постройка была неизменно востребована в качестве собственного дома среди купеческой и творческой элиты Москвы.

Этот особняк явился для Льва Кекушева своего рода экспериментом – и творческим, и экономическим. Конечно, у него не было средств, чтобы, подобно крупным домостроительным обществам, затевать долгосрочную программу строительства богатых домов на продажу, поэтому он попробовал выстроить и продать один полностью отделанный и оборудованный инженерными сетями (водопроводом и канализацией) особняк. Отсутствие диктата заказчика обусловило свободу авторского выражения в формах здания, а несомненный успех, который приобрел этот особняк, программно предопределил своеобразную лексику «кекушевского модерна» и послужил зодчему рекламой. Не случайно он сам написал статью с подробным описанием особняка для журнала «Зодчий» (1901, № 4, с. 48).

Сформированность принципов нового творческого *stredo* мастера наглядно демонстрирует объёмно-пространственная композиция здания. Здесь, как и в большинстве последующих особняков, спроектированных Кекушевым, явно стремление зодчего представить в плане и объёмах большинство основных помещений дома. Этот новаторский приём парадоксальным образом сочетается с традиционным подчёркиванием главного фасада, декоративно гораздо более разработанного и насыщенного, нежели дворовые.

Крупная каменная кладка цокольного этажа, пластичные формы разных оконных проёмов и их широких, плоскостных обрамлений с обязательной раскреповкой углов пересечения поверхностей, сильно выступающие и декоративно обработанные оконные импосты, арочные окна и ниши, использование гротескной толстой маленькой колонки с развитой растительной капителью – это те характерные, сугубо «кекушевские» приёмы, которые в совокупности впервые применены архитектором именно в этом особняке. Детали декоративного убранства – каменная резьба, капители колонки и арочных проёмов, деревянная резьба дверного полотна, фигурные оконные переплеты, мозаичные панно – отличаются тонкостью и изяществом исполнения.

В архитектурном решении заметно стремление использовать все декоративные и композиционные возможности нового стиля. Характерно постепенное развёртывание и нарастание композиции в глубь владения, сочетание дорогих материалов – полированного черного гранита колонки, турского «мрамора» оконных и дверных обрамлений, мореного дуба эффектных оконных переплетов, рельефной керамической плитки и мозаики. Нату-

Фрагмент главного фасада особняка

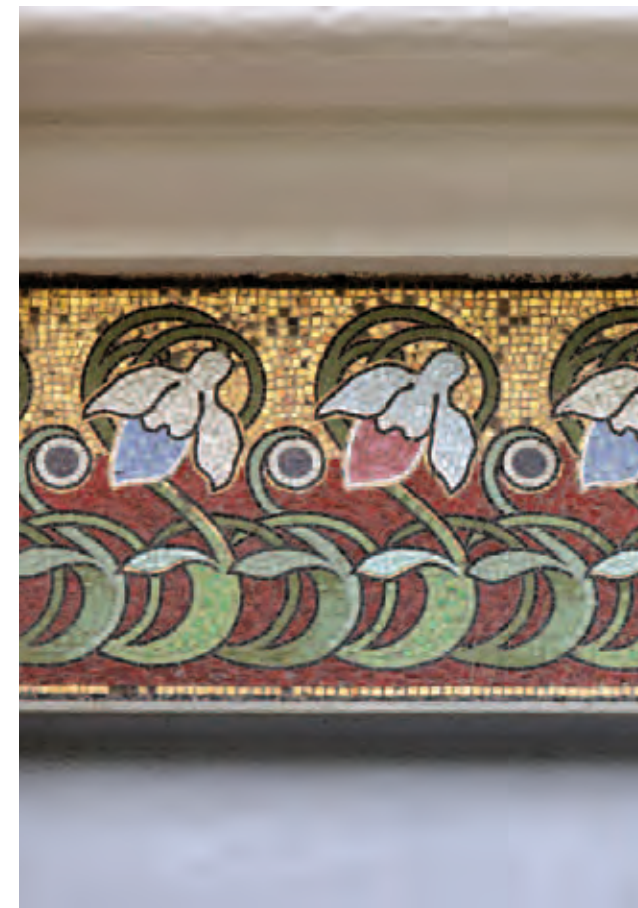
Вход в особняк со стороны переуллка с мозаичным панно

Мозаичный орнаментальный фриз с изображением подснежников
Архивольт ниши из натурального камня над парадным входом

ральные строительные материалы особенно ясно подчеркнули новизну постройки и придали ей качество уникальности. Обращает на себя внимание использование мозаики, нигде более в произведениях зодчего не встречающееся. Между первым и вторым этажами расположен мозаичный орнаментальный фриз с изображением подснежников – цветов весны, символа пробуждения природы, чистоты и свежести ранней молодости, а над входом в дом со стороны переуллка – мозаичное панно с изображением водорослей и обитателей речного дна – привлекавших не только своей таинственностью, сокрытостью от любопытных глаз, но и причудливой красотой, ярким экзотическим многоцветьем. В правом нижнем углу панно имеется монограмма «WW», что позволяет предположить, что его автором был другой видный мастер московского модерна – молодой архитектор Вильям Валькот, нередко подписывавший свои графические работы аналогичным образом. ещё два мозаичных панно были расположены над окном второго этажа бокового фасада и над боковым проёмом лоджии – они не сохранились.

Определив собственный дом Кекушева как произведение в стиле модерна, необходимо сделать некоторые уточнения. Для этого особняка, как и для большинства ранних особняков архитектора, характерно соединение нового стиля и отдельных мотивов романского зодчества. Здесь присутствие прообразов романского стиля угадывается в каменной растительной орнаментике и своеобразной трактовке колонки лоджии, а также в подчёркнуто устойчивой, расширяющейся книзу каменной кладке цоколя, прорезанной глубокими окнами полуподвального этажа. Все эти мотивы, разумеется, лишь опосредованно связаны с историческими прототипами, которые глубоко переработаны зодчим и предстают как вполне современные.

Вместе с тем в этой постройке мастера можно обнаружить и иные источники стилизации – трактовка некоторых элементов напоминает почерк знаменитого бельгийского архитектора Виктора Орта, основоположника франко-бельгийского «Art Nouveau», который был, по-видимому, наиболее созвучен кекушевскому пониманию нового стиля. Как и в некоторых произведениях знаменитого бельгийца, в московском особняке применён карниз на тонких металлических кронштейнах (за этот легкий элемент, отличный от традиционных каменных карнизов, архитектора особенно хвалили в прессе); те же ассоциации вызывает и сочетание керамической плитки фасадной поверхности с деталями из натурального камня, а также цветовое решение здания. Рисунок первоначальной решётки ворот (ныне заменённой другой, более простой) стилизовал излюбленный Кекушевым спиральный акант, характерный для орнаментики поздней эклектики и восходящий к античным прообразам.

Декоративное оформление окна центрального ризалита особняка со стороны Глазовского переулка

Интерьеры особняка первоначально были отделаны полированным деревом, украшены живописью и предметами декоративно-прикладного искусства, выполненными по эскизам зодчего. Сохранилась парадная лестница с ограждениями геометрического характера, выполненными из полированного дуба, и отделка потолков в нескольких комнатах.

Хотя в городской среде особняк выглядит маленьким (и действительно является небольшим сооружением), его пространственная организация такова, что все внутренние помещения являются большими и просторными. Это ощущение рождается сразу, ещё в вестибюле, покрытом высоким впадушенным сводом и отделенным от тамбура эффектными остекленными дверьми. Первый марш двухсветной дубовой парадной лестницы ведет на уровень первого этажа, где помещаются основные парадные помещения дома: кабинет хозяина (он выходит окном в переулок), смежная с ним обширная буфетная с выделенным альковом окна, зал-гостиная, обращенный окном во двор за домом, и светлая столовая, с четырьмя крупными окнами. Все эти комнаты сохранили отделку потолков с использованием деревянных балок, тонированных темным лаком. По свидетельству самого архитектора, первоначально в зале-гостиной потолок был декорирован ореховым потолком и панелью «в японском характере» (не сохранились), а кессоны потолков кабинета и столовой были украшены живописью, которая в настоящее время утрачена или закрашена. В буфетной сохранился деревянный портал оконного алькова и буфет, видимо, также созданный по проекту Кекушева.

На втором этаже располагались жилые комнаты, в которые попадали с лестничной площадки через красивые деревянные двери, обрамленные простыми, но эффектно профилированными порталами. По-разному разработанные рельефные дверные полотна и дубовые оконные рамы – привычная изюминка построек зодчего. (Витражи-десюдепорты, расположенные над дверьми сегодня, выполнены современным художником, стилизовавшим мотивы модерна.) В одной из комнат второго этажа сохранился фрагмент первоначальных обоев в характерных для модерна серо-зеленых приглушенных тонах.

Из помещения, обращенного нарядным полукруглым окном в Глазовский переулок, можно было выйти на маленькую угловую лоджию, которая, несмотря на её размеры, покрыта узеньким впадушенным сводом. Угол лоджии поддерживает очаровательная толстенькая колонка, ствол которой выполнен из полированного черного гранита, а капитель, образованная изогнутыми венчиками васильков, качественно отлита из металла. В полу лоджии находится люк, ведущий в темную потайную кладовую дома. Первое время после постройки балкон не был огражден: скорее всего, архитектор предполагал сделать здесь кованое металлическое ограждение, но по каким-то причинам не сделал. Существующие ба-

*Фрагмент каменной отделки ризалита
Общий вид особняка О.А. Листа*

лясины, немного грубовато примыкающие к основанию гранитной колонки, видимо, сделаны при следующем владельце – О.А. Листе, сделавшим некоторые внутренние перестройки, поскольку без ограждения выходить на балкон было опасно. В этом убеждает фотооткрытка начала XX века с видом особняка, где отчетливо виден балясник ограждения, и надпись: «Глазовский пер. д. Лист».

В другой части личных помещений второго этажа располагается лёгкая металлическая винтовая лестница, ведущая на третий этаж дома, к комнате для горничной. Это своего рода аналог традиционных московских жилых антресолей, характерных для особняков эпохи классицизма. В полуподвале располагались кухня, кладовые для вина и продуктов, котельная и три комнаты прислуги.

Во дворе Лев Кекушев выстроил в том же стиле, что и весь дом, частично двухэтажную конюшню и каретный сарай, проект которых в качестве образцового архитектурного произведения также публиковался в профессиональной прессе того времени. В этом строении, кроме того, располагался погреб, а на втором этаже жили дворник, кучер и находилась прачечная.

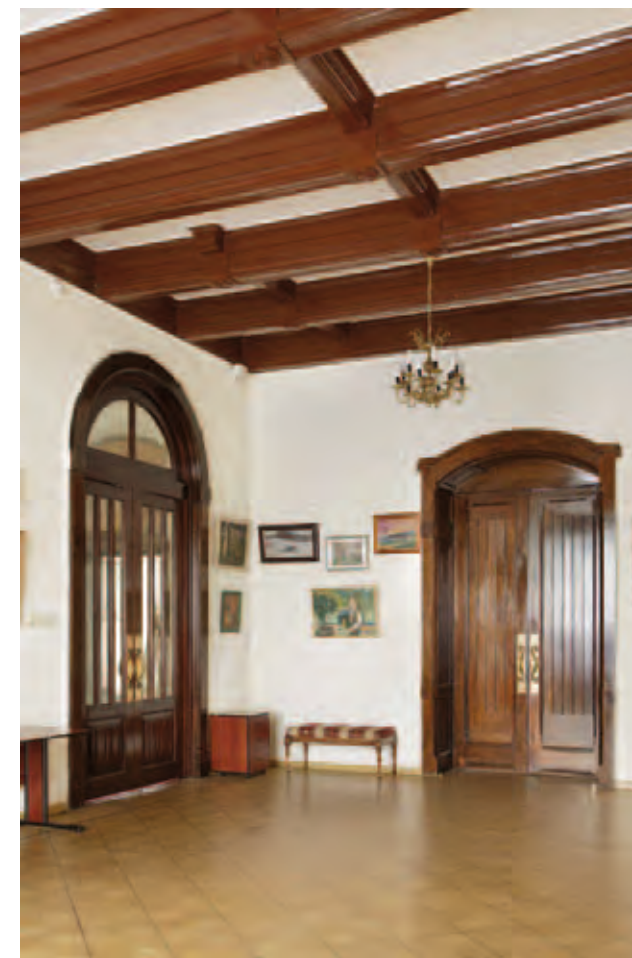
В 1925 году в доме расположилась библиотека-читальня имени Островского. Тогда же одноэтажные службы были целиком надстроены вторым этажом и приспособлены под жилые квартиры. После Великой Отечественной войны в особняке находилось посольство Аргентины. Как раз тогда первоначальные изящные ворота со спиральными завитками были заменены на более высокие и прочные. (Снятые ворота, выполненные по рисунку Кекушева, долгое время находились во дворе владения, откуда – после реставрации 1990-х годов – исчезли.) К сожалению, в 1992 году территория бывшего городского владения была сокращена, а ещё сохранявшиеся служебные постройки сломаны для строительства нового помпезного здания, относящегося к службам Министерства иностранных дел. В настоящее время в особняке размещается представительство администрации Калужской области при правительстве Российской Федерации.

*Декоративный резной узор полотно входной двери
Фрагмент оконной рамы фасадного окна*

Вид фасадной лоджии особняка

*Ограждение парадной лестницы
Вестибюль особняка*

*Двери на парадную лестницу и в буфетную из большого зала особняка
Парадная лестница особняка*

Окно в алькове в буфетной комнате

Фрагмент покрытия керамической плиткой пола лоджии

Фрагмент белокаменной отделки лоджии

Общий вид буфетной особняка
Общий вид кабинета особняка

Дверь в буфетную из кабинета особняка
Деталь оконного imposta

Деталь оконного обрамления в зале особняка
Обрамление входа в комнаты второго этажа с площадки парадной лестницы

Металлическая накладка в отделке оконного проёма буфетной

Фрагмент резной каменной капители колонки лоджии

ОСОБНЯК И.И. НЕКРАСОВА

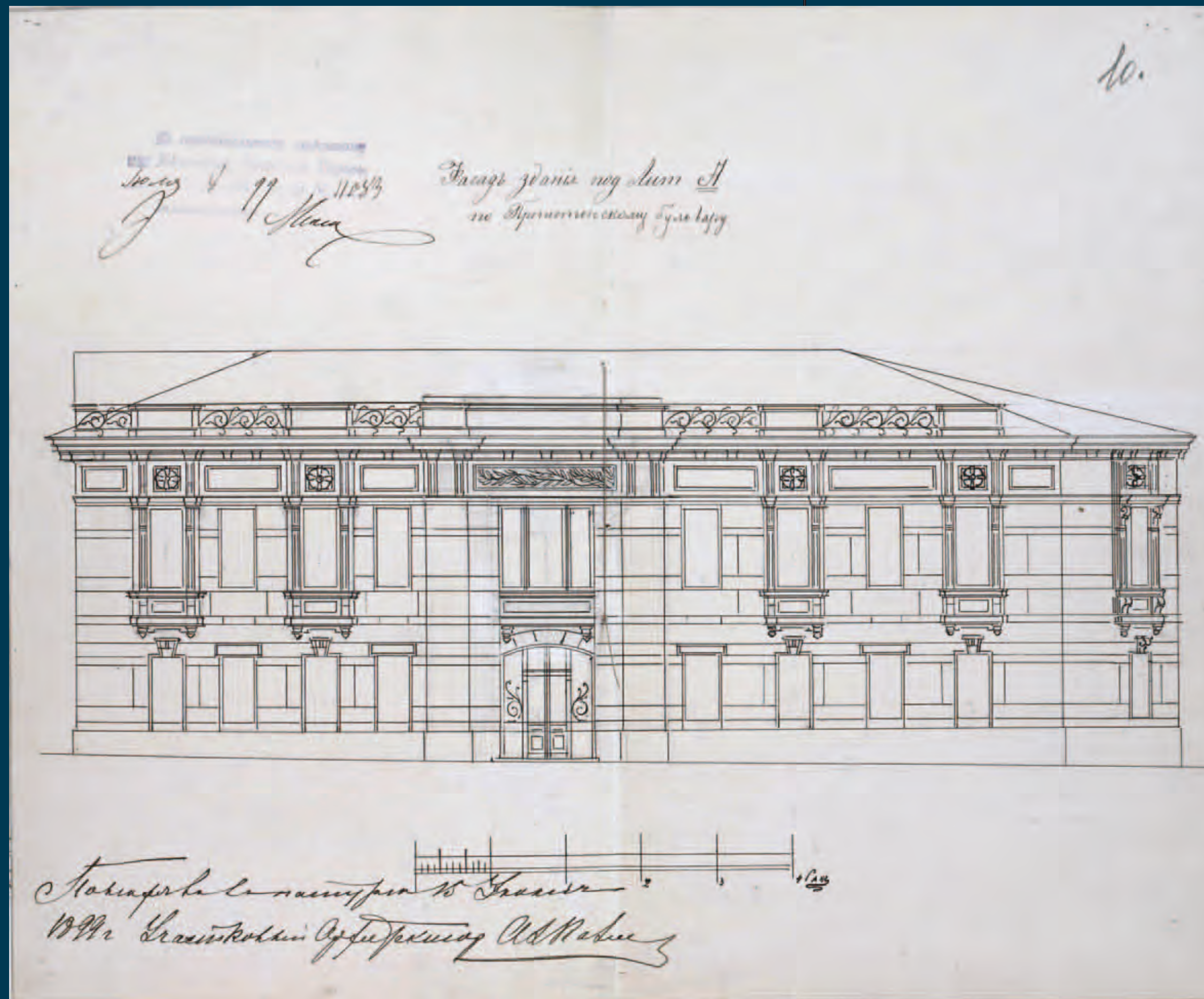
1899 г., архитектор Л.Н. Кекушев
Гоголевский бульвар, д. 4/3, (Знаменский Б. пер., д. 3), стр. 1

Во второй половине XVIII века интересное нас владение представляло собой владение князя Оболенского с одноэтажными каменными палатами, расположенными перпендикулярно проезду вдоль вала Белого города. На рубеже XVIII–XIX веков западную часть палат надстроили вторым этажом, а вдоль бульвара к ним пристроили ещё один двухэтажный объём. Таким образом, обновлённое здание, все помещения которого арендовал Иван Ланг, оказалось развернутым лицевой стороной к проезду. Пострадавшее в пожаре 1812 года сооружение восстановили в 1814 году. Одновременно появились каменные «Г»-образные хозяйственные корпуса. Объём главного дома городской усадьбы сложился к 1834 году, когда восточная часть палат XVIII века тоже была надстроена вторым этажом. В 1871 году потомственный почётный гражданин Москвы А.И. Колесов купил участок земли у своего соседа – С.М. Третьякова и тем самым выровнял северную границу своего владения. В 1873 году «Г»-образные службы он заменил двухэтажным строением такой же конфигурации, включающим конюшню.

Владельцем особняка в конце XIX века стал потомственный почётный гражданин Москвы Иван Игнатьевич Некрасов, заказавший Льву Кекушеву новое декоративное оформление здания. Некрасов был знаком с архитектором по предыдущим постройкам в его подмосковном имении «Райки», которые не остались незамеченными в профессиональных кругах. Перестройка его городского особняка на Пречистенском бульваре, выполненная в 1899 году, также стала заметным архитектурным произведением Кекушева рубежа веков и важным опытом формирования его нового архитектурного языка. Любопытно, что до того, как изменение фасадов было осуществлено Кекушевым, сооружение было значительно перестроено Р.И. Клейном. Судя по прошению, поданному 7 мая 1893 года в

На странице слева – фрагмент наличника окна первого этажа

Особняк И.И. Некрасова на Гоголевском бульваре. Проект фасада. Архитектор Л.Н. Кекушев. 1899 г. Центральный архив научно-технической документации Москвы

Вход в особняк с Пречистенского (Гоголевского) бульвара
Фасад особняка И.И. Некрасова с Пречистенского (Гоголевского) бульвара

Московскую управу, Роман Клейн получил заказ на капитальный ремонт старинного здания с перепланировкой. Таким образом, Кекушев, по-видимому, должен был лишь придать уже перестроенному особняку более импозантный современный облик (для последующей его продажи), с чем архитектор прекрасно справился, не прибегая к капитальным переделкам.

Впрочем, проект фасада, поданный зодчим в Московскую управу и утвержденный ею, не был осуществлен – в натуре мы видим чуть более простые формы – не был выполнен руст стен, лепнина в надоконных филёнках и многие другие детали. Такие метаморфозы не единичны в творчестве Кекушева, немного легкомысленно относившегося к процедуре утверждения проектов и иногда представлявшего в Строительное отделение Управы эскизы или даже упражнения в композиции своих помощников. Однако осуществлённая перестройка не вызывает сомнений в ее принадлежности руке зодчего.

Обновляя обращённый к Пречистенскому бульвару лаконичный фасад классического особняка, архитектор привлек минимум декоративных средств. Он остроумно использовал приём аппликации, который вскоре превратится в один из его любимых приёмов в постройках в стиле модерн. На плоскости двухэтажного фасада центральный вход был выделен большой прямоугольной рамкой на всю высоту, и подчёркнуты через одно окна второго парадного этажа (по два с каждой стороны и одно на скругленном углу) оригинальными накладными наличниками, нижний край которых образовывал небольшие криволинейные ниши над окнами первого этажа. Классический особняк действительно совершенно преобразился. Не потеряв строгости и лаконизма своего облика, он стал современным и привлекательным благодаря новой оригинальной фасадной пластике.

Следующий владелец дома (с 1902 года) – А.А. Кагуар де Бюонкур – в следующем году продолжил перестройку и вновь заказал небольшие дополнения: балкон в центре фасада над входом и надстройку парапета на крыше для помещения в ней своего герба, что и было выполнено по проекту архитектора Игнатия Павловича Залесского (1850–1909). В таком виде сооружение существует и сейчас. Любопытно, что в начале XX века помимо особняка, хозяйственных построек и квартир для служащих во владении располагалась даже собственная электростанция.

После 1917 года в особняке разместились Международная ленинская школа. После войны здесь находился детский сад, а в 1968 году владение занял Комитет ветеранов Великой Отечественной войны. Приспособление помещений сначала для учебных занятий, затем для детей, а потом для административных нужд повлекло полную утрату первоначальной планировки и отделки. (Сейчас здесь находится Совет ветеранов Вооруженных Сил России.)

Балкон второго этажа в центре фасада
Декор окна

Фрагмент фасада особняка по бульвару

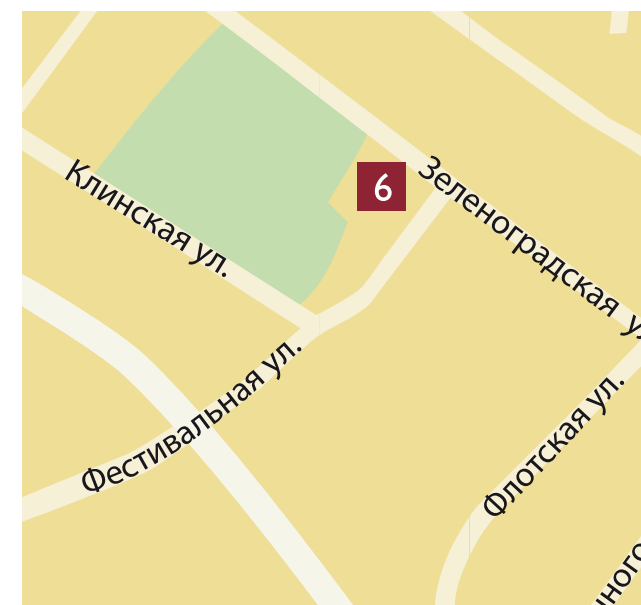

ГЛАВНЫЙ ДОМ В УСАДЬБЕ М.С. ГРАЧЁВА

1899–1900 гг., архитектор Л.Н. Кекушев (при участии Г. Кайзера)
Клинская ул., д. 2 (Фестивальная ул., д. 77а, Зеленоградская ул., д. 13)

Ховрино – одно из старейших сёл ближайшего Подмосковья, получившее название по прозвищу своих первых владельцев Ховриных-Головиных. В XVI веке оно упоминается как вотчина их потомка, стольника Василия Третьякова. В первой половине XVII века в Ховрине была возведена церковь святого великомученика Георгия. В 1646 году небольшая вотчина перешла из рода первых владельцев к Василию Борисовичу Шереметеву. При нём в вотчине числилось 11 крестьянских дворов, службы и деревянная церковь святого Николая Чудотворца, а в Отказной книге 1683 года во владении уже упоминаются две деревянные церкви, в том числе Знамения Пресвятой Богородицы. После смерти княжны Пожарской (урожденной Третьяковой), владевшей селом с 1694 года и приходившейся родной тёткой дочери В.Б. Шереметева, имение было отписано в казну. Однако в том же 1700 году Ховрино было пожаловано ближайшему сподвижнику Петра Великого боярину Фёдору Головину – также потомку первых его владельцев. Однако скончавшийся вскоре боярин так и не успел вступить в права собственности, и Ховрино стало вотчиной его потомков. При Головиных в первой половине XVIII века и сформировались основы планировки ховринской усадьбы.

В конце XVIII века владелицей числилась праправнучка Фёдора Головина – принцесса Голштинская (в замужестве княгиня Борятинская), а затем её сноха – княгиня фон Голштейн-бек. Тогда в усадьбе уже был деревянный господский дом и регулярный липовый парк. В 1812 году село было оккупировано неприятелем и потом сожжено, а в 1818-м его владелицей уже числилась Н.А. Столыпина. Вероятно, именно при ней и её потомках ансамбль усадьбы был значительно видоизменён. В первой половине XIX века к регулярному липовому парку к северу прибавился пейзажный – с каскадом из трёх обширных прудов, созданным на реке Лихоборке. Новый господский

На предыдущей странице – скульптуры на лестницах от дома в парк

дом с курдонёром и церковь расположились на берегу самого большого – нижнего пруда. Планировка усадьбы была осевой, по оси дома на берегу был разбит партер, а со стороны подъездной дороги, проложенной от Санкт-Петербургского тракта через село Аксиньино, полукругом был посажен фруктовый сад. Хотя в середине XIX века вблизи усадьбы прошла Николаевская железная дорога, отрезав часть обширного парка, её структура в целом осталась неизменной, но село уже имело и второе название – Знаменское, что говорит о посвящении стоявшей в нём церкви.

В 1860-х годах усадьба перешла в купеческие руки. В 1866 году его купил один из богатейших московских фабрикантов Евграф Владимирович Молчанов, живший на Покровке и бывший старостой церкви святой Троицы, что на Грязех. Для работ в усадьбе он пригласил известного архитектора М.Д. Быковского, который существенно перестроил ансамбль. Парковый массив был тогда существенно расширен к северу, а в усадьбе появились обновленный главный дом, объединённый с кухней, новая оранжерея, флигель и построенная им в 1868–1870 годах новая церковь Знамения Пресвятой Богородицы. Храм был возведён неподалеку от главного дома и соединялся с ним прямой аллеей, проходившей параллельно речной долине и берегу пруда. Это позднее произведение мастера напоминало русские средневековые церкви – краснокирпичный четырёхстолпный пятикупольный ховринский храм имеет красивый ярусный силуэт, его восьмерик отделан белокаменными «раковинами» и поясом декоративных «машикулей» под карнизом. Сохранившийся в «закомаре» северной стены рельеф изображает святого Евграфа – тезоименитого святого Е.В. Молчанова, заказчика церкви. ещё три рельефа и центральная глава недавно восстановлены. Сводчатый подклет храма послужил спальней владельцу, так и не дожившему до окончания строительства храма (умер в 1869 году). В 1879 году его вдова продала усадьбу купцу С.Е. Панову, оставив себе лишь небольшой участок земли с дачными застройками, где жила сама и сдавала дачи внаём. В 1890 году она подарила этот участок земству для устройства сиротского приюта памяти императора Александра II. (В 1900 году приют был переведен в Подольский уезд, а вместо него устроена больница.)

Респектабельную усадьбу у наследников Панова в 1895 году купил потомственный почётный гражданин Москвы, купец I гильдии Митрофан Семенович Грачёв (1840–1899), вскоре решивший существенно обновить её, выстроив новый главный дом, и усадьба получила ещё одно название – Грачёвка.

Архитектурный образ новостройки был достаточно необычен, что, по-видимому, связано с личностью заказчика. Принадлежность к известному купеческому семейству не лишила биографию М.С. Грачёва налета некоторой таинственности – происхождение

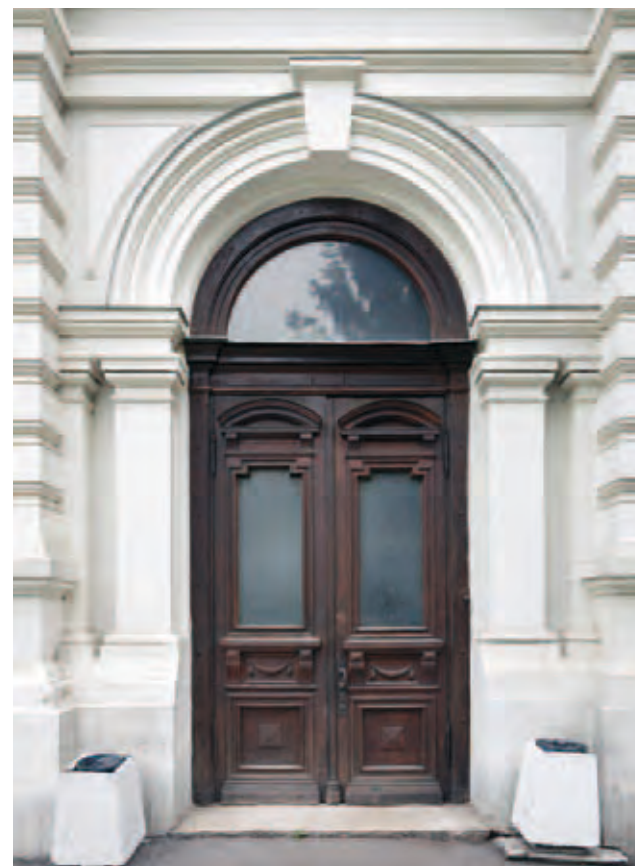
ние его личного богатства доподлинно неизвестно. Между тем он был весьма богат и широко занимался благотворительной деятельностью. Известно, что он был почётным членом Московского Совета детских приютов Её императорского высочества великой княгини Елизаветы Фёдоровны и принца Ольденбургского. В 1892–1895 годах на его средства при Ольденбургском приюте для малолетних детей в Петровском парке была возведена церковь, посвящённая святому Митрофанию Воронежскому. Построил её Георгий Александрович Кайзер (1860–1931) – своего рода домашний архитектор Грачёва, – который ещё в 1873 году вместе с П.П. Зыковым перестроил его особняк на Поварской.

Отсутствие достоверной информации о богатстве Грачёва с лихвой покрывают легенды, которые, расходясь в деталях, сходятся в одном – Митрофан Семенович якобы был страстный и удачливый карточный игрок, благодаря чему и сколотил своё состояние. По некоторым версиям, якобы и Ховрино выиграл в карты. Другая же версия, более убедительная, гласит, что в молодости Митрофан Грачёв служил приказчиком у богатого помещика, который брал юношу с собою в различные заграничные поездки. Однажды в знаменитом игорном доме в Монте-Карло он выиграл целое состояние, после чего его жизнь круто изменилась. В память об этом событии Грачёв и построил в своём имении Ховрино дом, немного напоминавший казино в Монте-Карло, где ему улыбнулась фортуна. Проверить эти сведения не представляется возможным, поэтому основным доказательством их подлинности служит сам дом, к счастью, сохранившийся до наших дней.

Проект нового дома М.С. Грачёв заказал Льву Кекушеву – в то время уже очень известному архитектору. Произошло это, видимо, вскоре после покупки усадьбы: в 1898–1899 годах. Наблюдение за строительством вёл всё тот же знакомый Грачёву Г.А. Кайзер. В 1900 году дом был завершён, однако заказчик не дождался этого момента – он умер в 1899 году; в дальнейшем строительными работами ведала его вдова Варвара Николаевна, при которой усадебный ансамбль обрёл дошедший до нас облик.

По своим архитектурным формам новый дом явно принадлежал к поздней эклектике и действительно имел прямой прототип – здание казино в Монте-Карло, что делает его в творчестве Кекушева по-своему уникальным. В отличие от многих своих коллег-современников, зодчий обычно избегал прямых копий, всегда внося даже в традиционные ордерные формы свою трактовку. Вот почему облик и стиль усадебного дома не оставляют сомнения в том, что образец был выбран именно заказчиком, что подтверждают и легенды.

Перед зодчим, видимо, стояла прямая задача адаптировать архитектурные формы казино к масштабу подмосковного загородного дома. Эта ассоциация была последовательно выдержана не толь-

Вход в усадебный дом М.С. Грачёва

Декоративные вазы и скульптура на парковой террасе и лестнице

ко в экстерьере, но и в интерьерах здания, весьма богато и затейливо отделанных. У построек много близких соответствий. Формы казино особенно хорошо прочитываются в архитектуре паркового фасада с его трёхчастным порталом, зажатым между двумя выступающими башенными объёмами и увенчанным грузным барочным куполом над центральной частью. Угловая башня главного фасада также очень похожа на башни казино (правда, там их две). Напоминает образец и общая трактовка архитектурных форм – затейливый силуэт, обилие лепнины и скульптуры над карнизами и на лестничных балюстрадах в парке.

Образное сходство со зданием на берегу Средиземного моря подкреплено и многочисленными террасами, открытыми верандами, балконами. Как у прототипа, главная ось дома Грачёва в плане проходит через входной вестибюль и центральный парадный зал. К этим симметричным помещениям с обеих сторон примыкают другие гостиные, которые в совокупности образуют несимметричные, но уравновешенные по массам планы обоих этажей дома. Центральный объём соединён остекленным переходом с кухней (как не вспомнить, что и в Монте-Карло влево от главного входа отходило крыло, где размещались игорные залы), то есть и в данном случае структурно воспроизведена композиция прототипа. Ось паркового фасада Грачёвки, как и в Монте-Карло, фиксирует главную ось всего садово-паркового ансамбля. Она была закреплена в композиции дубовой аллеей, ведущей от дома до железнодорожной станции «Ховрино». Вместе с круглым бассейном, фонтаном перед домом и террасами парка, спускающимися к берегу пруда, она, вероятно, напоминала владельцам монументальную пальмовую аллею с фонтаном у монашеского казино. Всё это убедительно свидетельствует о сознательном уподоблении обновлённой Грачёвки избранному образцу.

Появление в Грачёвке хотя и вольной, но узнаваемой копии казино в Монте-Карло отражало характерное для эпохи символизма желание эмоционально повторить какие-то реальные жизненные впечатления. Возможно, в своей усадьбе М.С. Грачёв хотел воплотить свою любимую грёзу, создать образный камертон, постоянно оживлявший память о прошлом, или с этим зданием, в котором располагался концертный зал, были связаны какие-то иные воспоминания членов его семьи. Во всяком случае, в Подмоскovie образ сооружений с далёкого средиземноморского курорта, создавал эффект своеобразного «двоемирия», небывалую культурную комбинацию, весьма притягательную для символистской эстетики.

Современники определяли стиль дома как «французский ренессанс», но это утверждение требует уточнений. Объёмная сложность постройки, богатство её силуэта, характер использования лепнины и скульптуры, хотя и имеют черты сходства с «французским ренессансом», но связаны с ним лишь опосредован-

но. Избранный же стиль дома Грачёва достаточно точно вторит «стилю Гарнье» или стилю «второй Империи», в котором собственно и был возведен прототип – игорный дом и театр в Монте-Карло (1878 год) – второе по известности после парижской Гранд-Опера произведение знаменитого французского зодчего Шарля Гарнье. Следование этому стилю придало ховринской постройке нарядный, но несколько запоздалый эклектизм, более органичный для 1880-х годов.

Впрочем, у дома Грачёва и казино Гарнье есть и немало отличий. Самое очевидное – это асимметрия ховринского дома. Его композиция составлена из разновеликих объёмов, группирующихся вокруг центрального зала, накрытого куполом. Фактически все парадные помещения дома так или иначе выделены в самостоятельные объёмы, которые наглядно обнаруживают планировочную структуру дома. Этот новаторский приём, отсутствующий в симметричном здании Гарнье, – один из характерных в творческом почерке Кекушева, в дальнейшем получит не только развитие в его собственных постройках, но и станет одним из важнейших признаков объёмно-пространственных устремлений стиля модерн.

Кроме того, в загородном ховринском доме архитектор устроил несколько открытых веранд. На втором этаже их перекрытия поддерживали скульптуры кариатид, выполненных из цинкового сплава (сохранилась лишь малая веранда). Сохранившийся кекушевский портик малой веранды вызывает однозначные ассоциации со знаменитым портиком афинского Эрехтейона. Первоначальное сходство, видимо, было ещё большим, поскольку фигуры кариатид были окрашены в светлый тон (сейчас они тёмно-серые). Рисуя этот портик, зодчий явно соревновался с первоисточником. Он повторил одну чисто профессиональную и характернейшую особенность греческого оригинала – опустил фриз в антаблементе гра-

чёвской веранды, сомкнув карниз и архитрав, зрительно уменьшив его тяжесть. Кариатиды Кекушева держат в руках символы искусств – лиры и свитки. Аналогично решены парковые скульптуры, украшающие лестничные спуски от дома к парку. У подножия парковых террас установлены скульптуры лежащих львов, верных стражей произведений Льва (!) Кекушева.

Интерьеры дома Грачёва были выполнены очень пышно – с обилием лепнины и позолоты. Отделка вестибюля, зала и парадной гостиной (Медальонной) сохранилась до наших дней. Вестибюль, украшенный скульптурными кариатидами, словно приглашающими гостя войти в дом, непосредственно соседствовал с большим двухсветным залом с мраморным камином, тремя огромными оконными проёмами, один из которых служил и дверным, обращённым на парковую террасу. Дополнительный свет в него поступал через расположенные над ними три овальных окна. Этот зал, с его удивительно гармоничными пропорциями и оригинальным пространственным замыслом, относится не только к лучшим произведениям Льва Кекушева, но и, несомненно, к самым красивым парадным залам Москвы. Его богатая скульптурная отделка, в полной мере сохранившая первоначальные формы, в свою очередь, также может быть отнесена к выдающимся произведениям русского декоративно-прикладного искусства конца 1890-х – начала 1900-х годов.

Соседняя с залом Медальонная гостиная также имеет высокий камин, расположенный напротив окна, заключённого в неглубокий альков. Её стены поделены филёнками с лепными украшениями, в которые вkomпонованы медальоны с женскими головками в профиль. Поскольку планировка дома была приспособлена под размещение больничных палат и медицинских кабинетов, в большинстве помещений остались только прежние лепные кар-

Балкон второго этажа с кариатидами

Общий вид паркового фасада главного усадебного дома

низы, иногда разделённые новыми перегородками и позволяющие представить первоначальные пространственные габариты парадных помещений. На втором этаже сохранилась деревянная лестница, ведущая на антресоли, однако их отделка не сохранилась. В общей композиции дома они выделены массивным четырёхгранным куполом, прежде увенчанным орнаментальной короной (не сохранилась) и шпилем.

Сохранилась также внутренняя лестница с авторским ограждением Л.Н. Кекушева, ведущая через жилые этажи в башню, откуда с балконов можно было любоваться на парк, церковь и далёкие окрестности.

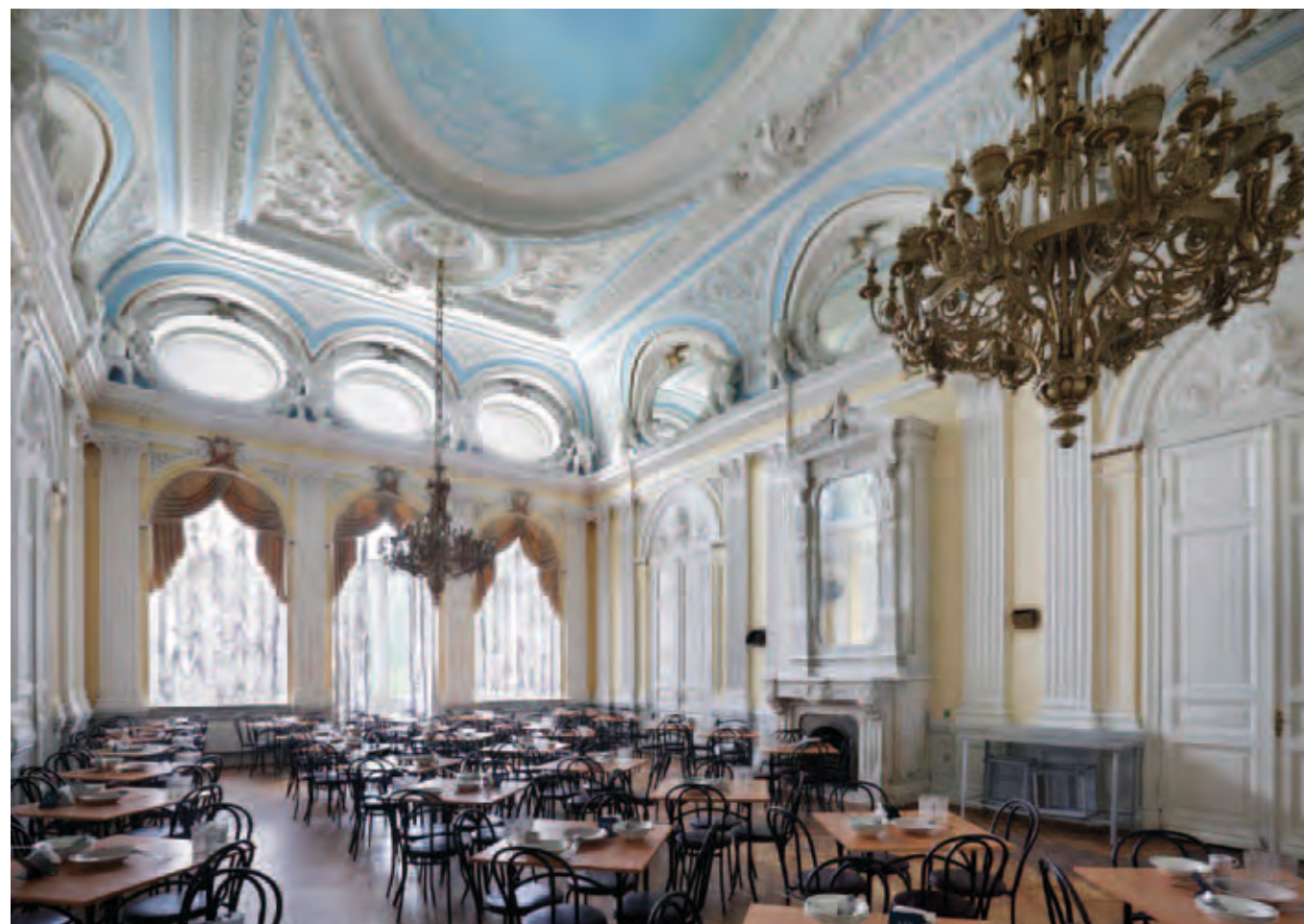
Парадный двор и ансамбль сооружений усадьбы окружала великолепная кованая ограда, выполненная по рисункам Кекушева. Со стороны главного подъезда она обрамляла главный дом лёгким орнаментальным кружевом, придавая его облику в парковом окружении законченность художественного произведения. В рисунке решёток преобладали растительные мотивы, традиционные для зодчего. Центральная часть ограды в целом сохранилась, хотя немало отдельных элементов утрачено.

После революции усадьба была национализирована, сначала здесь помещался рабфак Тимирязевской академии, а с 1928 года – санаторий. В годы войны в ней разместился госпиталь. В 1940-е годы к зданию были сделаны пристройки – для размещения в комплексе областной физиотерапевтической больницы (тогда же исчезла часть первоначальной отделки интерьеров). Наибольшим наружным изменениям подверглось юго-восточное крыло здания, которое соединено переходом с кухонным корпусом. Перво-

начально там была оборудована большая веранда на высоком цоколе, обращённая в парк большим открытым проёмом, разделённым тремя ионическими колоннами. Над её объёмом находилась лоджия меньшего размера, оформленная как портик кариатид, – аналогично сохранившейся лоджии второго, с противоположной стороны, здания. Эти элементы в советское время были заменены массивным двухэтажным прямоугольным объёмом, несколько диссонирующим со сложным гармоничным ступенчатым силуэтом постройки. Утрачен и ионический портик полукруглой веранды первого этажа на северо-западном фасаде здания, также превращённой в закрытую остеклённую пристройку.

В 1960 году Ховрино с окрестностями вошло в состав Москвы; сельские дома, дома церковного причта, школа и кладбище вскоре были уничтожены. Усадьба и парк, получившие статус памятника архитектуры, оказались между Клинской, Зеленоградской и Фестивальной улицами, но утратили красу и гордость ансамбля – пруды. Вода в них была спущена, а речку Лихоборку в 1970–1980-х годах заключили в трубу. Тогда же началось строительство нового больничного корпуса к северу от усадебного дома. Наступавший город существенно сократил территорию усадьбы – вскоре исчезли аллеи, в том числе дубовая, ведущая к станции; пейзажный парк превратился в зону отдыха микрорайона, утратив связь с архитектурными сооружениями усадьбы. Грачёвку по-прежнему занимает Московская областная клиническая больница, руководство которой бережно относится к памятнику и старается восстановить его прежнюю связь с парковым окружением.

Общий вид усадебного дома со стороны парадного двора
Большой зал в доме М.С. Грачёва

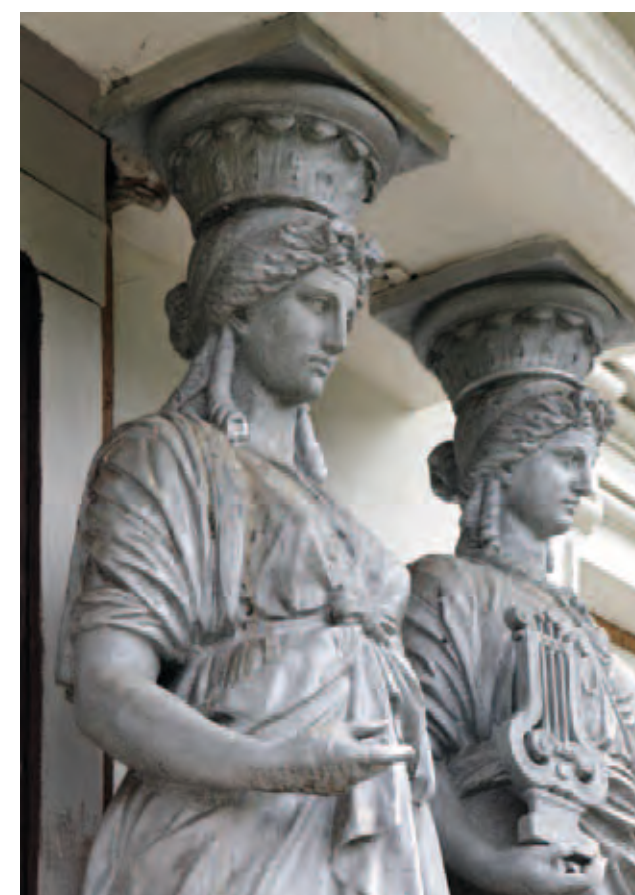
Мраморный камин с зеркалом в Большом зале усадебного дома

Живописный плафон потолка Большого зала в доме М.С. Грачёва
Летний десюдепорт над дверью в Большом зале

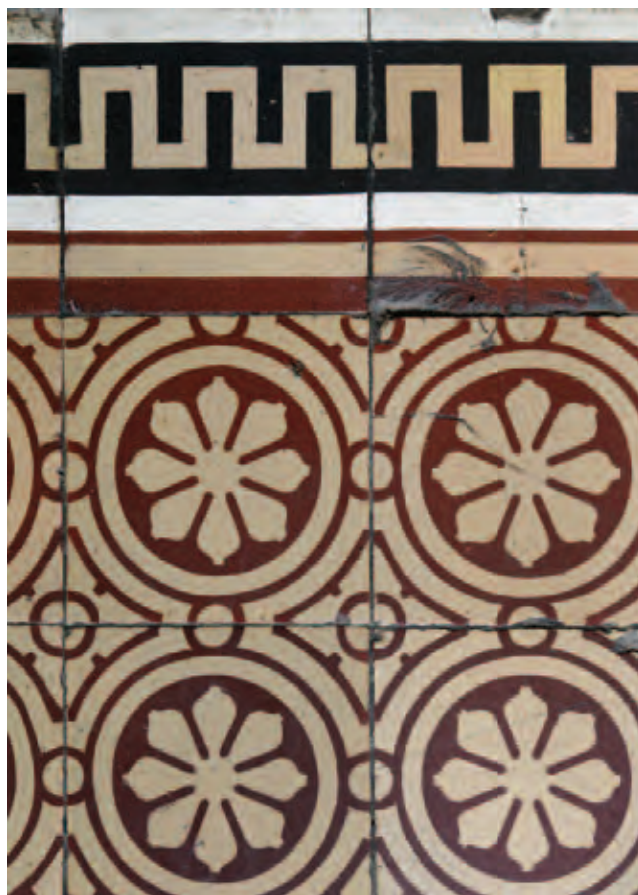
Камин в Медальной гостиной
Скульптуры кариад с атрибутами искусств на балконе дома

Балкон башенки
Деталь перил чулунной парадной лестницы усадьбы дома

*Фрагмент литых ограждений лестницы, ведущей в подвал, в вестибюле
усадьбного дома*

Фрагмент керамического напольного покрытия вестибюля

*Парадный вестибюль главного дома
Фигурка путти в декоре Большого зала*

Скульптурный декор вестибюля

Декоративные обломы карниза вестибюля
Парадная лестница главного дома

Ограждение парадной лестницы
Фрагмент камина в Медальонной гостиной

Часть декоративного звена ограды парадного двора
Башенка главного дома

ОСОБНЯК М.С. СААРБЕКОВА

1899–1900 гг., архитекторы Л.Н. Кекушев, С.С. Шуцман
Поварская ул., д. 24, стр. 1

Владение, где впоследствии Львом Кекушевым был выстроен особняк, сформировалось во второй половине XVIII – начале XIX века. В то время по линии Поварской улицы, сохранившей своё название от слободы царских поваров, находился деревянный жилой дом, а во дворе – служебные постройки, принадлежавшие капитанской дочери В.М. Лаухиной. Пожар 1812 года уничтожил деревянные постройки этой городской усадьбы, она начала восстанавливаться после 1815 года в смешанной технике и уже в ампирных формах. Тогда во владении вдоль улицы было выстроено два новых жилых одноэтажных дома, флигель вдоль северной границы участка и хозяйственные строения по боковым сторонам. В 1841 году, когда этот участок купил отставной майор граф А.И. Марков, одноэтажные дома были надстроены мезонинами. Через 20 лет владелицей стала вдова капитана Е.П. Хвощинская, пристроившая вдоль улицы ещё одно каменное жилое строение и заново отделавшая все постройки в духе эклектики.

На протяжении XIX столетия шло постепенное уплотнение застройки в этом районе городского центра, в том числе в интересующем нас владении, а с наступлением в Москве строительного бума рубежа веков, стартовал процесс кардинальной смены застройки на прежде усадебных городских участках. Так произошло и в данном случае. После ещё нескольких смен владельцев усадьбу на Поварской купил у мещанина П.И. Шведкова богатый купец армянского происхождения М.С. Саарбеков. По его прошению от 19 мая 1899 года все постройки в ней были сломаны, а проект его нового каменного двухэтажного особняка с полуподвалом был заказан гражданскому архитектору Л.Н. Кекушеву. Предварительные чертежи плана и фасада, поданные на утверждение в Московскую городскую управу, были подписаны и отчасти спроектированы архитектором С.С. Шуцманом – ближайшим помощником Кекуше-

На предыдущей странице – балки потолка в столовой особняка

ва, однако окончательный замысел здания, безусловно, принадлежал самому Льву Николаевичу. В 1900 году строительные работы были закончены. Моисей Семёнович Саарбеков – почётный потомственный гражданин Москвы, владелец химического завода за Рогожской заставой, что на Владимирском тракте, – не только поселился в этом особняке, но и разместил в нём контору своего завода, что, по-видимому, должен был учесть архитектор при разработке плана и архитектурного облика здания.

Законченное в 1900 году, это здание стало вторым «кекушевским» особняком в стиле модерн в Москве. Эта постройка сразу же была высоко оценена профессионалами за редкую для Москвы того времени рафинированность и чистоту форм. Особняк подкупал своей простотой и тонкой, превосходно нарисованной отделкой фасада. В отличие от особняка О. Листа, который был трактован архитектором как трёхмерная структура, с двух сторон окружённая садом, особняк Саарбекова, зажатый с обеих сторон соседними доходными домами, строго фасаден. Эту вынужденную плоскостность постройки Кекушев, с присущим ему артистизмом, преодолел выразительной фасадной пластикой и значительным выносом металлической кровли, трактованной как козырёк. Главная пластическая тема фасада – упругие абрисы прекрасно прорисованных арочных проёмов окон обоих этажей, парадного входа и въезда во двор. Особенно изобретательно зодчий подчеркнул вход, предложив свою трактовку перспективного портала, а в силуэте обозначив его аттиками и тремя рядами мелких, последовательно убывающих по высоте фигурных нишек. К сожалению, очень эффектную первоначальную асимметричную композицию входа, состоявшего из двух разновеликих окон и одного дверного проёма, разделённых широкими каменными перемычками, в конце 1930-х годов заменили ныне существующей обыкновенной дере-

вянной рамой с симметричными дверными полотнищами.

Позади особняка располагался небольшой двор, в который вёл проезд, оформленный Кекушевым как изысканная арочная галерея, накрытая системой из четырёх впарушенных сводов. В ней располагался ещё один служебный вход в особняк, близ которого находилась дворницкая. Очень красивы по рисунку были кованые ворота, закрывавшие проезд. В них также был использован мотив спирали, но в более спокойной трактовке, чем в лестничных ограждениях в интерьерах.

Во дворе сохранились две каменные служебные постройки – традиционные конюшня и каретный сарай. Позднее они были переделаны в гаражи. Дворовый фасад особняка М.С. Саарбекова выглядит совершенно утилитарным – он остался без отделки (вероятно, по экономическим причинам) и представляет собой кирпичную стену с оконными проёмами, которые не имеют даже обработанных обрамлений и демонстрируют открытые конструкции веерных перемычек. Однако именно отсюда можно было увидеть невысокий третий этаж, где находились небольшие личные покои владельца.

В интерьерах архитектор использовал многие декоративные приёмы, что и в особняке Листа, акцентировав оригинальные ограждения парадной лестницы, деревянную отделку дверей и вестибюля, потолков и т.д. Элементы первоначальной отделки сохранились до наших дней. Квартира владельца занимала два парадных этажа особняка и третий этаж над северо-западной частью постройки; в полуподвальном этаже находились подсобные помещения, дворницкая и прачечная.

Вестибюль, расположенный за входной дверью и освещённый через арочное окно над ней, представляет собой небольшое помещение с высоким крестовым сводом, стены которого обработаны го-

Крестовый свод в вестибюле

Декоративная деталь фасада особняка

Общий вид особняка с Поварьской улицы

ризональным рустом, а пол покрыт светлыми и тесно-серыми керамическими плитками в шахматном порядке. Простота отделки лишь подчёркивает оригинальность пространственного замысла, чем-то напоминающего лаконичные холлы в итальянских палаццо. Небольшая изящная каменная лестница с двумя нижними забежными ступенями, длинными и словно закругленными, сразу подымает гостя с уровня земли на уровень первого жилого этажа. Причём верхняя лестничная площадка обращена к вестибюлю небольшим балкончиком, с которого удобно приветствовать входящих. Через большой арочный проём эта площадка соединена с высоким, освещённым плоским квадратным фонарем верхнего света, пространством парадной четырёхмаршевой лестницы (сейчас помещение лестницы и площадкой-балконом разделено большой деревянной дверной рамой с остекленными дверями). Верхний свет – популярное нововведение в сооружениях начала XX века, не раз использованное Кекушевым в его произведениях. Однако в особняках этот приём встречается редко. Пожалуй, наиболее яркими примерами могут служить окна с верхним светом в особняке С.П. Рябушинского (арх. Франц Шехтель) и в кекушевском особняке М.С. Саарбекова.

Парадная лестница, располагающаяся в прямоугольном в плане помещении, оформлена так же, как и вестибюль, и начинается с каменных закругленных забежных ступеней, которые так мастерски рисовал и часто использовал Кекушев в своих постройках. Оригинальное ограждение лестничных маршей выполнено зодчим в виде прихотливого орнамента на основе мотива развивающейся спирали. Для свя-

зи этажей в особняке была предусмотрена также и «чёрная» двухмаршевая лестница.

Основные парадные помещения второго этажа – зал, кабинет (он на фасаде отмечен большим окном с фигурной рамой, расположенным над входом в дом) и столовая – сохранили свои пространственные характеристики и лишь некоторые элементы декора. В столовой нетронутыми остались темные деревянные балки потолка, в небольшом по размеру кабинете сохранился мраморный угловой камин с зеркалом и лепной рамой над ним; в зале, первоначально разделённом на два помещения (вероятно, зал и гостиную), сохранились простые профили карнизов и лепные розетки под осветительную арматуру. Наиболее выразительна авторская деревянная отделка особняка – двери между помещениями первого и второго этажей и великолепные дубовые оконные рамы.

В 1905 году инженер В.А. Властов (1865–?) – возможно, также один из помощников Кекушева, работавший в его архитектурном бюро, – производя внутренние работы в особняке, внёс некоторые изменения. Эти изменения коснулись фасада, деревянный балкон был заменён железным, тогда же были возведены одноэтажные дворовые службы. В 1914 году по проекту С.А. Власьева службы предполагалось частично надстроить вторым этажом, но проект не был реализован.

После революции, в 1920–1940 годах, в этом особняке располагалась Литовская дипломатическая миссия по главе с известным поэтом русского Серебряного века Юргисом Балтрушайтисом. Сейчас здесь находится Культурный центр Литовской республики.

ФАСАДЪ на Поварскую улицу

Особняк М.С. Саарбекова на Поварской улице. Проект фасада. Архитектор Л.Н. Кекушев. Чертил С.С. Шуцман. 1899 г.
Центральный архив научно-технической документации Москвы

На следующем развороте – лестница в вестибюле

Камин в кабинете особняка
Фрагмент отделки камина

Лестница в вестибюле
Общий вид предполагаемой столовой особняка

Часть декора потолка в зале особняка
Верхняя часть кованых ворот во двор особняка

Фрагмент главного фасада особняка М.С. Саарбекова
Кабинет на втором этаже особняка

Парадный вестибюль и лестница особняка
Декоративный аттик над входом в особняк со стороны Поварской улицы

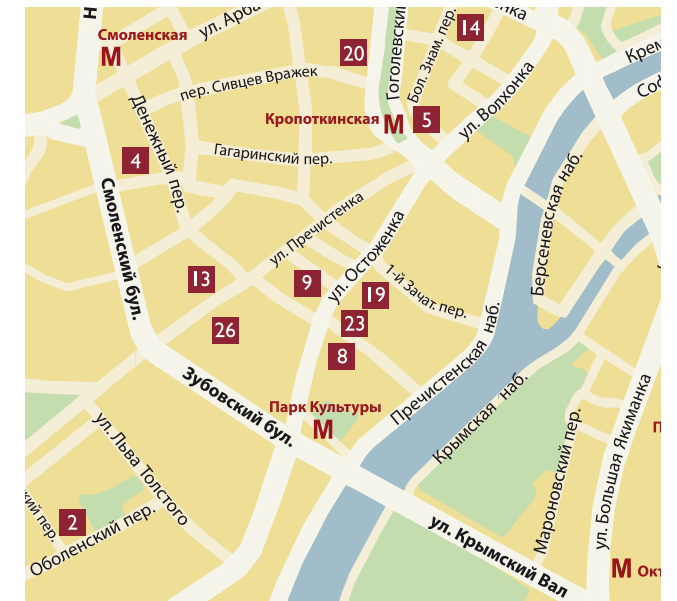
ОСОБНЯК А.И. КЕКУШЕВОЙ

1900–1903 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Остоженка ул., д. 21, стр. 1

Собственный особняк Льва Кекушева, записанный на его жену Анну Ионовну, относится не только к лучшим произведениям автора, но и к самым совершенным и ценным постройкам русского модерна, ярко воплотившим эстетические и архитектурно-художественные представления наших соотечественников рубежа XIX – начала XX века.

История владения, где располагается особняк, насчитывает не одну сотню лет. Однако постройки в нём обычно были деревянными. Так, в 1875 году, когда участок находился в ведении И.И. Доброхотова, на нём находился одноэтажный деревянный дом с мезонином – характерный образец послепожарной застройки Москвы. С тех пор сменилось несколько владельцев, которые желали что-то перестроить на участке или выстроить заново. Однако эти желания так и не осуществились, и в 1900 году владение было куплено женой гражданского инженера А.И. Кекушевой, подавшей в Управу прошение о сносе всех предшествующих строений усадьбы.

Поданный на утверждение в Строительное отделение Московской управы проект особняка был выполнен в 1900 году помощником Л.Н. Кекушева – молодым архитектором В.С. Кузнецовым. Его совершенно дилетантский фасад в стиле модерн, конечно, был нужен лишь для того, чтобы получить разрешение на строительство особняка под началом и по проекту самого владельца – архитектора Кекушева. Архитектурный образ постройки был разработан им ещё в 1899 году для одного из заказанных С.И. Мамонтовым особняков, предполагавшихся к возведению в районе Тверского бульвара Северным домостроительным обществом. Тогда, из-за банкротства Мамонтова, строительство так и не состоялось, поэтому один из невоплощённых проектов был – с некоторыми изменениями – осуществлён Кекушевым в своём собственном московском доме.

На предыдущей странице – общий вид особняка А.И. Кекушевой с Остоженки

Двухэтажный особняк с полуподвалом и мансардным этажом расположен по линии Остоженки в границах исторического владения. В нём находилось 12 жилых комнат хозяев и три – для размещения прислуги. Сооружение было оснащено всеми техническими приспособлениями и удобствами, доступными в то время: в нём были проведены водопровод, канализация, отопление. Для удобства подачи блюд в столовую был даже устроен небольшой внутренний лифт, соединявший полуподвал с гостиной во втором этаже. Во дворе, в соответствии со стилистикой главного дома, были построены традиционные каретный сарай и конюшня.

Качество строительства, как всегда в лучших постройках Льва Кекушева, было очень высоким. Цокольный этаж, или полуподвал, снаружи был облицован натуральным камнем, каменной была и небольшая, очень удобная и безукоризненно дизайнерски проработанная лестница, ведущая с уровня тротуара к входной двери. Вход в здание с улицы соседствовал с узким въездом во двор, оформленным красивой кованой решёткой в стиле модерн; рядом со ступенями для их сохранности находился единственный в своём роде «колесоотбойный» элемент, также кованный. Стены дома были облицованы керамической плиткой, а кроме лепных тяг, небольших вставок и штукатурных оконных обрамлений были использованы также цинковые орнаментальные детали. Другими

словами, отделка дома была не только современной, но и рациональной – в ней отсутствовали заведомо недолговечные материалы. Обращало на себя внимание и тщательное исполнение всех декоративных элементов. Особенно мастерски был отделан каменный цоколь с необыкновенно красивым окном полуподвала, обращённым к улице, обрамление которого из отдельных камней заставляет вспомнить лучшие окна в стиле «нарышкинского барокко». Образно особняк напоминал миниатюрный сказочный замок, формы которого были так популярны в Европе в эпоху эклектики и не раз использовались там при постройке множества вилл. Асимметричная композиция, разновысотность объёмов, романтическая гранёная башенка с высоким шатром – всё это роднило особняк А.И. Кекушевой с современными загородными домами, располагавшимися на лоне природы. Однако это был именно городской особняк, умело адаптированный автором к фронту московской уличной застройки и превращённый им в яркий и обаятельный акцент Остоженки, до сих пор не потерявший своей градостроительной значимости. Архитектурно были проработаны все фасады этого многообъёмного здания, включая дворовые, окна которых также имели сложные и выразительные обрамления.

Многообъёмность дома предопределяла его выразительный и очень красивый силуэт. Он был

Особняк А.И. Кекушевой на улице Остоженка. Проект фасада. Чертил В.С. Кузнецов. 1900 г.
Центральный архив научно-технической документации Москвы

ещё более впечатляющим, когда над треугольным щипцом ризалита главного фасада зодчий поместил огромную скульптуру льва, шагающего с гордо поднятой головой (ныне утрачена). Она, конечно, не только обогащала общую композицию, но и свидетельствовала о её авторе Льве (!) Кекушеве и в какой-то степени олицетворяла его самого в пору строительства собственного особняка, успешного и уверенного в себе мастера. Одновременно скульптура говорила и о западноевропейских архитектурных впечатлениях зодчего, поскольку очень напоминала скульптуру Рудольфа Вейера, украшавшую плотину и шлюз в Нюссдорфе в Вене (1894–1898), построенных по проекту знаменитого австрийского архитектора Отто Вагнера. Крупная аппликативная пластика оконных обрамлений, сложный ритм разнообразных по форме оконных проёмов, цветовой и фактурный контраст фактуры стены, облицованной плитками, с гладкими оштукатуренными поверхностями, сочными вставками орнаментальных рельефов и гранитным основанием – несли явный отпечаток модерна.

Ещё более стилистически определённым было решение парадных интерьеров, сгруппированных вокруг парадной лестницы (выше располагались жилые мансарды). Уже входной тамбур и прихожая, полностью отделанные деревом, демонстрировали мягкую текучую пластику модерна в характерной авторской интерпретации. Не менее элегантно были проработаны дверные наличники и филёнчатые створки дверей, а также ступени и тумбы парадной лестницы. Довольно нетривиальными были и её ограждения, в которые включены стилизованные цветы подсолнечника, венчики которых были повернуты к входящим, и стебли лунника с его необычными плоскими плодами-лепестками, немного напоминающими луну. В этом сопоставлении, несомненно, можно усмотреть символический смысл, к которому так тяготел русский Серебряный век, – это солнце и луна, сопровождающие жизнь человека от рождения до смерти.

Необычным и в то же время очень привлекательным был уголок для сумерничанья (или детский уголок?), устроенный на промежуточной площадке парадной лестницы, ведущей на второй этаж. Он располагался рядом с огромным окном, освещавшим холлы обоих этажей, и был окружен тремя встроенными дубовыми скамьями, образовывавшими интимное пространство для чтения, бесед или детских игр.

На первом этаже находился кабинет Кекушева, обращённый окном во двор. От столовой, также выходившей тремя окнами во двор, его отделяло маленькое помещение буфетной, где располагался лифт для подачи блюд. Позднее из этого помещения была устроена дополнительная внутренняя лестница в подвал. На первом этаже из зала, обращённого окном на улицу, первоначально можно было выйти

на открытый балкон или террасу, примыкавшую к нему с правой стороны; позднее здесь было оборудовано дополнительное помещение с обширным остеклением, служившее небольшим зимним садом.

Особенно впечатляющим было единое «перетекающее» пространство гостиных второго этажа, разделённое на две части тройными деревянными остеклёнными дверями. Даже когда двери были закрыты, благодаря обширному остеклению можно было одновременно видеть широкое полукруглое окно, обращённое на улицу, и окно, выходившее во двор. Вместе со множеством других стильных деталей – характерной прорисовкой сохранившихся дверных створок и рам, деревянными балками потолков в некоторых помещениях, кессонированными потолками – всё это наиболее представляло сложившийся почерк мастера в формах нового стиля. Хотя пластика отдельных деревянных элементов и тяготение к созданию единого внутреннего пространства находят аналогии в работах знаменитого создателя «ар нуво» бельгийского зодчего Виктора Орта, но это сходство отдалённое, коренным образом трансформированное мощной художественной индивидуальностью Кекушева.

К сожалению, вскоре после постройки и окончательной отделки в 1904 году зодчему пришлось выставить свой дом на продажу – из-за невозможности вернуть взятые банковские кредиты. В тот год ему всё-таки удалось справиться с финансовыми затруднениями, но в 1907 году особняк на Остоженке все-таки пришлось продать господину Смитскому. После революции особняку повезло. Его арендаторы сравнительно бережно его использовали, хотя обидных утрат в его художественном облике всё равно немало. С фасадного аттика исчезла скульптура льва, так же как и многие другие детали внешней отделки: короноподобное лепное завершение входного тамбура и козырёк над входом, лепнина в подоконных филёнках третьего этажа башни с изображением орлов, орнаментальная тяга фасадного ризалита на уровне второго этажа, первоначальные устои ворот, элементы отделки интерьеров. Цельность первоначального ансамбля нарушилась и измененной окраской фасада здания. Части, выполненные из натурального камня, окрашены не были, стены были покрыты облицовочной плиткой светлого охристого оттенка (сейчас окрашены в розово-красный неприятный цвет); лепнина, ранее подчёркнутая более тёмным цветом, прекрасно контрастировавшим с белизной гладких оштукатуренных оконных и дверных обрамлений, в настоящее время побелена. Видоизменён и первоначальный облик хозяйственной постройки с характерным трёхчастным окном, которая была расположена по оси ворот и таким образом воспринималась с улицы в ансамбле с особняком. Весь комплекс участка давно используется в качестве резиденции военного атташе Арабской Республики Египет.

Парадная лестница особняка

Общий вид особняка. Фотография 1905 года

Декоративная деталь фасада особняка

Общий вид особняка со стороны улицы Остоженка. Фотография 1920-х годов. Автор фото – В.В. Маяковский. Из личной коллекции С.Г. Величко

Летняя тля фасада особняка
Отделка щипца фасадного ризалита

Фрагмент летнего декора башни особняка
Общий вид особняка со стороны улицы Остоженка. Фотография 1910-х годов
Резной декор двери в туалетную комнату

Вид ограждения парадной лестницы

Оформление лестничного портала первого этажа особняка

Общие виды гостиной второго этажа

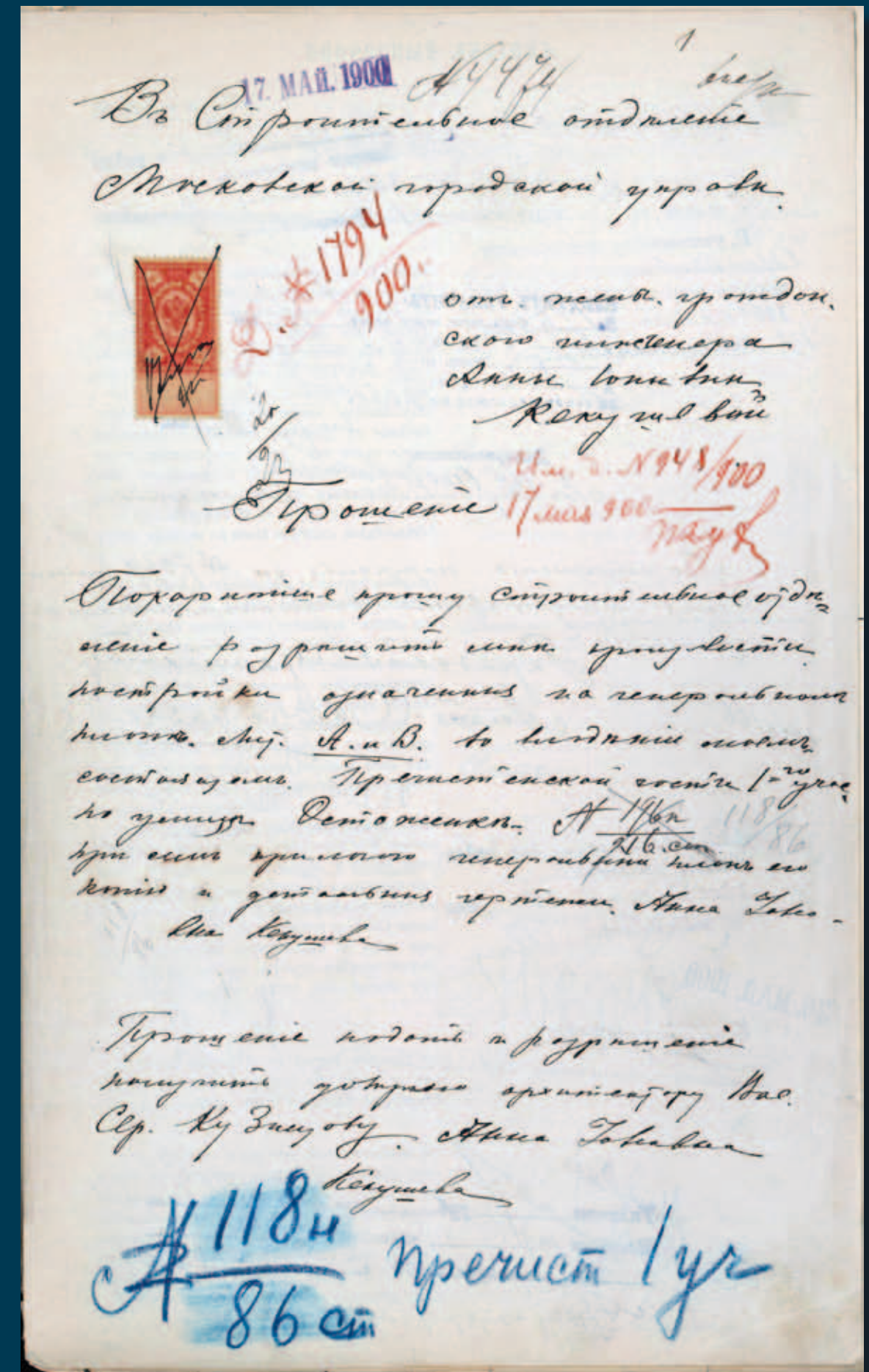
*Вход в дом из небольшого вестибюля
Малая гостиная на втором этаже особняка*

Дверная ручка

Светильник на промежуточной площадке парадной лестницы

Вид помещения парадной лестницы с промежуточной площадки
Окно столовой первого этажа
Кронштейн потолка
Дверной портал на площадке второго этажа парадной лестницы

Прошение А.И. Кекушевой в Строительное отделение Московской городской
управы о разрешении строительства в её владении жилого здания. 17 мая
1900 г. Центральный архив научно-технической документации Москвы

Фрагмент фасадной отделки башни

Деталь фасадного декора

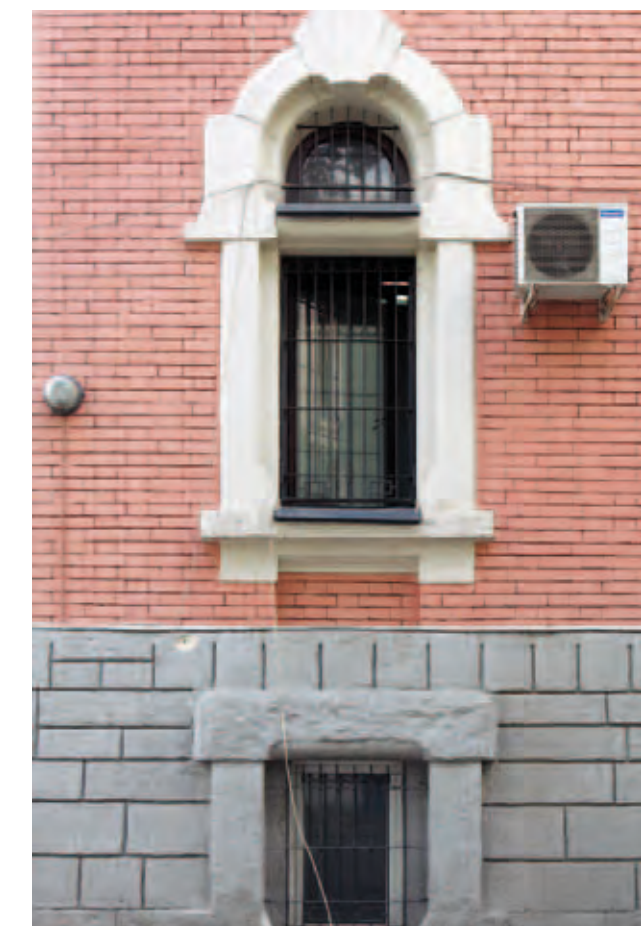
Парадный вход в особняк со стороны Остоженки

Металлический декор каменной трубы
Тыльный фасад особняка

Парадный вход в особняк со стороны Остоженки

Боковой фасад особняка

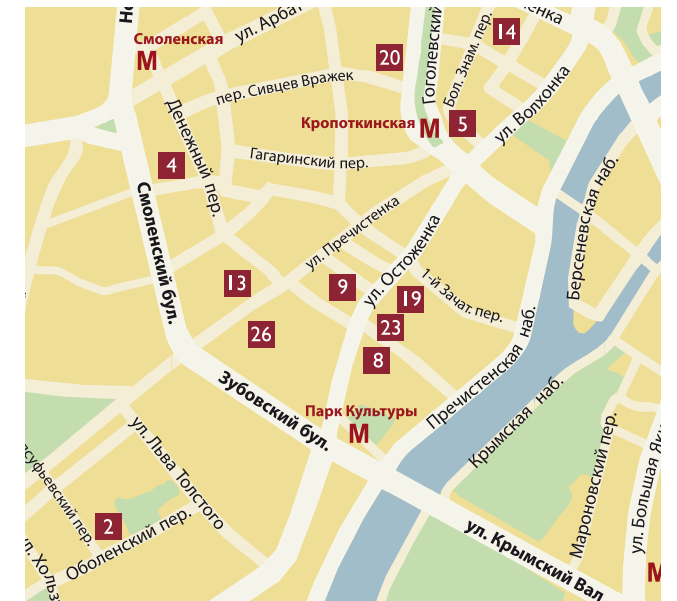

ОСОБНЯК В.А. ЛЫЖИНА

1901, 1907 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Остоженка ул., д. 24

История этого городского владения прослеживается с середины XVIII века, когда в нём была расположена деревянная усадьба с деревянными службами по боковым границам участка. В 1750–1760-х годах усадьба перешла в собственность Безобразовых, а в 1812 году, при пожаре Москвы, она сгорела. К 1826 году владельцы её восстановили, в 1830–1850-х годах усадьба стала собственностью губернского секретаря, титулярного советника Д.Е. Хотянова. При нём по линии Остоженки был выстроен двухэтажный дом, каменный с частично жилым подвалом и деревянными антресолями, после переделок сохранившихся до нашего времени. Окончательно владельческие границы сформировались в 1842 году после раздела усадьбы на два участка. Часть владения вдоль Дурнова (Барыковского) переулка перешла к дочери статского советника В.И. Жилиной, а часть – с новым каменным домом – сначала осталась за старым владельцем, а затем – в 1850-х годах – перешла к московским купцам Лыжиным, которые изредка предпринимали небольшие перестройки. Первым владельцем из этой семьи был московский купец 3-й гильдии Иван Тимофеевич Лыжин (1857–1868), затем в 1875 году усадьба стала собственностью Торгового дома Ивана Лыжина и сыновей. Именно тогда архитектор Н.И. Гущин пристроил к главному дому с восточной стороны каменную террасу и двухэтажный нежилой дом вдоль северной границы участка, где располагались складские помещения и прачечная.

Таким образом, лицевой дом во владении Лыжиных на Остоженке был построен задолго до начала XX века и не раз переделывался. С 1885 по 1891 год домовладение было собственностью Александра Ивановича Лыжина. Наконец, в 1901 году (по 1917 год), владельцем стал его сын Владимир Александрович Лыжин, для которого и была предпринята интересующая нас перестройка дома. В Справочнике «Вся Москва за 1901 г.» значится, что дом «Лыжин Ив. и

На предыдущей странице – потолок гостиной с каминном

сыновья» торговал сукном, размещался торговый дом в Черкасском переулке в доме Кознова. Особняком на Остоженке в тот момент владели оба: и сын, и внук Ивана Лыжина – Александр и Владимир, потомственные почётные граждане Москвы, наследники семейного дела. Именно Владимир Лыжин, сын владельца текстильной фабрики в подмосковной Ивантеевке, поселился в старом особняке, а впоследствии стал его полноправным хозяином. (В 1917 году владельцем числился уже только В.А. Лыжин, игравший заметную роль в благотворительном движении в Москве – он был председателем Пречистенского отделения дамского попечительства о бедных, организовавшего разветвлённую сеть яслей, детских садов, приютов, училищ, библиотек, бесплатных столовых, домов дешёвых и бесплатных квартир, ремесленных мастерских, клубов, домов призрения, лазаретов, лечебниц и т.д.)

Старый особняк Лыжиных располагался прямо напротив строившегося в то время собственного особняка Л.Н. Кекушева. Ближайшее соседство с уже известным зодчим в конечном счёте и предопределило дальнейшую судьбу здания. Во всяком случае, свой оригинальный фасадный декор старинный особняк приобрёл как раз в начале нового XX века, практически одновременно со строительством кекушевского дома, и при заметном участии Льва Кекушева, ставшего, по-видимому, добрым знакомым нового хозяина особняка – В.А. Лыжина. Об этом говорит хотя бы тот факт, что именно Кекушеву Лыжин вскоре поручил выстроить целый комплекс фабричных зданий и жилых домов в Ивантеевке при его фабрике.

Перестройка классического в своей основе остоженского особняка Лыжиных с изменением фасада и присоединением одноэтажного строения по улице справа и с заднего фасада была произведена по проекту Л.Н. Кекушева в 1901 году. Чертежи, подписанные очередным помощником мастера техником П.П. Киселёвым, показывают, что старый дом был надстроен вторым этажом, к его объёму со стороны двора были сделаны частью двухэтажные, частью одноэтажные пристройки, в которых кроме комнат разместилась и лестница, ведущая на второй этаж; одноэтажная пристройка была присоединена и вдоль улицы с восточной стороны от главного дома.

Переделка особняка превратила его в цельное и изысканное произведение архитектуры. Все детали отделки основного двухэтажного дома и пристройки имеют плавные, гармоничные очертания и очень тонко аранжированы пластически. Плоскость фасада расчерчена тончайшим рустом, лепные укра-

шения удачно соединены с фасадными выступами – криволинейными сандриками над окнами и довольно глубоким карнизом. Окна подчеркнуто глубокие, а их обрамления – образец рафинированных обломов. В композиции фасада существенное место занимают кекушевские львиные маски – они украшают кронштейны, поддерживавшие модульоны карниза, и кованые полотнища ворот. Эти словно игрушечные львиные головки с грозным оскалом были обращены к своему скульптурному собрату через улицу, который гордо поднял голову над аттиком собственного особняка Кекушева и даже не достаивал их взглядом.

Два расположенных друг против друга особняка, отделанных Кекушевым, вместе с его же доходными домами Грязнова и Кекушевой на Остоженке, позволяют почувствовать умозрительную «кекушевскую» Москву – разнообразную, разноцветную, представлявшую разные варианты нового стиля модерн, или современной трактовки эклектических мотивов, но удивительно пластичную и превосходно отделанную во всех своих деталях. Образ его города един в многообразии – то есть поддерживал и развивал самую характерную черту московской застройки.

Интерьеры особняка были отделаны в разных стилях. В нескольких комнатах сохранилась потолочная лепнина с характерными для Кекушева мотивами. Как всегда, зодчий в отделке щедро использовал дерево. Сохранились красивые филёнчатые входные двери на западной стороне дома. Наиболее полное представление о прежней отделке даёт облик гостиной первого этажа с камином. Её потолок поддерживают деревянные продольные балки, промежутки между которыми отделаны трафаретной живописью; в верхней части стены также тянется полоса яркого трафаретного фриза с изображением цветов. В торцах комнаты на потолке сделаны разновеликие кессоны – прямоугольные и квадратные, что очень характерно для манеры Кекушева.

В 1907 году Кекушеву вновь пришлось заняться особняком В.А. Лыжина – ему было заказано завершить надстройку вторым этажом над одноэтажной частью главного дома, оборудовать дом вентиляцией и водяным отоплением с котельной и вентиляционной камерой в подвале.

В настоящее время особняк снова стал частной собственностью. Его владелец, увлечённый творчеством Льва Кекушева, в 2000-х годах бережно восстановил все сохранившиеся детали его отделки, а в помещениях, где она была утрачена, воссоздал декор, аналогичный тому, что существует в других работах выдающегося мастера в Москве.

Детали лепной отделки помещений особняка
Наличники окон первого этажа

Кронштейны с львиными масками над окнами второго этажа
Фрагмент парадного помещения первого этажа

Современное оформление комнаты второго этажа
Вестибюль особняка

Своды Монье в полуподвале особняка
Общий вид особняка с улицы Остоженка

Летной картуш парадного помещения первого этажа
Трафаретный фриз и кессоны потолка в гостиной с камином

Летняя тяга потолка

*Кронштейны карниза в жилом помещении второго этажа
Летной плафон в парадном помещении первого этажа*

*Настенный летной декор в парадном помещении первого этажа
Фрагмент потолочной лепнины*

Фрагмент главного фасада

Общий вид парадного помещения первого этажа

Скульптурная маска над мансардным окном особняка в центре фасада

ОСОБНЯК М.Г. ПОНИЗОВСКОГО (ТОРГОВО-СТРОИТЕЛЬНОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА)

1903–1904, 1914–1915 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Поварская ул., д. 42/1 (Скатертный пер., д. 1)

Поварская улица была частью древней Волоцкой дороги, проходившей от центра города от реки Пресни (совр. Баррикадная) до ручья Черторыя. В XVII веке за Арбатскими воротами в этих местах располагались так называемые кормовые слободы, по которым эта старинная улица и получила своё название. Первым известным владельцем интересующего нас участка, распространявшегося тогда и на соседнее владение (№ 44), был статский советник И.Н. Хитров, получивший его по именному указу императрицы Екатерины I в 1718 году. После грандиозного московского пожара 1736 года владелец продал землю кавалергарду И.К. Хрущову, который несколько увеличил площадь участка, тогда участок был самостоятельным кварталом, поскольку с четырёх сторон был ограничен Поварской улицей, Скарятинским, Скатертным и Столовым переулками. В 1745 году владелец и его соседи обратились в Полицейстерскую канцелярию с просьбой упразднить часть Столового переулка в месте примыкания его к Скарятинскому, что и было подтверждено в 1751 году. Правда, на деле вплоть до конца 1760-х годов отчужденная часть переулка оставалась действующей. В 1752 году двор Хрущова был продан жене коллежского советника А.И. Масловой, которую в 1770-х годах сменил её сын Н.И. Маслов. Тогда в усадьбе стояли палаты по Поварской и хоромы в центре двора. Строительство и перестройки различных жилых и хозяйственных сооружений в усадьбе шли своим чередом. В 1788 году усадьба вновь была продана. После нескольких смен владельцев и продажи части земли в 1791 году наконец усадьба обрела те границы, которые сохранялись вплоть до начала XX века.

Бригадир и кавалер Д.Г. Волчков в 1790-х годах выстроил её ансамбль почти заново, превратив в классическую московскую городскую усадьбу – по линии застройки Поварской улицы главный дом в центре, а по сторонам два флигеля, торцами выходившие

На предыдущей странице – ручка двери в особняке М.Г. Позизовского

*Общий вид особняка с Поварской улицы
Львиная маска над воротами особняка со стороны Скатертного переулка*

на главный фасад. Все постройки, за исключением кладовой, были деревянными, но их архитектурные формы были образцовыми и в качестве таковых даже попали в «Альбомы» М.Ф. Казакова. Усадьба в 1812 году горела, но к 1815 году уже была восстановлена, причём – по-прежнему в дереве. Менялись владельцы, что-то вносили в облик зданий, по своему вкусу меняли внешнее и внутреннее оформление. С 1886 года она стала превращаться в доходное владение, в глубине двора был выстроен доходный трёхэтажный дом, предназначенный для сдачи квартир внаём (арх. Н.Д. Струков). В 1900 году внаём уже стали сдаваться все строения бывшей усадьбы.

Наконец, в начале XX века эту усадьбу приобрело Московское Торгово-строительное акционерное общество во главе с богатым предпринимателем Я.А. Рекком. На её месте в 1903 году по проектам Льва Кекушева было построено два особняка с полной отделкой «под ключ» в стиле модерн. В 1904 году, когда общестроительные работы были вчерне закончены, акционеры разделили владение на два участка. Так сформировался участок на углу Скатертного переулка и Поварской улицы, на котором ко времени начала строительства располагался каменный трёхэтажный дворовый флигель 1886 года, соединённый с каменной кладовой от усадьбы Д.Г. Волчкова, которые были сохранены.

Итак, все постройки усадьбы, кроме каменных во дворе, были снесены, а на их месте по линии застройки улицы был возведён каменный двухэтажный особняк с полуподвалом и конюшней во дворе. Поскольку Московское Торгово-строительное акционерное общество строило его с целью продажи и рассчитывало на состоятельных покупателей, особняк был весьма комфортабельным и демонстрировавшим новейшие тенденции стиля модерн. В доме было 12 комнат (три из них – парадных), шесть балконов, калориферное отопление, вентиляция, водопровод, канализация и электрическое освещение.

Первоначальный облик особняка отличался оригинальностью и, он был, несомненно, одной из самых заметных московских построек в стиле модерн. Фактически это был самый необычный дом на улице, её архитектурный акцент. Возведённый одновременно с соседним особняком (впоследствии купленным И.А. Миндовским), дом имел ряд глубоко новаторских композиционных черт. Это касается прежде всего его объёмно-пространственной композиции, образующей вдоль Скатертного переулка четыре «зубчатых» фасадных выступа, планировочно и объёмно предвосхищающих приёмы 1920-х годов. До сих пор, если посмотреть на здание от угла, можно увидеть особенность авторского замысла – сооружение как бы составлено из подобных объёмов, которые уступами поднимаются к угловому башнеобразному блоку, образуя ступенчатую пирамидальную композицию. Кульминацией этой композиции была «башня» на углу Поварской и Скатертного переулка,

увенчанная единственным в своём роде в Москве четырёхгранным куполом, крытым листовой медью и окружённым по периметру широкой площадкой, которая была образована карнизом большого выноса и внешне напоминала шляпу с широкими полями. Площадка, видимо, могла служить смотровой (или балконом). По краям она была ограждена элегантной металлической решёткой с динамичным рисунком в стиле модерн, что делало общий силуэт более ажурным и сложным.

Необычна была и отделка стен сооружения – очень простая и функциональная, она не имела лепных декоративных украшений. Парадный вход в особняк со стороны Поварской был облицован грубо обработанными квадрами серого гранита, оттенявшими шершавую фактуру гранитного цоколя, гладь стен, покрытых светлой облицовочной плиткой, широкого плоского фриза и гладких оконных обрамлений. Красива была архитектурная пластика постройки. Огромные оконные витражи второго этажа с балконами в угловой башне имели очень простые плоские обрамления, но, как часто бывало в работах Кекушева, были очень тщательно проработаны в глубину, напоминая древнерусские перспективные порталы. Эти окна привлекали внимание и тонким рисунком сложных оконных рам. Определённую роль в силуэте играли и слуховые окна, обведённые плавными линиями аттиков. В облике этой новаторской в архитектурном отношении постройки угадывались тенденции стилового развития от изощрённого в декоративном отношении модерна к элегантности, игре фактур и формальному лаконизму «ар деко». Первоначально особняк был окружён низкой кованой оградой, в пандан ограде особняка И.А. Миндовского, характерного для кекушевского модерна рисунка (затем ограда была заменена ныне существующей).

Несмотря на явные архитектурные достоинства особняка, он, как и соседнее сооружение, сразу продан не был. Причиной этого, видимо, послужили грозные события революции 1905 года, которые начались как раз к моменту завершения отделочных работ. Они отпугнули и без того немногих потенциальных покупателей этого очень дорогого особняка, продемонстрировав зыбкость и нестабильность прежде размеренной богатой жизни. Неудивительно, что после революционных событий вектор их интересов поменял направление в сторону жилого доходного строительства, позволявшего не только пользоваться прелестями комфортной жизни в благоустроенных владельческих квартирах, но и получать с построек постоянный денежный доход.

Кекушев заново отделал и доходный дом 1886 года, стоявший по задней границе владения. Рядом были выстроены конюшня и каретный сарай, первоначально имевшие в отделке такие же скульптурные лошадиные головы, что и в особняке И.А. Миндовского.

В 1908 году владение со всеми постройками всё-таки было продано московскому купцу М.Г. Понизовскому за 165 тыс. руб., который в 1914–1915 годах полностью изменил облик дома, капитально перестроил и превратив его в суховатое, на первый взгляд, неоклассическое здание. Желая повысить доходность дома и разместить в нём больше помещений, владелец из первоначально двенадцати просторных залов и гостиных сделал в общей сложности (вместе с подсобными) 26 комнат. Тогда же между особняком и доходным домом было встроено двухэтажное жилое строение, превратившее их в единый объём – с проездыми воротами со стороны Скатертного переулка. Конечно, в новом оформлении здание утратило свою градостроительную роль уличного акцента, но его отделка также имела любопытные и единственные в своём роде архитектурные черты, не характерные для мастеров московского неоклассицизма, позволяющие предположить, что она могла быть выполнена самим Львом Кекушевым. К его характерным приёмам можно отнести умелое использование камней в обрамлениях верхней части окон первого этажа, необычные обрамления окон второго этажа со стороны переулка пилястровыми эдикулами и, наконец, львиную маску над проездыми воротами.

Несмотря на внешнюю перестройку в формах неоклассицизма, некоторые интерьеры особняка почти полностью сохранили богатейшую авторскую отделку Кекушева в формах модерна. Лучше всего сохранились залы первого этажа, менее подвергавшиеся перестройкам. Одной из особенностей этого сооружения является обилие цветных витражей, к которым был так неравнодушен зодчий. В центре здания находилась парадная лестница с огромным цветным витражом оригинального рисунка в стиле модерн и деревянными ограждениями, варьировавшими мотивы ограждений лестницы в особняке О. Листа. Над ней был устроен кессонированный потолок с живописными плафонами и орнаментальным фризом с любимыми Кекушевым флоральными мотивами. Вокруг лестницы группировались помещения первого и второго этажей. Все обращённые к лестничным площадкам десюдепорты были также цветными витражами.

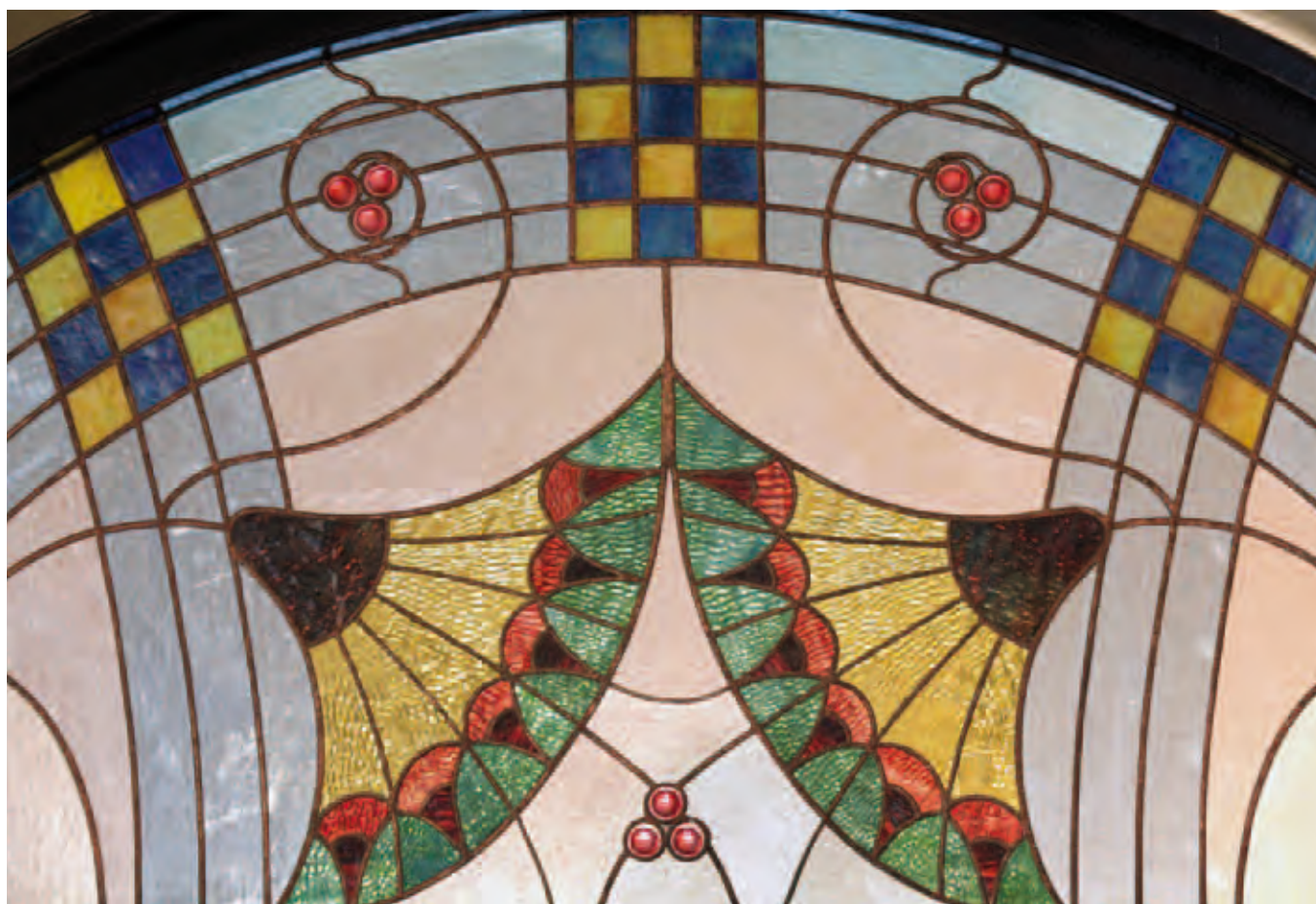
Зал, тремя окнами выходивший во двор, имевший мраморный камин и большое зеркало, был отделан в формах классицизма, и имел некоторые характерные для кекушевских отделок лепные детали. Особенно эффектно был отделан лепной потолок с круглым плафоном в центре и тремя оригинальными бронзовыми люстрами. (Не исключено, что проекты многих светильников к своим постройкам Кекушев выполнял сам). В этом помещении сохранились и настенные бра, и даже деревянные карнизы для штор над окнами.

Столовая, трапециевидным эркером выходившая во двор, имела деревянный кессонированный потолок, заполненный «плетёнками», и освещалась светильниками в стиле модерн. Центральное окно эркера в верхней части имело эффектный цветной витраж. Нижние части стен, дверные порталы и элементы встроенной мебели были отделаны тёмным деревом. Очень изящная люстра, спускавшаяся над обеденным столом, завершала впечатление от этого необыкновенно красивого помещения.

Кабинет был также отделан тёмным деревом, включая огромный пристенный камин и филёчатые двери, а его геометризованная потолочная лепнина напоминала отделки английских викторианских интерьеров. В кабинете сохранились и некоторые предметы встроенной мебели, которые, вероятно, также были выполнены по эскизам Кекушева. Сохранились нарядная обшивка стен деревом, великолепный резной дверной портал и пол с орнаментальным наборным паркетом и в помещении нынешней бильярдной. Их декор, равно как и тонкая геометрическая лепнина потолка, показывают, что помещение было отделано в стиле «неоренессанс».

Остались нетронутыми и другие парадные помещения первого этажа с лепными потолками разного рисунка, с мраморными каминами и светильниками. Помещения второго этажа, к сожалению, сохранились значительно хуже. Только угловая комната, выходящая на Поварскую и Скатертный переулок, и мраморный камин ещё сохранили свой декор.

С 1924 года в особняке расположилась Афганская дипломатическая миссия, затем – и посольство Республики Афганистан, находящееся в нём по настоящее время.

Общий вид столовой
Витраж над дверью первого этажа

Парадный вестибюль
Вестибюль и начало парадной лестницы

Фрагмент фасада особняка по Скатертному переулку
Фрагмент живописной отделки потолка над парадной лестницей

Фрагмент дверного портала в кабинете

Общий вид кабинета
Общий вид бильярдной

Уголок зала
Скульптурная маска на фасаде конюшни

Встроенная мебель в кабинете
Парадная лестница особняка

Наборный паркет в бильярдной

Светильник в помещении парадной лестницы

Резная филенка встроенной мебели в столовой

ОСОБНЯК И.А. МИНДОВСКОГО

1903–1904 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Поварская ул., д. 44/2 (Скрятинский пер., д. 2), стр. 1, 2

История создания этого чудесного московского особняка весьма примечательна и говорит о своём времени не меньше, чем его архитектурный стиль – модерн. Элегантный домик – память о знаменательном и коротком периоде в истории города, когда в его центре вновь стали строить небольшие комфортабельные виллы-усадьбы, которые сегодня в восприятии москвичей как бы слились со своими предшественниками – прелестными особнячками классической и ампирной Москвы. На рубеже XIX–XX веков эти особняки резко выделялись в исторической среде города, бросались в глаза своей очевидной архитектурной новизной. В деятельности Московского Торгово-строительного акционерного общества, которое в 1899 году учредил и возглавил молодой, энергичный и богатый предприниматель Я.А. Рекк, возведение комфортабельных особняков в центре Москвы заняло центральное место.

Как раз на месте старой городской усадьбы на Поварской улице в 1903 году общество предприняло строительство двух особняков «под ключ» в стиле модерн по проектам уже известного московского зодчего Л.Н. Кекушева. Участок, выбранный для застройки, в начале XIX века представлял собой единое владение, занимавшее территорию вдоль Поварской улицы от Скрятинского до Скатертного переулка. Здесь располагалась красивая владельческая усадьба Д.Г. Волчкова, фасад которой даже попал в знаменитый «Альбом М.Ф. Казакова», вобравший в себя лучшие сооружения Москвы раннего и зрелого классицизма. Композиция усадьбы была традиционной, а все её постройки – деревянными. В таком виде она была приобретена Торгово-строительным обществом, решившим снести почти все её сооружения и разделить владение на две части, в каждой из которых возвести по особняку.

Строительство велось на протяжении 1903–1904 годов. Новые особняки заняли углы исторической

На предыдущей странице – вид особняка со стороны Поварской. На фотографии видна угловая часть фасада с окнами зимнего сада на втором этаже

усадьбы на пересечении Поварской с ограничивающими территорию переулками.

После завершения строительных работ новый особняк (Поварская, 44) довольно долгое время оставался пустым. Возможно, его стоимость была столь высока, что охотников сразу выложить крупную сумму не находилось. Как бы то ни было, лишь в конце 1900-х годов (возможно, в 1908 году) сооружение было куплено И.А. Миндовским – видным представителем московского делового мира, богатым верхневолжским текстильным фабрикантом, по имени которого особняк и вошел в историю архитектуры. Среди произведений Кекушева этот дом занимает особое место не только потому, что создавался без учёта требований реального заказчика. Особняки на Поварской предоставили ему прекрасную возможность показать своё мастерство в сфере синтеза искусств, ведь задуманные Я.А. Рекком постройки должны были привлечь покупателей не только стилистостью внешнего облика, но и богатством внутреннего декоративного убранства, на которое Торгово-строительное акционерное общество средств не пожалело.

Внешний облик особняка И.А. Миндовского на Поварской улице, в отличие от многих других, более ранних построек Л.Н. Кекушева, начисто лишен эклектических элементов и представляет собой один из самых чистых образцов московского модерна. Гармония общей композиции, рельефный фриз, оконные проёмы и переплеты, консоли и замковые камни, сочный скульптурный декор, ограждение балкона, ограда, ворота – всё это ярко воплощает очень своеобразный «кекушевский модерн» – стиль, полностью сформировавшийся в творчестве московского мастера как раз в этот период.

Совершенно особенным, «кекушевским» образом решены оконные проёмы, традиционно имеющие разную высоту и ширину. Помещая их несколько глубже обычного, зодчий устраивает вокруг них оригинальные многослойные рельефные композиции, несколько напоминающие перспективные порталы строений древнерусской архитектуры. Нельзя не упомянуть о характерных для Кекушева криволинейных оконных переплетах, которые к тому же, по обыкновению, ощутимо трёхмерны. К примеру, сильно выгнутая перекладина окна-двери над балконом второго этажа, выходящим на Поварскую улицу, имеет довольно большой вынос и отбрасывает тень, как полноценная архитектурная деталь.

К числу специфических приёмов Кекушева относится также и щедрое использование скульптурной декорации – настенных рельефов и круглых скульптур. Как правило, они представляют собой аллерию или символ. Буквально все его произведения украшены либо скульптурами львов, либо львиными масками. Таким образом, верный своей эпохе, Лев (!) Кекушев обычно зашифровывал свою авторскую подпись. Особняк украшает и рельефное панно с

фигурками голеньких путти: один играет на дудочке, другой высекает вазу, третий с циркулем размышляет над листом бумаги – аллегориями искусств. Некогда над криволинейным аттиком, обращённым на улицу, размещалась скульптурная группа, изображавшая молодую женщину с двумя играющими у её ног маленькими детьми (группа не сохранилась).

Со стороны переулка находится въезд в небольшой двор владения, где расположен главный вход в особняк и выстроены конюшни, задуманные в едином ансамбле с особняком. Об их назначении говорит превосходно выполненная скульптурная голова лошади в тимпане над въездом. Очень красива ограда двора с великолепными коваными решётками. Особенно необычны металлические ворота, створки которых образуют рисунок, напоминающий крылья бабочки, весьма характерный для своего времени.

Учитывая неопределённость вкусов воображаемого покупателя, интерьеры будущего особняка И.А. Миндовского были сделаны намеренно разностильными. По-видимому, Кекушева не смущала стилистическая двойственность – рядом с интерьерами в стиле модерн здесь были помещения, отделанные в респектабельных классических формах. Из обширного квадратного в плане вестибюля, главным акцентом которого были великолепный геометризованный цветной витраж и красиво отделанное полотнище входной двери, гость попадал на парадную двухмаршевую лестницу – главный элемент внутренней организации пространства дома, удачно соединявший черты модерна и классицизма. Ведущую роль в отделке лестницы играло огромное цветное окно-витраж с растительной орнаментикой в стиле модерн. Витраж реставрирован – подлинными частями являются средняя и верхняя; некогда утраченная нижняя часть была выполнена с примерным сохранением рисунка.

Лестничные марши, устои ограждения и перила парадной лестницы выполнены из натурального мрамора красивой текстуры теплого золотисто-коричневого цвета, прекрасно сочетающегося с бронзовыми ограждениями маршей, в центре которых были помещены львиные маски. Скульптурный фриз парадной лестницы напоминал античные прототипы. Плафон над лестницей автор, вероятно, решил уподобить сложно организованному филёнчатому потолку итальянских палаццо. В центре потолка, там, где прикреплялась люстра, находился живописный плафон, изображавший голубое небо с плывущими по нему легкими облачками, и подчёркивавший устремленность всего лестничного пространства в высоту.

С площадки верхнего этажа гость дома мог попасть в любое из помещений парадной части особняка. Парадные покои своеобразной подковой располагались вдоль переулка, улицы, а также вдоль крошечного садика, отделявшего постройку от соседнего участка. Слева находился большой зал, сое-

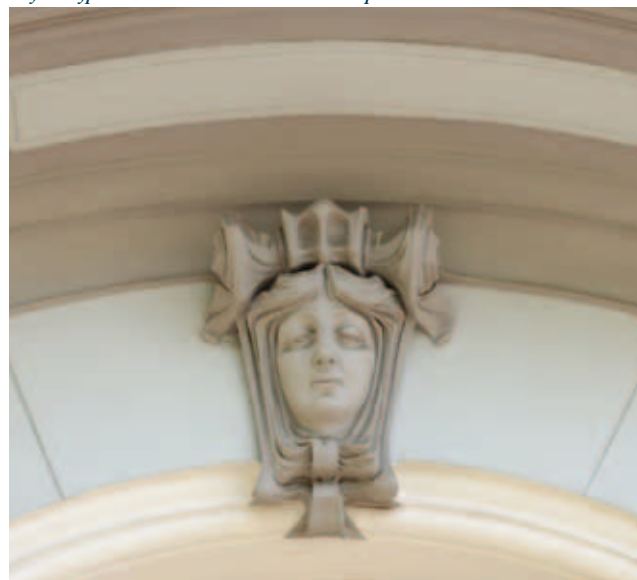

Парадная лестница особняка

Портал входных дверей со стороны вестибюля

Скульптурная маска над окном на боковом фасаде особняка

динённый с гостиной и столовой. Отделка центрального зала была довольно скромной; стены тёплого желтоватого цвета, раскрепованные неглубокими филёнками, дополнял золотистый цвет дверей, отделанных карельской березой. Центром притяжения в зале служил камин с зеркалом, облицованный натуральным камнем зелёного цвета. Гостиная, располагавшаяся на углу, была невелика по площади, но поражала обилием света, льющегося из четырёх крупных окон.

Столовая с овальным эркером, помещённая на противоположном конце зала, имела богатую декоративную отделку и, возможно, первоначально составляла с ним единое целое – золотистые мраморные колонны с бронзовыми базами и капителями, заделанные в перегородку между этими помещениями, позволяют предположить иную пространственную конфигурацию. В переулок столовая была обращена высоким трёхчастным окном, во двор – огромным цветным окном-витражом с изображением Пана – бога природы, важного персонажа символистской мифологии и эстетики. В годы размещения в особняке Шведской миссии этот витраж был заделан изнутри глухой стеной (сейчас раскрыт его фрагмент). Огромный рельефный плафон в этом помещении дома также представляет аллегорическую картину. Скорее всего, он изображает царство Флоры, его персонажи – весёлые молодые женщины и толстенькие младенцы-путти – утопают в море цветов. Всей этой идиллической картине противостоит молчаливая фигура сидящего сфинкса – символа вечности и неразгаданной тайны. (Точно такой же плафон вмонтирован в потолок вестибюля гостиницы «Метрополь».) В торцах плафона помещены небольшие дугообразные витражи-створки, изображающие летящих уток (сейчас витражи, к сожалению, забелены).

Среди помещений парадного этажа выделяется отделка комнаты с балконом, выходящим на Повар-

скую улицу, она связана подлинными дверьми с угловой гостиной и лестничным холлом; в окне-двери, ведущей на балкон, здесь также помещён цветной витраж. Это единственное помещение в доме, декор которого повторяет растительные мотивы фасадной лепнины. Совершенно оригинальна и отделка так называемого «фонаря», или зимнего сада. Он занимает южный угол дома и имеет остекление от пола до потолка. Причём первоначально стекла были с характерным орнаментом, выполненным в технике кислотного травления. Эта деталь отделки совершенно уникальна и более нигде в Москве не встречается. Элементы цветных витражей украшали также и потолок этого помещения. Подсобные помещения особняка связывала ещё одна служебная лестница. В плане дома она размещена впритык к парадной – такой приём встречается у Кекушева не единожды. В остальных помещениях первоначальная отделка не сохранилась.

После смерти И.А. Миндовского в 1912 году постройку унаследовали его дети – Николай, Иван, Ираида и Ольга, которые свои имущественные права до революции юридически не разделили. В 1918 году все имения, фабрики и особняки Миндовских были национализированы. Не исключение – и бывший особняк И.А. Миндовского на Поварской. Видимо, именно в эти годы особняк утратил все предметы первоначальной обстановки. И все же его дальнейшая история оказалась относительно счастливой. После короткого периода безвременья, с 1924 года в бывшем особняке Миндовского обосновалась Шведская миссия, затем Посольство Швеции в СССР. Новые владельцы бережно отнеслись к особняку, старались сохранить элементы архитектурной отделки, не перестраивать без нужды внутренние покои. С 1973 года по настоящее время, то есть в течение уже сорока лет, особняк на Поварской является официальной резиденцией Посольства Новой Зеландии в Российской Федерации.

Декоративное ограждение балкона второго этажа по Поварской улице
Общий вид особняка с Поварской улицы

Плафон парадной лестницы особняка

Овальное слуховое окно на фасаде по переулку
Вестибюль особняка

Фрагмент рельефного плафона на потолке в бывшей столовой особняка

Рельеф над окном второго этажа на фасаде по Поварской улице –
путти с атрибутами искусств

Фрагмент рельефа парадной лестницы

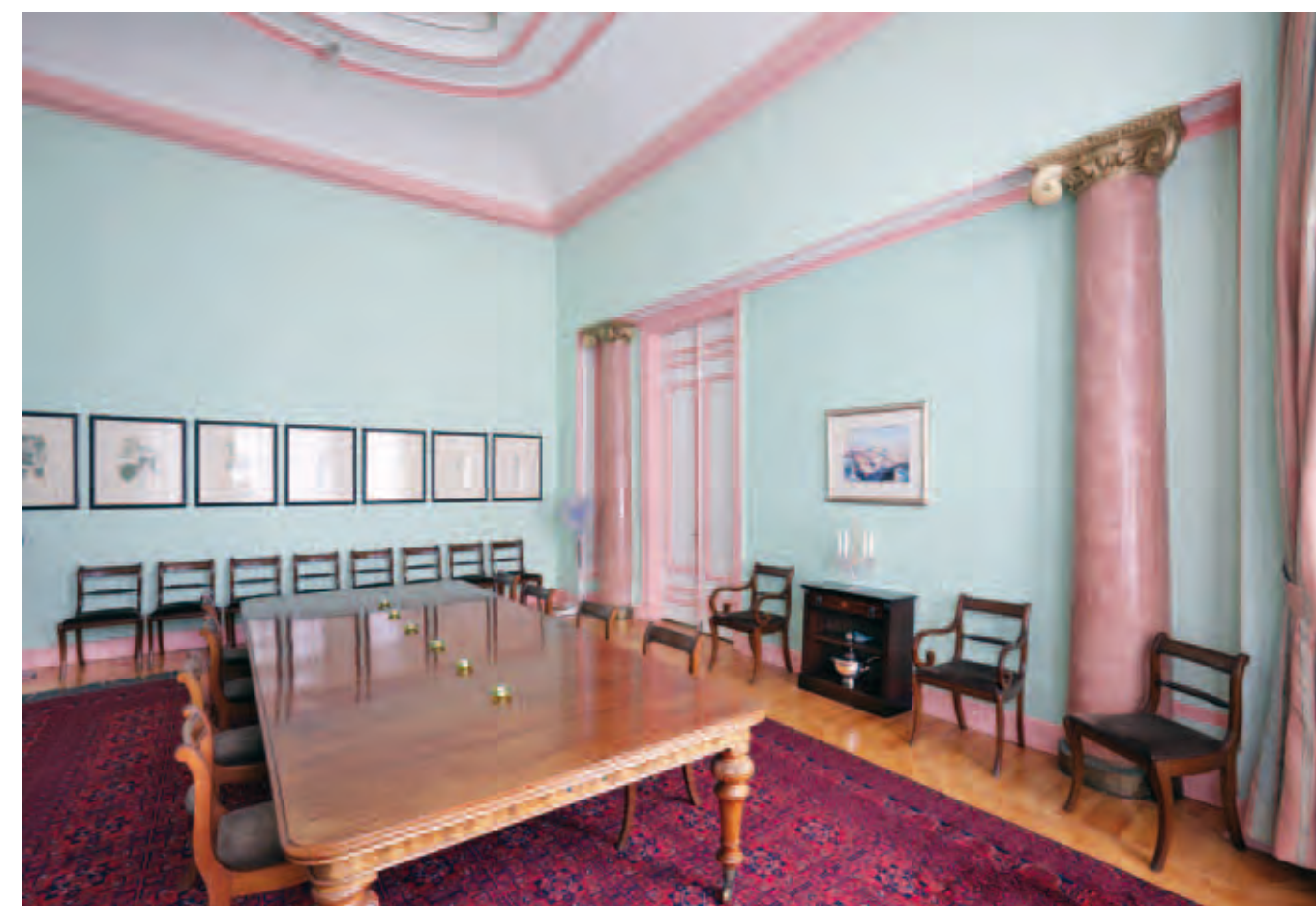
Световое окно конюшни во дворе особняка

*Окна первого этажа в центре фасада по Поварской улице
Летний декор карниза здания на фасаде по переулку*

*Маска с геральдическим картушем на замковом камне
над окном на дворовом фасаде здания*

Ограда палисадника особняка
Общий вид бывшей столовой

Ручка входной двери

Летняя розетка на фасаде особняка
Общий вид дома. Фотография 1910-х годов

Летнее украшение надоконного замкового камня

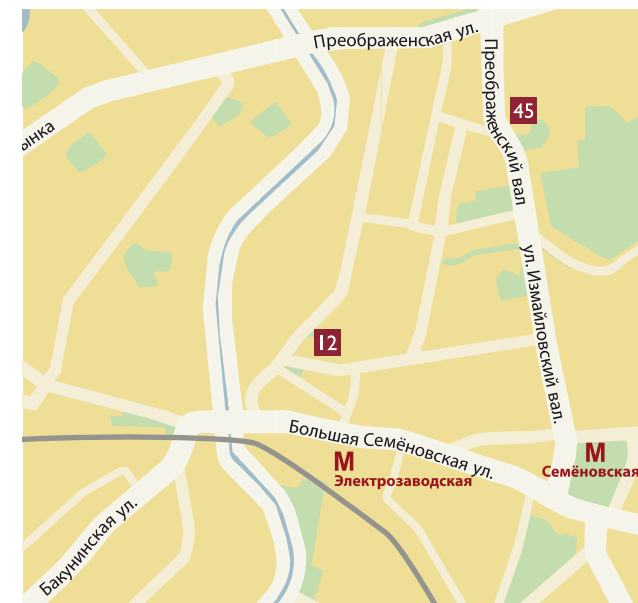

ОСОБНЯК В.Д. НОСОВА

1903 г., архитектор Л.Н. Кекушев
Электрозаводская ул., д. 12

Редкий пример сохранившегося в городе особняка-дачи в стиле модерн. Дачный облик постройки был predetermined сравнительной удалённостью её от центра города, малоэтажной застройкой окружающей местности и, видимо, желанием владельца, у которого неподалёку располагалась собственная фабрика. Владелец экстравагантного дома был Василий Дмитриевич Носов, сын одного из трёх братьев Носовых – трудолюбивых старообрядцев, основавших ещё в 1829 году собственное текстильное дело на берегу Хاپиловского пруда. Они производили дешёвые платки – сами ткали, красили, жены пришивали бахрому. Фабрика постепенно росла, носовское дело ширилось. В 1850-х годах братья получили разрешение на постройку фабрики для производства суконных и шерстяных тканей. В 1855 году была основана фирма под названием «Д., В. и И. братья Носовы». В 1856 году они присоединили к своим фабричным зданиям соседнюю фабрику Кенеман в Преображенском, которой стал заведовать И.В. Носов. Старое производство осталось под управлением Дмитрия и Василия Носовых, которые перестроили и существенно расширили фабрику. В 1863 году их фабрика стала поставлять сукно для обмундирования армии и флота. В 1880-е годы носовские производства были объединены в Промышленно-Торговое товарищество братьев Носовых, бывшее весьма доходным.

Главным распорядителем дела Носовых в конце XIX века стал Василий Дмитриевич Носов – потомственный почётный гражданин Москвы, отец шестерых дочерей и сына. Он рано овдовел. С необходимостью устроить своих взрослых детей и было, вероятно, связано строительство нового дома в его владении на Малой Семёновской улице, которое он приобрёл в начале 1880-х годов. В конце 1890-х годов его единственный сын Василий женился на Евфимии Павловне Рябушинской и вскоре поселился с женой в главном доме носовской усадьбы, которую

На предыдущей странице – устой парадной лестницы особняка

новая хозяйка начала перестраивать по своему вкусу. Отец же заказал Льву Кекушеву выстроить для себя рядом другое жилье.

В первоначальном проекте дом представлял собой фахверковую постройку в стиле королевы Анны. Однако в окончательном варианте архитектор создал сооружение, более напоминающее современные европейские и американские загородные дома и виллы с обширными террасами, фигурными козырьками, деревянными резными обрамлениями – таково было пожелание владельца. Однако сходство дома с западными прообразами было весьма отдаленным. Специфику его облика предопределил сам материал – дерево, оштукатуренное на поверхностях стен и открытое в венчающих частях, крыльцах, верандах, козырьках и в интерьерах, дерево, которое так виртуозно, с блеском умел использовать Лев Кекушев.

Здание выстроено в глубине участка, в центре небольшого сада, композиция его многообъемна и асимметрична. К улице обращена обширная деревянная открытая веранда дома с террасой на крыше, обслуживавшей гостиную второго этажа. Орнамент деревянных резных перил и подзора веранды, форма деревянных кронштейнов карниза крыши, как и общий характер сложной композиции сооружения, включающей объёмы разной высоты, эркеры и мезонины, отдаленно напоминает мотивы франко-бельгийского «ар нуво», в частности, ограждения входов в парижское метро (архитектор Г. Гимар), но в совершенно своеобразной трактовке, обусловленной пластикой резного дерева.

Дом был двухэтажным с полуподвалом. Первый

этаж владелец, вероятно, предназначал для себя, а второй – для одной из своих взрослых дочерей. Во всяком случае, именно так обозначены помещения второго этажа в проекте Кекушева – спальня и будуар дочери, две гостиные, гардероб, уборная, ванная и т. д., а также комнаты для прислуги, экономки и гладильная, расположенные в двухэтажной пристройке к основному объёму.

Светлое дерево стало ведущим материалом и в отделке интерьеров, которые сохранились лучше, чем в большинстве произведений зодчего. Дубом полностью были отделаны прихожая с сохранившимися вешалками для одежды, нижние части стен холла с сохранившейся встроенной мебелью и перила парадной двухмаршевой лестницы. Центральным элементом холла является красивый камин, в отделке которого также применено дерево, абрамцевские майоликовые изразцы и кованая медь. Пространство холла соседствовало с великолепной парадной пологой деревянной лестницей, ведущей на второй этаж и освещенной огромным окном, обращённым в сад. Отделку этой лестницы можно отнести к самым оригинальным и лучшим интерьерам московского модерна.

Стены первой площадки лестницы с зеркалом, обращённым к холлу, как и все её пространство, были обшиты рельефными деревянными панелями, включая часть потолка, в который был вмонтирован небольшой плафон с изображением крылатых сиринов. Верхнюю часть стены завершал живописный фриз с изображением древнерусских парусных лодок. Ограждения лестницы были выполнены из тол-

Вид особняка В.Д. Носова со стороны въездных ворот. Фото 1900-х годов

Вид особняка В.Д. Носова с территории окружающего его сада. Фото 1900-х годов

стых резных деревянных панелей, демонстрировавших динамичные линии стиля модерн. В пандан им на промежуточной площадке лестницы была устроена деревянная скамья с фигурным ограждением, выполненный в тех же формах.

Добротную отделку сохранили и фигурные дубовые рамы окон, разнообразные дверные обрамления первого и второго этажей, сами филёчатые двери (некоторые из которых имели в верхней части цветные витражи геометрического рисунка), балки потолков, облицовка нижних частей стен дубовыми панелями, дубовые паркетные полы. Кроме того, от первоначального убранства в комнатах второго этажа сохранились камин с бронзовыми накладками.

За домом с правой стороны расположен каменный одноэтажный каретный сарай с белокаменными деталями, стоящий впритык к довольно высокой (около 2 м) белокаменной подпорной стенке, отделяющей территорию особняка В.Д. Носова от обширной территории главного дома городской усадьбы Носовых (Малая Семеновская, д. 1, стр. 1), находящейся немного выше по рельефу. Композиция центральной части фасада каретника была симметрична и очень выразительна – проём центрального проезда с лучковой перемычкой, дополненной замковым камнем и основаниями арки из белого камня, по сторонам фланкирован двумя узкими окнами, в верхней части

завершенными белокаменными наличниками. Эти детали, как и дверь с левой стороны от центра фасада с деревянными орнаментальными накладками, перекликаются с декоративными деталями самого особняка и другими постройками Льва Кекушева.

После революции особняк был национализирован. Долгое время в нём располагались разные детские учреждения. С конца 1980-х годов по 2008 год (с перерывами) в здании проходила реставрация, вернувшая первоначальный облик некоторым элементам внутренней отделки. Снаружи замена обветшавших деревянных элементов, к сожалению, была выполнена с обидно низким качеством, серьёзно снизившим общее впечатление от постройки, ведь работа Кекушева с деревом всегда отличалась как раз обратным – высочайшим качеством отделки. Со стороны улицы участок теперь окружает ограда с кованой решёткой и воротами, которые выполнены по современным рисункам и установлены в 1994 году. Они стилизовали орнаментику модерна в понимании московских архитекторов-реставраторов конца XX века и таким образом должны были поддержать общее художественное впечатление от усадьбы.

Сейчас в здании располагается Молодежный историко-культурный центр «Особняк купца В.Д. Носова» (МИКЦ) и Нотно-музыкальный отдел Российской государственной библиотеки для молодежи.

Каминный зал особняка
Первая площадка парадной лестницы

Терраса особняка с балконом второго этажа над ней

Фрагмент живописного фризa на нижней площадке парадной лестницы
Бра в гостиной второго этажа

Камин зала на первом этаже особняка
Общий вид кабинета с камином на втором этаже особняка

Ограждение балкона второго этажа
Вестибюль особняка со встроенной мебелью

Вид садовой террасы первого этажа
Вид парадной лестницы с промежуточной площадки

Вид с нижней площадки парадной лестницы в зал с камином

Резной деревянный кронштейн кровли террасы
Элемент деревянного ограждения садовой террасы
Витраж двери на первом этаже особняка
Уголок кабинета второго этажа

ОСОБНЯК И.А. МОРОЗОВА (МОРОЗОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ). ПЕРЕСТРОЙКА И ОТДЕЛКА ИНТЕРЬЕРОВ

1904–1906, 1908(?) гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Пречистенка ул., д. 21/12 (Мансуровский пер., д. 12/21)

Положенная как дорога в Новодевичий монастырь, основанный в 1514 году, Пречистенка стала активно осваиваться со второй половины XVI века, когда поблизости разместилась дворцовая конюшенная слобода. К концу XVI века она оформилась в Большую Чертольскую улицу. В конце XVIII века слободу вывели за границы города, и район быстро превратился в привилегированный с большим количеством аристократических усадеб. Так и интересное нас владение в начале XVIII века занимали три двора стольников – И.Г. Озерова (затем П.М. Бестужева-Рюмина), С.И. Дурново и Г.И. Волкова. В середине XVIII века они были объединены в одну усадьбу вдовы полковника Т.С. Талызиной. Следующий владелец – А.А. Тучков снёс все предшествующие постройки и в 1810 году выстроил новый ансамбль, состоявший из трех каменных зданий – двухэтажного с подвалом главного дома по линии Пречистенки (в него вошли части старого дома 1770-х годов), двухэтажного с подвалом флигеля вдоль Мансуровского переулка и двухэтажных служб вдоль задней границы участка. В пожаре 1812 года дом не пострадал, а горевшие флигель и службы были вскоре восстановлены. Все эти сооружения со многими перестройками сохранились до наших дней.

Таким образом, главное сооружение усадьбы – дом начала XIX века со сводчатыми подвалами, – к моменту интересующей нас перестройки существовало уже не один десяток лет и претерпело несколько существенных перестроек – в 1810-х, в 1830–1860-х (сформировался корпус служб во дворе), в 1870–1871-м (архитекторы П.С. Кампиони, А.С. Каминский) и 1890-х годах (архитектор М.И. Никифоров). Последней по времени стала перестройка служебных зданий и обновлённая отделка фасадов по проекту архитектора А.В. Иванова в 1899 году, когда усадьба перешла в собственность И.А. Морозова. Уличный фасад главного дома был выдержан в стиле русского

На предыдущей странице – концертный зал особняка И.А. Морозова

барокко, напоминающем «растреллиевский» вариант этого стиля, аттик здания украшен чугунной балюстрадой и вазами. Однако работа этого зодчего на этом закончилась. Для дальнейшей перестройки хозяин-меценат пригласил Льва Кекушева, возможно, рекомендованного ему его матерью В.А. Морозовой (Хлудовой), близко знавшей его по строительству общежития для неимущих студентов ИМТУ. По проекту Кекушева в интересах размещения собрания в доме и была проведена последняя перестройка интерьеров, ставшая одной из его самых значительных работ конца 1900-х годов.

Представитель могущественного клана фабрикантов Морозовых – Иван Абрамович (1871–1921), сын директора «Товарищества Тверской мануфактуры» А.А. Морозова и В.А. Морозовой, был человеком незаурядным. Он получил прекрасное европейское образование в политехникуме Цюриха, чтобы с полным правом, вернувшись в Россию, вступить в управление Товариществом Тверской мануфактуры. Широкий кругозор, высокая культура и художественные интересы, видимо, сделали закономерным его меломанию, увлечение современной живописью и филантропическую деятельность, особенно захватившие его после переезда в Москву в 1900 году. Иван Абрамович был казначеем Московской консерватории, оказывал большую материальную помощь филармоническому и Русскому музыкальному обществам, финансировал «Русские сезоны» Сергея Дягилева в Париже. Однако главным его вкладом в русскую культуру стало коллекционирование.

После ранней смерти брата-коллекционера М.А. Морозова Иван Морозов купил в 1903 году часть его блистательного собрания и продолжил его дело, расширив коллекцию русской живописи произведениями французских импрессионистов. В результате за примерно пятнадцать лет он создал уникальное собрание (более 500 работ), соединявшее современных русских и французских художников. Среди 256 работ французских художников, было много работ Пьера Боннара (больше 30 работ), Поля Сезанна, Ренуара, Мане, Моне, Сислея, Писсаро, Матисса, скульптуры Майоля. Работы И. Левитана, В. Серова, С. Виноградова, И. Машкова, К. Сомова, М. Врубеля, и других висели рядом со знаменитыми работами французских художников, что давало широкую пищу для сравнений и параллелей.

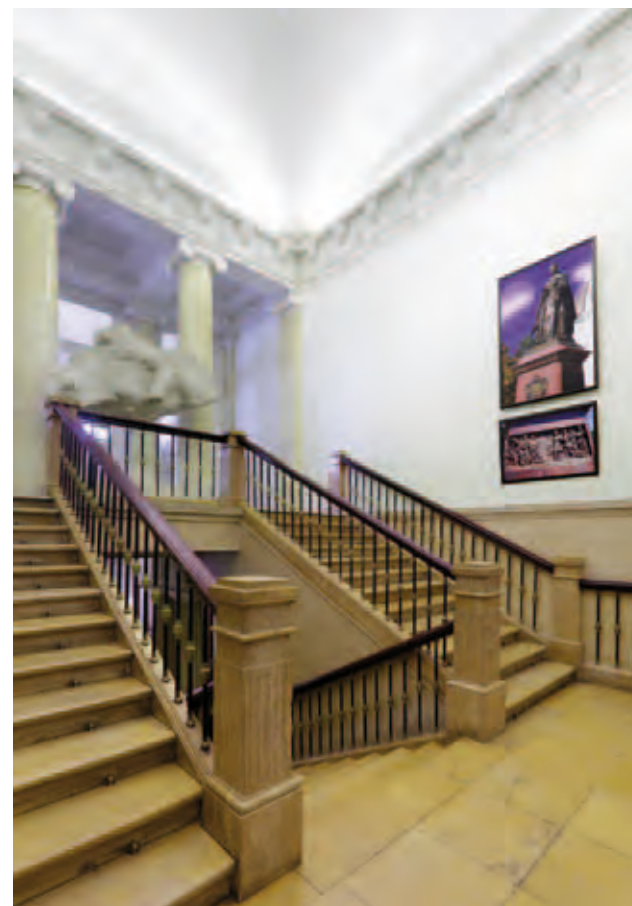
По-видимому, И.А. Морозов довольно быстро поставил перед собой цель создать настоящий музей современного искусства, важным шагом к этому стала перестройка старинной городской усадьбы на Пречистенке, в которой необходимо было устроить несколько выставочных залов. В связи с расширением коллекции и необходимостью создать комфортные условия для осмотра своих сокровищ Иван Абрамович Морозов поручил архитектору Л.Н. Кекушеву перестройку и новую отделку внутренних помещений главного дома. В марте 1908 го-

да он подал в Управу прошение, в котором перечислил желаемые перестройки – переделать второй антресольный этаж, сделать более высокие потолки и удалить всю лишнюю эклектическую декорировку из залов парадной анфилады для придания им «музейной строгости». От убранства второй половины XIX века сохранялась только «готическая» столовая («Дубовый зал»).

Для зодчего это была заманчивая возможность создать настоящий музей живописи и скульптуры. Судя по сохранившейся проектной документации, перестройки не были значительными в конструктивном отношении – в части дома, прилегающей к Мансуровскому переулку, вместо прежних антресолей был устроен полноценный этаж, пять экспозиционных помещений которого получили верхнее освещение. В силуэте улицы до сих пор существенную роль играет огромный световой фонарь над центром здания, необходимый для естественного освещения внутренних помещений, где располагались художественные коллекции. Однако с помощью необходимых и достаточных средств архитектор решал гораздо более масштабную задачу – превращение парадных помещений второго этажа в галерею современного искусства. Общая стилистика обновленных интерьеров, по русской музейной традиции была выдержана в классических формах. Во всяком случае, именно так можно определить стиль отделки парадной лестницы и концертного зала, в которых использованы ордерные мотивы итальянского ренессанса и московского классицизма, трактованные с присущей Льву Кекушеву оригинальностью – все профили, обломы и элементы декоративной лепнины нарисованы зодчим специально для этого дома.

Работа архитектора, несомненно, шла в тесном контакте с владельцем и по ходу дела рождала новые идеи. Музейную атмосферу создавал уже обновлённый вестибюль здания. Ему зодчий придал яркий греко-римский характер – пол был покрыт мозаичной метлахской плиткой, имитировавшей древнеримские мозаики (её мастер не раз использовал в своих постройках), а вход на неширокую парадную трехмаршевую лестницу фланкировали две пары запоминающихся каменных греко-римских дорических колонн. Их антаблемнты, консольно выступавшие из боковых стен, обнаруживали чисто декоративный характер этих элементов интерьера, необходимых для формирования у гостей дома ощущения присутствия в храме искусств. Колоннам соответствовали пары аналогичных плоских пилястр на боковых стенах, выполненные в штукатурке. Греческий меандр в широком фризе опоясывал вестибюль по периметру, завершая общее впечатление.

Как всегда эффектно была оборудована Кекушевым и сама парадная лестница – над ней зодчий устроил высокий свод и фонарь верхнего света с характерной неоклассической рамой в виде вытянутого шестиугольника. Именно здесь были размещены

Предметы мебели особняка

Интерьер здания после реставрации

Парадная лестница

Вид интерьера только что построенного здания. Архивное фото 1900-х годов

Торцевая стена концертного зала особняка И.А. Морозова.
Стоят – скульптуры А. Майоля. Фото 1910-х годов

декоративные панно П. Боннара, а потому не исключено, что при перестройке архитектор уже ориентировался на них. Два лестничных марша приводили к площадке второго этажа, откуда можно было попасть в музейные залы, расположенные анфиладой вдоль главного фасада. По-своему закономерно, что площадку украшали четыре отдельно стоящие ионические колонны из искусственного мрамора, которым отвечали по бокам аналогичные пилястры. Таким образом соблюдался традиционный принцип иерархии ордеров – нижний дорический, над ним – ионический. Площадка имела кессонированный потолок и была залита светом, поскольку ее отделяла от анфилады легкая перегородка, состоявшая из остекленных дверей и таких же десюдепортов. Залы анфилады, согласно заказу, были отделаны очень просто. Светлые стены, тянутые карнизы довольно большого выноса (для размещения за ними светильников и создания мягкого освещения), в четырех из них – плоские фонари верхнего света, и изысканно выполненные «кекушевские» порталы деревянных дверей, отделявших их друг от друга, а также вентиляция и калориферное отопление – в общем, идеальные музейные помещения.

Когда Морис Дени получил большой заказ от И.А. Морозова на серию декоративных панно (цикл «История Психеи») для дома, потребовалось новое оформление концертного зала особняка, специально приспособленное для их размещения. Весь замысел этого интерьера был подчинен его живописному наполнению – размер и формы панно, заданные архитектором, определили трактовку пространства и отделку стен, раскрепованных профильными рамами. Зодчий оказался здесь в своей стихии – главной его задачей было продумать свет и светотеневую пластику стеновых поверхностей и таким образом создать равный по художественному качеству фон для ярких живописных полотен Мориса Дени. Зал находился в центре дома и не имел окон на улицу. Свет в него поступал только через дверной проём, обращённый к анфиладе залов, расположенных вдоль Пречистенки, поэтому, увеличив высоту зала, Кекушев устроил в новом сводчатом перекрытии полукруглые люнеты второго света (сейчас заложены) и фонарь верхнего света, что создало поистине идеальные условия для восприятия живописи и напомнило разработку интерьеров раннего итальянского Возрождения. Гармоничные пропорции пространства и изысканность всех ордерных элементов в этом помещении буквально завораживали, неслучайно интерьеры «своего» зала высоко оценил и художник Морис Дени.

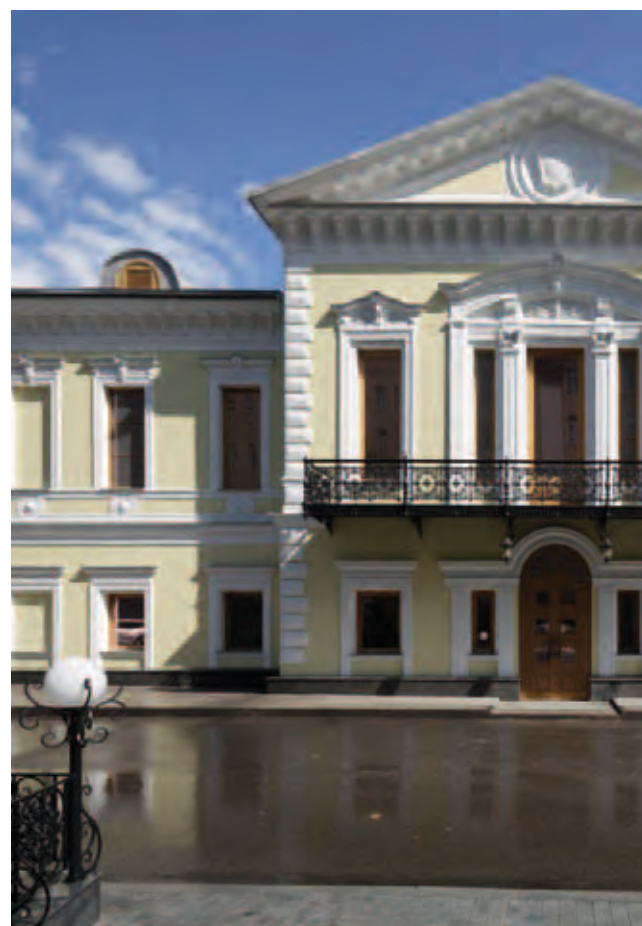
Необыкновенным лаконизмом и красотой отличается портал остекленной двухстворчатой двери, об-

ращённой к анфиладе парадных залов вдоль главного фасада. Обращала на себя внимание и антресольная полукруглая ниша для размещения оркестра, возможно сохранившаяся ещё от дома конца XVIII века, но получившая совершенно иную отделку. Архивольт арки раскрепован характерным для зодчего элегантным приёмом, а традиционную балюстраду Кекушев заменил тонкими бронзовыми периллами с двумя изящными устоями в стиле модерн. После установки панно зал стал похож на щедро расписанные залы итальянских палаццо. Кроме того, Дени – французский художник – сделал проекты мебели для него, став таким образом полноправным соавтором Кекушева. Когда отделка была закончена, в зал поместили четыре обнаженных женских фигуры Майоля из цикла «Времена года», которые, таким образом, с самого начала были рассчитаны на прямой диалог и визуальное соревнование с почти равновеликими, изящными скульптурами девушек-кариатид в декоре верхнего яруса концертного зала, символизирующими искусства.

После революции при участии самого владельца в здании в 1919 году был открыт II Музей новой западной живописи, в 1921 году административно объединенный с I Музеем (собранием С.И. Щукина) и в 1922 году ставший II отделением Государственного музея нового западного искусства. Ведя большую научную, собирательскую и экспозиционную работу, музей просуществовал в особняке до 1948 года, когда по настоятельному требованию президента вновь образованной Академии художеств А.М. Герасимова помещения не передали в её ведение. Это привело к тому, что цельность Морозовского собрания была нарушена, а циклы Боннара и Дени навсегда лишились своего первоначального окружения, на которое были рассчитаны. Когда коллекции западноевропейского искусства покинули стены особняка И.А. Морозова, отделанные Кекушевым залы также утратили первоначальную обстановку и убранство, поэтому сегодня только чудесный концертный зал наиболее полно сохраняет зримый образ этой блистательной работы мастера. В настоящее время всё бывшее владение И.А. Морозова принадлежит Российской Академии художеств. Помещения первого этажа используются для руководства и служб Академии, в анфиладе парадного этажа постоянно проходят художественные выставки.

Фрагмент летной отделки центрального фризита главного дома бывшей усадьбы

Фрагмент фасада главного усадебного дома

Эркер и заложный проём проезда перехода между главным усадебным домом и флигелем

Фрагмент летного оконного обрамления

Общий вид главного дома во владении С.Н. Щукина. Фото 1960-х годов
Зал Анри Матисса в I Музее новой западной живописи. Фото 1920 года

занимал высокое общественное положение, обладал тонким художественным вкусом и был радушным гостеприимным хозяином. Однако все его должности и общественные обязанности уступали по значимости главной страсти в его жизни – коллекционированию современной западноевропейской живописи. Он-то и прославил эту старомосковскую усадьбу, поскольку его собрание находилось именно в этом особняке.

Общая спокойная усадебная композиция главного дома относится к эпохе классицизма, хотя в его основе палаты первой половины XVIII века – несколько парадных залов покрывают высокие своды, характерные для того времени. Сначала новые хозяева сочли нужным оставить без изменений роскошное убранство аристократического дворца, однако разраставшееся собрание живописи всё же потребовало перемен.

В январе 1907 года Щукин подал прошение выдать копию с плана своего владения архитектору Л.Н. Кекушеву, а через месяц зодчий уже разработал проект полной внутренней перестройки существующего двухэтажного дома Трубецких и двух соседних жилых строений – одноэтажного и двухэтажного. Проект предусматривал некоторое изменение фасада старого дома, расширение его с помощью пристроек и приспособление под развеску картин. Обращает на себя внимание чутунный узорчатый балкон второго этажа центрального ризалита, несомненно, принадлежащий руке Льва Кекушева.

Особое внимание архитектор уделил перестройке северного флигеля, сделав к нему пристройки и заново отделав его снаружи и внутри. После завершения этих работ сооружение приобрело черты московского модерна в его характерной «кекушевской» интерпретации. Залы первого этажа флигеля, видимо, с самого начала предназначались для размещения коллекции, второй этаж оставался жилым. В

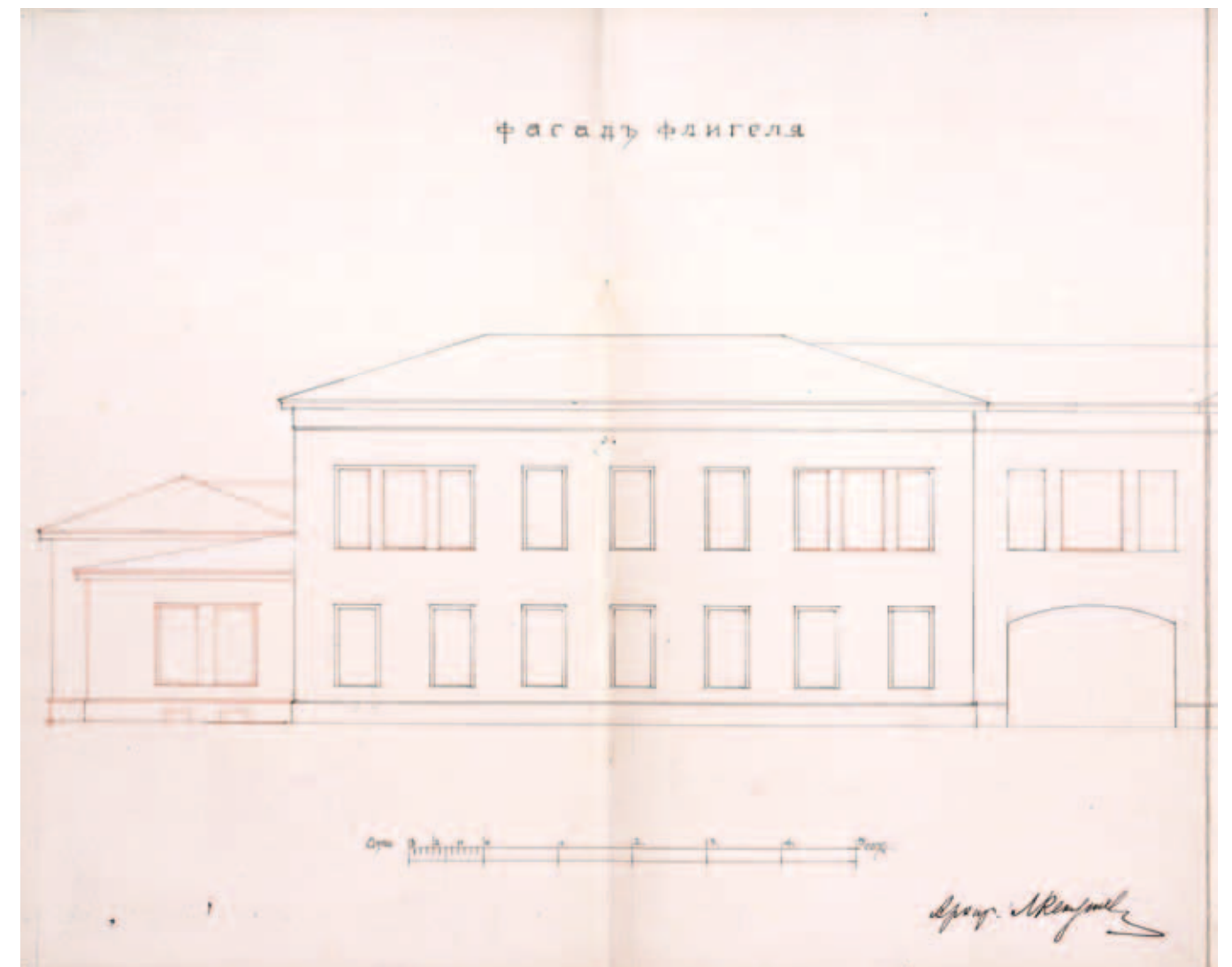
1915 году, когда одноэтажная северная пристройка была надстроена вторым этажом и таким образом флигель стал единым объёмом, помещения второго этажа также были приспособлены под экспозицию щукинского собрания. По-видимому, зодчий не только сделал пристройки, но заново отделал и некоторые интерьеры старого дома, однако сохранившиеся фотографии залов, где были развешаны картины, не дают для этого достаточной информации.

Помещения представляли собой роскошные апартаменты, высокие потолки были расписаны и украшены лепниной; на полу – наборный паркет; дорогие люстры давали много света. Парадные залы, несомненно, сохранили многие элементы старой отделки – множественную гипсовую лепнину, богато расписанные плафоны, мебель а-ля Людовик XV, ценные сами по себе. Правда, со временем все стены от пола до потолка в два или три ряда были завешаны картинами, поэтому их отделка играла уже явно второстепенную роль. Возможно, кое-где зодчий обновлял лепнину, в большинстве комнат довольно скромную.

Наиболее ярко и богато была оформлена обширная розовая гостиная («Гостиная Матисса») со сводчатым расписным потолком, украшенным лепниной, с двумя неповторимыми скульптурными порталами с фигурами обнаженных скорченных атлантов и картушем в центре (с одной стороны на нём изображен профиль – возможно Микеланджело). В этой гостиной были повешены картины Анри Матисса. Матисс был любимым художником Сергея Ивановича, именно для этого дома художник по заказу коллекционера выполнил два огромных полотна – «Танец» и «Музыка», ставших этапными в творчестве мастера. Роспись потолка розовой гостиная, скорее всего, относилась к предшествующей отделке, а лепнина могла быть частично дополнена Кекушевым. (Развеску полотен в розовой гостиной – бывшей центром галереи, делал в 1911 году сам художник, который был

Заложенная арка проезда. Вид со стороны двора
Балкон на фасаде флигеля

Проект флигеля, пристраиваемого к главному дому. Архитектор Л.Н. Кекушев. Центральный архив научно-технической документации Москвы

специально приглашён Щукиным из Парижа.) Среди залов черты поздней отделки несут также лепные детали, потолочные росписи столовой и музыкального салона, а несомненной современностью отличалась «комната Пикассо», в которой среди висящих полотен самостоятельным художественным произведением выступила печь, облицованная абрамцевскими изразцами. Несомненно, печь была установлена Львом Кекушевым: это доказывает, что его контакты с С.И. Мамоновым, изготовлявшим плитку на своём скромном заводике за Бутырской заставой, сохранялись у зодчего даже после разорения «Саввы Великолепного».

Еще до передачи своего собрания городу Москве, с 1910 года галерея Щукина стала доступна для обозрения публики. Не исключено, что Кекушев занимался какими-то перестройками в доме и позже, в 1913–1915 годах: поскольку в 1915 году Сергей Иванович пере-

ехал жить в другой дом, особняк на Знаменке ещё более последовательно стал превращаться в его музей.

Через год после Октябрьского переворота, уже 5 ноября 1918 года, галерея Щукина была национализирована и весной 1919 года открыта как «Музей новой западной живописи», просуществовавший до 1948 года. Затем собрание картин, равно как и Морозовская коллекция, разошлось по крупнейшим музеям страны, а щукинский особняк на Знаменке перешел в ведение Министерства обороны. Сейчас в нём находится аппарат заместителя министра обороны Российской Федерации по строительству.

В 1935 году часть усадьбы перед главным домом с цветочными партерами отошла под расширение Большого Знаменского переулочка, превратившегося в настоящее время в большую заасфальтированную площадь сбоку от главного здания Министерства обороны.

ДОХОДНЫЕ ДОМА

ДОХОДНЫЕ ДОМА В ТВОРЧЕСТВЕ А.Н. КЕКУШЕВА

Доходный дом – самый распространенный жанр в творчестве русских архитекторов конца XIX – начала XX века. Большие и маленькие, дорогие и дешёвые, представительные и скромные – они составляли основную застройку московских улиц и переулков. Именно доходные дома с середины XIX века начали активно вытеснять из центра Москвы старинные и сравнительно новые усадьбы. Первоначально доходные дома были невелики, их строили на свободных городских участках, а порой в них превращались и сами жилые усадебные постройки, которые владелец разгораживал на квартиры или комнаты и начинал сдавать внаём. Со временем наёмное жильё в городе становилось все более и более востребованным, особенно комфортное, цены на него росли, как и доходы владельцев. Закономерно, что доходное строительство быстро стало целенаправленным видом использования городской земли так стартовал процесс активной урбанизации московской городской среды. Естественно самые дорогие и престижные дома начали строиться в центре города, на его основных улицах, постепенно превращавшихся в сомкнутый фронт застройки, которая заметно выросла в высоту. Если в 1890-х годах доходное жильё обычно было трёх–четырёхэтажным, к 1910-м оно в среднем подросло ещё на пару этажей, временами даже достигая в высоту восьми–девяти этажей, превращаясь в так называемые «московские небоскрёбы».

Рост этажности застройки сопровождался сокращением дворовых пространств, которые, впрочем, в Москве существенно реже, нежели в Петербурге, превращались в настоящие тёмные дворы-колодцы. Тем не менее в начале XX века типичными стали участки, где за лицевым домом, расположенным по красной линии улицы, последовательно располагались один или два небольших двора, соединённых арками подворотен и окружённых более скромными по отделке или совершенно безликими и утилитар-

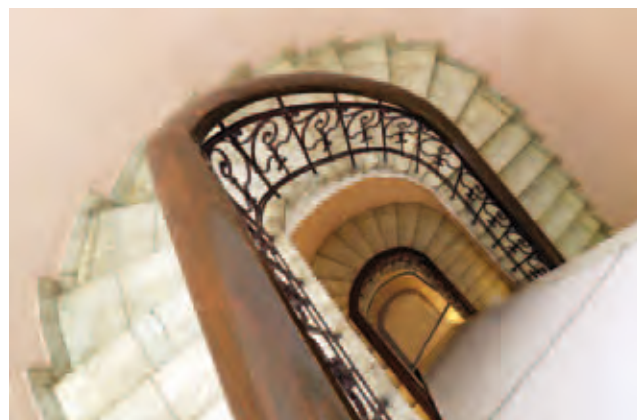

На предыдущей странице – фрагмент кованого украшения лестницы
Кованое ограждение лестничного марша

Брандмауэрная стена доходного дома на Пречистенке

Витая лестница. Вид сверху

Общий вид дома

ными жилыми корпусами, предназначенными для бедных. Планы участков варьировались в зависимости от размеров городского владения и его формы, но архитекторам заказчики, как правило, заказывали максимально застроить имеющиеся площади.

Ещё в период позднего классицизма и эклектики сформировался типичный секционный доходный дом с несколькими подъездами, типовой планировкой этажей, парадными и чёрными лестницами. Конструктивная основа домостроения менялась медленно, но в 1900-е годы наряду с традиционными деревянными перекрытиями в строительную практику входят железобетонные (например, своды Монье), обеспечивавшие большую долговечность и пожарную безопасность. В богатых домах для хозяйственных целей устраивали полуподвальные этажи (прачечные, пекарни и пр.), а жильё располагали выше, с уровня так называемого бельэтажа, причём планировка этажей разнилась: самые дорогие квартиры располагались на первых двух этажах; более дешёвые – на последующих. В таких домах квартиры обычно были снабжены всеми современными удобствами – водопроводом, ванными комнатами, канализацией, позднее (в 1900–1910-х годах) – подъёмными машинами (лифтами), электричеством и телефонной связью. В нижних этажах доходных домов, располагавшихся на центральных улицах города, на рубеже веков стали всё чаще размещать магазины, конторы, лавки, выставочные залы и т.д.

Плотная и относительно монотонная уличная застройка подталкивала владельцев к тому, чтобы сделать свой дом как можно более выразительным и заметным, ведь «лицо» дома превращалось в своеобразную рекламу недвижимости. Именно репрезентативное «лицо» дома обычно свидетельствовало о

его статусе. Разнообразие фасадным композициям придавали стилистические вариации, избранные владельцем или архитектором. В число часто используемых архитектурных форм и приёмов отделки входили крупные остеклённые витрины первых этажей, весьма популярные на рубеже веков и разнообразные по форме и величине балконы, эркеры и башенки, а также цвет фасадных поверхностей и скульптурный или керамический декор.

Доходные дома в творческом наследии Льва Кекушева занимают столь же существенное место, как и особняки. Его практическая архитектурная деятельность началась со строительства доходного дома наследниц Г.И. Хлудова на углу Неглинной и Театральной проезды по проекту С.С. Эйбушица. В дальнейшем заказы на доходные жилые дома сопровождали все периоды его жизни, причём заказы именно частных владельцев, а не страховых или акционерных обществ. (Единственным подобным заказчиком у Кекушева было Московское торгово-строительное акционерное общество, но этот доходный дом к концу строительства тоже оказался в частных руках).

Большинство построенных Кекушевым доходных домов – это лицевые трёх–четырёхэтажные дома с полуподвальными или подвальными этажами. Самым высоким из них стал пятиэтажный дом И.П. Исакова на Пречистенке. Он же получил наиболее сложную пространственную структуру с дворовым корпусом, перпендикулярным основному объёму по улице, и двумя дворами, раскрытыми к соседним владениям. Характерную систему планировки из двух последовательно расположенных за лицевым корпусом задних дворов имел также и доходный дом А.Я. Бабушкина на Покровке. Более ранние дома 1890-х годов были отделаны Кекушевым в формах поздней эклектики.

Фрагмент летнего декора

Летний фриз

Он был знатоком различных видов рустов, которые часто и с удовольствием применял в своих работах, и мастером создания оригинальных обрамлений дверных и оконных проёмов, в которых варьировал разнообразные мотивы архитектурных ордоров. Среди подобных построек тщательностью отделки выделялся доходный дом князя Оболенского-Нелидовского (Е. Кудрявцевой) в Варсонофьевском переулке.

С 1900-х годов доходные дома Кекушева носили уже явный отпечаток стиля модерн, причём в его авторской интерпретации. Особенно изысканно были отделаны дом В.И. Грязнова и его собственный доходный дом (А.И. Кекушевой) на Остоженке. Расположенные рядом друг с другом, по соседству с его же особняком и напротив им же отделанного особняка В.И. Лыжина, эти строения позволяют понять авторское понимание московской городской среды. Все эти сооружения индивидуальны по формам, ритму, цвету, декору, и все тщательно детально прорисованы.

Очевидно, что фронт кекушевской застройки заметно отличался по архитектурному качеству от современной ему застройки московских улиц и переулков, что позволяет почувствовать умозрительную кекушевскую Москву – разнообразную, разноцветную, представлявшую разные варианты нового стиля или современной трактовки эклектических мотивов, но удивительно пластичную и превосходно отделанную во всех своих деталях. Не случайно в тех постройках, которые были существенно выше окружающих зданий, архитектор уделял большое внимание брандмауэрным стенам, превращая их в эффектные пластические композиции. Его город – это единство в многообразии, то есть как раз то, что всегда составляло самую характерную и оригинальную черту московской застройки.

ДОХОДНЫЙ ДОМ ХРАМА СВЯТОГО ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА, ЧТО НА БОЛЬШОЙ ДМИТРОВКЕ

1893–1894 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Большая Дмитровка ул., д. 30/1 (Петровский пер., д. 1), стр. 3

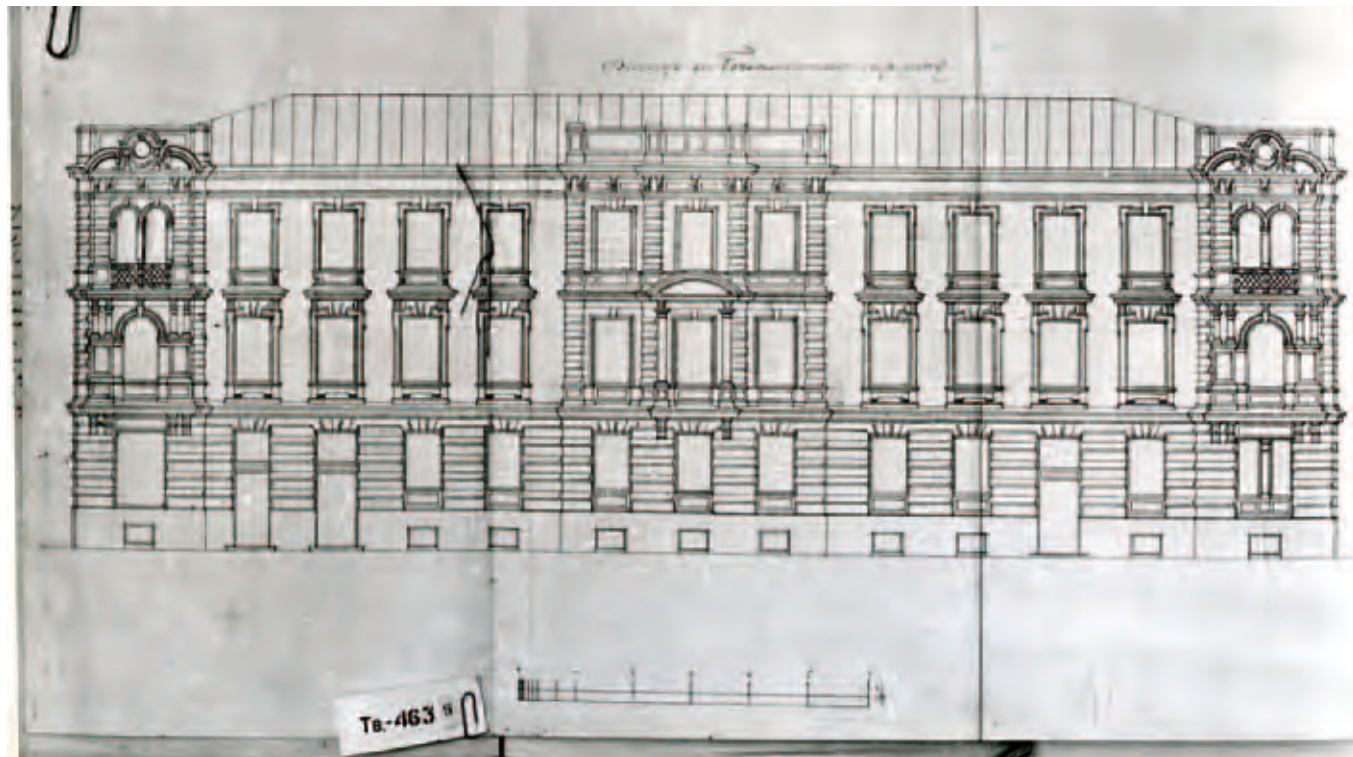
Храм святого Григория Богослова на Большой Дмитровке, известный с XVI века, занимал участок на углу Большой Дмитровки и переулка, соединявшего её с Петровкой, впоследствии названного по церкви – Богословским. Само здание церкви, выстроенное до 1686 года, а затем перестроенное на средства Бутурлиных в 1709 году, простояло до советского времени, а в 1930 году было снесено. Рядом с этим, ныне не существующим храмом, на территории церковного владения Л.Н. Кекушев и возвел в 1893–1894 годах нарядное жилое здание, которое сформировало одну из сторон маленькой внутриквартальной площади около храма.

Первоначальный проект постройки, разработанный ещё в 1888 году архитектором С.И. Тихомировым, в конце концов был отвергнут из-за некоторых несоответствий проекта заказу, конфликта настоятеля храма с арендатором дома, завывшим оговоренную площадь под хозяйственные постройки, а также потому, что в проекте не было соблюдено требуемое пятисаженное расстояние между колокольной церковью и предлагаемым строением, и, наконец, потому, что переулок предполагалось расширить. Однако через четыре года причт во главе с настоятелем вновь обратился в Московскую городскую управу с просьбой все-таки разрешить постройку дома, объясняя это бедностью прихода, для которого он станет единственным источником средств к существованию. Поскольку решение о расширении Богословского переулка было к тому времени отменено, после нескольких лет бумажной волокиты и проектных переделок разрешение на строительство было дано. Все прежние строения в угловой части владения были сломаны, и доходный дом был построен по новому кекушевскому проекту.

Доходный дом Григорие-Богословской церкви имел три респектабельных жилых этажа и полуподвал. Внушительный облик здания формируют элементы ренессансной архитектуры: рустованный

На предыдущей странице – кованный узор балконного ограждения

Фасад доходного дома Григорие-Богословской церкви. Архитектор Л. Кекушев. Проект 1893 г.

Вестибюль первого этажа

первый этаж (руст – «желобчатый»), мощный цоколь, из-за перепада рельефа достигающий вдоль переулка высоты полноценного этажа, и ряд высоких полуциркульных окон второго этажа, аппликативные обрамления которых завершены мощными сандриками, почти касающимися друг друга и образующими дополнительную горизонтальную тягу фасада. Разнообразие в фасадную композицию вносят угловые ризалиты очень небольшого выноса, украшенные во втором, парадном, этаже небольшими балконами. Их дверные проёмы оформлены в виде пилястровых портиков под фронтонами – потомков римских эдикул.

Самым ярким элементом доходного дома Григорие-Богословской церкви по праву считаются выразительные кованые решётки этих балконов, в которых декоративное и орнаментальное дарование Л.Н. Кекушева проявилось наиболее полно. Их рисунок, напоминающий геральдическую композицию, подхваченную с обеих сторон тонкими, струящимися линиями изящных завитков, создает визуальный акцент, приковывающий внимание и во многом определяющий архитектурно-художественное качество целого.

В советское время здание было надстроено двумя этажами и таким образом утратило силуэт и пластику её первоначального вида. Со стороны двора к зданию были пристроены две лифтовые шахты. Отделка подъездов, лестничных клеток и лепнина потолков в квартирах частично сохранились и демонстрируют те же солидные эклектичные ренессансные формы, что и фасады.

Керамическая напольная плитка в вестибюле первого этажа

Обломы надоконного сандрика

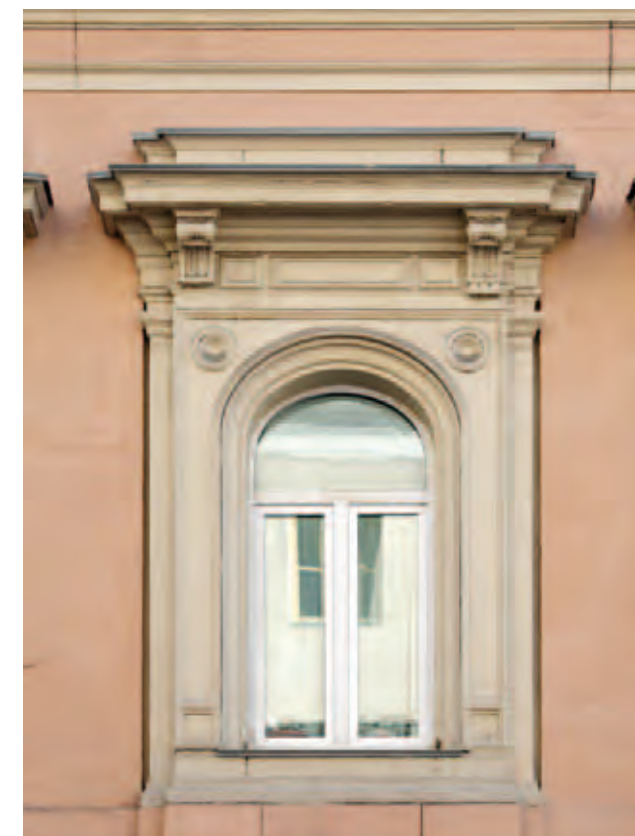
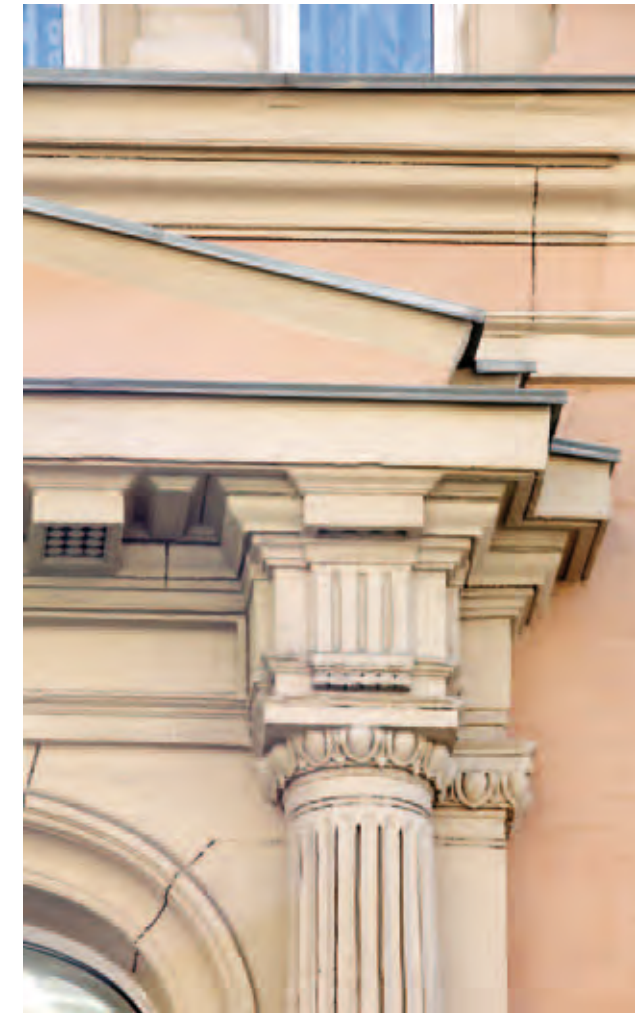
Кованая решётка лестничного ограждения

Фрагмент бокового фасада доходного дома с проездной аркой во внутренний двор

Фрагмент декора окна

Обломы сандрикса эдиккулы второго этажа

Общий вид доходного дома

Летнее завершение сандрикса эдиккулы второго этажа

ДОХОДНЫЙ ДОМ НАСЛЕДНИЦ ХЛУДОВЫХ

1894–1896 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Театральный пр., д. 3/1/2 (Рождественка ул., д. 1, Неглинная ул., д. 2), стр. 1

Значительная роль Л.Н. Кекушева в постройке комплекса Центральных («Китайских») бань сделала закономерным приглашение зодчего для воплощения следующего замысла энергичных наследниц Г.И. Хлудова – строительства обширного торгового дома, который должен был занять оставшуюся часть квартала между Неглинной и Рождественкой, обращённую к Китай-городу, и таким образом завершить формирование его лицевой стороны вдоль Китайгородского (ныне Театрального) проезда.

Этот монументальный дом, несомненно, стал самой крупной и значимой для Москвы постройкой Льва Кекушева 1890-х годов. В мае 1894 года архитектор представил в Московскую городскую управу прошение на возведение четырёхэтажного здания под магазины на углу Рождественки и Китайгородского проезда; в ноябре 1895 года было подано следующее прошение о сохранении временного забора и лесов на строящемся сооружении. Таким образом, строительство было закончено не раньше 1896 года.

Объём нового дома максимально плотно занял отведённый ему участок. Между ним и трёхэтажным корпусом дешёвых бань был оставлен лишь небольшой проезд. Первые два этажа предназначались для торговых помещений, на третьем должны были находиться частью магазины, частью жилые квартиры, а четвёртый этаж был занят квартирами и гостиницей Карла Дюсо. Здание было выстроено из кирпича, подвалы перекрыты цилиндрическими и крестовыми сводами. Внутренний двор постройки прямоугольной формы не имел архитектурной отделки, службы во дворе выполняли функцию связи с магазинами и складами в подвалах.

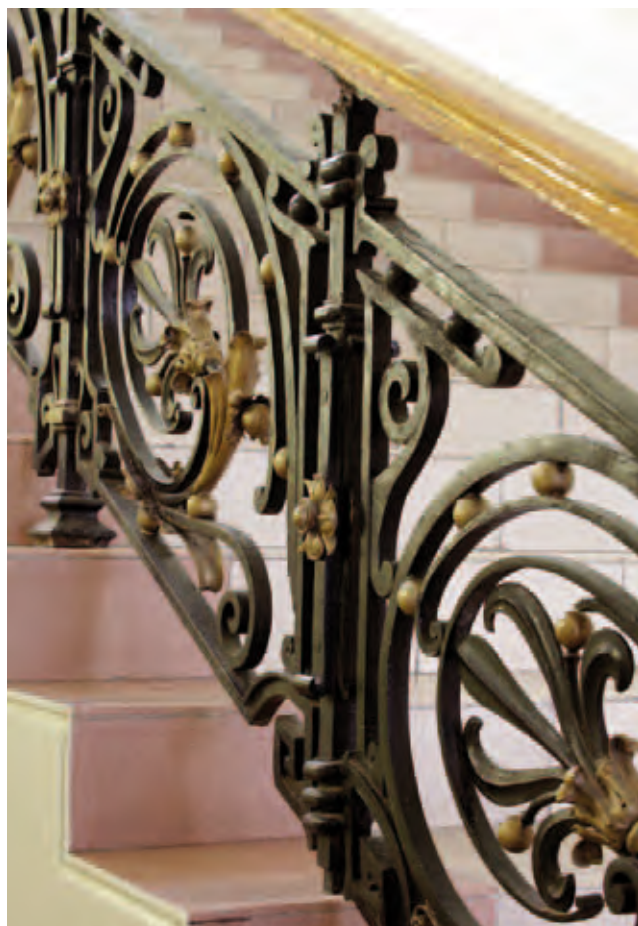
Выстроенный в 1894–1896 годах доходный дом наследниц Хлудова в совокупности с примыкавшими к нему с западной стороны банями, по существу, представлял собой полифункциональный комплекс нового типа, помимо торгового дома с магазинами,

Боковой и часть дворового фасада доходного дома наследниц Хлудовых в Театральном проезде

Театральный проезд. Архивное фото начала XX века

*Парадный вход
Фрагмент лестничного ограждения*

Лестничный марш с кованым ограждением

Летное украшение свода парадного входа

вмещавший конторы, выставочные залы и жилые квартиры. Незаурядность постройки определялась крупным масштабом, высоким качеством строительства, обилием скульптурного декора, и наконец её современным и одновременно неуловимо «московским» обликом. В отличие от соседнего здания, дом не имел главного фасада по Театральному проезду – да фактически его не было вовсе. Центром композиции служила угловая часть сооружения, обращённая к Лубянской площади; по её оси проходила ось симметрии ближайших к углу частей постройки, хотя крыло, расположенное вдоль Рождественки, было на один плановый модуль короче. Задуманный архитектором эффектный купол – популярный в Западной Европе элемент крупных торговых галерей и пассажей. Однако в Москве столь массивные купола имелись только на храмах. Примечательно, что первоначально по проекту купол должен был быть ниже и без ярусного бельведера. Скорее всего, в процессе строительства Кекушев решил усилить его роль в силуэте центра Москвы, для чего и был использован бельведер, откуда открывался замечательный вид на Кремль и Китай-город.

Нельзя не обратить внимание на то, как умело архитектор визуально объединил торговый дом наследниц Хлудовых с их же соседним, построенным ранее, доходным домом. Во-первых, совпадают горизонтальные членения построек – горизонтальную тягу над двумя нижними этажами постройки С.С. Эйбушица продолжает мощная тяга над высоким первым торговым этажом кекушевского строения, а широкий карниз доходного дома продолжает междуэтажная тяга над третьим этажом торгового, причём ризалиты последнего по бокам фасада, выходящие на Театральный проезд, были принципиально схожи с аналогичными частями соседней постройки, завершают на этом уровне такие же по выносу карнизы с модульонами. Во-вторых, в постройке Кекушев также использовал каннелированные коринфские колонны большого ордера, объединяющие второй и

третий этажи; а, кроме того, повторяются и некоторые детали отделки – крупный руст нижней части сооружения и другие элементы лепного декора. Наличие мелкомасштабных элементов декора, во многом традиционных для Москвы, делало органичным её вхождение в городскую среду.

В остальном же эта постройка была совершенно оригинальна. Нельзя не заметить, что в ней впервые была применена ритмически необычная фасадная схема, вскоре ставшая визитной карточкой многих торговых построек Москвы. Первый этаж, трактованный как основание, вместе с крупными оконными проёмами второго и третьего этажей, составлял основное тело постройки; а четвёртый – с частым ритмом сравнительно небольших узких окон – выполнял в композиции роль своеобразного аттика. Это делало постройку очень цельной и давало возможность выразительно организовать её ритм и пластику. Тот же принцип организации фасада вскоре использует Роман Клейн в шикарном торговом доме «Мюр и Мерилиз» на Кузнецком Мосту (1896–1898); Франц Шехтель – в торговом доме товарищества М.С. Кузнецова на Мясницкой (1898–1903) и в торговом доме В.Ф. Аршинова (1899–1900); Борис Фрейденберг (совместно с С.М. Калугиным) – в Петровском пассаже (1903), а особенно точно – Илларион Иванов-Шиц в доме А.С. Хомякова на углу Петровки и Кузнецкого Моста (1898–1900), в котором были использованы и многие другие композиционные находки Кекушева. Очень оригинально была разработана крупная, в высоту трёх этажей (начиная со второго), арочная композиция на углу постройки. Её глубину подчёркивал огромный полуциркульный проём четвёртого этажа. На втором этаже доходного дома впервые появились фирменные – «кекушевские», чрезвычайно рафинированные абрисы окон, архитектурно и пластически разработанные дверные рамы и оконные импосты.

Сооружение в первое время абсолютно царило среди окружающей двух-трёхэтажной застройки, а

Доходный дом Хлудовых. Вид с Театрального проезда
Сложно декорированный карниз дома

его крупный выразительный купол добавлял свой мощный аккорд в оригинальный многобашенный силуэт этой части московского центра, перекликаясь с шатрами Третьяковского проезда и средневековой Владимирской башни Китай-города, куполами высокой Пантелеймоновской часовни, церковью во имя иконы Владимирской Божией Матери и Троицкой, «что в Старых Полях», на Никольской улице.

Его нельзя было не заметить: поэтому закономерна восторженная реакция многих профессиональных изданий. Отличная фотография дома наследниц Хлудовых была опубликована в первом же номере «Архитектурных мотивов», что также свидетельствует о его новаторском характере и заметной роли в Москве 1900-го года. В 1902 году «Московский листок», публикуя фотографии двенадцати наиболее красивых новостроек Москвы, не обошёл и дом наследниц Г.И. Хлудовых.

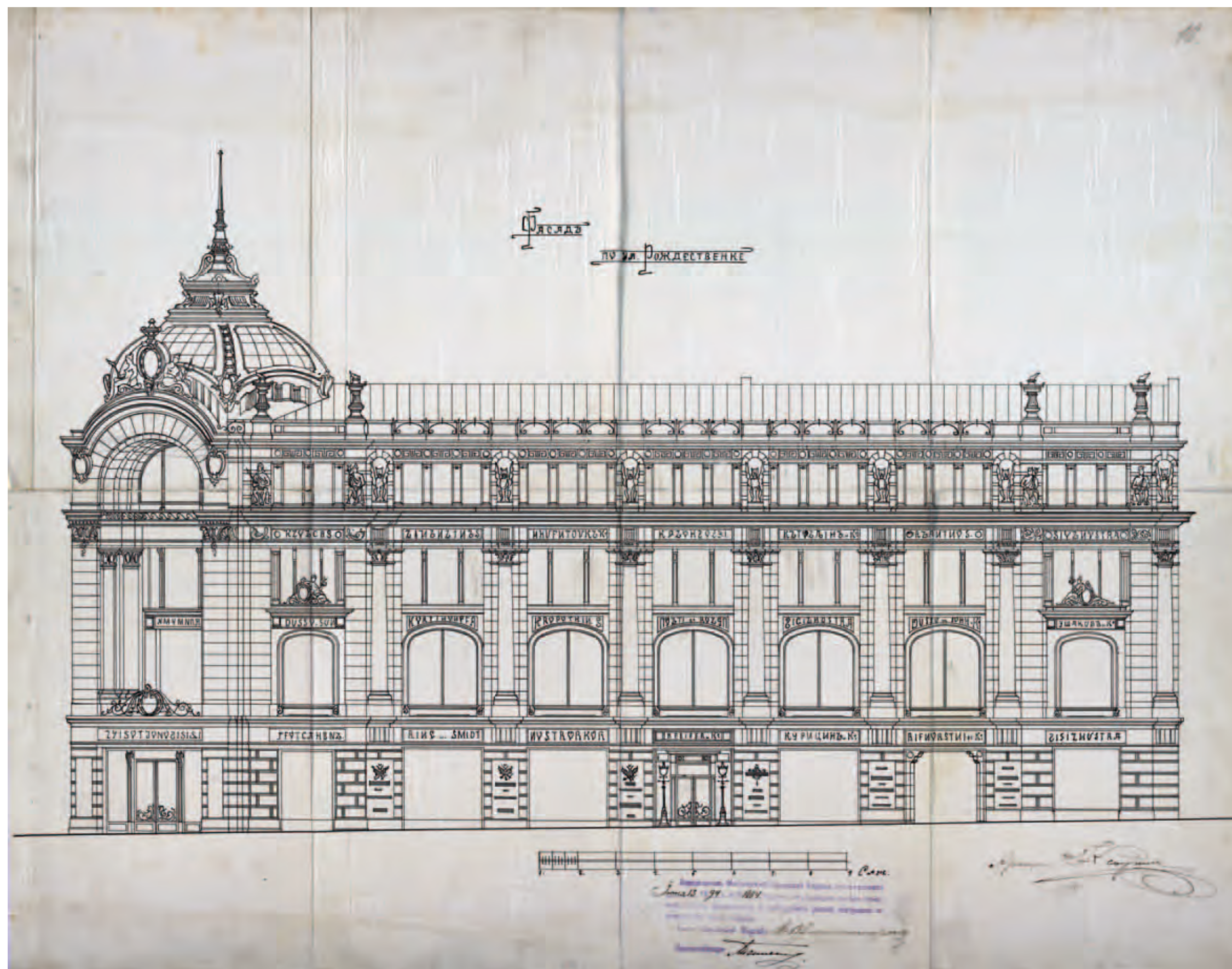
Популярности дома способствовало и высокое качество строительства, которое также станет отличительной чертой лучших произведений Льва Кекушева. Штукатурные и каменные работы в доме Хлудовых производил П.И. Кононов, владелец завода по изготовлению гипса и алебастра из казанского и муромского камней, контора которого находилась в Тетеринском переулке. Этот подрядчик брался за полный комплекс необходимых строительных работ – и наружных, и внутренних. Главным козырем для его рекламы с этого времени станет именно дом Хлудовых. По-видимому, именно тогда начался тесный контакт Кекушева и с цинколиейным заводом «Георг Польш», располагавшимся на Петербургском шоссе. Вазы, канделябры и скульптурные группы, выполненные из цинка, со времени этой постройки также стали частым атрибутом построек зодчего.

Наиболее эффектно были оформлены зодчим лестницы торгового дома. Парадный вход с Китайгородского проезда имел прихожую, покрытую впарушенным сводом, с лепным плафоном и парусами, а также эффектными, полуциркульными в верхней ча-

сти нишами со стационарными лепными вазами для цветов. Бортики первого марша между прихожей и вестибюлем были оформлены лепными завитками. Очень красиво была отделана и основная междуэтажная лестница с орнаментальными коваными ограждениями, у подножия которой стоял высокий кованый фонарь. Со стороны Рождественки также был устроен второй парадный вестибюль так же с двухмаршевой лестницей, имевшей оригинальное кованое ограждение, демонстрировавшее характерные приёмы кекушевского рисунка.

В обширных, светлых помещениях торгового дома наследниц Хлудовых разместились многие известные в то время фирмы, магазины, питательные заведения и общественные организации. Например, в начале 1900-х годов здесь находились московское отделение «Русского общества Шуккерт и Ко», выполнявшего заказы на устройство электрического освещения и электропередач для трамваев; парфюмерный магазин торговой фирмы «Эмиль Бодло и К°»; ресторан «Ялта» и бар «Товарищества трёхгорного пивного завода»; букинистический магазин Ивана Фадеева и магазин фотопринадлежностей «Ф. Иоахим и К°»; Русское общество любителей фотографии; Московское отделение Русского технического общества с «Музеем содействия труду»; синемаграф «Экспресс». Здесь же, на третьем этаже, находились популярные в творческой среде квартиры, где, кстати, некоторое время жили сам автор – Лев Николаевич Кекушев, его ближайший коллега и однокурсник Илларион Иванов-Шиц, Иван Жолтовский, актриса Московского Художественного театра М.Ф. Андреева и другие. В феврале 1909 года в здании состоялась выставка картин, организованная редакцией самого дорогого московского журнала «Золотое руно», к которому тяготели московские символисты.

В 1917 году в этом здании находилось домовладельческое акционерное общество Н.К. фон Мекк. После революции здесь разместился Москомхоз (Московское коммунальное хозяйство), в 1924–1925 годах на 3-м этаже сооружения хранились фонды Московского коммунального музея, во главе которого стояли известные москвоведы П.В. Сытин и П.Н. Миллер. Фундаментальность постройки и её расположение в центре Москвы предопределили её дальнейшую судьбу. В 1933–1934 годах оба доходных дома наследниц Г.И. Хлудовых по Театральному проезду были надстроены и реконструированы для административных целей. Особенно капитально, по проекту архитектора С.Е. Чернышёва, был перестроен торговый дом, надстроенный ещё тремя этажами и фактически полностью утративший свою важную градостроительную роль: дом Хлудовых лишился массивного купола, всей архитектурной декорации и многих элементов объёмно-пространственной композиции. В настоящее время в здании располагается Министерство транспорта Российской Федерации.

Доходный дом наследниц Худовых. Проект фасада вдоль Рождественки.
Архитектор Л. Кекушев, 1894 г.

Окна различной формы на дворовом фасаде здания
Фрагмент интерьера парадного входа

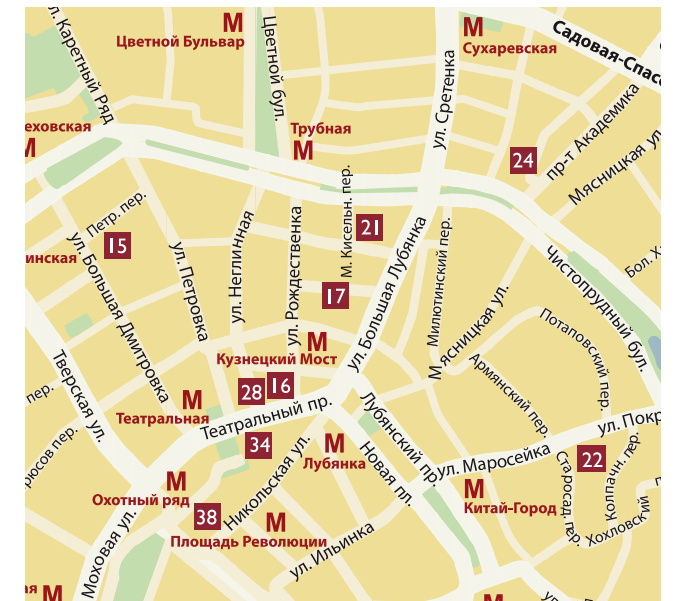

ДОХОДНЫЙ ДОМ КНЯЗЯ В.С. ОБОЛЕНСКОГО-НЕЛЕДИНСКОГО (Е.П. КУДРЯВЦЕВОЙ)

1896–1898 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Варсонофьевский пер., д. 6, стр. 1

Как и все владения в центре Москвы, участок, где впоследствии расположился доходный дом князя В.С. Оболенского-Нелединского, имеет богатую предшествующую историю. В конце XVIII века он входил в купеческое владение Д.П. Плетнева, затем, в 1820-х годах, был разделен на три части. Наследнику Плетнева достался западный участок, где он и возвел первый каменный двухэтажный дом по красной линии переулка. Различные постройки, жилые и хозяйственные, достраивали и последующие владельцы. В конце 1850-х годов владение принадлежало потомственным почётным гражданам Москвы Губкиным, затем Мусатовым и т.д. Наконец в 1890-х годах князь Оболенский-Нелединский сломал все предшествующие строения и застроил своё владение, располагавшееся напротив теперь уже не существующего Варсонофьевского монастыря, тремя новыми жилыми корпусами – лицевым и двумя дворовыми – для сдачи квартир внаём. Однако доходный дом недолго принадлежал заказчику, который фактически сразу после окончания строительных работ в 1898 году продал его потомственной почётной гражданке Москвы Екатерине Павловне Кудрявцевой, владевшей им до 1917 года.

Четырёхэтажный, с подвалом и полуподвалом, жилой доходный дом по линии переулка относится к числу сравнительно ранних московских произведений Льва Кекушева. Объёмно-пространственная структура этого солидного сооружения была очень проста и представляла собой прямоугольный в плане секционный дом, расположенный вдоль переулка, с двумя перпендикулярными ему дворовыми корпусами, которые практически были лишены фасадной отделки. Дом относился к классу респектабельного московского жилья, квартиры были отделаны лепниной и снабжены каминами: недаром в нём жили композитор А.Н. Скрябин, а позднее – архитектор И.В. Жолтовский.

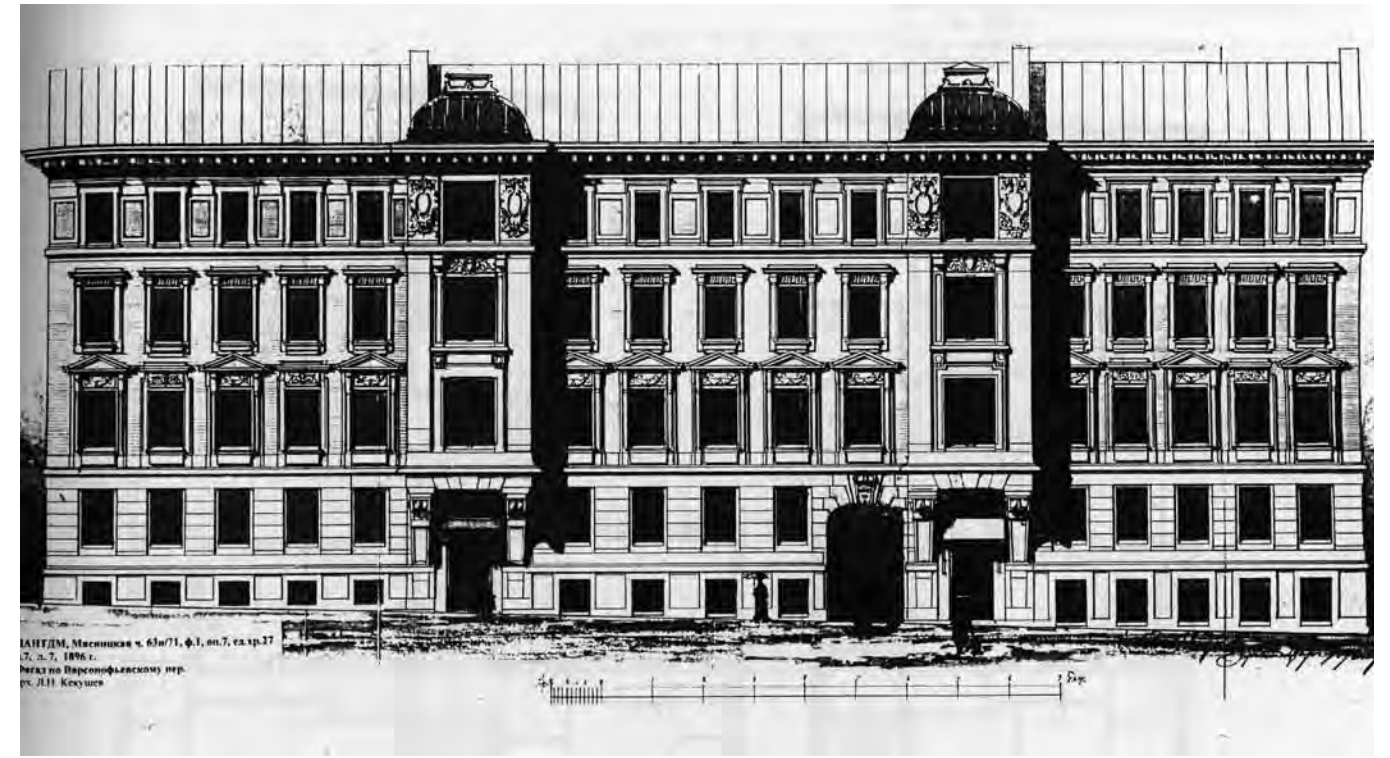

На предыдущей странице – декорированная консоль эркера на фасаде здания

Общий вид доходного дома В.С. Оболенского-Нелединского
Кованный козырёк над входом в дом со стороны переулк

Фасадная плоскость лицевого дома, раскрепованная двумя прямоугольными трёхэтажными эркерами с полуциркульными окнами над двумя парадными подъездами, была симметрична (общую симметрию нарушала только проездная арка, ведущая во двор) и зажата между соседними равновеликими доходными строениями. Обращённый на север и редко освещавшийся солнцем фасад, тем не менее, был ювелирно разработан пластически. Четыре строчки окон были отделены друг от друга горизонтальными тягами – самая развитая была устроена в виде сомкнутых сандриков над окнами второго этажа – и увенчаны довольно глубоким карнизом с модульонами. Стена первого этажа была обработана изящным греческим рустом, а окна помещены в неглубокие прямоугольные ниши. Наибольшую изобретательность зодчий проявил в оформлении сложных профильных наличников окон остальных трёх этажей. Здесь впервые появляется характерный для Кекушева мотив аппликации, то есть плоского многослойного накладного архитектурного декора, создающего богатый рельеф фасадной поверхности. Таковы подоконные полочки и замковые камни над окнами второго этажа, накладные обрамления окон третьего и четвёртого этажей, оригинальные накладки над окнами третьего этажа и некоторые другие детали. Приём накладок-аппликаций позволял создать пластические и световые нюансы, подчёркивающие тонкость проработки стены и создающие у прохожего объективное ощущение добротности и респектабельности постройки.

Доходный дом князя В.С. Оболенского-Нелединского в Варсонофьевском переулке. Проект фасада. Архитектор Л. Кекушев, 1896 г.

Маскарон на фасаде дома

Стилистическую принадлежность постройки определить довольно сложно, хотя в ней есть явные приметы классической архитектуры и черты, роднящие её с сооружениями так называемой классицизированной эклектики; их трактовка достаточно проста, оригинальна и современна, что говорит о постепенном отказе московских застройщиков от чересчур пышной декорации фасадов. В целом дом – плоть от плоти рациональной московской архитектуры поздней эклектики, органично связывающей городские кварталы, да и всю застройку Москвы в единое целое. Впрочем, в постройке есть и более точно определяемые детали. Как и «греческий» руст, кронштейны под эркерами, украшенные пальметтами и подобию акротериев, явно относятся к элементам стиля «неогрек». Подобные мотивы демонстрировали и изящные кованные зонтики над входными дверями. Использование орнаментики этого стиля – одна из характерных черт почерка Кекушева, получившая развитие и в его более поздних работах.

До капитальной реконструкции 1990-х годов дом сохранял не только фасады и пространственно-планировочную организацию, но и первоначальное архитектурное оформление лестничных клеток, перекрытых сводами Монье и декорированных простыми штукатурными тягами и профилями. Декоративные ограждения лестничных маршей были выполнены из чутунного литья, а в широких окнах была ещё первоначальная столярка. В настоящее время только тщательно отреставрированный главный фасад сохраняет достоверный облик этой работы зодчего.

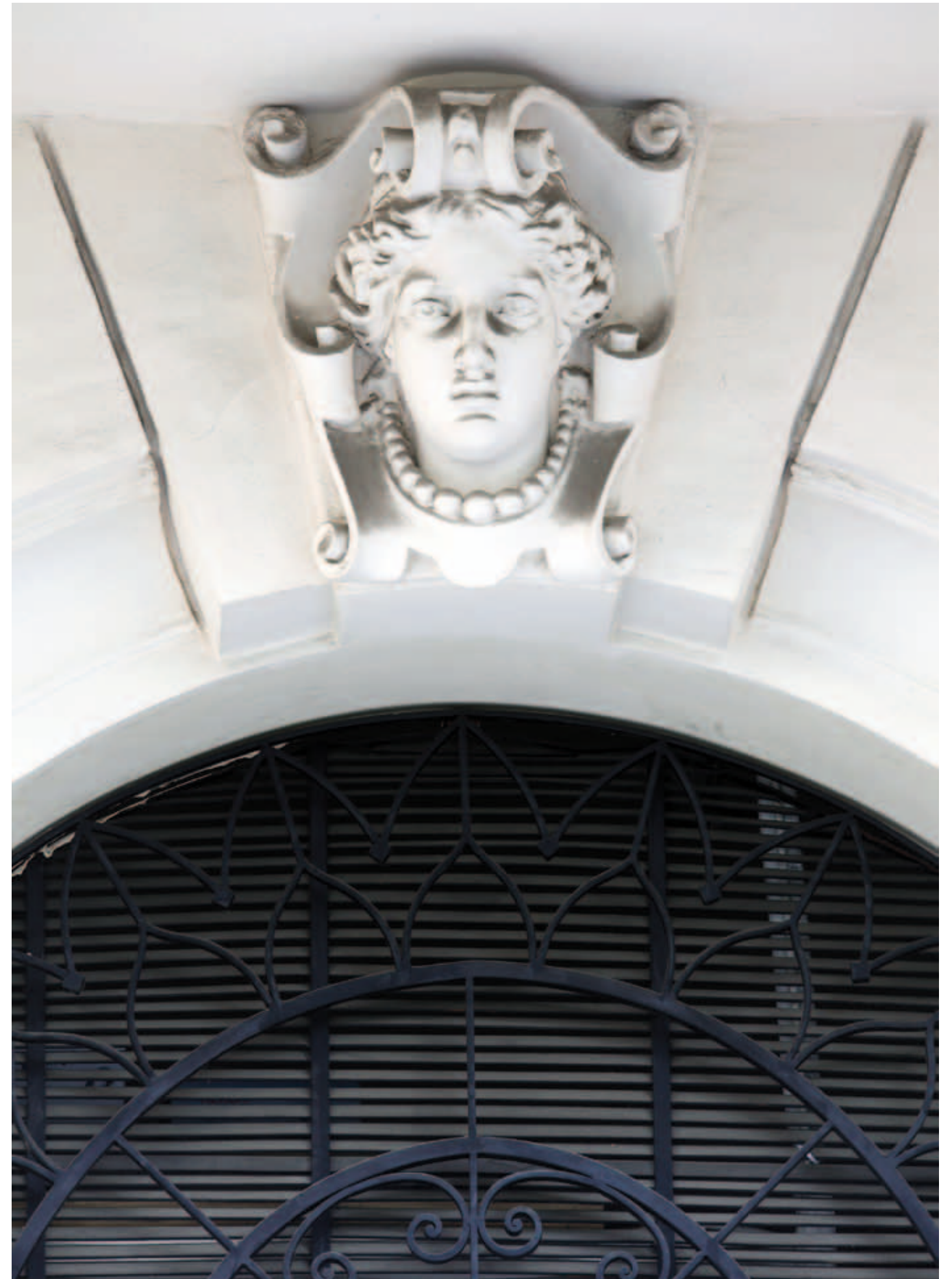
Фрагмент фасада. Окна третьего этажа
Летняя филёнка над окном фасадного эркера

Парадная лестница дома

Чугунные элементы лестничного ограждения

Маскарон на фасаде дома

ДОХОДНЫЙ ДОМ Я.А. БАБУШКИНА

1897 г., архитектор Л.Н. Кекушев
Покровка ул., д. 29

Район, где впоследствии появился доходный дом Я.А. Бабушкина, относится к землям средневековой Барашевской слободы. После Петровского указа об отмене слобод бывшие надельные в этом относительно малонаселенном районе города стали скупать для устройства усадеб. Одна из таких усадеб и занимала с середины XVIII века данное владение – это была усадьба итальянца А.Н. Кампионе (зубного врача), владевшего ею до 1806 года. Дальнейшую судьбу этого района предопределил 1812 год, когда здесь сгорели все деревянные строения. Затем территория этого участка городской земли вошла в городскую усадьбу И.П. Лобкова, но до 1890-х годов фактически пустовала – здесь располагался склад дров и лесного материала и крошечная лавка по улице. В начале 1890-х годов наследники Лобкова разделили обширное владение на четыре части, три из которых продали. Одним из покупателей и был крестьянин Яков Андрианович Бабушкин, который стал заказчиком представительного доходного дома у архитектора Льва Кекушева. Принадлежность состоятельного заказчика к крестьянскому сословию не была редкостью в Москве – многие представители московского купечества принадлежали именно к нему. К примеру, сын Бабушкина, Егор Яковлевич (р. 1860), владевший паркетной фабрикой в Москве на Петербургском шоссе, с 1888 года был купцом 2-й гильдии.

Видимо, по требованию заказчика, предполагавшего получить максимальный доход от сдачи помещений внаём, выстроенный жилой комплекс почти полностью занимал территорию владения. Четырёхэтажный лицевой корпус дома с несколько заглубленным дополнительным цокольным этажом и подвалом, расположенный вдоль Покровки, имел две прямоугольные проездные арки – центральную и боковую, ведущие во внутренние дворы. Они были частью системы из семи проездов, соединявших два дворовых жилых корпуса, расположенных друг за

Потолочный декор парадного подъезда

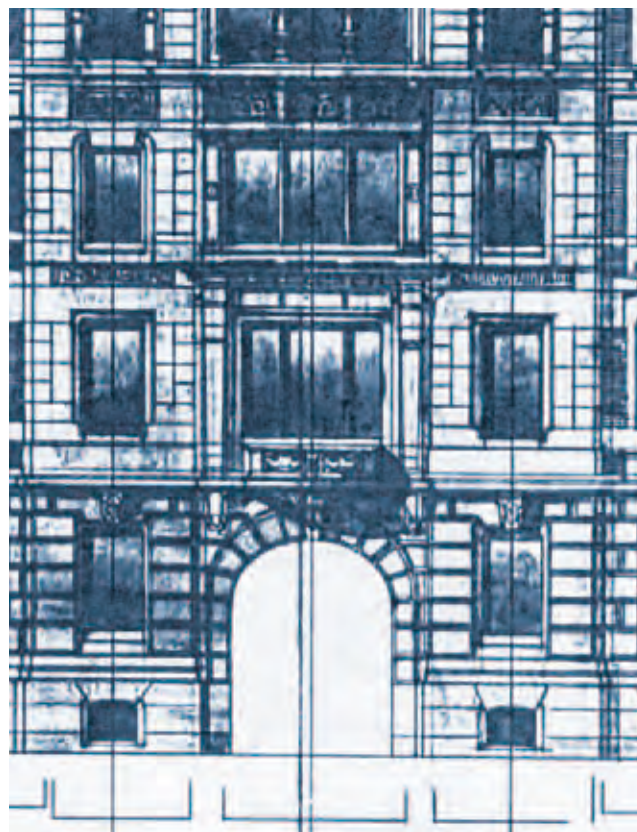
*Доходный дом Я.А. Бабушкина на улице Покровка.
Проект фасада. Архитектор Л. Кекушев, 1897 г. (фрагмент)*

другом параллельно лицевому и дополненных корпусами-перемычками. Таким образом, создавалась сложная структура из пяти разных по форме и величине внутренних двориков, из которых два были основными. В 1902 году новый хозяин комплекса мещанин А.И. Титов задумал ещё повысить доходность владения, надстроив все корпуса до 5-6 этажей (это позволяли запасы прочности фундаментов), но этот проект реализован не был, и дом сохранился до наших дней почти без перестроек.

Планировка двухподъездного дома, выполненная зодчим, была по-своему образцовой для своего времени. По московской традиции в лицевом корпусе располагались наиболее уважаемые квартиры, обращённые окнами на улицу. Они имели по 4–7 жилых комнат, ванную и кухню со смежной с нею комнатой прислуги. В таких квартирах кроме входа с парадной лестницы, выходившей на Покровку, были и чёрные лестницы для прислуги.

Осуществлённая фасадная композиция дома Я.А. Бабушкина несколько отличается от проектного чертежа, что не является редкостью в практике Льва Кекушева. Архитектор нередко переделывал проекты в процессе постройки, рассматривая утверждённые Управой чертежи в основном как разрешение на строительство. В отличие от проектного фасада, пышнее декорированного, но более однородного, осуществлённая композиция имела чётко выраженный центр, подчеркнутый размещением высокой арки проезда во двор и двумя неглубокими эркерами, идущими со второго этажа. Дом сдержан в декоративном отношении, его немногочисленные лепные орнаменты относятся к стилю «неогрек», однако акцентом фасадной композиции является решение широких трёхчастных окон над проездной аркой, которые на втором и третьем этажах превращены автором в парафраз классической композиции. Характерная классицистическая композиция из пилястр, в данном случае с женскими гермами, поддерживает мощный антаблемент, над которым устроено огромное полуциркульное арочное окно, обрамлённое нарядным архивольтом; окно последнего этажа фланкировано мощными модульонами. Фасады доходного дома демонстрируют несколько типов руста, более рельефного на стенах неглубокого центрального ризалита, отмеченного двумя чуть выступающими эркерами и проездной аркой во двор. На плоскости фасада сохранились два металлических балкона с изящными ограждениями. Дворовые корпуса оставлены почти без наружной отделки.

Завершение центральной части дома, видимо, было перестроено в советское время и утратило первоначальные формы.

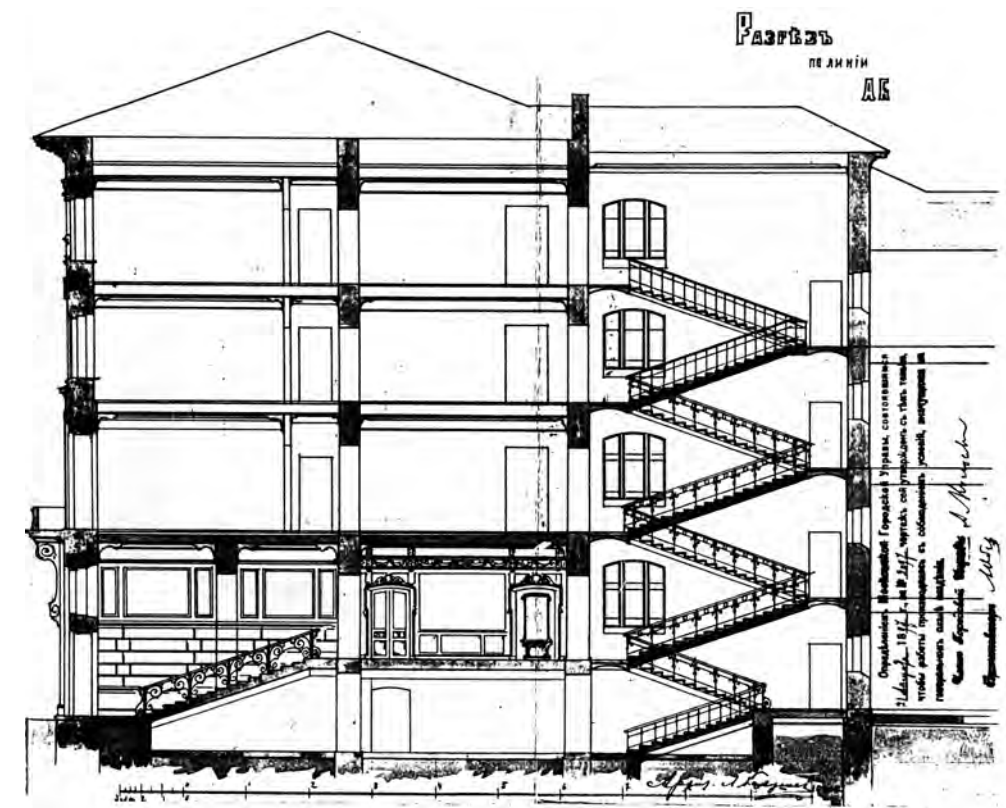
Общий вид парадного подъезда со стороны Покровки

Напольная плитка в подъезде дома

Разрез дома, выполненный Л.Н. Кекушевым. «Определением Московской Городской управы, состоявшемся 21 августа 1897 года, за № 2097 чертеж сей утвержден с тем только, чтобы работы производились с соблюдением условий значащихся на генеральном плане владения». – Подпись на архивном документе

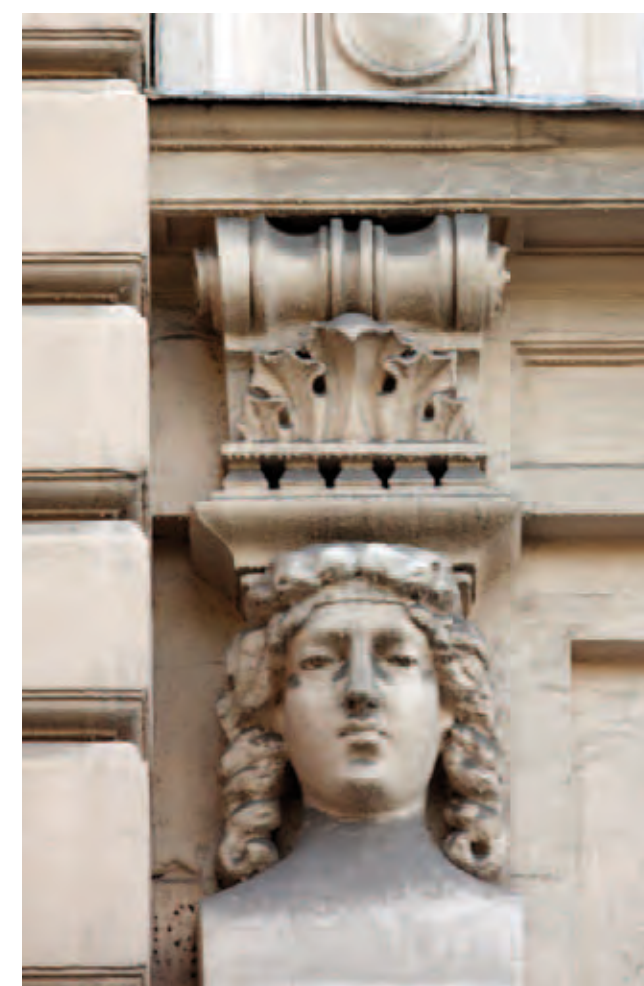

Декоративная орнаментальная филёнка фасада

Центральная часть фасада дома

Часть дворовых фасадов дома
Вход в подъезд со стороны Покровки

Летний надоконный сандрик и окно
Женская герма в оформлении окна второго этажа в центре фасада

Ручка двери в квартиру в доме Я.А. Бабушкина

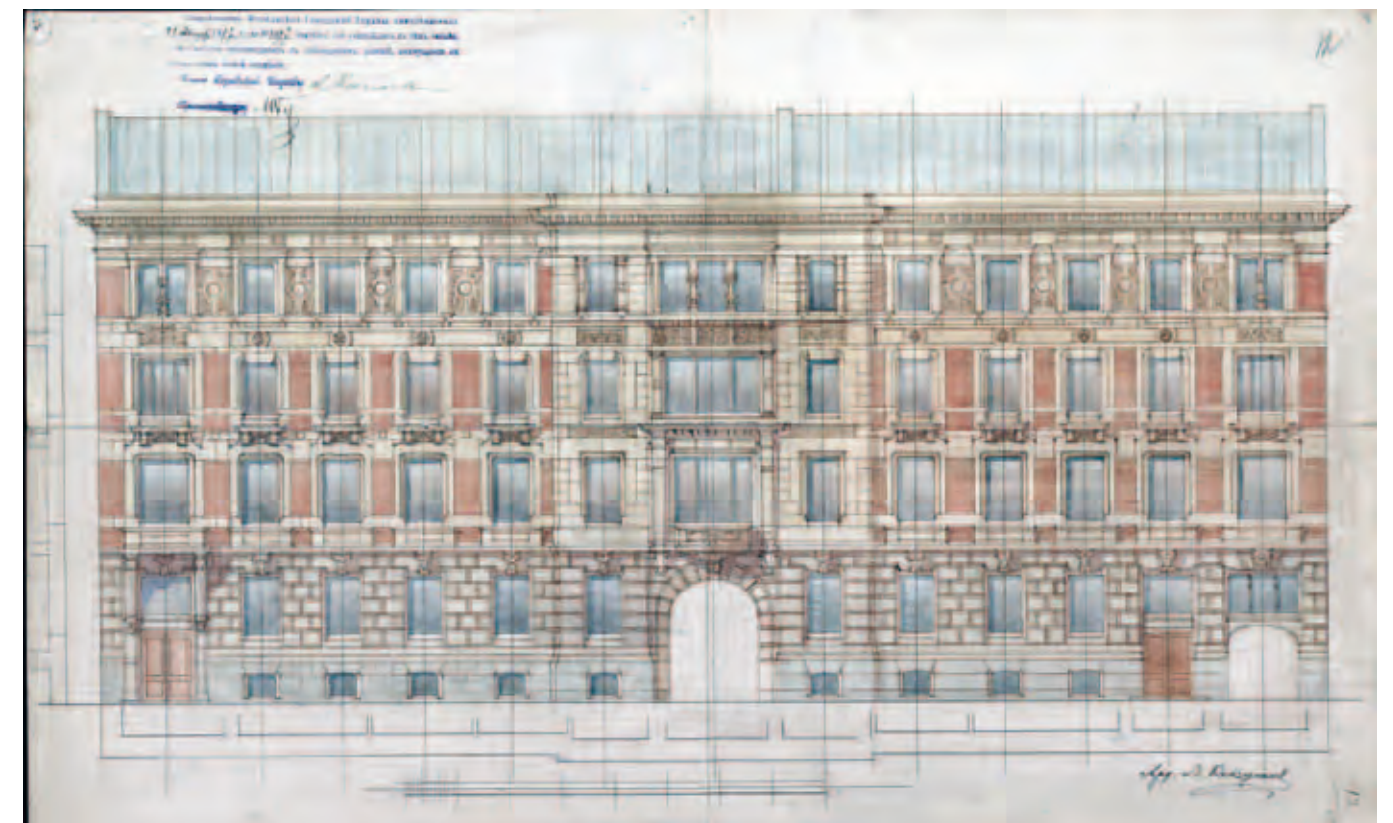
Внутренний двор дома

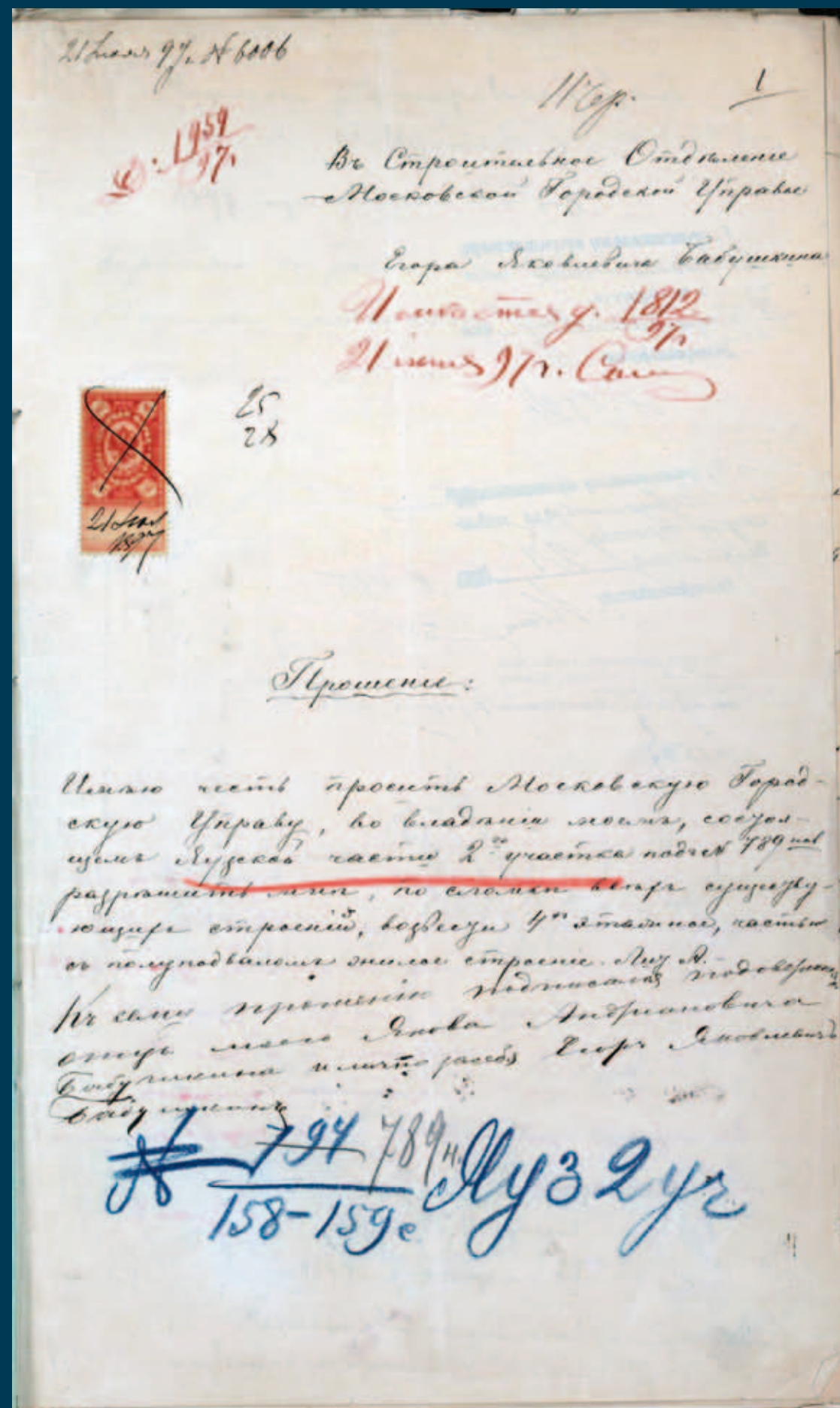
Чугунная колонка ограждения лестницы
Лестничный марш

Общий вид дома со стороны Покровки

Доходный дом Е.А. Бабушкина на улице Покровка. Проект фасада.
Архитектор Л.Н. Кекушев. 1897 г. Центральный архив научно-технической
документации Москвы

Простение Е.Я. Бабушкина в Строительное отделение Московской городской
управы о разрешении строительства в его владении жилого здания.
21 мая 1897 г. Центральный архив научно-технической документации Москвы

Фрагмент декора арочного окна в центре фасада

ДОХОДНЫЙ ДОМ В.И. ГРЯЗНОВА

1901 г., архитектор Л.Н. Кекушев
Остоженка ул., д. 17, корп. 1

На протяжении своей истории это городское владение сменило многих хозяев, среди которых были представители аристократических и купеческих семей. В 1899 году его приобрели купцы А.И. Чернов – староста церкви Воскресения Христова на Остоженке, В.И. Грязнов, занимавшийся торговлей чаем, и С.П. Медведев. Они и построили в 1901 году рядом с Воскресенской церковью XVII века, теперь не существующей, доходный дом по проекту архитектора Кекушева. Благодаря списку построек, составленному самим Львом Николаевичем, мы знаем, что его автором был именно он, хотя представленный на утверждение в Управу проект им подписан не был – как и в других случаях, архитектор избегал тратить время на подготовку и подачу документов в утверждающие органы. Проект был подан в Управу в 1901 году за подписью постоянного помощника Кекушева архитектора С.С. Щуцмана, но действительная принадлежность сооружения самому мастеру не вызывает сомнений из-за его очевидного архитектурного совершенства. Эта постройка – несомненно, один из лучших жилых домов в его творчестве.

Дом небольшой, трёхэтажный, с полуподвалом. Асимметричная композиция фасада весьма компактна и производит внушительное впечатление благодаря крупным масштабам составляющих его элементов. Северная сторона постройки, ранее примыкавшая к церковному участку, где стояла симпатичная пятиглавая церковь Воскресения Словущего на Остоженке, подчеркнута фасадным ризалитом. Все детали дома пластически и декоративно увеличены: руст первого этажа на всем объёме – горизонтальный, на ризалите – желобчатый. Оконный проём с выходом на балкон на втором этаже ризалита – самый крупный во всем доме. Совершенно изумительно оформлено арочное полукруглое окно на третьем этаже ризалита – это простое, конусообразно сходящее к оконному проёму обрамление дополнено небольшой подчёркну-

На предыдущей странице – фрагмент фасада бокового ризалита дома

то строгой скульптурной маской на месте замкового камня.

В постройке на редкость сложно и выразительно разработана пластика фасада – окна заглублены в ниши и имеют по несколько профильных рамок, выступающих наружу или западающих внутрь. Один из фирменных приёмов Кекушева – создание щелей, между наличниками и примыкающей плоскостью стены (аналогичные щели можно увидеть уже в доме при Григорие-Богословской церкви). Такой приём, достаточно сложный для качественного выполнения в натуре, даёт фасаду особое пластическое качество, создавая глубокие тени, подчёркивающие рисунок основных архитектурных форм. Интерьеры были отделаны просто и частично сохранились.

Сооружение явилось великолепным «прологом» к нескольким постройкам Кекушева на Остоженке – соседним собственному доходному дому и особняку, а также к особняку В.А. Лыжина, расположенному напротив. Эти сооружения в совокупности составили гармоничный ансамбль московской улицы эпохи модерна, до сих пор поражающий своими рафинированными формами.

В 1920-х годах дом был объединён с соседним строением № 19 – для устройства клиники, где, в частности, лечился и умер Патриарх Тихон. В настоящее время постройки вновь разделены, их фасады хорошо отреставрированы, а помещения используются под офисы.

Дом В.И. Грязнова. Архивное фото 1970-х годов

Парадная лестница дома

Вход в доходный дом В.И. Грязнова с Остоженки

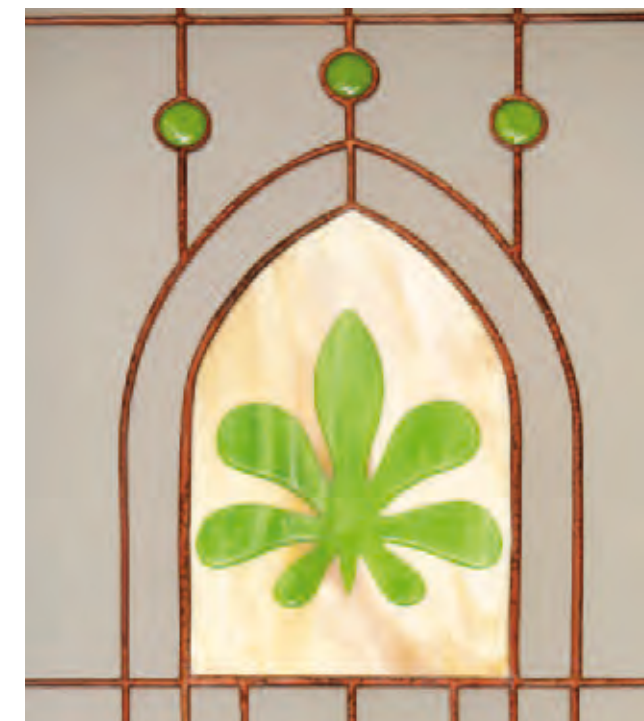
Маскарон на замковом камне арочного окна бокового ризалита

Обрамление фасадного окна второго этажа

Кованое ограждение балкона ризалита

Фрагмент витража

Оконная рама первого этажа

Интерьер парадной лестницы

ДОХОДНЫЙ ДОМ А.Ф. И Н.Ф. БОЧАРОВЫХ

1902–1903 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Гоголевский бульвар, д. 21, стр. 1

Доходный дом А.Ф. и Н.Ф. Бочаровых выстроен на внешней стороне Гоголевского (Пречистенского) бульвара, которая в Средние века в этом районе была низким берегом ручья Черторыя, поэтому находилась существенно ниже по высотным отметкам внутренней – высокой стороны бульвара. Неподалёку в то время располагалась старинная Конюшенная слобода, застройка владений носила усадебный характер и строилась в глубине участков. Многие сооружения слободы были деревянными, а потому градостроительная ситуация вдоль будущего бульвара серьезно изменилась после пожара Москвы 1812 года. После того как большинство строений сгорело, был проложен бульвар, а новые дома стали строить уже по линии его застройки. В северо-восточной части квартала на месте будущего дома находилась городская усадьба, которая в 1820-х годах была поделена на мелкие домовладения. В конце 1860-х годов здесь возвели новый двухэтажный дом с подвалом, который впоследствии и вошел в объём доходного дома Бочаровых.

Особо интенсивной застройка в этом районе стала в конце XIX века – с наступлением строительного «бума». После нескольких смен владельцев в интересах нас владении крестьянина Фёдора Григорьевича Бочарова к 1900 году числилось пять жилых домов (в одном из них по бульвару располагался магазин), во дворе находились мастерские по окраске тканей. В 1902 году его сыновья решили кардинально изменить застройку своего участка. Они заказали Льву Кекушеву проект четырёхэтажного жилого дома с нежилым подвалом, который должен был заменить мелкие постройки в юго-восточной части владения и создать его респектабельное лицо со стороны бульвара.

Законченный в 1903 году четырёхэтажный двух-подъездный жилой дом получил лаконичную и довольно современную архитектурную обработку. Его

На предыдущей странице – летные фронштейны подъездного эркера

фасадная поверхность строится на сочетании вертикальных лопаток, обработанных кремовой облицовочной плиткой, и оштукатуренных плоскостей между ними, что характерно для многих построек Кекушева.

Общая симметрия фасадной композиции, подчеркнутая в силуэте двумя фигурными аттиками над арочными проёмами, выходящими на балконы, несколько поколеблена несимметричным расположением проездной арки во двор и витрины предполагавшегося магазина справа от неё. Индивидуальный стилизованный почерк архитектора, как всегда, особенно ярко проявлен в пластичной проработке оконных проёмов, объёмов эркеров и лепного декора здания. Запоминающейся деталью фасада стали выразительные рельефные совы в основаниях эркеров, фиксирующих первоначальный объём сооружения, а также необычная по пластике рельефная горизонтальная тяга, проходящая между окнами третьего и четвертого этажей, в которой лишь угадываются стилизованные растительные формы, перемежающиеся небольшими женскими масками над окнами. Эти головки, как и рельефные мужские маски между окнами эркеров, покрыты необычными, похожими на египетские, головными уборами, что придает фасаду восточный оттенок. Дворовые фасады имеют чисто функциональную обработку и лишены декора. Интерьеры были реконструированы, но сохранились оригинальные ограждения внутренних лестниц и частично лепные карнизы помещений.

В 1904–1905 годах архитектор К.Ф. Буров продолжил дом по бульвару, также по проекту Кекушева, пристроив к его северному торцу идентичный по высоте и фасадной обработке корпус, в подвальную часть которого и вошло сооружение 1860-х годов. В 1907 году ветхие строения во дворе были снесены, на их месте в 1908 году был выстроен пятиэтажный, с полуподвалом, жилой корпус с проездной аркой (архитектор Б.М. Нилус).

Скульптурное изображение совы в основании эркера
Боковой ризалит с эркером и аттиком

Лепное украшение над окнами первого этажа

Рельефная декоративная вставка на эркере дома

Парадная лестница с кованой решёткой

На следующем развороте – фрагмент фасада дома А.Ф. и Н.Ф. Бочаровых с летним фризом между третьим и четвёртым этажами

Вход в дом со стороны Гоголевского бульвара

Фрагмент кованого ограждения лестницы
Лестничное ограждение

Общий вид дома А.Ф. и Н.Ф. Бочаровых с Гоголевского бульвара
Фрагмент фасада дворового корпуса доходного дома

ДОХОДНЫЙ И ТОРГОВЫЙ ДОМ М.А. ФРАНКА

1902, 1904–1905 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Большой Кисельный пер., д. 11

Обширное владение на углу Большого и Малого Кисельного переулков в XVII веке относилось к Сретенской сотне; вплоть до начала XVIII века здесь располагалось несколько относившихся к ней тяглых дворов, а со стороны Малого Кисельного переулка к ним примыкали земли Чудова монастыря, что находился в Кремле. В 1722–1730-х годах большая часть этих владений была куплена полковником Г.М. Терпецким, положившим начало формирования здесь крупной усадьбы в юго-западной части; затем владение перешло к его дочери – княгине Е.Г. Троекуровой. В середине XVIII века, уже при других владельцах, к этому участку были присоединены обширные участки по бокам. Огромная территория, перешедшая в 1775 году к княгине Н.И. Несвицкой, была застроена хаотично. В глубине находились жилые каменные палаты, в северной части – пруд, в восточной – сад; остальные мелкие деревянные жилые и хозяйственные постройки занимали свободные участки двора или прилегали к его границам. В 1785 году княгиня продала усадьбу секунд-майору М.М. Салтыкову, который заложил её в Опекунский совет Воспитательного дома. Однако не исключено, что именно он заменил большинство деревянных строений на каменные. Тогда же появились строения вдоль линии переулков. В 1795 году по просроченной закладной усадьба была продана княгине Н.Н. Голицыной, владевшей ею до 1820-х годов. При ней началось постепенное разделение усадебного двора на более мелкие владения или присоединение к соседним участкам. Вплоть до середины XIX века застройка в нём менялась незначительно, хотя линии переулков всё-таки оформились. В 1838 году пруд был засыпан.

В 1882–1895 годах владение на углу Кисельных переулков принадлежало потомственной почётной гражданке Москвы Н.Ф. Эггерс, которая и завершила раздел некогда крупной усадьбы, продав соседке, Э.А. Шиллинг незастроенную часть бывшего сада,

На предыдущей странице – угловой фасад доходного и торгового дома М.А. Франка

выходившую в Большой Кисельный переулоч. Однако вплоть до конца XIX века владение сохраняло усадебные черты – в нём был главный жилой дом с флигелями и службами.

В конце 1890-х годов владение перешло к германскому подданному, фабриканту и купцу Михаилу Андреевичу Франку. Он же стал владельцем и другого московского дома, построенного Львом Кекушевым и совмещавшего жилую и торговую функции. Купив обширный участок земли на углу Малого и Большого Кисельного переулочков с несколькими малоэтажными строениями, Франк наметил выстроить для нужд своей фирмы фабричное и крупное торговое-административное здание с квартирами в верхних этажах. Такое решение было вполне закономерным, поскольку этот, ранее сугубо жилой район города, расположенный между Большой Лубянкой и Рождественкой, к рубежу веков постепенно наполнился торговыми зданиями, тяготевшими к оживленной Лубянке. (Так, почти напротив будущего Торгового дома Франка находились конторы и склады Товарищества братьев Рябушинских.)

Проектирование новых сооружений началось в 1899 году. По проекту А.В. Иванова были выстроены жилой и фабричный корпуса в глубине участка, затем появились складские и хозяйственные постройки. Здесь разместилась фабрика зеркал и стекла М.А. Франка. Однако замыслы владельца ширились и требовали новых проектных разработок. Наконец в 1902 году проект внушительного по размерам четырёхэтажного доходного дома М.А. Франка создал Л.Н. Кекушев; тогда же в проект были внесены некоторые изменения (исправленные чертежи представлял в Управу постоянный помощник Сергей Шущман). Первоначально монументальную постройку планировалось завершить массивным шестигран-

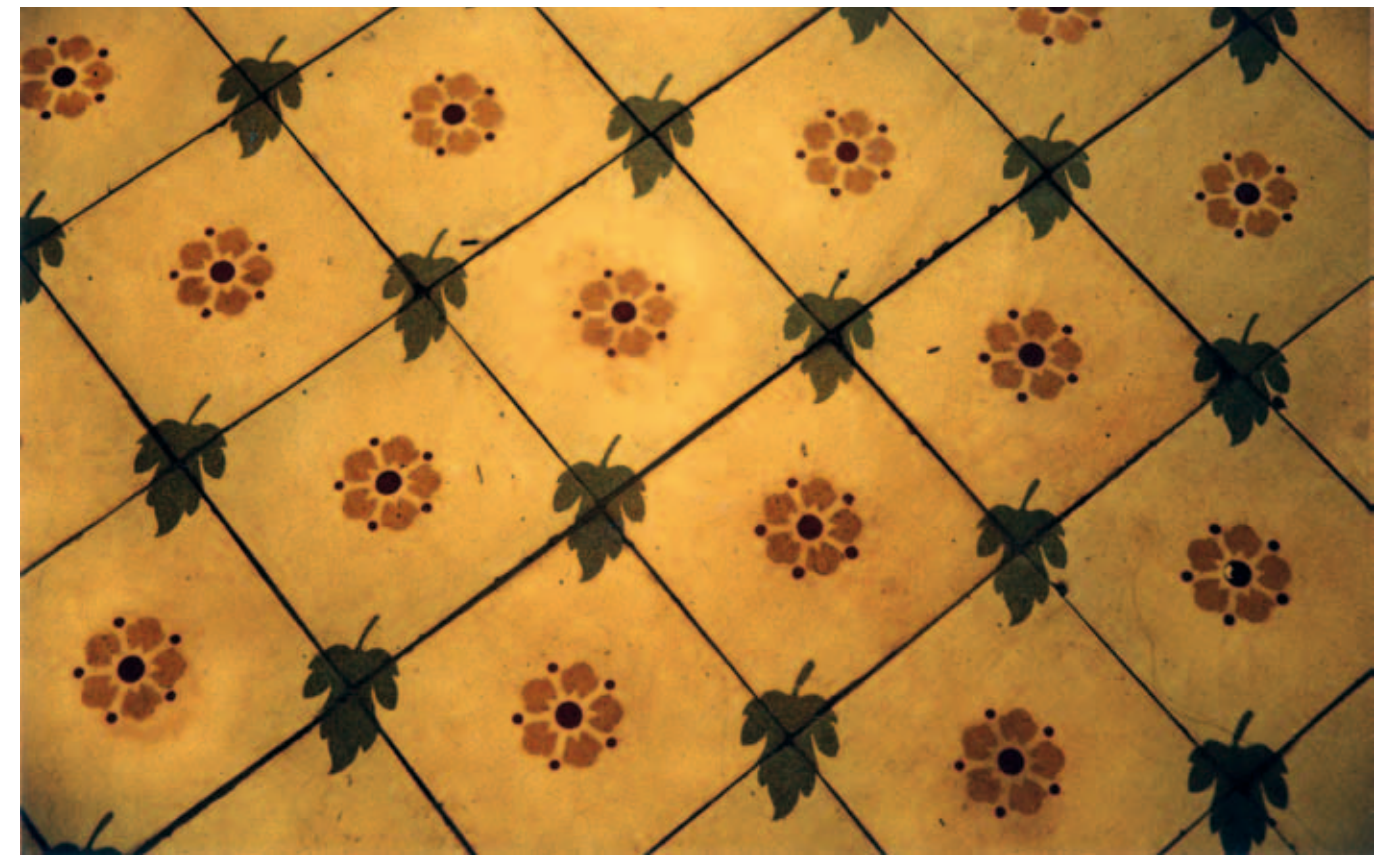
ным куполом, расположенным над угловой частью, который должен был издали привлекать возможных покупателей и партнеров.

Хотя в том же году участок был окружён забором, по неизвестным причинам строительство лицевого здания по уже утвержденному проекту сразу начато не было. В 1903 году под руководством архитектора А.Н. Жарова были надстроены дворовые строения, а в 1904 году был разработан новый проект лицевого углового дома, автор которого в документации не обозначен. Скорее всего, им также был Кекушев, не любивший канцелярскую волокиту и частенько отправлявший в Управу за разрешениями на строительство своих помощников с эскизными проектами, которые заменялись его чертежами, иногда носившими совершенно иной характер. В мае 1904 года Франк подал в Управу прошение о постройке, взамен четырёхэтажного, более крупного – пятиэтажного здания с полуподвалом и подвалом, где должны были разместиться склады и котельная. (В 1912 году подвалы были распространены на всю территорию внутреннего двора владения.) Владелец предусматривал создать в первом этаже торговые помещения и конторы, в верхних – дорогие квартиры (на каждом по шесть пяти-семикомнатных квартир).

План новой постройки в общих чертах соответствовал плану в проекте Кекушева. Фасады получили несколько иную трактовку с выразительным угловым аттиком и входом, но приёмы проработки пластики стен здания и оформления оконных проёмов, напоминающие работы Кекушева, с большой долей вероятности говорят о его авторстве. Строительство дома было завершено в 1905 году, причём здание, дополненное в ходе строительных работ шестым этажом в угловой части, стало ещё выше. Подвальные помещения были перекрыты сводами Монье, что

Напольная керамическая плитка на лестничной площадке

Напольная керамическая плитка на лестничной площадке

также является характерным приёмом архитектора.

Постройка чрезвычайно эффектна и до сих пор доминирует в окружающей среде. Пятиэтажные крылья устремлены к угловой ступенчатой шестизэтажной части сооружения. Крупный масштаб подчеркнут величиной широких трёхчастных окон на углу, отсутствием мелких декоративных деталей и мощностью наружных стен, которую обнаруживают глубокие оконные и дверные проёмы. Монументализм сооружения особенно впечатляет при взгляде с угла, когда хорошо виден пластичный аттик с нишами слуховых окон над угловой частью здания. В то же время лаконичный облик сооружения, подчёркивающий его внутреннюю структуру, чем-то напоминает производственные постройки и кажется принадлежностью уже другой эпохи. Несомненно «кекушевским» является арочный портал входа и рама деревянных входных дверей со стороны Большой Кисельной переулоч, которая поддерживает общую стилистику здания. Не исключено, что дом всё же первоначально был пятиэтажным (то есть доходил до уровня существующей горизонтальной тяги), а затем (возможно, во время строительства) был увеличен в высоту.

В здании сохранились многие первоначальные элементы отделки – восточный сводчатый вестибюль с керамическим орнаментальным полом; центральная парадная лестница, также с разнообразными орнаментальными керамическими полами и с первоначальными металлическими ограждениями, поражающими оригинальностью рисунка, варьиру-

ющего растительные мотивы; западная и восточная лестница с ограждениями геометрического характера, напоминающими некоторые деревянные лестничные ограждения в «кекушевских» особняках; характерные тянутые карнизы и потолочные розетки, дверные полотна и некоторые оконные рамы, а также старинные лифтовые шахты. Все эти элементы являются дополнительным аргументом в пользу авторства Кекушева, поскольку имеют немало общего со многими его известными произведениями.

Владение Франка было очень доходным. В 1914 году оно принесло ему 73 000 рублей. Этому безусловно способствовало инженерное обеспечение постройки, оснащённой по последнему слову техники – водопроводом, канализацией, электричеством и лифтами. Любопытно, что часть помещений расчётливый владелец сдавал под полицейский участок и квартиры городских, кроме того, перед революцией в доме располагалось правление и библиотека Взаимно-вспомогательного общества ремесленников. Мелкие дореволюционные перестройки помещений ничего существенного в его облике не изменили.

После 1917 года здание было передано в ведомство НКВД и приспособлено для административного использования. В результате нескольких разновременных ремонтов были утрачены некоторые элементы внешней и внутренней отделки, хотя в целом современный вид сооружения близок первоначальному. В настоящее время в здании помещается Академия ФСБ России.

Фигурное лестничное ограждение на фоне аутентичного окна
Проездная арка здания

Лестничные площадки, декорированные керамической плиткой
Рисунок лестничного ограждения

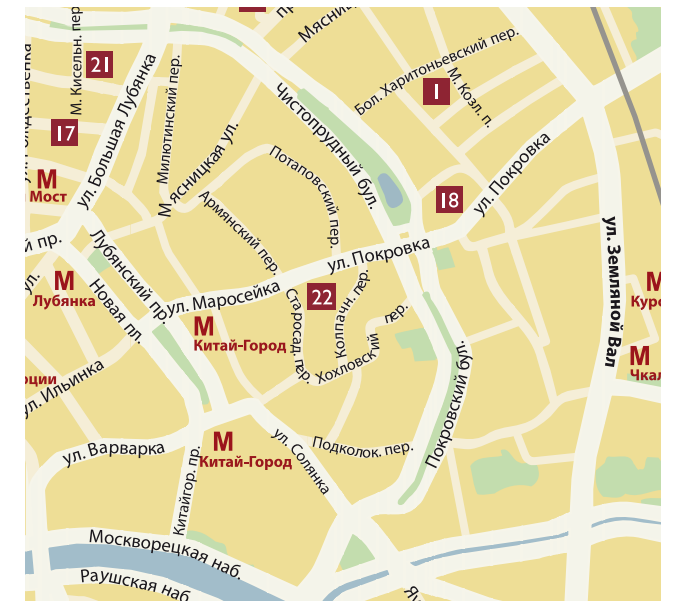

ЮВЕЛИРНАЯ ФАБРИКА И ДОХОДНЫЙ ДОМ О.Ф. КУРЛЮКОВА (С КОНТОРОЙ И МАГАЗИНОМ)

1902–1903 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Колпачный пер., д. 4, стр. 1

На территории владения в Колпачном переулке, где в XVII веке находилась Колпачная слобода, в которой жили ремесленники, мастеровившие колпаки (то есть головные уборы), в начале XVIII века находилось три двора. Владельцем двух из них с 1722 года стал лекарь Главной аптеки (бывшего Аптекарского приказа) Д.Е. Тверитинов. По его заказу строители объединили участки и соорудили здесь Г-образные палаты вдоль линии Колпачного переуллка, сохранившиеся в основе существующего дома до сих пор. Со стороны Покровки с его владением граничил казенный питейный дом – «Колпашный», а с противоположной – усадьба князя А.А. Долгорукого. В 1793 году усадьба перешла к купцу Конюшенно-овчинной слободы М.И. Скрепкову, который увеличил владение, купив часть сада у князя Долгорукого. (Прежде долгое время сад был арендован владельцем частной аптеки Богданом Танбергом (Данбергом), в народе его называли «аптекарским огородом Данберга».) В тот же период пристройками и надстройкой было увеличено и здание палат, позднее получившее ампирную обработку фасада. После нескольких смен владельцев, в 1868 году городской участок становится собственностью московского купца Ивана Васильевича Щукина – отца знаменитых братьев – Петра, Сергея и Ивана, коллекционеров русской старины, европейской живописи и русских философских сочинений соответственно. Во владении находилась контора Щукина, здесь же недолгое время жила его семья. Затем в 1874 году владельцем стал купец 2-й гильдии Н.И. Липманович, который возвёл по правой границе участка двухэтажный кирпичный частично жилой корпус, а новая владелица – А.В. Алексеева – в 1877 году надстроила этот корпус третьим этажом по проекту архитектора М. Арсеньева.

Наконец, в 1901 году усадьбу приобрёл московский купец 1-й гильдии Орест Фёдорович Курлюков, торговавший золотыми и серебряными украшения-

На предыдущей странице – декоративное оформление лестницы в корпусе ювелирной фабрики

ми с бриллиантами. Сюда он переместил свою ювелирную фабрику с конторой, ранее размещавшиеся в Рогожской слободе. В 1902 году по левую сторону участка, на месте бывшего палисада, ограды и нескольких строений, Лев Кекушев выстроил протяженное двухэтажное здание для магазина, конторы и фабрики Курлюкова с элегантным фасадом (строение 3), а также существенно перестроил, увеличил пристройкой слева и заново отделал трёхэтажное жилое строение в глубине участка (строение 1), где жили сами владельцы, а также помещались квартиры, сдававшиеся ими внаём. Лицевой двухэтажный дом с антресолями, в основе которого находились палаты дьяка Тверитинова, с 1905 года арендовало Первое коммерческое училище, а затем довольно известная женская гимназия Л.О. Вяземской. В 1906-1907 годах это сооружение было надстроено двумя этажами и перелицовано по проекту К.К. Гиппиуса.

В фабричном корпусе, возведённом Л.Н. Кекушевым и обращённом фасадом в переулок, и находилась собственно фабрика Курлюкова. Лестничная клетка расположена непосредственно за большими торжественными парадными дверями. На первом этаже, несколько заглубленном (фактически цокольном), располагались квартира заведующего, серебряное отделение, кузница и каретный сарай. Второй этаж полностью занимали производственные помещения и контора. Как и во многих других своих постройках, Кекушев применил в перекрытиях первого этажа своды Монье (сохранилась часть перекрытий) и уделил особое внимание архитектурному решению парадной лестницы, простые кованые металлические ограждения которой были выполнены по его проекту. Декор интерьеров здесь не сохранился.

Фабричный корпус выходил в Колпачный переулок своей торцевой стороной и имел узкий фасад в три оси. Первоначальный проект, поданный Кекушевым в Управу в 1902 году и выполненный в традиционных

авторских формах модерна с характерными лучковыми перемычками окон и выразительно артикулированными наличниками с замковыми камнями, в процессе строительства был видоизменён. Также не были выполнены первоначально задуманные карниз большого выноса и фигурный аттик. Однако в осуществлённом виде фабричный корпус, в целом сохранившийся до нашего времени, стал проще и интересней в композиционном отношении. Парадный вход в здание, расположенный слева, был выделен крупной, хорошо нарисованной аркой проёма с двухстворчатыми дверями, над которыми расположились два небольших окошечка-ниши, что придало подчёркнутую асимметрию общей композиции. По утверждению реставраторов, это были именно ниши, а не окна, хотя в интерьере лестничной клетки, где сейчас темновато, они были бы совсем не лишними. Предполагавшиеся окна полуподвала со стороны переуллка выполнены не были, но окна второго этажа в сравнении с окнами первого были увеличены, что соответствовало функциональной необходимости и придавало фасаду определенную динамику, составленную всего из нескольких элементов. Основным принципом обработки фасадной поверхности стало сочетание кирпичной кладки с гладкими оштукатуренными деталями отделки. Фасады, выходящие во двор, чисто утилитарны и не были украшены декором.

Трёхэтажное жилое строение в глубине участка сохранило облик, который придал ему Кекушев в 1902–1903 годах. Надстроенный двухэтажный дом с подвалом, возведенный ещё в 1875 году по проекту инженера Генцеля, был перепланирован, перелицован и заново им отделан. Перестройка должна была превратить это здание в достаточно комфортное жильё с квартирами, которые можно было выгодно сдать внаём. В трёхэтажной пристройке, расположенной за дворовым торцом фабричного корпуса, Кекушев поместил два новых входа в этот дом под

Фрагмент входного ризалита фасада доходного дома.
Архивное фото 1983 года

Аттик над ризалитом дома
Декоративное лестничное ограждение доходного дома

коваными декоративными зонтиками: один парадный, другой – служебный. Выступающий вперёд ризалит с парадным входом в верхней части был отмечен высоким фигурным аттиком со слуховым окном. Существующие геометрические элементы отделки фасадной стены в принципе совпадают с проектным чертежом, однако лепнина, которая, возможно, тоже украшала фасад, утрачена. По сохранившимся элементам в корпусе было заново воссоздано кованое ограждение парадной лестницы, поражающее богатством и сложностью рисунка в стиле модерн и сочетающее прямые стержни с прихотливо изогнутыми объёмными коваными лепестками.

В 1914 году городской участок со всеми строениями по завещанию перешёл к вдове О.Ф. Курлюкова Варваре Ивановне и его детям; ювелирной фабрикой до 1917 года владел сын её первого владельца Сергей Орестович Курлюков – его квартира находилась на первом этаже производственного корпуса.

После революции использование построек сохранило свой сложившийся разнородный характер: в училищном доме помещалась музыкальная школа и другие учреждения; производственное помещение использовалось в административных целях; в жилом корпусе по-прежнему находились квартиры. В 1993–1994 годах был реконструирован училищный корпус, в конце 1990-х годов – жилой корпус. Наконец, в конце 2000-х – начале 2010-х, была закончена реконструкция фабричного корпуса. Первоначальные профилированные элементы фасадов и карнизы, оконная столярка корпусов и отделка интерьеров в результате ремонтно-реконструктивных работ были утрачены. Тогда же на уровне второго этажа появился переход из бывшего фабричного корпуса в соседнее, прежде училищное здание (строение 4).

Общий вид корпуса ювелирной фабрики со стороны Колтачного переулка
Декор лестничного ограждения

Кованый козырёк дома

ДОХОДНЫЙ ДОМ А.И. КЕКУШЕВОЙ

1902–1903 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Остоженка ул., д. 19, стр. 1

Городское владение на улице Остоженка было выделено в 1814 году из обширной усадьбы XVIII века. Внутренняя граница участка окончательно определилась в 1821 году, когда его часть, обращённая к Зачатьевскому монастырю, стала самостоятельной. Доходный дом на Остоженке, записанный на имя жены архитектора Анны Ионовны Кекушевой, был возведён рядом с собственным особняком зодчего и всего через год после него. Он представляет собой ещё одну ипостась кекушевско-модерна и составляет с особняком стилистически единый ансамбль. Это скромное трёхэтажное здание с традиционным полуподвалом не имеет ярко выраженных объёмных акцентов; лишь небольшой волнообразный аттик с картушем и датой постройки нарушает горизонталь карниза в правой его части. Незаурядность и уникальность этого сооружения обусловлены общим рисунком оконных обрамлений, образующих необычную и чрезвычайно выразительную структуру фасада. Облик дома строится исключительно на своеобразии фасадной пластики, образуемой оконными проёмами и их сложно профилированными обрамлениями, дополненными лепными вставками. Вместе с подоконными филёнками, обрамленными тонкими накладными наличниками, окна выглядят как миниатюрные подобию старинных перспективных порталов. Проёмы окон в этой постройке превращены зодчим в глубокие ниши, что к тому времени стало особым приёмом и характерной чертой архитектурного языка модерна Кекушева. В картуше аттика и подоконных нишах варьирован декор из листьев и плодов каштана – «фаворита» модернистской флоры.

Высокое качество архитектуры и небанальность отделки доходного дома А.И. Кекушевой, обусловленные тонкой линейной прорисовкой и светотеневой разработкой фасада, буквально завораживают, недаром современники отмечали в этом сооружении наличие «талантливых шаблонов». В самом деле,

На предыдущей странице – общий вид дома со стороны ул. Остоженка.
Архивное фото 1975 года

плавные, эффектно срежиссированные перебивы линий, поддержанные фасадной пластикой, доставляют при взгляде на них эстетическое удовольствие.

Дворовый фасад фактически оставлен без отделки, а его объёмные выступы свидетельствуют о том, что в новый объём были включены некоторые стены предшествующих строений. Во время проведённой в 2000-х годах реставрации фасадов и частично интерьеров была раскрыта прежде заложенная проездная арка во двор, где были установлены узорчатые металлические ворота, стилизованные под манеру архитектора Кекушева.

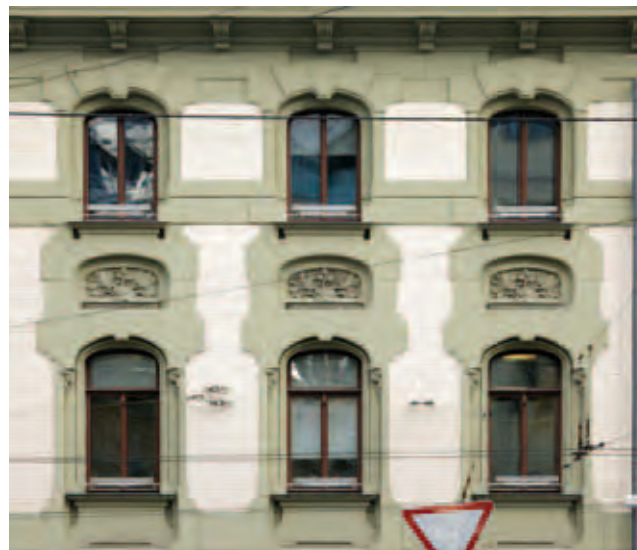
Общий вид дома по Остоженке. Архивное фото 1973 года

Фрагмент фасада над входом в дом

Кованые ворота в проездной арке во двор
Проездная арка во двор дома

Лепной декор над окном бокового ризалита
Фрагмент фасада с лепным декором
Лепнина над окном второго этажа

Фрагмент кованой решётки ворот

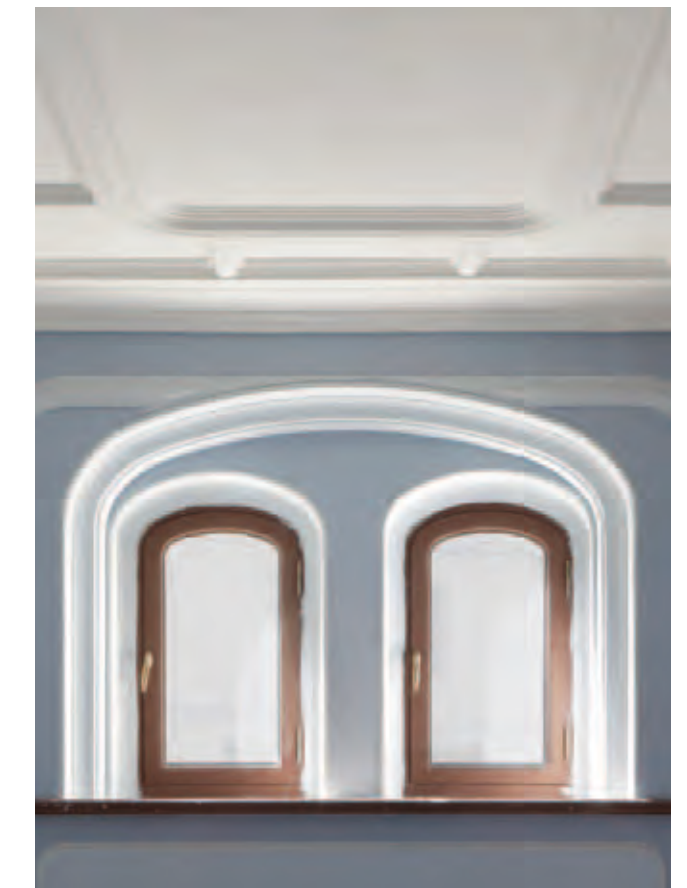
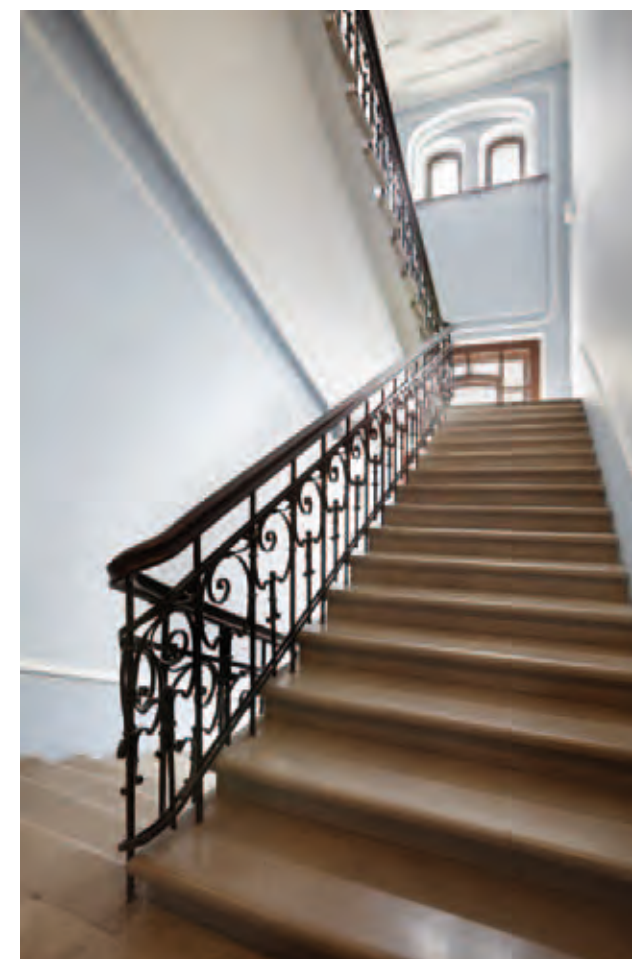

Фрагмент кованого лестничного ограждения

Интерьер парадной лестницы

«Спаренные» окна в верхней части парадной лестницы

Декор потолка на лестничной площадке

Парадная лестница доходного дома

Решётка ограждения свеса кровли доходного дома
Арка дома. Вид со двора
Общий вид доходного дома А.И. Кекушевой

Летний декор в нише на фасаде с датой постройки доходного дома «1902»
Оформление входа в здание
Боковой ризалит дома, соседствующий с собственным особняком
Л.Н. Кекушева на Остоженке

Фрагмент оконной створки

Фонарь у парадного входа в дом

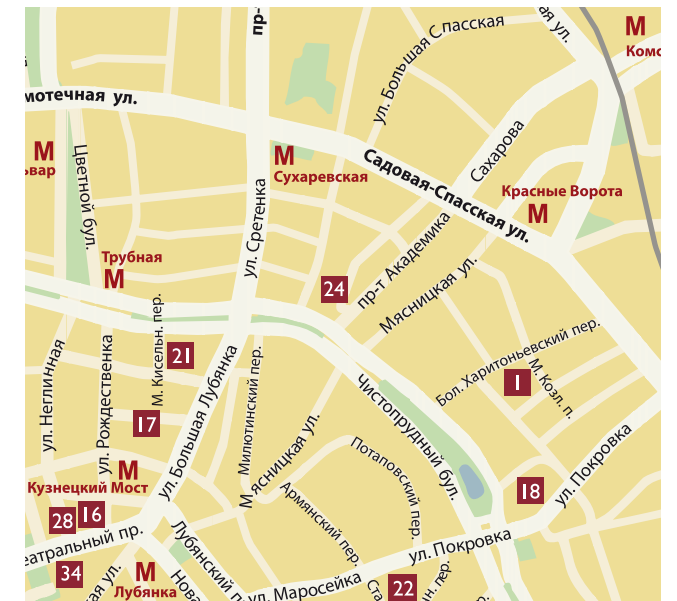

ДОХОДНЫЙ ДОМ А.Ф. ФРАНКА

1902–1903 гг., архитектор Л.Н. Кекушев (при участии С.С. Шуцмана)
Уланский пер., д. 5

Дом, принадлежавший Аделаиде Фёдоровне Франк – жене известного предпринимателя, подданного Германии Михаила Андреевича Франка, владельца солидной московской фирмы «Торговый дом М. Франк и сын», имевшей отделения в Харькове, Киеве, Самаре, Ростове-на-Дону, Екатеринославе и на Нижегородской ярмарке, был выстроен в Уланском переулке в 1902 году. Стоит отметить, что фирма Франка была строительной и специализировалась на выпуске обширного ассортимента разнообразных стёкол: зеркальных и оконных, рифлёных и рубчатых, прессованных и кафедральных, армированных стёкол Монье, иллюминаторов для освещения подвальных помещений, витражей в медной и свинцовой оправе, окон «Фальконье» из стеклянных кирпичей, а также выполняла художественные работы по стеклу – живопись и травление, стеклянные буквы для окон. Не исключено, что с М.А. Франком Кекушев имел дело не только как с заказчиком, но и как с поставщиком и подрядчиком своих изделий.

План владения и все чертежи дома подписал Л.Н. Кекушев, датировав их 25 апреля 1902 года. Строительство было поручено С.С. Шуцману. Со стороны переулкa зодчий спроектировал нарядный лицевой одноподъездный пятиэтажный дом. Общая конфигурация дома была П-образной – во двор от главного корпуса отходил перпендикулярный ему переход, соединённый с параллельным лицевому четырёхэтажным жилым домом; оба сооружения имели общий полуподвал, расположенный под внутренним двором, предназначенный для дровяного склада. Со стороны переулкa в цокольном этаже лицевого дома предполагалось устроить три магазина, выше располагались жилые квартиры – четырёх- и шестикомнатные, обращённые в переулк, и трёхкомнатные, выходившие окнами во двор. Во двор вела проездная арка, перекрытая цилиндрическим сводом. Дворовый жилой корпус, также занятый

На предыдущей странице – летнее украшение подоконной полочки на фасаде доходного дома

квартирами, сдававшимися внаём, декоративной обработки практически не имел.

Проект был утверждён, но при строительстве в него внесли некоторые изменения – неглубокий ризалит в центре фасада был заменён на прямоугольный в плане эркер, охвативший 2-й, 3-й и 4-й этажи и ставший основанием для единственного фасадного балкона пятого этажа с кованым металлическим ограждением в стиле модерн.

Достаточно обыкновенный по облику для Москвы начала века дом был для Кекушева не совсем обычен по использованному декору, который отличается от остальных произведений зодчего. Наряду с характерными для него деталями – выступающими и заглублёнными филёнками, в том числе филёнками с кругами между вторым и третьим этажами, – на фасаде между четвёртым и пятым этажами применен штукатурный рельефный фриз с неизобразительным, почти абстрактным орнаментом, а нижние уголки оконных проёмов четвёртого этажа оформлены изящными гроздьями винограда, также более в постройках зодчего не встречающимися.

Отделка парадного подъезда и лестничной клетки, лепной декор потолков, а также дворовый жилой корпус были утрачены в результате капитальной реконструкции дома с заменой перекрытий в начале 1990-х годов.

Общий вид дома во время реконструкции 1990-х годов

Современный собственник устроил в брандмауэрной стене окна, которых по проекту Кекушева не предполагалось

Главный вход в дом с Уланского переулка

Проездная арка во двор дома. Архивное фото 1950–1960-х годов

Декоративная надоконная филёнка фасада дома

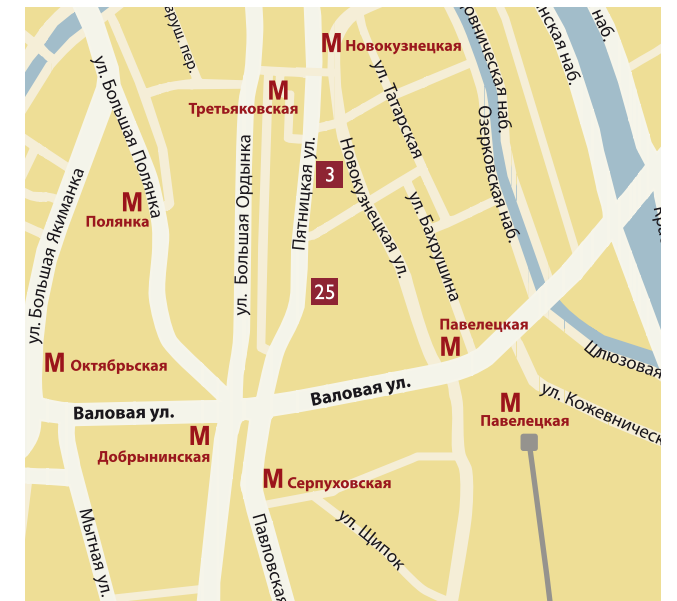
ДОХОДНЫЙ ДОМ К.В. ИСАЕВА

1903–1904 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Пятницкая ул., д. 49, стр. 3

С начала XVIII века этот район Москвы – Замоскворечье – становится местом расселения купечества. Небольшие деревянные или каменные дома с лавками и храмы, утопавшие в зелени садов, составляют его основные архитектурные типы. Типичная замоскворецкая усадьба, на территории которой впоследствии был построен интересующий нас доходный дом, издавна примыкала к церковному участку, где со Средневековья существовала Троицкая церковь, сначала деревянная, затем, в 1824–1826 годах, заменённая каменной – с трапезной и колокольной. Как и почти повсеместно, 1812 год стал в этом районе города, опустошённом пожаром, новой точкой отсчёта. Все постройки в рассматриваемом нами владении сгорели, но при восстановлении оно сохранило прежнюю планировочную структуру.

Вскоре после окончания Отечественной войны на участке появился новый дом (низ каменный, верх деревянный) вдоль линии Пятницкой улицы, в 1817 году купленный титулярной советницей Варварой Петровной Старцовой у Нероновых. В 1836 году владельцем дома уже числился московский купец Гаврила Матвеевич Толоконников, при котором дом, по-видимому, обрёл мезонин и нарядный ампирный облик. Его сын, К.Г. Толоконников, в 1868 году выстроил одноэтажные каменные флигели вдоль южной границы владения и заново отделал отчий дом снаружи эклектичным архитектурным декором, придав ему более современный вид. В этом виде главный дом усадьбы сохранялся до революции и в общих чертах даже дошел до конца XX века. В 1906 году новый владелец К.В. Исаев хотел снести особняк, но так и не осуществил этого намерения.

В марте 1903 года Л.Н. Кекушев выполнил проект двух жилых корпусов во дворе бывшего владения К.Т. Толоконникова (а затем – потомственного почётного гражданина Москвы, купца 2-й гильдии К.В. Исаева) на Пятницкой улице. Наиболее респек-

На предыдущей странице – фрагмент декора доходного дома К.В. Исаева

Декоративное обрамление окна лестничной клетки на фасаде дома

табельным был четырёхэтажный корпус с подвалом, расположенный позади главного дома владения, для которого он явился своеобразным архитектурным фоном. Симметричный дом с выразительным криволинейным аттиком под глубоким козырьком над центром фасада хотя и не относится к самым заметным в творчестве Кекушева, наделён многими характерными чертами его почерка. Главный фасад, обращённый к Пятницкой улице, облицован керамической плиткой неброского пепельно-табачного оттенка, на фоне которого хорошо выделяется лепной декор, окрашенный в белый цвет. В строении очень тонко решены оконные и входная ниши, создающие «перспективные» углубления, что является типичным приёмом архитектора. Как всегда, стильно прорисованы оконные рамы, стены нижнего этажа имеют тонкий руст. Очень эффектно выполнено окно лестничной клетки, расположенное в центре фасада над главным входом: оно обведено рамкой из нескольких профилей (один из них лепной), элегантно перехваченных несколькими горизонтальными тягами-поясками и разделённых незатейливой лепной филёнкой. Этот приём также встречается во многих, особенно поздних постройках мастера. Задний фасад дома декоративной отделки не имеет. Парадная лестница до недавнего времени сохраняла фигурные металлические балясины, а квартиры – дверную и оконную столярку и потолочную лепнину.

В 1904 году позади этого доходного дома по проекту Кекушева был возведён ещё один, параллельный ему, длинный четырёхэтажный жилой Г-образный корпус с нежилым подвалом. Дом был расположен вдоль восточной границы владения. Его облик также был решён в формах модерна, близких к архитектурному решению впереди стоящего дома. Центр постройки выделен неглубоким ризалитом и широкими проёмами парадной лестницы, обрамлёнными единой рамкой с полуциркульным завершением. По обеим сторонам от центральной лестничной клетки располагались пятикомнатные квартиры. Стены первого этажа снаружи были рустованы, выше между окнами были сделаны горизонтальные тяги. По проекту, стены предполагалось облицевать плиткой, а в подоконных нишах четвёртого этажа разместить лепные картуши.

В дальнейшем этот корпус сомкнулся с надстроенными позднее флигелями, стоящими по южной границе участка, составив единый четырёх-пятиэтажный объём. Его отделка разностильна и отразила стадийность его постройки. Любопытно, что некоторые работы, в том числе и надстройку в 1906 году двумя этажами бывшего флигеля 1904 года, расположенного справа от главного дома, производил архитектор К.Ф. Буров, который примерно в это же время достраивал и кекушевский дом Бочаровых на Пречистенском бульваре. Это косвенно подтверждает, что молодой архитектор в это время состоял помощником в мастерской Кекушева, а также позволя-

ет предположить, что и эту работу можно отнести к творчеству мастера. Другими словами, не исключено участие зодчего с 1904 года во всех реконструктивных работах в этом городском владении.

В 1926 году в бывшем доходном доме К.В. Исаева было организовано Жилтоварищество. В 1946–1949 годах корпус, расположенный вдоль восточной границы владения, был надстроен 5-м этажом (по проекту архитектора Н.Н. Деева), где устроены квартиры для рабочих завода «Электrolампа». В 1994 году лицевой двухэтажный дом с мезонином был снесён, а на его месте появился «новодел», стилизованный под некогда существовавший ампи́рный дом с мезонином купца Гаврилы Толоконникова. Корпуса, возведённые Львом Кекушевым, до конца 1990-х годов в целом сохраняли не только внешний облик, но и внутреннюю планировочную структуру и отделку – полы, выложенные метлахской плиткой, двухстворчатые двери квартир, лепные тянутые карнизы, розетки, дубовый паркет, оконные рамы и даже оконную скобянку. В корпусах, стоящих вдоль южной границы участка, в результате приспособления под офисы большая часть внутреннего декора была утрачена; полностью заменена оконная и дверная столярка. В настоящее время в корпусах идёт ремонт.

ДОХОДНЫЙ ДОМ И.П. ИСАКОВА (МОСКОВСКОГО ТОРГОВО-СТРОИТЕЛЬНОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА)

1904–1906 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Пречистенка ул., д. 28

В середине XVIII века на углу Пречистенки и Обухова (теперь Чистого) переулка располагалась обширная усадьба капитана И.Д. Бестужева-Рюмина. Её одноэтажный главный дом стоял по линии Пречистенки, а службы находились в восточной части участка. Все строения были деревянными. На рубеже XVIII–XIX веков усадьбу реконструировали – перестроили главный дом, деревянные флигели заменили каменными, приспособленными под жильё. В западной части находился сад, к началу XIX века также застроенный жилыми и хозяйственными строениями. Однако вскоре все деревянные постройки во владении, принадлежавшем в то время коллежскому советнику И.М. Сессаревскому, уничтожил пожар 1812 года, сохранились только каменные сооружения. В 1820-х годах, после корректировки линии застройки Пречистенки, двухэтажный дом у западной границы участка вышел за её пределы. Западная часть бывшей усадьбы выделилась в самостоятельное владение, хозяйкой которого в 1825 году стала жена штаб-ротмистра М.Н. Власьева. В свою очередь, восточная часть в 1845 году также разделилась на две части – восточная отошла к С.П. Сессаревской, а центральную приобрел надворный советник И.С. Тургенев.

Хотя двухэтажный дом в западной части вышел за границы новых линий застройки, существенных изменений в бывшем владении Власьевой на протяжении XIX века не произошло. В 1835 году был построен ещё один хозяйственный корпус, в 1875-м в восточной части разбили сад. В таком виде участок в 1903 году был куплен Московским Торгово-строительным акционерным обществом под руководством Я.А. Рекка под застройку. В 1904 году проект огромного по тем временам пяти-шестиэтажного доходного дома был выполнен архитектором этого общества Львом Кекушевым; строительство дома было закончено в 1906 году. К этому времени И.П. Исаков, сменивший Рекка на посту главы Московского Тор-

На предыдущей странице – парадный вестибюль доходного дома И.П. Исакова

гово-строительного акционерного общества, приобрёл строившийся дом в свою собственность. Дом был предназначен для сдачи внаём респектабельной публике, поэтому был оснащён всеми возможными удобствами. В то же время имеющаяся площадь была использована максимально. В целом строение имело Н-образную форму – от главного дома перпендикулярно отходил корпус, образовавший небольшие дворiki с западной и восточной стороны. Сразу скажем, что в тот момент крупных строений рядом с этим домом ещё не было, и дворiki были хорошо освещены. В западный дворик можно было попасть с улицы через проездную арку, а в восточный – через проезд в дворовом корпусе (сейчас проезд заложен). По северной границе владения был выстроен ещё один корпус, параллельный улице.

Этот доходный дом на Пречистенке – один из самых известных и интересных, построенных в стиле модерн. Он и до сих пор сохраняет свой неповторимый московский облик. Тонкая игра света и тени, сочетание выпуклых и вогнутых поверхностей, изобретательная прорисовка деталей, кружево балконов в сочетании со скульптурным декором – всё это представляет индивидуальные приёмы кекушевского модерна, исполнено качественно, с максимальной полнотой.

Пластичную, плавно изгибающуюся благодаря неглубоким, плавно «вырастающим» из плоскости стены эркерам поверхность фасада завершает металлический, богато декорированный козырёк, играющий существенную роль не только в силуэте здания, но и в силуэте всей улицы. Низ сооружения облицован гранитной мозаикой. Формы окон на

каждом этаже разные – то прямоугольные (на первом и четвертом этаже), то лучковые с сандриками (на втором и третьем), а на пятом на их замковых камнях помещены лепные женские головки. Причём обрамления окон развиваются не наружу, а в глубь фасадной стены, что является характерным приёмом работы зодчего. Таким образом, степень насыщенности фасадной поверхности декоративными деталями нарастает вверх; даже подоконные полочки, почти плоские на втором этаже, превращаются в своеобразные козырьки на кронштейнах – на пятом. Плоскость стены последнего, пятого этажа зодчий превратил в сплошной рельефный орнамент. По бокам от овального окна, по центру, помещены горельефы – аллегорические женские фигуры олицетворяют Просвещение и Строительство. В декоре карнизного кантика обильно использованы львиные маски – традиционная «подпись» Льва Кекушева. К сожалению, венчающая центр фасада скульптура на кровле утрачена. Выразительно металлическое кружево балконов, отмечающих центр постройки, и орнаментальная скульптурная декорация.

Композиционные достоинства кекушевского сооружения несомненны, однако его облик был бы гораздо беднее, если бы не разнообразные и великолепно выполненные оконные рамы, демонстрирующие плавно изогнутые прихотливые линии модерна и являющиеся уникальной особенностью этого здания. Особенно сложными были переплеты широких окон боковых эркеров, имеющих на втором этаже оригинальные французские балконы. Нельзя не заметить и пластическую разработку боковых брадмауэрных стен. До настоящего времени открыта

Фрагмент фасада дома

Лестничная клетка дома И.П. Исакова

Декоративная тяга между окнами эркера дома

*Расстекловка окон третьего этажа
Латунная ручка входной двери*

*Аттик с аллегорическими скульптурами дома И.П. Исакова
Оформление боковой (правой) брандмауэрной стены дома*

западная стена, представляющая собой огромный композиционно цельный выразительный рельеф, выполненный из кирпича. Этот приём предвосхищает формальные приёмы европейского «ар деко», нередко экспериментировавшего с пластикой кирпичной стены. Фасады дворовых корпусов остались неоштукатуренными и декоративной обработки не получили.

Парадная лестница с просторным холлом первого этажа расположена в центре постройки. Низ стен холла сохранил отделку деревянными панелями, пол выложен керамической плиткой. Общий облик парадного входа эффектно дополняют металлические кованые ограждения лестницы с динамичным рисунком в стиле модерн. Лестничные площадки в западной и восточной части дома отстоят друг от друга на пол-этажа, что и позволило западную часть дома сделать шестиэтажной. С каждой стороны на этаже помещалось по две квартиры, в каждой из которых отчетливо читались две половины: парадная (кабинет, приёмная, столовая) и жилая (спальня, ванные, кухня с выходом на чёрную лестницу). Наиболее богато были отделаны квартиры второго этажа, имевшие лепные плафоны и керамические каминные. Квартиры на последующих этажах имели более простую лепнину и тянутые карнизы.

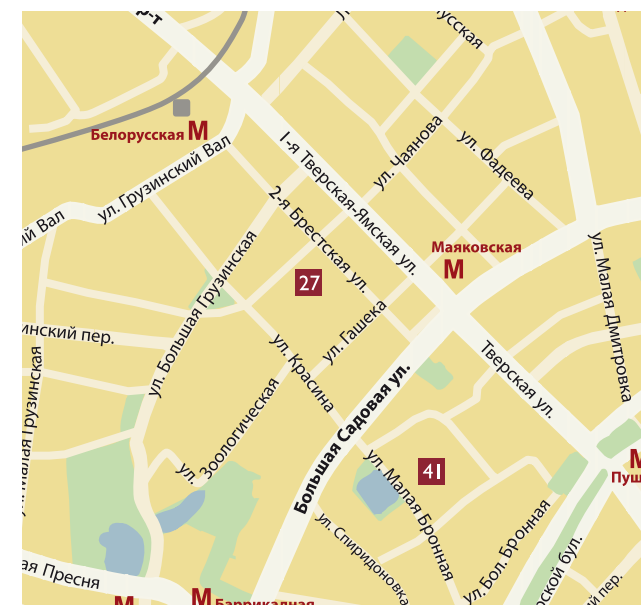
В советское время при перепланировке и ремонтах большая часть внутренней отделки погибла. Дом сохранил свою жилую функцию, но, к сожалению, в последние десятилетия в лицевых квартирах начался стихийный процесс замены оригинальных пластически проработанных дубовых рам на плоские пластмассовые стеклопакеты, что нанесло художественному облику дома большой ущерб.

A low-angle, upward-looking photograph of a classical building's corner. The building features a large, multi-paned window with dark wooden frames and a decorative stone pediment above it. The facade is light-colored with visible architectural details like cornices and moldings. In the foreground, a large, modern, curved structure with a green and black surface partially obscures the view. The sky is a clear, bright blue.

1909–1911 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
2-я Брестская ул., д. 19/18, стр. 1, 4

Территория интересующего нас владения долгое время принадлежала к землям Тверской-Ямской слободы. Здесь находились огороды ямщиков и до середины XIX века эти участки были не застроены. Так продолжалось вплоть до 1868 года, когда произошел раздел общинных земель ямщиков. В результате вся северо-восточная часть современного квартала, где находится исследуемое владение, перешло в собственность потомственных ямщиков Кокориных. В 1872 году, после сложных внутрисемейных разделов, его владельцем стал ямщик Е.Е. Кокорин, который построил на углу современных улиц 2-й Брестской и Фучика двухэтажный жилой дом (низ каменный, верх деревянный); за ним располагался сад с беседкой. Вдоль юго-восточной границы владения тянулись вереницею деревянные сараи. К 1890-м годам участок перешёл по наследству его сыновьям Александру, Сергею и Петру. В 1893 году главный дом был перестроен и заново оштукатурен по проекту архитектора Н.И. Кокорина.

В 1901 году, после смерти старшего из братьев – Александра, владение было разделено на две части: южная перешла к его вдове и детям, северная осталась за С.Е. Кокориным. Сразу после раздела по красной линии Ново-Васильевского переуллка (ныне – улица Фучика) строится длинный трёхэтажный трёхсекционный жилой дом с подвалом по проекту архитектора К.И. Дуванова, строительство которого завершилось в 1903 году (строение 4). Традиционно секции (кроме крайней) имели парадную и чёрную лестницы, которые обслуживали четырёхкомнатные квартиры, сдававшиеся хозяевам внаём. В подвале располагалась котельная. Фасад здания был прост и никак не декорирован. Только входы в дом и лестничные клетку были выделены неглубокими фасадными ризалитами и аттиками в завершении. Вероятно, вслед за этим был выстроен ещё один четырёхэтажный жилой дом (по проекту того же ар-

На предыдущей странице – фрагмент фасада от угла 2-ой Брестской улицы.
Фото 2008 года

Лестничное ограждение (строение 1)

Кованое лестничное ограждение

Окно на парадном фасаде дома В.Е. Быкова (строение 4)

Маска льва в замковом камне проезжей арки во двор

хитектора) вдоль юго-западной границы владения (современное строение 5).

В 1905 году оба владения приобрел московский купец 2-й гильдии Василий Егорович Быков, бравший подряды на строительные и печные работы. В 1908 году в юго-восточной части его участка по проекту архитектора Н.А. Ильинского был выстроен трёхэтажный каменный двухсекционный жилой дом (строение 3), без декоративных украшений.

Наконец, в 1909 году был снесён старый двухэтажный жилой дом, расположенный на пересечении 2-й Брестской и Ново-Васильевского переулков, на месте которого появился четырёхэтажный многоквартирный дом В.Е. Быкова с полуподвалом, ставший ярким примером доходного строительства архитектора Льва Кекушева. В первом этаже располагалась контора владельца, два магазина и две квартиры. Остальные этажи были заняты только квартирами. В подвале традиционно размещалась котельная с комнатой источника при ней и склады магазинов, расположенных выше.

Очень выразительные фасады строения, волнообразно очерченные сверху – благодаря козырькам

и аттикам (в проекте аттики были особенно оригинальными и сложными) над полуovalными в плане эркерами – привлекают своей неповторимой «кекушевской» пластикой, необычайной тонкостью лепной отделки и типичными для зодчего сложными оконными переплётами; как всегда, разработаны профилями оконные ниши. Качество строительства дома было очень высоким. Во внешнем облике постройки сохранились даже небольшие фигурные «луковички» (заменяющие любимые Кекушевым скульптурные вазоны), фиксирующие края аттиков и в большинстве построек зодчего утраченные.

Отделка соединяет облицовку светлой плиткой-кабанчиком с оштукатуренными горизонтальными тягами и наличниками и немногочисленными лепными деталями, сосредоточенными в основном на первых двух этажах. Особенно эффектны небольшие лепные картуши над окнами на месте привычных замковых камней и энергично закрученные лепные кронштейны в основании эркеров. В дополнение к традиционным средствам фасадной декорации в многодельные «кекушевские» переплеты первого этажа были вставлены выпуклые стекла, свер-

кавшие в лучах вечернего солнца. Как подтверждающая авторская подпись, в архивольте въездной арки во двор дома была помещена очень выразительная крупная львиная маска.

В 1910 году по проекту Льва Кекушева был надстроен и заново отделан по фасаду и соседний с этим доходным домом трёхсекционный дом, расположенный вдоль Ново-Васильевского переулка. Он также стал четырёхэтажным, а его внешняя отделка варьировала некоторые фасадные темы уже законченного к тому времени соседнего углового дома. В 1914 году часть третьего и четвёртого этажи обоих лицевых домов владения В.Е. Быкова были заняты двумя Грузинскими городскими начальными училищами – № 2 и № 5. В первом этаже помещалась контора владельца, булочная, аптека, и как и на втором – жилые квартиры.

В советское время функциональное использование обоих лицевых домов почти не изменилось. Они оставались жилыми, с небольшими магазинами на углу. В 1970-х годах оба здания были приспособлены для административных целей. В 1990-е годы из углового, наиболее ценного в архитектурном от-

Декоративный замковый камень над окном дома В.Е. Быкова (строение 1)

Интерьер квартиры (видны подлинники порталов и полотнища дверей)

Общий вид дома (строение 1) под строительной сеткой

Лепная потолочная розетка в квартире дома В.Е. Быкова (строение 1)

ношении дома жильцы были выселены, долгое время он стоял пустым – без попечения собственника, предполагавшего заменить его новой постройкой.

Тем временем общественность Москвы, обеспокоенная судьбой яркого памятника модерну, выступала за его сохранение и бережную реставрацию. Борьба жителей города обострилась в 2010 году, когда в доме был устроен пожар, уничтоживший значительную часть довольно хорошо сохранившейся до того момента внутренней отделки подъездов, лестничных клеток и квартир верхних этажей.

Кроме того, собственник под предлогом начала капитального ремонта намеренно сломал часть фигурных оконных рам и сбил характерные элементы фасадного декора и львиную маску над воротами. Из отделки остались только металлические ограждения лестниц, демонстрирующие характерные завитки «кекушевского» модерна, и часть потолочных розеток. Однако выступления москвичей увенчались успехом – в 2012 году это здание было признано объектом культурного наследия регионального значения, а, значит, подлежит бережной научной реставрации.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. КЕКУШЕВА

В число общественных построек, возведённых по проектам Льва Кекушева, входят разные по назначению здания. Это железнодорожные и промышленные сооружения, лечебницы и приюты, торговые и учебные заведения, бани, гостиница и рестораны. Главным качеством, которое их объединяет в творческом портфеле зодчего, было точное соответствие задачам будущего использования – и образное, и функциональное. Причём в соответствии с веяниями времени многие из этих зданий были полифункциональными, то есть, кроме основной функции, включали и побочные, что также умело учитывал мастер.

Железнодорожные сооружения, выстроенные Кекушевым в Москве, – лишь малая часть большого комплекса подобных построек, которые появились по его проектам в окрестностях города, Сергиевом Посаде и по линии Вологодско-Архангельской железной дороги, где им, совместно с архитектором И.А. Ивановым-Шицем, был создан развернутый комплекс в едином архитектурном стиле. Подчеркнём, что этот тип общественных зданий был в числе первых потребителей нового стиля модерн. Причём у истоков его использования в железнодорожных сооружениях конца XIX – начала XX века стоял именно Лев Кекушев. Неслучайно в 1903–1908 годах, когда строилась Окружная железная дорога, опыт зодчего был активно использован: комплекс её сооружений сразу проектировался как единостильный ансамбль, во многом навеянный формами кекушевских построек в стиле модерн.

В конце XIX века в Москве формируется новый тип торгового здания – торговый дом, включавший несколько этажей магазинов. Это не ставший уже привычным пассаж или более традиционные торговые ряды, а именно дом. Одним из первых подобных новаторских полифункциональных сооружений в Москве стал торговый дом наследниц Г.И. Хлудова в Театральном проезде, выстроенный Кекушевым в

На иллюстрации раздела – латунная ручка входной двери в магазины Никольских торговых рядов

На предыдущей странице – лестница в ресторане «Прага»

Фасадный флагодержатель на стене ресторана «Эльдорадо»

1894–1896 годах и, к сожалению, не сохранившийся в первоначальном виде. В обширных, светлых помещениях первых двух этажей в нём разместились многие известные в то время торговые фирмы, общественные организации и питейные заведения, на третьем этаже – магазины и престижные квартиры, на четвёртом – квартиры и гостиница Карла Дюсо. В начале 1900-х годов здесь находились московское отделение «Русского общества Шуккерт и К^о», выполнявшее заказы на устройство электрического освещения и электропередач для трамваев, парфюмерный магазин торговой фирмы «Эмиль Бодло и К^о», ресторан «Ялта» и бар «Товарищества трёхгорного пивного завода», букинистический магазин Ивана Фадеева и магазин фотопринадлежностей «Ф. Иоахим и К^о», Русское общество любителей фотографии, Московское отделение Русского технического общества с «Музеем содействия труду», а также синематограф «Экспресс». Кекушев стал автором и Ново-Никольских, или Иверских торговых рядов, расположившихся на месте множества мелких частных лавочек напротив Верхних торговых рядов (ныне – ГУМ) и ставших современным украшением Никольской улицы. трёхэтажные ряды фактически тоже представляли торговый дом, но строились в складчину под конкретные магазины частных владельцев.

Практически одновременно с особняками, торговыми зданиями и железнодорожными сооружениями формы нового стиля появились в гостиничном деле. Отель «Метрополь», задуманный Кекушевым по заказу С.И. Мамонтова и ставший ключевым сооружением московского модерна, представлял собой не только первую классную гостиницу, но и многофункциональный городской центр нового типа. Гостиничный сервис, существовавший в ситуации растущей конкуренции, чутко следовал новейшим архитектурным тенденциям и техническим достижениям в сфере оборудования и обслуживания.

Близкие архитектурные задачи решали и владельцы ресторанов, которые в то время не только использовали помещения в гостиницах, торговых и доходных домах, но и строили для них отдельные здания, нередко соединённые с небольшими театральными залами и сценами. Кекушев оказался причастен к созданию двух знаменитых московских ресторанов – «Прага» и «Эльдорадо», ставших любимым местом встреч московской интеллигенции и любителей хорошего пения.

Учебные здания представлены в творчестве Кекушева небольшим домиком Начального училища Востряковой и монументальными постройками для Императорского Московского технического училища – зданием химической лаборатории и студенческого общежития, создавшими современный фронт застройки Коровьего Вала напротив старинного Слободского дворца на Яузе, а также надстройками крыльев основного здания училища. Их архитектурные формы были просты и рациональны, а фасады

лишены неуместной в данном случае лепной декорации.

Производственные здания в творчестве Льва Кекушева были представлены комплексом многочисленных построек на фабрике Владимира Лыжина в подмосковной Ивантеевке, а в Москве единственным строением – ювелирной фабрикой О.Ф. Курлюкова в его владении в Колпачном переулке. По существу, характер использования этого сооружения был близок к учебным зданиям, поскольку в нём также одним из главных условий заказа было требование хорошей освещённости просто отделанных рабочих помещений.

На протяжении своей творческой жизни архитектор не раз обращался к жанру медицинских заведений. Одной из первых его построек в Москве стала Богдельня имени И.Н. Геера, снискавшая немало благожелательных откликов в прессе и бывшая, несомненно, ярким примером московской благотворительности конца XIX века. По стечению жизненных обстоятельств именно медицинские учреждения 1910-х годов и завершили профессиональный путь зодчего. Это три совершенно разных по статусу сооружения хирургическая лечебница по-

*Лестничная клетка в восточном крыле Ярославского вокзала
Фрагмент кованого кронштейна навеса над входом в Преображенскую старообрядческую больницу*

Вспарушенные своды в проездной арке дома Дамского попечительства о бедных ведомств учреждений императрицы Марии

Лестница в ресторане «Прага»

Замковый камень над угловым окном в лечебнице доктора Руднева в Серебряном переулке

пулярного и состоятельного доктора С.М. Руднева в центре Москвы, в Серебряном переулке (1910–1911), скромное по бюджету и архитектурным формам Убежище престарелых сестёр милосердия в Сергиевом Посаде (1910–1913) и больница для малоимущих при Преображенской старообрядческой общине (1912–1914) на Преображенском валу. Любопытно, что все эти заведения до сих пор выполняют медицинские функции, что может служить убедительным подтверждением тому, что они были возведены в полном соответствии со своим назначением.

Завершает обзор общественных построек Льва Кекушева кладбищенская часовня-сень Н.Ф. Кёльха (1911), установленная во Введенском некрополе Москвы. Это небольшое сооружение целиком состоит из металлических кованых стержней, образующих нарядные растительные орнаменты на его ажурных фасадах. Учитывая причастность зодчего к индустрии металлических украшений фасадов и интерьеров, можно предположить, что это не единственное его произведение подобного мемориального характера, однако документальных подтверждений этому пока нет.

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ («КИТАЙСКИЕ») БАНИ

1889–1893 гг., архитекторы С.С. Эйбушиц, Л.Н. Кекушев
Театральный пр., д. 3, стр. 3, 4

В Средние века на восточном берегу реки Неглинной располагался Пушечный царский двор. После 1812 года здесь формируется усадебная владельческая застройка в духе послепожарного ампира. К середине XIX века сложились внутриквартальные границы владений. В 1860–1870-х годах, как и во всём центре города, происходит уплотнение участков двух- трёхэтажными домами по линии улиц и внутри владений. В 1877 году торцевая часть квартала между Рождественкой и Неглинной, прилегающая к Театральному проезду и состоявшая из двух участков, стала сначала собственностью Герасима Хлудова, а с 1885 года – его дочерей-наследниц, которые в 1908 году объединили их в одно владение.

На этой территории и были выстроены «Китайские» бани (как их часто называли по названию проходящего рядом Китайского проезда, то есть проезда Китай-города, теперь – Театрального). Бани представляли собой два респектабельных трёхэтажных здания, возведённых во дворе обширного городского владения Хлудовых: в восточном, выстроенном в 1889 году, располагались бани для простонародья, слева – для более состоятельных москвичей. Фасады их были отделаны в ренессансном духе, который давно потерял ассоциативную связь с первоисточником, и в глазах москвичей выглядел как вполне традиционный для своего времени – руст стен, мощные профилированные междуэтажные тяги и карниз с модульонами, солидный выступающий подъезд-тамбур, фланкированный пилястрами коринфского ордера. Главным архитектором строительства был Семен Эйбушиц (1851–1898), но, будучи загружен другими заказами, он – скорее всего, с 1890 года переложил многие обязанности на своего молодого талантливого помощника Льва Кекушева. Во всяком случае, Центральные бани по праву числятся в собственноручном кекушевском списке построек. Скорее всего, на плечи зодчего легла отделка дорогих номерных западных бань, строительство которых началось в 1890-м,

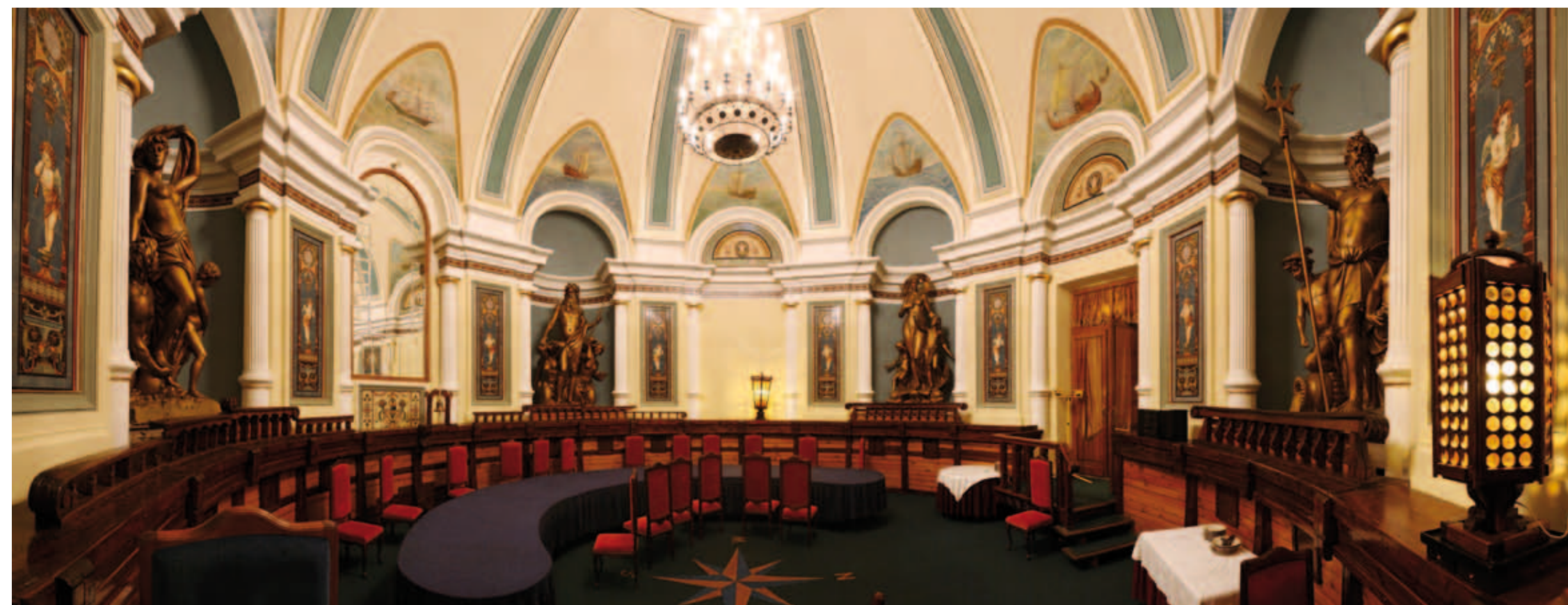

На предыдущей странице – кованая решётка ограждений лестницы в номерном корпусе Центральных («Китайских») бань

Круглый купальный зал с купальным бассейном (развертка)

Живописный плафон над помещением парадной лестницы

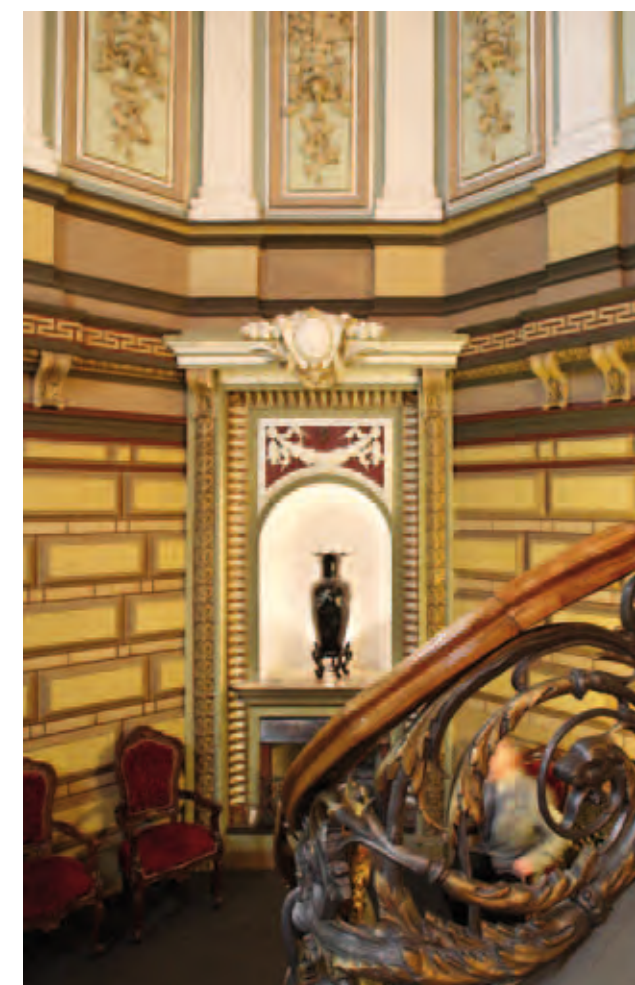
Вид вестибюля с площадки второго этажа

Камин в помещении вестибюля

Зал раздевалки мужского отделения

Общий вид зала – раздевалки мужского отделения

а открытие состоялось в 1893 году. Структура помещения состояла из нескольких крупных, по-разному трактованных и богато отделанных залов. Парадных входов в здание было два – один с Неглинной улицы, через длинный проход, с обеих сторон отделанный колоннами, другой – со двора, через вход в угловой части дорогих бань. Именно здесь располагалась созданная Кекушевым лестница, которую хорошо осведомлённая архитектурная пресса называла самой лучшей в Москве. Не случайно зодчий бережно хранил её фотографию в своём личном архиве, служившем своего рода *portfolio* для показа потенциальным заказчикам.

Парадная лестница мужского отделения в банях, ведущая на второй этаж, в самом деле, была поразительно монументальна и красива. Но, несмотря на многодельную декоративную отделку, лестница не создавала впечатления перегруженности. Самой характерной её чертой было устройство маршей: первый – семиступенчатый, плавно расширенный книзу, далее раздваивался, так что на уровень парадного этажа можно было попасть по двум маршам – и слева, и справа. Этот своеобразный приём напоминал в миниатюре парадную лестницу Парижской Оперы

Гарнье, которая так же расходилась на два рукава и к которой так же были обращены три арочных проёма. Уже в этом заглавном интерьере Центральных бань молодой зодчий сумел проявить поразительные способности режиссуры пространства, что, несомненно, высоко оценили заказчицы Хлудовы. Поскольку в лепную отделку и в эффектное ограждение лестницы были вкомпонованы даты окончания строительства – 1891 год, можно утверждать, что уже тогда (т.е. всего через год после начала работы у Эйбушица) Кекушев вел хлудовскую постройку в качестве его полноправного соавтора.

Интерьеры бань имели столь роскошный вид, что сразу же сделались московской достопримечательностью. Они представляли собою богато отделанные позолоченной лепниной и полированным деревом залы, расписанные известным художником-декоратором А.А. Томашки, в которых помещались русские, финские и турецкие бани, а также просторные комнаты отдыха с буфетом, кабинеты врача, массажистов, паровая механическая прачечная и, наконец, обширный банкетный зал с эффектным камином, где состоялось торжественное открытие комплекса.

Интерьер мужского отделения с кабинетами.
Архивное фото начала XX века

Вход в номерное отделение Китайских (Центральных) бань со стороны Театрального проезда. Архивное фото 1900-х годов

Необычно и роскошно был декорирован турецкий (Мавританский) зал, стены которого покрывала орнаментальная лепнина, окрашенная в яркие сочные цвета. В его отделке сказалось прекрасное знакомство архитектора с восточной орнаментикой и присущее ему чувство стиля, позволившие создать весьма нарядный, запоминающийся и уютный интерьер. В довершение всего в 1894 году, по предложению одной из дочерей Хлудова, по примеру непревзойденных древнеримских бань были сооружены и первые в Москве крытые плавательные бассейны.

Особенно эффектным был круглый купольный зал с бассейном, отделанный колоннами, между которыми были размещены орнаментальные керамические панно и четыре крупные скульптурные группы, созданные в мастерской известного рижского скульптора Августа Фольца (они изображали рождение Венеры и Венеру – богиню любви, Нептуна – властителя морей, и Нептуна – покровителя морской торговли). В центре купола находилась люстра. Её поверхность была разделена на восемь долей с круглыми окнами в них, в распалубках над которыми сейчас помещены изображения кораблей.

На углу Неглинной улицы и Китайгородского проезда по проекту архитектора Семена Эйбушица в 1890–1892 годах был построен respectable четырёхэтажный доходный дом купеческого семейства Хлудовых, находившийся в едином комплексе с Центральными банями. Дом был полифункциональным: два нижних этажа, стены которых были выделены мощным рустом, предназначались для сдачи внаём под магазины, два верхних этажа были жилыми. В строительстве этого дома Лев Кекушев, несомненно, принимал самое деятельное участие, к тому же язык этих форм был ему хорошо знаком, и, думается, многие детали сооружения нарисовал именно он.

Центральные бани просуществовали вплоть до начала 1990-х годов, часть их помещений после реставрации была приспособлена под дорогой ресторан и кафе. В лицевом доходном доме наследниц Хлудова на углу Неглинной улицы, надстроенном двумя этажами в 1930-е годы, в настоящее время размещается Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России).

БОГАДЕЛЬНЯ ИМЕНИ И.Н. ГЕЕРА

1894–1899 гг., гражданские инженеры Л.Н. Кекушев, И.А. Иванов-Шиц
Верхняя Красносельская ул., д. 15, стр. 1

Богадельня имени И.Н. Геера на Верхней Красносельской улице – яркий памятник московской благотворительности рубежа XIX–XX веков.

Московское владение, где жили супруги Геер, располагалось на окраине исторического города, рядом с землями Алексеевского монастыря. Его краткая предыстория такова: в конце XVIII – начале XIX века этот обширный участок принадлежал секунд-майору А.Л. Демидову, затем был приобретён знаменитым героем Отечественной войны 1812 года генералом Алексеем Петровичем Ермоловым, в 1859 году его купил швейцарец, принявший русское подданство, купец первой гильдии (с 1835 года) Иосиф Николаевич Геер, в свою очередь, в 1869 году продавший часть своего большого участка купцу Занегину.

И.Н. Геер был членом совета московской Евангелической реформатской церкви и владел известным водочным заводом в Мещанской части. Известный московский коллекционер П.И. Шукин вспоминал о нём так: «Часто бывал у моих родителей швейцарский консул, старик, Осип Николаевич Геер, который жил в своём доме близ Алексеевского монастыря, где имел прекрасный сад-парк и водочный завод. В саду созревали груши дюшесы, а гееровские водки и наливки пользовались заслуженной славой. Однажды отец, стоя у закусочного стола, представил О.Н. Геера одному из своих гостей. “Пивал”, – сказал гость, вероятно, вспомнив о гееровских водках».

В 1894 году, после смерти И.Н. Геера, его вдова Наталья Петровна решила увековечить его память созданием богадельни (приюта для одиноких престарелых и инвалидов) на 60 коек. Для строительства богадельни она пожертвовала городу часть своих земель с постройками, общей стоимостью 250 тысяч рублей, а в следующем, 1895-м – ещё один небольшой земельный участок для тех же целей. После окончания общестроительных работ в 1901 году Н.П. Геер дополнительно пожертвовала 12,5 тысяч

На предыдущей странице – вид церковного объёма богадельни имени И.Н. Геера со двора

*Крестовые своды коридора здания
Фасад богадельни в процессе реставрации*

рублей на убранство церкви и устройство иконостаса. По её духовному завещанию в 1906 году на расширение и содержание богадельни для престарелых жителей обоего пола было выделено ещё 18 тысяч рублей. Таким образом, общая сумма её пожертвованый городу составила 281 872 рубля.

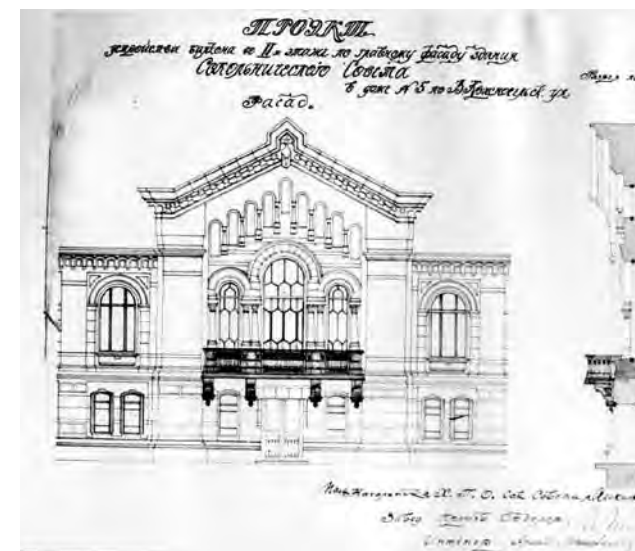
Работы по строительству и дальнейшему содержанию богадельни взяло на себя Московское городское общественное управление, поручившее возвести её Л.Н. Кекушеву, который в тот период исполнял обязанность городского архитектора. На постройке богадельни Кекушеву помогал И.А. Иванов-Шиц, работавший в его бюро в 1894–1896 годах.

Проект богадельни, несколько расширившийся в процессе строительства, включал мужское и женское отделения на 100 человек и церковь, а также служебные помещения, квартиры надзирателя, экономки и фельдшера. План полностью соответствовал назначению здания. Центральную часть занимал вестибюль, во втором этаже, прямо над ним, находилась трапезная. Восточную часть, выступавшую крупным ризалитом-апсидой, занимала церковь, поднимавшаяся на всю высоту объёма сооружения. Над трапезной размещалась небольшая надстройка со звонницей, покрытой скатной кровлей и имевшей окна в центральном щипце главного фасада. По сторонам центральной группы размещались две лестницы, одна – парадная, вторая – служебная, ведущая до уровня звонницы. Парадная лестница, как всегда у Кекушева, отделанная замечательной кованой решёткой ограждения, вела в широкий коридор, служащий для прогулок проживающих. В центре второго этажа здания помещалась столовая, соединённая с двухсветным помещением церкви узким проёмом, что позволяло совсем немощным присутствовать на церковной службе, не спускаясь на первый этаж. В дворовых ризалитах располагались две дополнительные лестницы с выходами во двор, в подвале находилась печь для центрального отопления. Перед зданием был разбит сквер, позади – обширный парк для прогулок.

Здание имело характерную для сооружений этого назначения структуру – симметричный корпус помещался вдоль линии улицы, центром плановой и объёмной композиции был домовый храм св. Иосифа Обручника. Архитектор сам определил стиль постройки – романо-византийский. Действительно, трактовка низкого приземистого купола с выявленными рёбрами и крупным крестом, а также мотивы фасадной отделки постройки почерпнуты из византийского зодчества и наследовавшей ему романской архитектуры. В основании купола и на фасадах использован мотив аркатуры, ассоциирующийся как с византийским, так и с романским зодчеством. Храмовая часть и трапезная выделены на главном фасаде крупными выразительными окнами, в проекте дано два варианта остекления: с рисунком в виде «сот» и в виде средневековых витражей. В завер-

Проект устройства балкона во 2-ом этаже по главному фасаду здания – в 1925 году просто необходимо было иметь балкон, с которого можно было бы прочесть речь перед большим собранием народа

*Правое крыло здания с позднейшей пристройкой 1905 года
Лазарет при городской богадельне им. И.Н. Геера.
Архивное фото начала 1900-х годов*

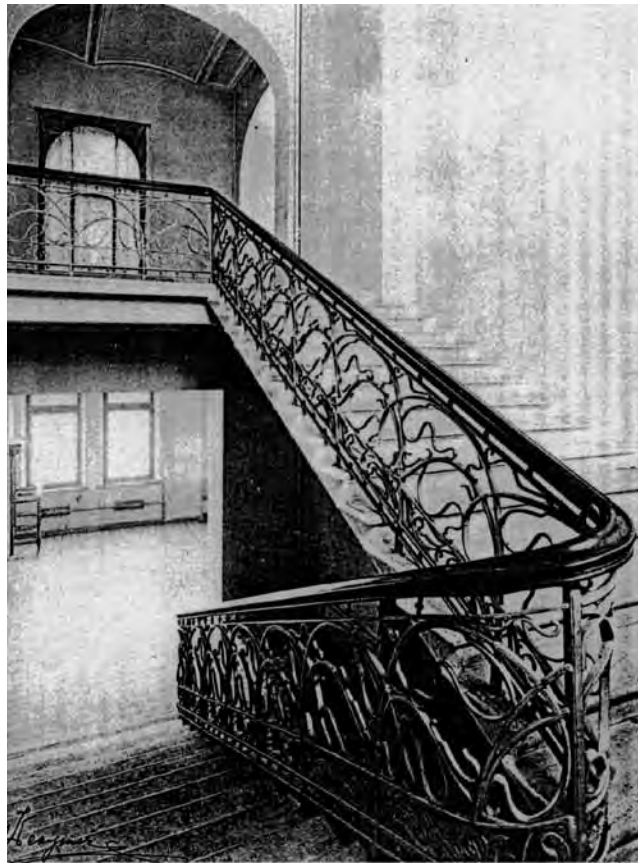
шении центрального ризалита размещены проёмы звонницы, расположенной в уровне небольшого третьего этажа.

В отличие от многочисленных эклектических построек, использующих сходные элементы фасадной декорации, произведение Кекушева поражает мощной пластикой объёмов и деталей, придающих даже такой небольшой по размерам постройке черты подлинной монументальности. Однако сооружение привлекает не столько стилистической необычностью, сколько композиционным совершенством. Его отличают точно найденные пропорции, цельность общего облика, подкупающая мощь и уверенность прорисовки всех архитектурных деталей.

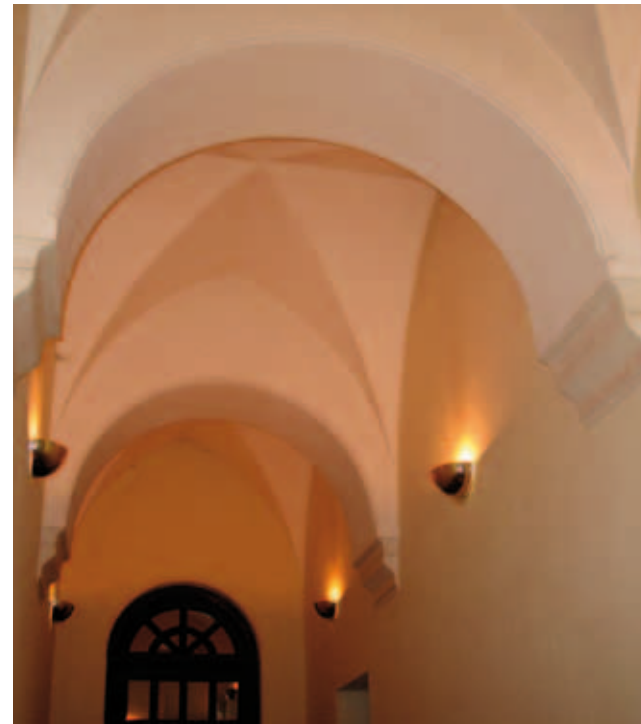
Двухэтажный фасад был организован с помощью трёх крупных ризалитов, покрытых скатными кровлями. Их плоскости немного напоминали лаконичные фасады раннехристианских базилик. Над небольшими прямоугольными окнами первого этажа помещались большие полуциркульные световые проёмы, обрамлённые мощными наличниками с круглыми колонками по сторонам; по центру фасада композиционно размещались три окна: крупное – посредине, два меньших – по бокам. Ризалиты создавали ритмические перебивки для умело аранжированной горизонтальной композиции, которую составляли строчки окон и горизонтальная тяга между низким первым и высоким вторым этажами, карниз из мелких и частых арочных ниш, а также необычно низкая ограда участка с простым ритмом вертикальных стержней (не сохранилась); с воротами, предвосхитившими по рисунку ворота кекушевского особняка в Глазовском переулке.

Постройка сразу привлекла внимание, став в Москве событием рубежа веков. Церковь во имя святого Иосифа Обручника – небесного покровителя почившего Иосифа Геера, а также проект иконостаса и внутреннего убранства – все это было выполнено Кекушевым. Закладка храма состоялась в 1896 году, когда строительство богадельни уже началось. Роскошный двухъярусный иконостас, спроектированный в 1897 году, был выполнен из белого мрамора, а Царские врата – из бронзы. Иконостас храма – несомненная удача архитектора. Неслучайно снимок с его изображением висел в рабочем кабинете зодчего рядом с самыми известными и признанными ныне его произведениями. Резная мраморная алтарная преграда, увенчанная мощным равноконечным крестом над Царскими вратами и фланкированная двумя мраморными киотами, была также отмечена авторским почерком Кекушева: крупные формы, выверенные пропорции декоративных и структурных элементов, подчёркнутое главенство самой алтарной плоскости, на которой немногие живописные иконы смотрелись как драгоценности. Особенно удались Царские врата. Они представляли собой дивную бронзовую решётку из плавно изогнутых, как бы струящихся вопреки свойствам материала

Сводчатый потолок

Парадная лестница богадельни. Архивное фото 1910 года
Лестница здания после реставрации

тонких стержней, нежно охватывающих шесть круглых живописных медальонов. На центральных медальонах традиционно располагались изображения Архангела Гавриила и Пресвятой Богородицы. Общая композиция Царских врат была необыкновенно оригинальна, изящна и орнаментально изобретательна.

Официальное открытие богадельни в Красном селе состоялось в 1898 году; освящение храма св. Иоанна Обручника – 26 августа 1899 года.

В советское время здание подверглось переделке: церковь закрыли, с купола был снят крест, внутри храм разделили перекрытием, его убранство было утрачено, поставлены перегородки и т.д. На главном фасаде был утрачен лепной крест, размещавшийся в центральном щипце завершения. На его место перенесен рельеф с изображением Георгия Победоносца, который прежде располагался в одном из щипцов, завершавших боковые ризалиты. Второй рельеф – с парным изображением московского герба – был утрачен. В 1920-х годах в бывшей богадельне разместился Сокольнический райком РКПБ, в 1930-х годах – Сокольнический Совет, в 1967 году сюда переехало Министерство мясной и молочной промышленности СССР, а в 1980–1990-х годах здесь разместилось Всесоюзное экспортное объединение «Разноэкспорт». Реконструктивные работы внутри здания, нанесшие ему значительный ущерб, проводились без участия архитекторов-реставраторов.

В настоящее время здание бывшей богадельни, что в Красном селе, находится в процессе реставрации (авторы проекта: Б.Е. Пастернак, Т.С. Борисова, при участии А.В. Кузнецова и О.М. Замжицкой); разобраны позднейшие пристройки и перекрытия, начаты реставрационные работы по домово́й церкви.

Общий вид богадельни. Архивное фото 1963 года

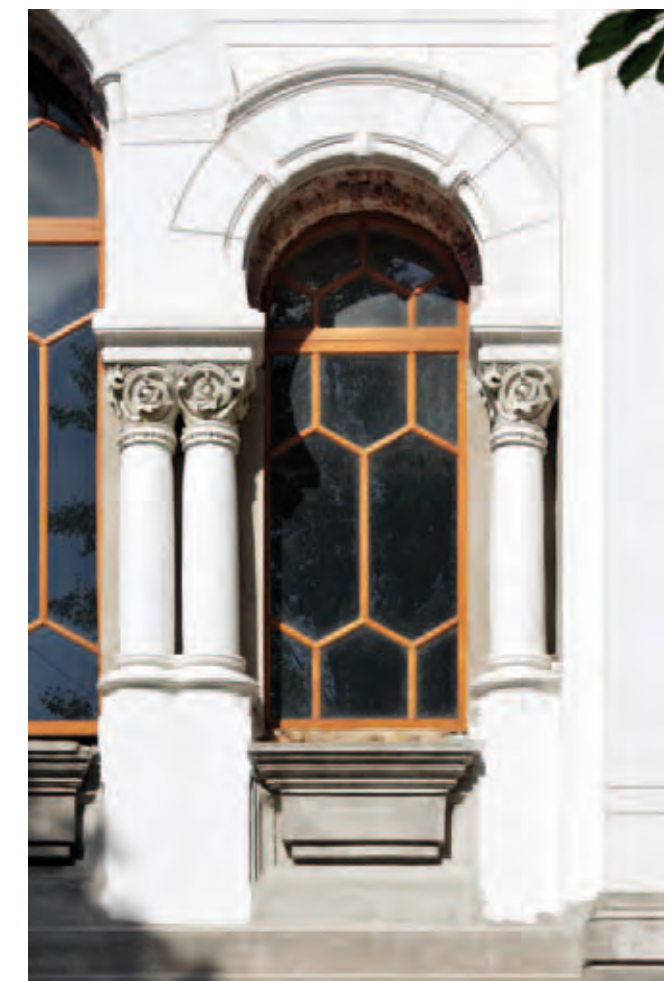
Общий вид богадельни. Архивное фото 1903 года

Оформление портала – поздний лепной декор
Фрагмент фасада богадельни
Обрамление окна центрального ризалита
Верхняя часть центрального ризалита

Купол храма богадельни в процессе реставрации

Капитель колонки фасада здания

Летняя потолочная розетка

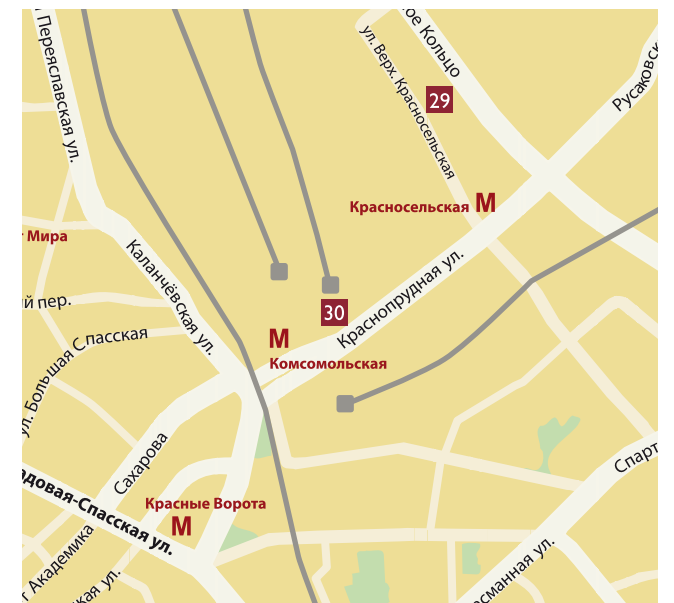

ВОСТОЧНОЕ КРЫЛО И КРЫТЫЙ ПЕРРОН В ЗДАНИИ ЯРОСЛАВСКОГО ВОКЗАЛА

1895–1896 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Комсомольская пл., д. 5

В своём послужном списке за 1895-1896 годы Лев Кекушев записал: перестройка «станции Москва», то есть главного вокзала Московско-Ярославской железной дороги (ранее – Северной). Небольшое старое здание железнодорожного вокзала Ярославской дороги на Каланчевской площади возле Николаевского вокзала, выстроенное к открытию первого участка дороги до Сергиева Посада в 1862 году по проекту Р.И. Кузьмина, уже не удовлетворяло потребности растущего числа пассажиров, а следовательно, должно было быть существенно расширено. В 1895 году главный строитель дороги Савва Мамонтов заказал Льву Кекушеву новое двухэтажное восточное крыло здания, примыкающее к заднему фасаду постройки Кузьмина, с крытым перроном. К 1896 году строительные работы были в основном завершены.

Облик новой двухэтажной пристройки с залами ожидания, существенно превосходивший по масштабу старый вокзал, был прост и современен. Её импозантный фасад с двумя немного выступающими ризалитами (со стороны путей и со стороны вокзального здания) был решён с помощью немногих архитектурных средств – двух видов руста (греческого и скошенного), выразительного карниза, опирающегося на характерный аркатурный пояс из маленьких полукруглых нишек, красиво прорисованных абрисов оконных проёмов и контрастного цветового решения: промежутки между проёмами второго и третьего (с северной стороны) этажей были оставлены в кирпиче. Многие детали, например аркатурный пояс с лепным заполнением, карнизы или русты, восходили к архитектуре итальянского раннего Возрождения, вероятно, хорошо изученной Кекушевым. Раскреповка первого этажа, представлявшего вереницу крупных арочных окон (более широких в северном ризалите), вероятно, была позаимствована из старого вокзального здания, обращённого на Каланчевскую площадь.

На предыдущей странице – колоннада перрона Ярославского вокзала

*Лестница в восточном крыле Ярославского вокзала**Окно восточного крыла здания**Полуколонна второго этажа на бывшей наружной стене здания вокзала*

Самой эффектной частью вокзала был крытый перрон первого класса для прибывающих поездов – великолепная открытая арочная галерея, выходившая к железнодорожным путям. Невысокие массивные колонны из лабрадора, с фантазийными бронзовыми капителями с круглыми завитками, несколько сплюснутые под тяжестью лишь слегка обработанного каменного антаблемента, сильно отличались от гораздо менее внушительных и более легких конструкций перронов остальных московских вокзалов. Это был самый монументальный и богато отделанный перрон Москвы. Вероятнее всего, Кекушев следовал пожеланиям заказчика: как всегда, Савва Мамонтов тяготел к максимальной уникальности и художественности. Качественные работы по камню были выполнены по рисункам Кекушева строительно-художественной мастерской «Георгий Лист», с которой зодчий имел постоянные контакты.

При перестройке лицевого дома Шехтелем в 1902–1904 годах кекушевское крыло Ярославского вокзала примкнуло к новому объёму практически без изменений. Лишь в 1960-х годах, после капитальной реконструкции внутренних помещений вокзала (арх. Л.Н. Ненаглядкин), кекушевский перрон для пассажиров первого класса вошел в интерьер современного зала ожидания, где и сохраняется его впечатляющая каменная аркада.

*Фрагмент оформления восточного фасада**Фрагмент лестничного ограждения**Капитель гранитной колонны перрона**Ряд колонн на бывшем перроне Ярославского вокзала*

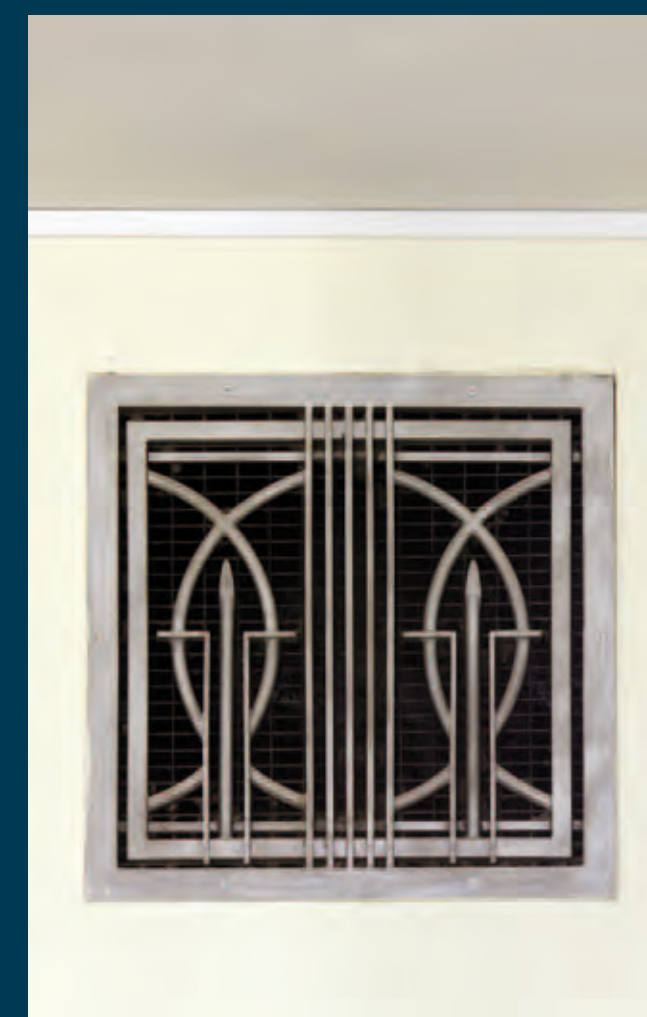
Фрагмент фасада восточного крыла здания

Старый крытый перрон

Оформление потолка в зале восточного крыла здания

Арочное окно на фасаде восточного крыла здания.

Вентиляционная решётка

СТАНЦИЯ «МЫТИЩИ» СЕВЕРНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

1895–1896 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
г. Мытищи, Вокзальная ул., д. 1

Новое станционное здание в Мытищах было закончено к коронации 1896 года. Приехавшая в древнюю столицу императорская чета, конечно, не могла миновать посещения Троице-Сергиевой лавры – это входило в протокол коронации, кроме того, было традиционным: все российские самодержцы, приезжая в Москву, ездили в «Троицу», а потому новое здание, появившееся на самой крупной станции этого отрезка пути, используемого ещё с 1862 года, видимо, должно было ненавязчиво подчеркнуть заботу о Северной железной дороге её тогдашнего строителя Саввы Ивановича Мамонтова.

Общая композиция сооружения была трёхчастной – простая и гармоничная по пропорциям, она чем-то напоминала маленькие особнячки послепожарной Москвы с их характерными портиками и мезонинами, в которых красовались широкие полукруглые окна. Несмотря на композиционно подчеркнутый глубокой нишей центр сооружения, входы в здание располагались по его боковым сторонам, где были устроены залы ожидания для публики I–II класса и для III класса (с багажным отсеком). В центральной части находилась контора начальника станции, телеграф, другие службы дороги и лестница, ведущая в «мезонин».

Несмотря на сравнительно небольшие размеры, постройка была очень монументальна. Этому впечатлению способствовали простая, ясная композиция объёмов и подчеркнута крупные формы архитектурного декора. Глубокая фасадная ниша, фланкированная двумя каннелированными колоннами, поддерживающими широкий дорический антаблемент с надписью «Мытищи», завершалась полукруглым окном, обрамленным в плоскости высокого тимпана красиво профилированным архивольтом. Покрытие мезонина было двускатным, карниз также содержал традиционные элементы классического ордера. Аналогично был оформлен фасад, обращённый к селу

На предыдущей странице – фрагмент деревянной дверной коробки здания

Общий вид вокзального здания

Мытищи (затем городу-спутнику Москвы, а теперь – её составной части).

Кроме ассоциаций с архитектурой московского ампира, в сооружении присутствовали и черты неогреческого стиля, популярного в 1880–1890-х годах, что сразу заметили современники зодчего и архитектурные обозреватели того времени. Такова несколько суховатая трактовка ордерных форм, тонкий греческий руст стен, оконные эдикулы по сторонам главного фасада, портики на боковых фасадах и т.д. Особенно узнаваемыми черты стиля «неогрек» были в решётках боковых окон мезонина, набранные из четырёх перекрещенных стержней. Язык этого стиля был хорошо знаком и, по-видимому, очень импонировал Кекушеву, во всяком случае, использование его отдельных элементов в авторской трактовке зодчего вне зависимости от общего стиливого решения постройки, действительно, со временем стало частью индивидуального почерка мастера.

Кроме основного станционного здания в ансамбль входило небольшое одноэтажное хозяйственное строение, также возведенное по проекту Кекуше-

Входная дверь на боковом фасаде здания

ва. Оно имело аналогичное двускатное покрытие и объёмно вторило главному сооружению.

В 2005–2010 годах над железнодорожными путями на станции «Мытищи» был устроен новый широкий пешеходный переход (конкорс), соединивший районы по обеим сторонам железной дороги. К сожалению, при реконструкции не очень задумывались о судьбе старого станционного здания, имеющего статус памятника архитектуры, а следовательно, подлежащего реставрации. Гигантская железобетонная труба перехода была практически воткнута в верхнюю часть этой постройки, лишив станционный перрон его привычного архитектурного украшения. Кроме того, во время реконструктивных работ фасады здания были чудовищно искажены. С них исчезли все ордерные детали, тонко отделанные колонны в нишах были заменены столбами с капителями-бубликами, профили и карнизы потеряли свою сложность и нюансировку, к тому же стены выкрасили в синий цвет. Элементы авторской отделки – разработка дверных и оконных проёмов – частично сохранились лишь в бывшем зале ожидания.

Интерьер вокзального здания

Вокзальное здание. Архивное фото начала XX века

Отделка дверной коробки в интерьере здания

Эдикула окна на главном фасаде здания

Интерьер вокзального здания

НАЧАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ ИМЕНИ ВОСТРЯКОВЫХ ВО ВЛАДЕНИИ Г.И. ХЛУДОВА

1897–1898 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Сыромятнический пр., д. 8, стр. 1

Наследники богатейшего московского купца и благотворителя Гerasима Ивановича Хлудова были в 1890-х годах постоянными заказчиками Льва Кекушева. Неудивительно, что архитектор принял участие и в реализации их общественно-значимых замыслов.

В своём знаменательном завещании Г.И. Хлудов писал: «Если при жизни моей я не приведу мысли своей окончательно – устроить благотворительные учреждения, то обязываю наследников и душеприказчиков моих начатое мною докончить так, чтобы отделка и устройство зданий не превышала 200 000 руб., а остальное внести в одно из кредитных учреждений на вечное время неприкосновенный капитал в 300 000 руб., проценты с которых должны идти на содержание призреваемых зданий и их ремонт, само же учреждение должно быть моего имени».

Примерные дочери после смерти родителя активно занялись строительством благотворительных учреждений: Любовью Герасимовной Лукутиной было основано бесплатное народное училище; на средства Александры Герасимовны Найденовой выстроен корпус бесплатных квартир; иждивением Прасковьи Герасимовны Прогоровой открыто отделение для слабых и одержимых недугами, а на счет Клавдии Герасимовны Востряковой и её мужа в 1893–1897 годах была открыта и впоследствии расширена школа для сирот, проживавших в бесплатных квартирах (Начальное смешанное училище имени супругов Востряковых на 95 девочек и мальчиков) и т.д.

Оживилась строительная деятельность и вокруг Дома призрения бедных имени Г.И. Хлудова в Троицком переулке в Сыромятниках, состоявшего в ведении Купеческой управы, последовательно появились и другие здания, также выстроенные на пожертвования дочерей Хлудова. Прасковья Герасимовна возвела бесплатное женское ремесленное училище и корпус бесплатных квартир; Клавдия Ге-

На предыдущей странице – вид здания со стороны Сыромятнического проезда

Фрагмент фасада здания

расимовна построила богадельню, дом бесплатных квартир имени Г.И. Хлудова, дом бесплатных квартир имени П.Д. Хлудовой, а также палаты для неизлечимо больных женщин. Иными словами, в Москве начала XX века появился целый «хлудовский городок», ставший родным домом или местом учебы почти для восьмисот человек. Бывший Троицкий переулок, вдоль которого расположилось большинство благотворительных учреждений Хлудовых, стал тогда заслуженно называться их именем.

Известная московская благотворительница Клавдия Герасимовна Вострякова (около 1845–1899) за свою жизнь сделала немало добрых дел. В 1897 году на обширном участке Дома призрения бедных Г.И. Хлудова ею было заказано Льву Кекушеву два строения – небольшое двухэтажное здание женской ремесленной школы и деревянная часовня с покойницей. Часовня, конечно, не сохранилась, а небольшой домик, обращенный в Хлудовский переулок (ныне – Сыромятнический проезд, 8), стоит в тени чудом сохранившихся деревьев, растущих вдоль тротуара и придающих этому далекому от центра району города поэтический патриархальный облик, когда-то

Оконная ниша на втором этаже здания

Окно первого этажа

такой традиционный для Москвы. Постройка имеет по главному фасаду всего два больших трёхчастных полуциркульных оконных проёма и четыре таких же – по боковому, со стороны Яззы, но именно эти окна второго этажа, вернее, их плавные лекальные обрамления выдают почерк Кекушева.

Довольно глубоко поставленные оконные рамы с простой, но не типовой расстекловкой подчёркнуты профильной подоконной полочкой, опирающейся на свой участок стены, выделенный вертикальными полосами загибов по сторонам. Создание таких чуть выступающих, или чуть заглублённых подоконных плоскостей, – характерная черта архитектурного языка Кекушева, никогда точно не повторяющаяся, выраженная во множестве разнообразных вариантов. Верхняя часть окон обрамлена плоским арочным рустованным наличником, чуть увеличивающимся по ширине в направлении к замковому камню. Его плавный абрис, как бы имитирующий плотную каменную кладку, немного напоминает рафинированное обрамление над входной дверью в его собственном особняке в Глазовском переулке, появившемся через неполных два года.

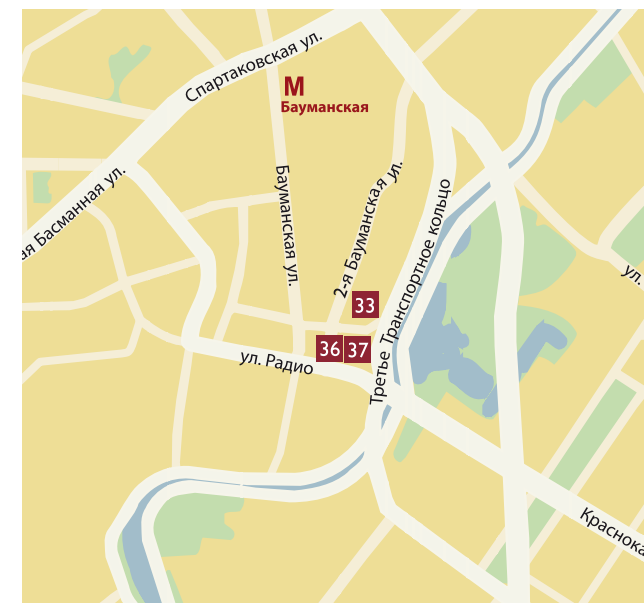
НАДСТРОЙКА БОКОВЫХ КРЫЛЬЕВ ЗДАНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА (СЛОБОДСКОЙ ДВОРЕЦ)

1898–1899 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
2-я Бауманская ул., д. 5

Район Немецкой слободы, где расположено интересующее нас здание, основанной ещё в 1576 году, долгое время представлял собой компактное поселение, не связанное не только с застройкой, но и с основными дорогами, шедшими в столицу. Хотя при Петре Великом слобода играла важную роль в жизни города и государства, оно сохранила свою исключительно жилую функцию. Единственным общественным зданием здесь был расширенный А.Д. Меншиковым Лефортовский дворец, выстроенный Петром для государственных приёмов. Постепенно кроме скромных дворов ремесленников-иностранцев здесь стали строить свои усадьбы сподвижники энергичного императора. После строительства Головинского дворца и Анненгофа на берегах Яузы появилось несколько развернутых ансамблей с парками. В середине XVIII века в Головинском дворце подолгу жила императрица Елизавета Петровна, поддерживавшая наметившийся здесь процесс строительства крупных аристократических усадеб.

В конце XVIII века – на основе более раннего дворца А.П. Бестужева-Рюмина середины столетия для графа и светлейшего князя Александра Андреевича Безбородко (1747–1799), сенатора, фактически руководившего внешней политикой России в 1780-х годах, – архитектором М.Ф. Казаковым по проекту Д. Кваренги за казённый счет был выстроен огромный Слободской дворец, как бы закрепивший в своём названии обособленность этого района от Москвы. Купленный впоследствии Павлом I у Безбородко, этот дворец был подготовлен к его коронации, затем использовался при коронации Александра I. В дальнейшем дворец вновь пустовал до 1812 года.

После пожара Москвы многие обширные владения Немецкой слободы разделились на более мелкие, поменялся и состав населения: аристократия возвратилась в центральные районы, на их месте расселилось купечество. Сгоревший Слободской дворец, просто-

На предыдущей странице – фрагмент стены третьего этажа здания ИМТУ

В аудитории третьего этажа главного здания ИМТУ

Общий вид здания. Архивное фото 1906 года

Отделка двери

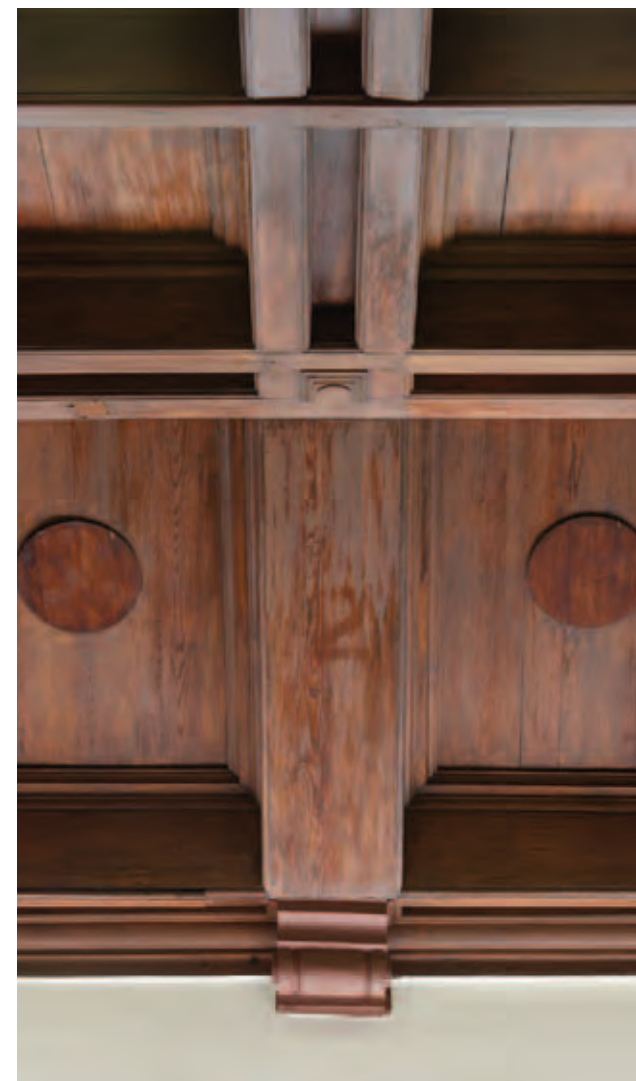
явший почти пятнадцать лет полуразрушенным, в 1826 году начал перестраиваться по проекту Доменико Жилярди – уже для общественного использования в качестве Ремесленного заведения Воспитательного дома. Именно тогда вдоль его обращённого к городу фасада и была проложена улица Коровий Брод (ныне 2-я Бауманская). В 1844 году Ремесленное заведение получило название Технического училища, а с 1868-го года – Императорского Московского Технического училища (ИМТУ). Время и стремительно набиравший силу технический прогресс быстро подняли значимость этого учебного заведения, специалисты которого становились всё более и более востребованными. Комплекс рос, помещений не хватало, и когда в 1898 году в ИМТУ пришёл работать преподавателем архитектуры молодой Л.Н. Кекушев, он был сразу задействован в перестройке главного корпуса и строительстве новых зданий.

В 1902-1903 годах над двухэтажными симметричными боковыми крыльями бывшего Слободского дворца Кекушев сделал симметричные надстройки, в которых разместились дополнительные большие залы. Шесть групп строенных окон (центральное – пятичастное, боковые – трёхчастные) с каждой стороны отделялись друг от друга гладкими простенками, трактованными как пилястры небольшого выноса и завершёнными по бокам в нижней части классическими дентикулами. Благодаря более сложному,

но в то же время мерному, статичному ритму оконных проёмов третьего этажа архитектору удалось очень органично и ненавязчиво дополнить ампирный ансамбль бывшего Слободского дворца, оформленный несравненным Жилярди. Любопытно, что ритмика окон надстроек находила перекличку с ритмом каменных столбиков кованой ограды парадного двора по сторонам от ворот.

Обилие оконных проёмов было оправдано не только необходимостью создать хорошую освещённость внутренних помещений, но и желанием архитектора облегчить визуально надстройку, чтобы боковые крылья по своим архитектурным объёмам не конкурировали с центральной, более массивной частью дворца – также трёхэтажной и смотревшейся единым блоком. Благодаря такому решению ансамбль классического комплекса не только ничего не потерял, но, напротив, стал более монументальным. Его облик окончательно утратил усадебные черты и стал больше соответствовать солидному учебному заведению.

Скромное внешнее оформление надстроек сочеталось с рациональным, но сугубо современным решением их интерьеров, где помещались чертежная и другие подразделения училища. Залы надстроенного этажа получились очень светлыми, поскольку по обеим длинным сторонам располагались широкие окна, сгруппированные по три, что выгодно отличало их от аудиторий старой части здания. Торцы залов были

глухими, в верхней части трапецевидными, подчеркнутыми формой очень эффектных высоких деревянных потолков, выполненных из тёмных, часто расположенных поперечных и продольных балок, образовывавших ряды квадратных и прямоугольных кессонов. В средокрестиях балок первоначально помещались висячие светильники с абажурами (ныне заменены люминесцентными лампами). Концы балок под углом опирались на оштукатуренные стены, в местах их сопряжения были сделаны небольшие фигурные полочки-кронштейны, ряды которых эффектно смотрелись с высоты человеческого роста. В торцах залов находились выразительные фигурные дверные проёмы, как всегда, у Кекушева – сложные по форме и безукоризненные по исполнению.

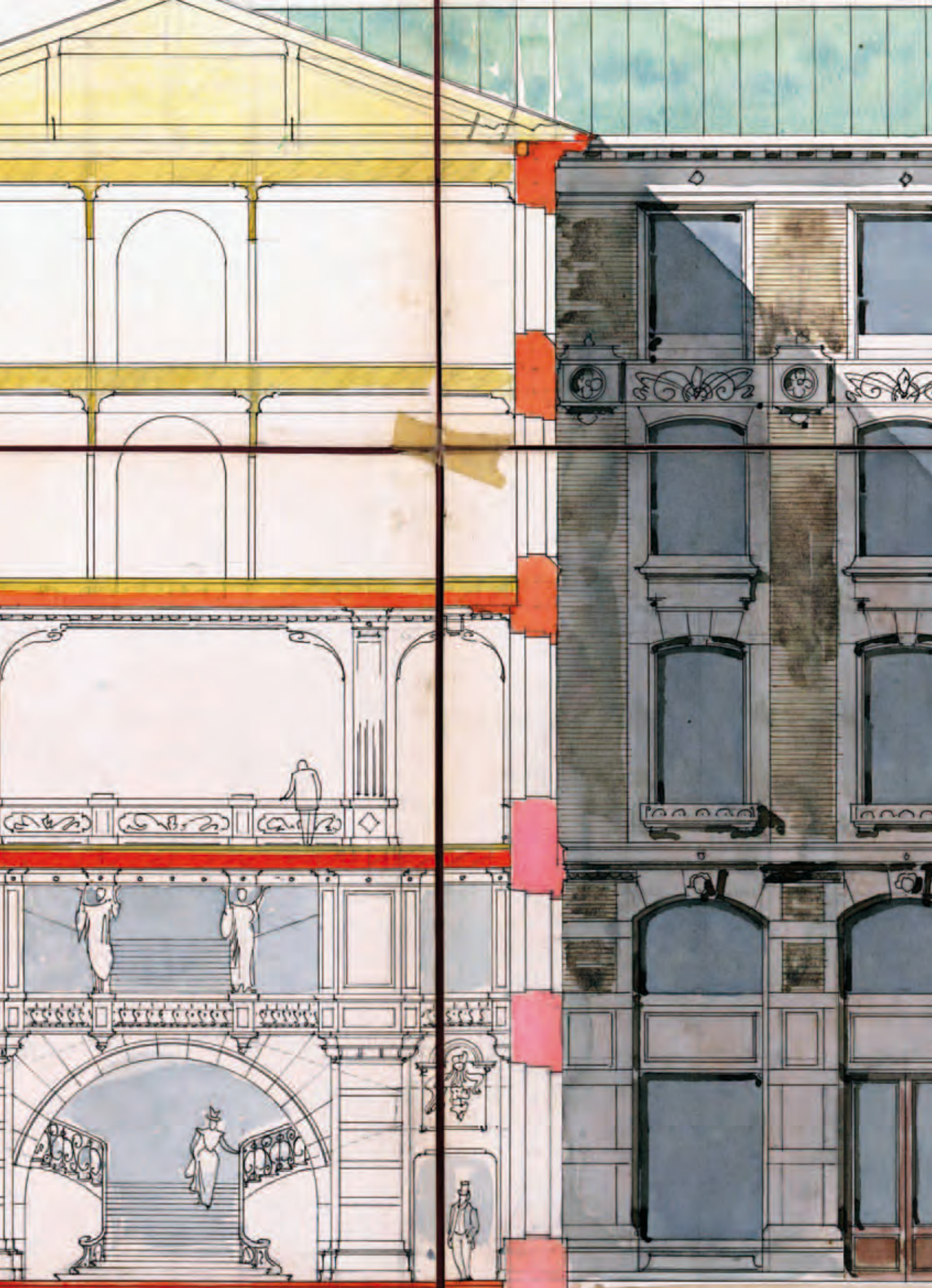
Конструкции перекрытий и декоративное оформление залов третьего этажа в боковых крыльях бывшего Слободского дворца в основном сохранились до нашего времени. Со стороны внутреннего двора к левому крылу здания в 1980-е годы была сделана наружная пристройка, закрывшая в зале окна второго света, однако при этом ни оконные проёмы, ни их переплеты не пострадали, что позволило сохранить цельность архитектурного облика помещения. Залы надстроек по-прежнему используются под учебные аудитории Московского государственного технического университета (бывшего МВТУ) имени Н.Э. Баумана.

Отделка деревянного потолка аудитории третьего этажа главного здания ИМТУ

Сопряжение балок потолка и боковой стены аудитории третьего этажа главного здания ИМТУ

Проездная арка с арочным окном над ней во внутреннем дворе здания ИМТУ

ГОСТИНИЦА «МЕТРОПОЛЬ»

1898–1905 гг. Проектирование и строительство до пожара 1901 года – Л.Н. Кекушев
(при участии С.С. Шуцмана, Н.Л. Шевякова и В.В. Воейкова);
главные фасады – В.Ф. Валькот (при участии Л.Н. Кекушева)
Театральный пр., д. 2

Эта уникальная московская постройка была задумана одним из самых выдающихся деятелей культуры России конца XIX – начала XX века Саввой Ивановичем Мамонтовым – успешным московским предпринимателем, чутким к искусству и одаренным многими талантами – певца, скульптора, драматурга, театрального постановщика и т.д., остро ощущавшим новизну не только в искусстве, но и в сфере деловых идей, он в 1898 году основал Северное домостроительное общество, куда вошли его постоянные помощники и друзья: С.П. Чокотов – главный инженер строительства Ярославско-Архангельской дороги, и К.Д. Арцыбушев. Предполагалось, что новоявленное общество будет возводить на продажу первоклассные особняки в центре города и строить крупные общественные здания. Первым сооружением такого рода и должен был стать отель «Метрополь», расположенный в квартале на Театральной площади, арендованном Северным обществом сроком на 25 лет.

Это должна была быть гостиница нового типа, которые только начинали строиться в Европе и Америке, не только оснащённая всеми техническими новинками, представлявшая собой что-то вроде «города в городе», то есть автономно обеспечивавшая постояльцам полноценный комфорт и предоставлявшая им широкие возможности для разнообразного проведения досуга. Замысел Мамонтова был поистине впечатляющ и предполагал возведение ещё невиданного в Москве по масштабу и составу помещений гостиничного гиганта. Предполагалось, что в состав многопрофильного культурного центра, в который, в конечном итоге, должен был превратиться «Метрополь», помимо зимнего сада, многочисленных залов для художественных выставок, маскарадов и танцевальных вечеров, ресторанов, магазинов, – войдет и шестиярусный оперный театр на 3100 зрителей, в котором Мамонтов хотел разместить свою Частную оперу, арендовав-

На предыдущей странице – гостиница «Метрополь» в Театральном проезде.
План-разрез и проект фасада. Л.Н. Кекушев, 1899 г. Фрагмент

*Вход в вестибюль гостиницы со стороны Театральной площади
Оформление балкона и пада свода над большим залом ресторана*

*Вид гостиницы «Метрополь» с крыши доходного
дома наследниц Худовых. Архивное фото 1973 года*

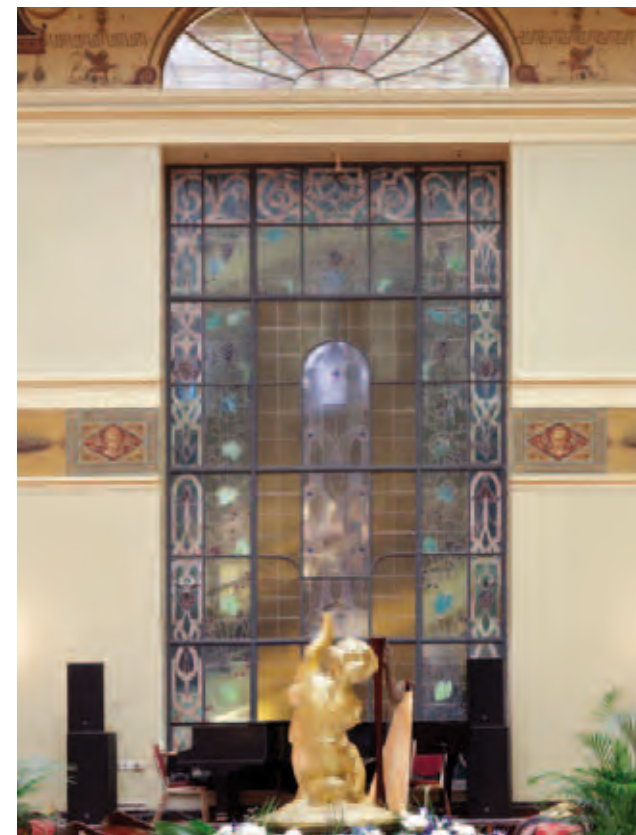

шую прежде свободные театральные помещения. В качестве Главного архитектора нового общества Л.Н. Кекушев быстро разработал планировку будущего гостиничного комплекса, сначала включившего в себя ранее существовавшие в этом квартале дома, от чего впоследствии, конечно, пришлось отказаться по соображениям строительной целесообразности. Грандиозность замысла и его огромная стоимость почти сразу заставила внести и другие коррективы, причиной которых стал печально известный арест Мамонтова в 1899 году и последовавшее вслед затем его разорение. От театра пришлось отказаться, заменив его впоследствии более скромным концертным залом. Владелец будущего здания вскоре стало С.-Петербургское общество страхований, а «северяне» во главе с Мамонтовым остались подрядчиками-строителями. Новые заказчики стали диктовать свои требования, и в 1899 году был объявлен специальный международный конкурс на фасад «Метрополя», собравший двадцать участников, среди которых были и иностранцы. Компетентное жюри единодушно присудило первую премию проекту Л.Н. Кекушева и его команде. Зодчий продолжал исполнять обязанности главного архитектора этого беспрецедентного по масштабу строительства в самом центре Москвы, которое первоначально начиналось высокими темпами.

Однако в конце 1899 года, когда шёл громкий судебный процесс против С.И. Мамонтова, на строительстве «Метрополя» произошли неизбежные изменения. В конце концов, кекушевский проект главных фасадов гостиницы был серьёзно скорректирован на основе проекта молодого московского архитектора В.Ф. Валькота, получившего на конкурсе лишь четвёртое место. Скорее всего, изменения внёс сам Кекушев по желанию заказчиков, и на его высокий статус это никак не повлияло, поскольку молодой Валькот, не имевший никакого строитель-

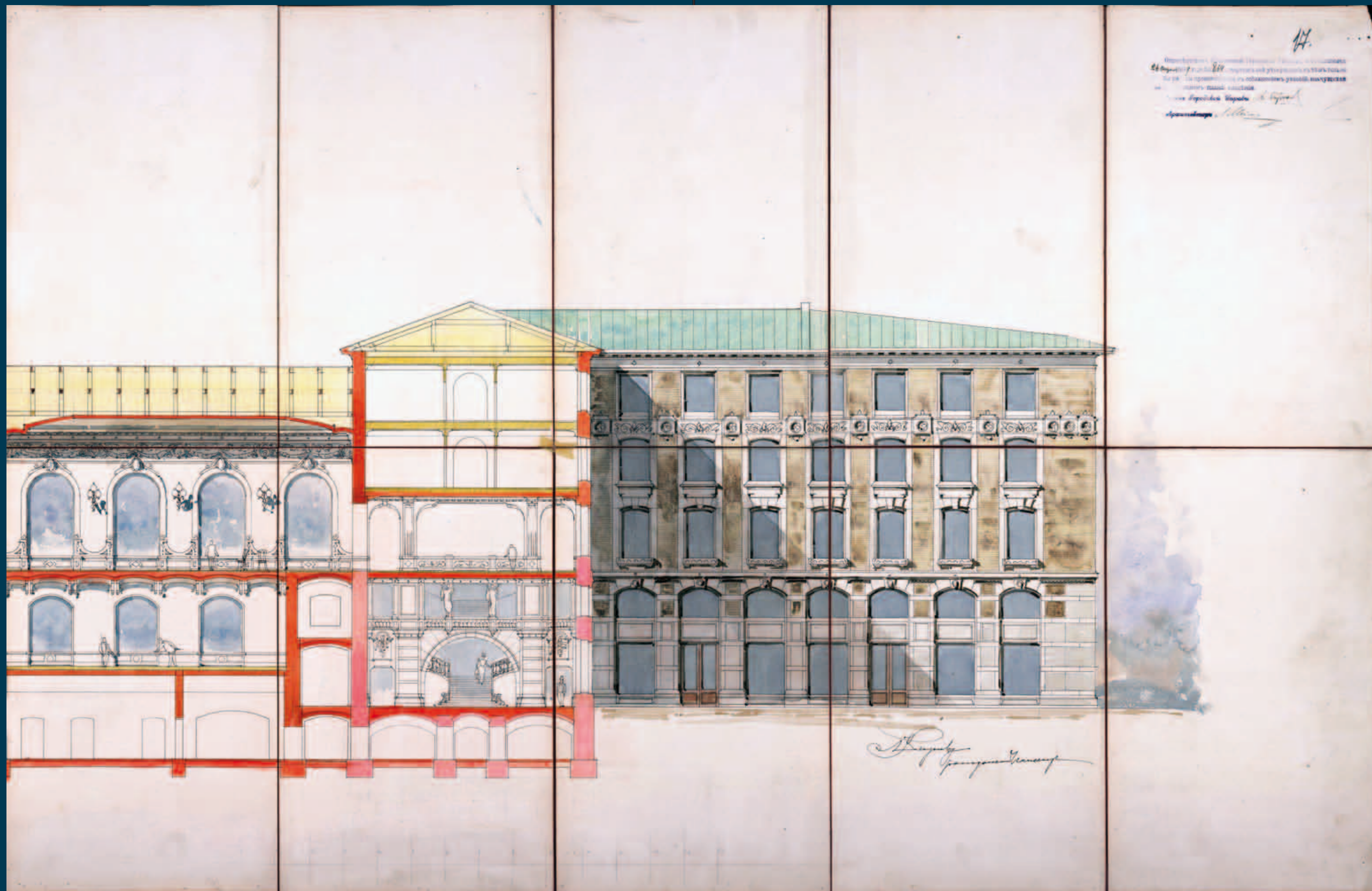
ного опыта, никак не мог быть руководителем строительства «Метрополя». Видимо, отчасти сохранилось и влияние С.И. Мамонтова в ходе возведения гостиницы, поскольку центральную часть нового фасада со стороны Театрального проезда, в конце концов, заняло монументальное керамическое панно «Принцесса Грёза» М.А. Врубеля, которое, как известно, выставлялось в 1896 году в «мамонтовском павильоне» на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде (вопреки мнению художественного комитета). Волнообразные аттики новой гостиницы также были украшены панно по рисункам молодого А.Я. Головина, произведённые, как и «Грёза», на Абрамцевском керамическом заводе Саввы Ивановича. Участие Мамонтова прослеживается и в появлении на здании шрифтового керамического фриза с весьма красноречивой фразой, почерпнутой из популярного в те годы произведения Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра». Она звучала так: «Опять старая истина – когда выстроите себе дом, то замечаете, что научился кое-чему» (сохранилась её часть на той стене, что обращена к Третьяковскому и Театральному проездам). Ясно, что эта сентенция в глазах московской публики прозрачно намекала на превратности судьбы самого Мамонтова, постигшие его как раз во время постройки «своего дома». Думается, что «Савва Великолепный» участвовал и в подборе художников, задействованных в отделке гостиницы, но... «командовал парадом» все-таки уже не он.

Перед трагическим для «Метрополя» пожаром, случившимся 14 декабря 1901 года была практически полностью была закончена южная (служебная) часть комплекса с внутренним двором, близилась к концу отделка фасадов по Театральному проезду и Театральной площади, полным ходом шла внутренняя отделка парадных залов и гостиничных номеров. Если огонь был не столь разрушителен для фа-

*Витраж в интерьере Большого зала ресторана
Большой зал ресторана гостиницы*

Гостиница «Метрополь» в Театральном проезде. План-разрез и проект фасада. Л.Н. Кекушев. 1899 г.
Центральный архив научно-технической документации Москвы

*Одна из лестничных клеток гостиницы**Фрагмент фасада бокового ризалита гостиницы со стороны Театрального проезда**Кованые ворота внутреннего проезда между зданием «Метрополя» и Китайгородской стеной**Отделка внутреннего двора гостиницы «Метрополь»**Фрагмент лепнины кабинета ресторана (зал «Толстой»)**Общий вид гостиницы «Метрополь» со стороны Театральной площади*
Вестибюль гостиницы. Архивное фото 1901 года

садов, то внутренность северного и западного корпусов серьезно пострадала. Выгорели все помещения четырёх этажей, между которыми были устроены деревянные перекрытия. Все это обрушилось на бетонные перекрытия 2-го этажа, которые единственные с успехом противостояли огню. Любопытно, что это были весьма часто применявшиеся Кекушевым в различных сооружениях бетонные своды системы Монье (по железным балкам), которые после этого прецедента невольно послужили для них убедительной рекламой и стали широко использоваться в московском домостроении.

Несмотря на некоторые, возможно, даже обидные изменения его проекта, Кекушев, вплоть до пожара 1901 года, несомненно, продолжал участвовать в строительстве и отделке здания. Об этом свидетельствует не только заданная им и воплощенная в натуре общая планировка комплекса, но и фасады гостиницы со стороны Китайгородской стены и во внутренних дворах, осуществлённые в полном соответствии с его авторским проектом. Думается, что именно он разработал окончательное решение главных фасадов комплекса со стороны Театральной площади и Театрального проезда, несколько упростив фасады Валькота и придав им более московский характер. Несомненна роль мастера в создании очень разнообразного, сложного и в целом художественного облика сооружения и особенно – его выразительного силуэта. Этому способствуют, на первый взгляд, нефункциональные, чисто декоративные арочные субструкции на крыше «Метрополя» с пинаклями в виде маленьких металлических бельведерчиков с остроконечными шпилями. Однако именно эти элементы создают условия для плавного сочетания основного горизонтального объёма здания с тяжелым массивным остекленным куполом над центральным рестораном, играя таким образом немаловажную роль в общей композиции.

Зодчий также предопределил принципиальное перекрытие одного из дворов стеклянным куполом, а также, по-видимому, стал автором многих металлических лестничных и балконных ограждений в здании. Есть все основания полагать, что арочные проёмы торговых помещений вдоль Театрального проезда с массивными фигурными рамами (ныне почти полностью утраченными), элегантно отделанные гранитом и отсутствующие в проекте Валькота, а также некоторые другие фасадные детали, скорее всего, являются плодами творчества Кекушева.

Интерьеры законченной и открытой в 1905 году огромной гостиницы продемонстрировали публике традиционный для московской архитектуры рубежа XIX–XX веков полистилизм – мотивы модерна соседствовали в них с излюбленными ордерными мотивами эклектики – кессонированными потолками, колоннами и пилястрами, лепными гирляндами и фризами. Нельзя не заметить, что этот своеобразный стилистический симбиоз был весьма характерен

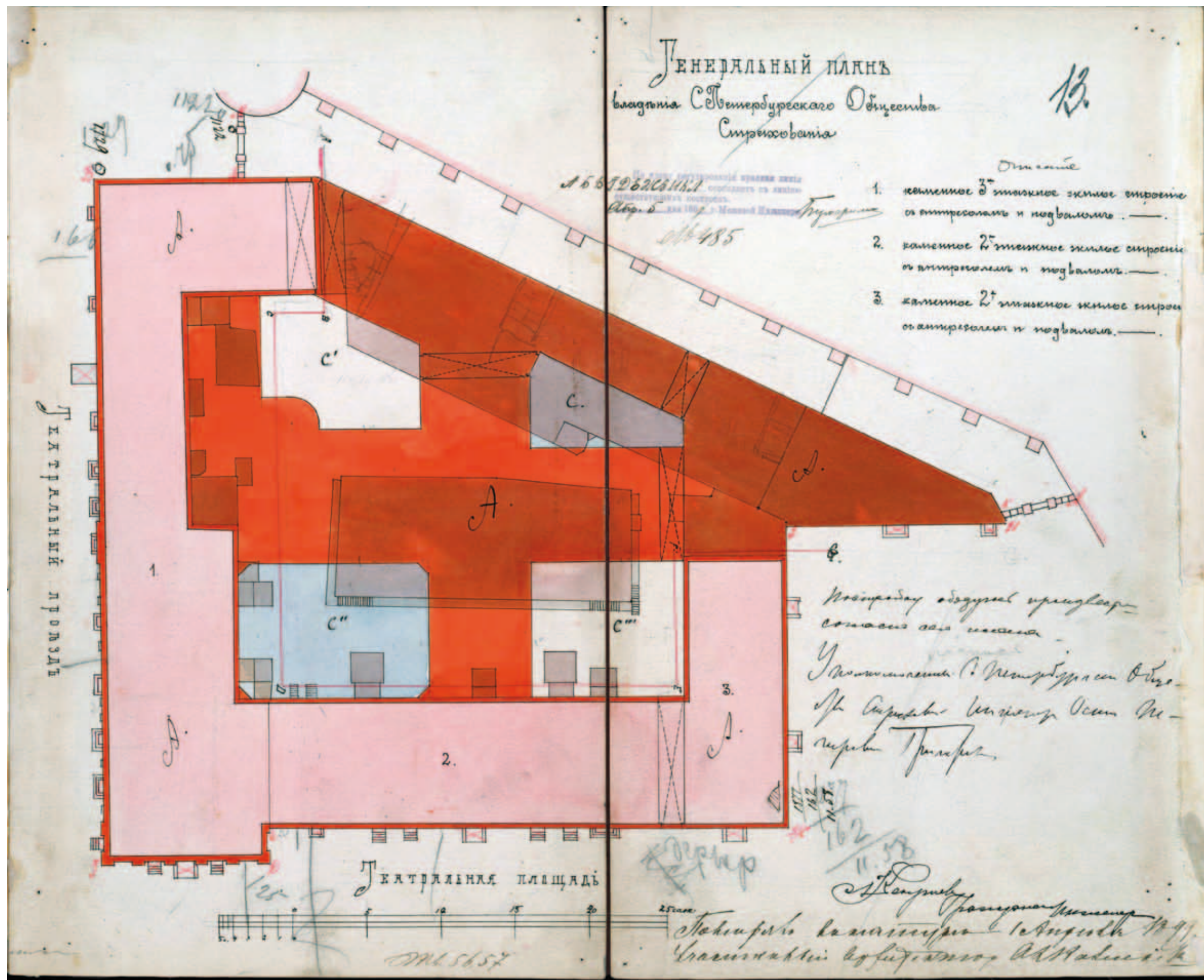
Гостиница «Метрополь» в Театральном проезде. План здания.
Архитектор Л.Н. Кекушев. 1899 г.
Центральный архив научно-технической документации Москвы

рен для индивидуального творческого почерка мастера. Вот почему не исключено, что и после пожара Кекушев как опытный профессиональный архитектор и инженер всё-таки был задействован в строительстве «Метрополя» уже в составе изменившейся команды архитекторов.

Об этом свидетельствует тот факт, что в «Метрополе» частично сохранились и его внутренние декоративные отделки. Хотя, по-видимому, львиная доля его интерьеров погибла при пожаре (например, первоначальная отделка ресторана), всё-таки общий характер отделки парадных помещений гостиницы был определён именно им. Это относится и к элегантным интерьерам конторы Санкт-Петербургского общества страхования на первом этаже здания, к отделке входных вестибюлей со стороны Театральной площади и Театрального проезда, к интерьеру Читального зала (сейчас не существующего), к использованию в гостиничных холлах и коридорах ордерных элементов – колонн и пилястр с выразительными бронзовыми капителями (аналогичные колонны зодчий не раз использовал и в других своих постройках) и к некоторым другим декоративным элементам.

Сегодня несомненно, что, хотя Кекушев в итоге оказался не единственным автором «Метрополя», он во многом предопределил его планировочное, объёмно-пространственное и стилистическое решение, и его роль в выработке образа и стиля этого сооружения, которому суждено было сыграть роль своеобразного манифеста московского модерна, нельзя недооценивать.

В 1986–1991 годах в здании «Метрополя» была проделана масштабная комплексная реставрация и реконструкция, выполненная финской фирмой «ЮИТ-Юхтюмя» в сотрудничестве с мастерской № 10 Моспроекта-2. Были перекрыты внутренние дворы гостиницы, отделка большинства гостиничных номеров была полностью модернизирована, помещения кинотеатра «Метрополь» переоборудованы под Бизнес-клуб, но все ценные элементы отделки и обстановки интерьеров, включая антикварную мебель, были сохранены.

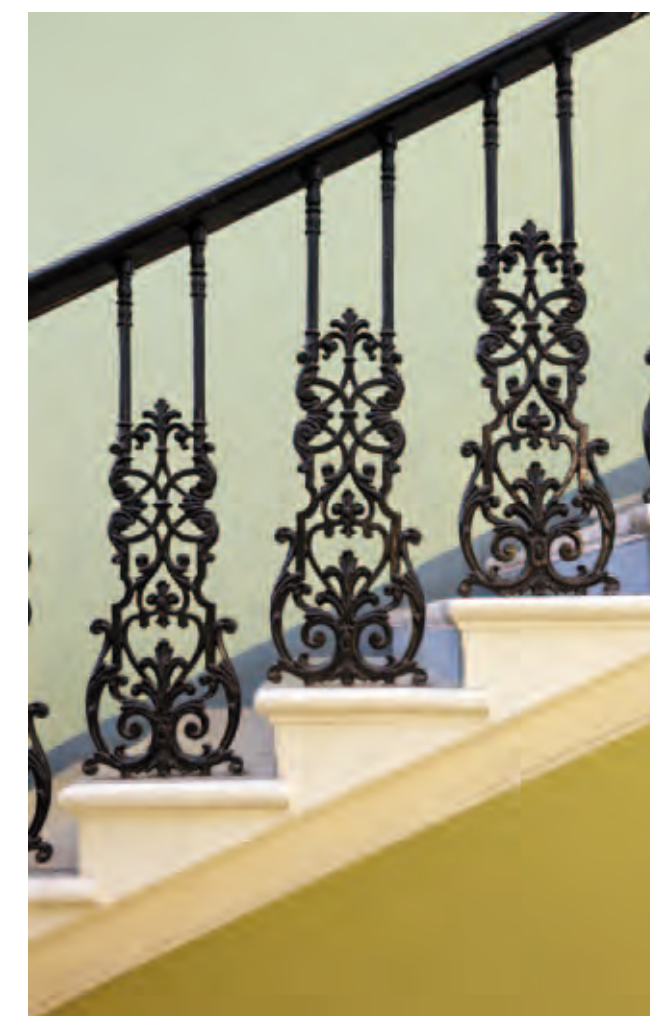

Интерьер гостиницы. Архивное фото 1906 года
Общий вид гостиницы. Архивное фото 1970-х годов
Фрагмент чугунной решётки лестницы

На предыдущей странице – рельефное панно на потолке вестибюля гостиницы со стороны Театральной площади
«Заказной» зал ресторана в английском стиле
Перспектива лестничного пролёта

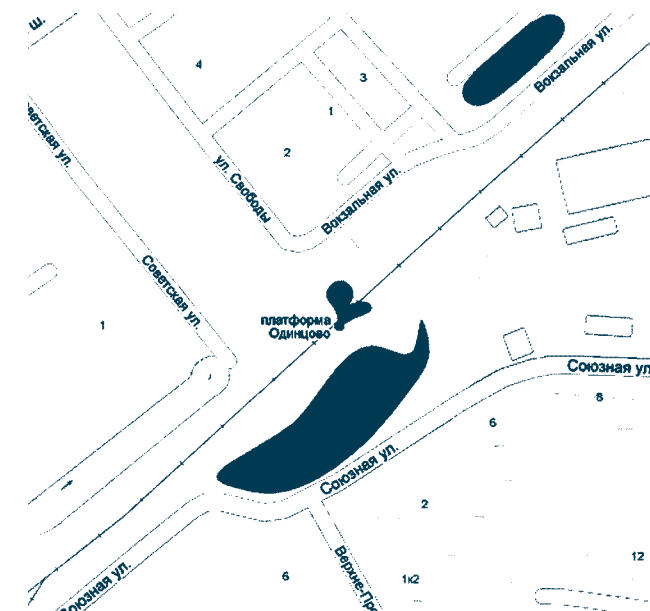
СТАНЦИЯ «ОДИНЦОВО» МОСКОВСКО-БРЕСТСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

1898–1899 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
г. Одинцово, Привокзальная пл., д. 1

Строительство железнодорожных зданий занимает значительное место в работах Льва Кекушева 1890-х годов. Однако проект станции Московско-Брестской железной дороги оказался фактически последним сооружением такого рода в его творчестве. Первоначальный проект предусматривал строительство небольшого одноэтажного асимметричного компактного здания с парадным входом, немного напоминающего особняк. Сходство усиливала двухэтажная башенка с бельведером, характерная для облика подмосковных загородных дач конца XIX века. Только наличие глубокого навеса-козырька на металлических кронштейнах из консольных ферм над перроном обнаруживало назначение постройки. Однако в 1899 году композиция была немного преобразована – к одноэтажному зданию с симпатичной башенкой был пристроен вместительный двухэтажный объём, располагавшийся также вдоль железнодорожных путей.

В проекте станции наглядно проявились сложившиеся черты «кекушевского модерна»: подчёркнутое внимание к графичности и ритмике оконных обрамлений, глубокие карнизы на изящных металлических кронштейнах, своеобразный ордер – утрированно «пузатые» колонки на высоких постаментах, несущие мощный антаблемент. Причудливое соединение новой стилистики с мотивами европейского Средневековья, характерное для почерка архитектора, проявлено и здесь. Несмотря на камерность размеров, формы сооружения отдаленно напоминают элементы романских построек.

К сожалению, не всё из задуманного удалось реализовать; некоторые компоненты здания (например, отделка зала ожидания) исчезли в процессе эксплуатации. В начале 2000-х годов помещения станции были существенно расширены, к старому зданию пристроен обширный новый корпус. В существующем виде кекушевская постройка сохранила относительно первоначальный вид при взгляде на неё со

На предыдущей странице – смотровая башенка станции «Одинцово»

стороны вокзальной площади. Со стороны железнодорожных путей большую её часть скрывают новые перекрытия над первой платформой и конструкции нового мостика-перехода.

Стоит заметить, что первоначально постройка должна была соседствовать с Царским павильоном, возведённым к коронации Николая II в 1896 году по проекту архитектора Ф.О. Шехтеля. Его высокий деревянный шатровый объём, раскрепованный мелкими деталями, в частности, декоративными кокошниками, вероятно, неплохо смотрелся бы с лаконично декорированным и относительно небольшим кекушевским строением. Однако в 1898 году Царский павильон сгорел, и строительство новой станции началось уже после его гибели.

Проект вокзала на станции «Одинцово» – фасад, разрез и план – был опубликован в первом выпуске «Архитектурных мотивов» и, видимо, воплотил тот умозрительный образ, который, по представлениям того времени, должны были иметь вокзальные постройки. Во всяком случае, его реализация вскоре подтолкнула гражданского инженера И.И. Струкова, архитектора Московско-Брестской железной дороги, к схожему композиционному решению другого вокзала – на станции «Кубинка». Внешнее сходство этих построек даже породило стойкую легенду о том, что и в Кубинке здание станции строил именно Кекушев.

Общий вид станционного здания со стороны железнодорожных путей
Проект бокового фасада станции «Одинцово». Арх. Л.Н. Кекушев. 1898 г.

Декоративное обрамление арочного окна на фасаде здания

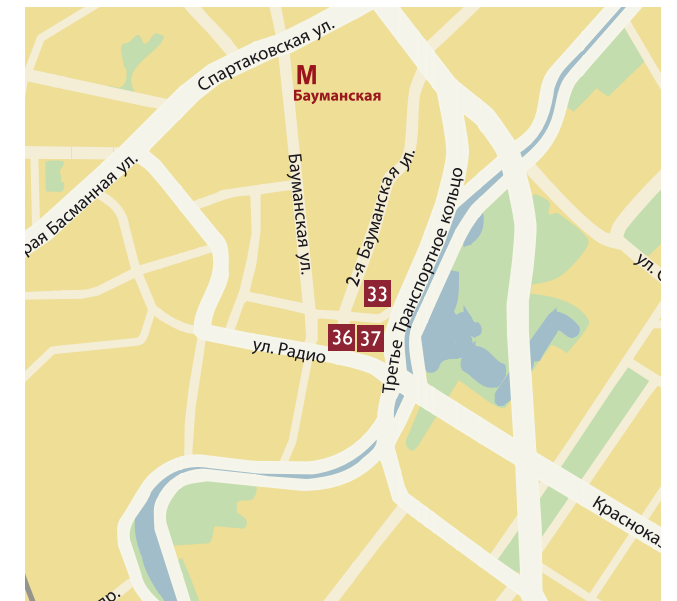
ОБЩЕЖИТИЕ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА

1899–1902 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
2-я Бауманская ул., д. 14

В комплексе Императорского Московского Технического училища Льву Кекушеву принадлежит ещё одно здание – общежитие для студентов – наглядный пример московской благотворительности начала XX века.

История его строительства напрямую связана с именем широко образованной предпринимательницы Варвары Алексеевны Морозовой, дочери богатого промышленника, благотворителя и собирателя старопечатных книг А.И. Хлудова, жены А.А. Морозова, совладельца весьма доходной Тверской мануфактуры, матери двух знаменитых московских коллекционеров: Михаила и Ивана Морозовых, собравших замечательную коллекцию картин французских импрессионистов. После смерти своего мужа в 1882 году Варвара Алексеевна приняла на себя дела управления Тверской мануфактурой и исполняла эти обязанности вплоть до совершеннолетия своих сыновей. Дела на фабрике шли успешно, что позволяло Варваре Алексеевне вести широкую благотворительную деятельность, не проходившую незамеченной. Так, в 1892 году она удостоилась монаршей благодарности за пожертвования Московскому университету, в 1898-м – за попечительство над Морозовским ремесленным училищем – ей была присуждена золотая медаль «За усердие» – для ношения её на Александровской ленте. Кроме того, на средства В.А. Морозовой были созданы Пречистенские вечерние и воскресные классы для рабочих, для которых она построила здание в Нижне-Лесном (Курсовом) переулке. И это – далеко не полный перечень её добрых дел.

Особенное внимание уделяла благотворительница народному просвещению, успешно возглавляла Общество вспомоществования нуждающимся студентам Императорского Московского Технического училища. В 1898 году Морозова организовала сбор средств на строительство общежития для неимущих студентов. Процесс его возведения был обставлен очень

На предыдущей странице – соединение лицевых и боковых фасадов зданий

Угол здания. Архивное фото начала XX века

серьёзно. Министром народного просвещения в 1899 году была создана Строительная комиссия под председательством тогдашнего директора Императорского Технического училища И.В. Аристова, в состав которой вошла сама В.А. Морозова, члены Общества вспомоществования и его секретарь П.Д. Еремеев, а также члены хозяйственного комитета Училища. Комитет Общества разработал задание на проектирование общежития и объявил конкурс, на который было представлено два проекта. Рассмотрев их, комиссия утвердила проект Льва Кекушева, бывшего в то время преподавателем училища. Произвести постройку здания Строительная Комиссия поручила архитектору Леониду Иосифовичу (Осиповичу) Васильеву, академику Императорской Академии художеств, выпускнику и преподавателю Московского Училища живописи ваяния и зодчества (также в тот момент преподавателю ИМТУ). Дальнейший процесс строительства полностью зависел от поступления необходимых средств. В 1901 году, когда уже было возведено три этажа, строительство было приостановлено. Наконец, в 1902 году здание общежития ИМТУ по проекту Л.Н. Кекушева было выстроено.

Четырёхэтажная с полуподвалом новостройка заняла угол Бригадирского переулка и улицы Коровий Брод (теперь 2-я Бауманская, 14), напротив лаборатории по механической технологии волокнистых веществ ИМТУ, выстроенной практически одновременно (1898–1902) в виде эффектного замка с высокой шатровой башней. (К сожалению, за прошедшие годы облик этого здания полностью изменился, превратившись из яркого готического здания с приковывающим взгляд острым запоминающимся силуэтом в рядовую постройку с элементами неоклассического декора.) Кроме жилых помещений в здании общежития располагались: столовая на 300 человек, кухня, библиотека-читальня.

В отличие от лабораторного здания, общежитие имело гораздо более привычный для Москвы облик. Его фасады были оштукатурены с использованием традиционного для эклектики ренессансного декора – горизонтального руста, фронтоноподобных лучковых и треугольных сандриков, характерных оконных обрамлений и граненых замковых камней. Почерк Кекушева, как всегда, прочитывается в по-

вышенном внимании к фасадной пластике, мастерской проработке всех архитектурных сочленений, богатстве фасадных плоскостных планов. Карниз небольшого выноса зодчий выделил аркатурным пояском, в маленьких арочках которого поместил полукруглые пружинистые раковины со скульптурными головками у основания – эта тема характерна для многих его произведений.

Над карнизом общежития был возведён мощный аттик, в угловой части постройки повышенный и превращённый зодчим в массивный скульптурный картуш с двуглавым орлом в центре (не сохранился). Вход в здание был также устроен с угла и, в свою очередь, акцентирован также барочным скульптурным картушем, с датой постройки – «1902 г.» и красивым кованым металлическим зонтиком над входом. Со стороны внутреннего двора фасады здания остались неоштукатуренными, но разработаны в технике кирпичной кладки – был сделан декоративный карниз, полочки под окнами, наличники над окнами первого и последнего этажей.

Внешне достаточно репрезентативное, внутри здание общежития было отделано и обставлено очень скромно. В перекрытиях этажей были применены своды Монье, создававшие, правда, эффектные пространства в угловой части здания. Мебель в жилых комнатах студентов, в столовой и читальне была на редкость простой – железные кровати, тумбочки, дощатые столы и гнутые стулья производства московской фабрики «Тонет». Однако была в интерьерах здания и одна «изюминка» – это междуэтажная лестница. Попадая в просторный сводчатый вестибюль, посетитель проходил по диагонали в глубь здания и, поднявшись на несколько ступенек, оказывался в необычном, запоминающемся пространстве внутренней трёхмаршевой лестницы, имевшей в плане форму овала. Первый прямой лестничный марш поднимался на междуэтажную площадку, от которой отходили два марша с забежными ступенями, выходившие на следующий этаж. Эта лестница придавала пространственную сложность и своеобразие незамысловатым интерьерам общежития.

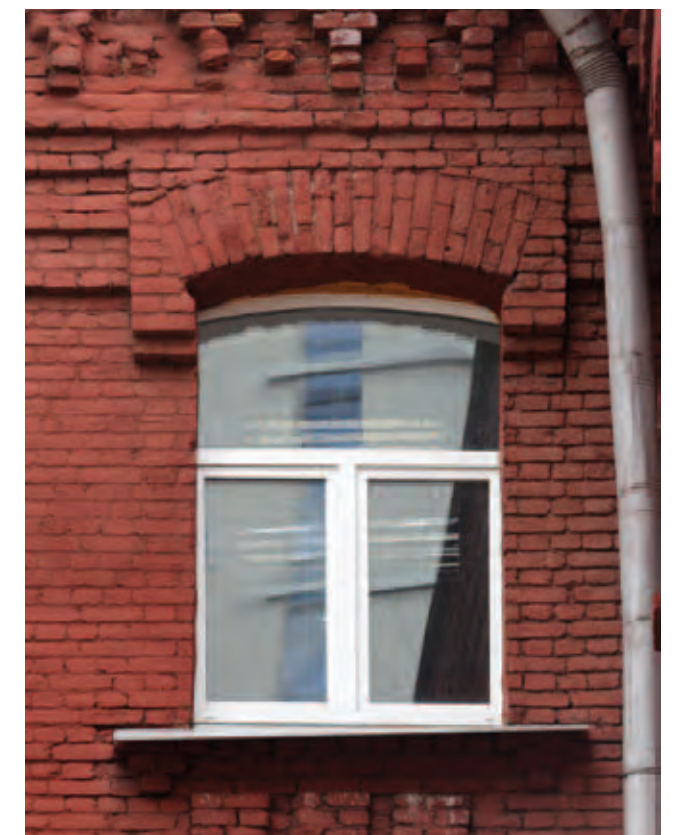
В настоящее время здание общежития используется для размещения поликлиники МГТУ имени Н.Э. Баумана и других медицинских учреждений.

Комната студентов в общежитии. Архивное фото 1902 года

Столовая в общежитии. Архивное фото 1902 года

Гостиница в помещениях общежития. Архивное фото 1915 года

Учебная аудитория. Архивное фото 1902 года

Крыльцо здания

Окно здания

На предыдущей странице – пространство боковой лестницы. Вид сверху
Кованый козырёк над входом
Фрагмент декора фасада

Дата постройки здания в эдикule
Парадный вестибюль с лестницей

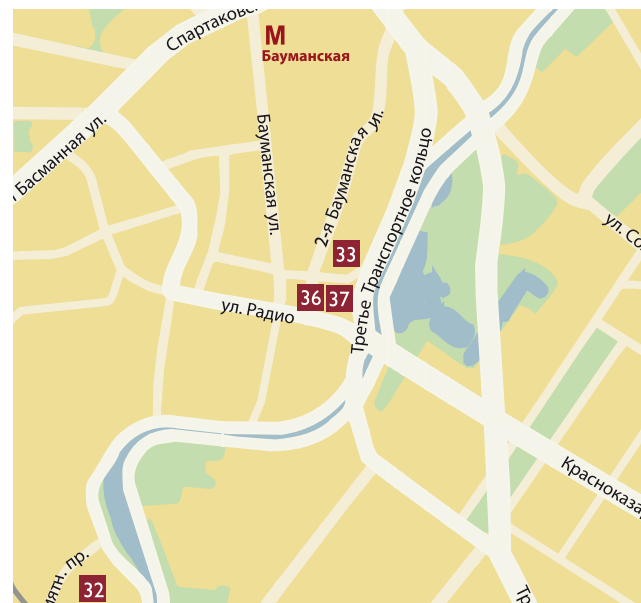
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА

1899 г., архитектор Л.Н. Кекушев
2-я Бауманская ул., д. 10

Короткий период работы Льва Кекушева в качестве преподавателя архитектуры в Императорском Московском Техническом училище (подал заявление осенью 1898 года, был зачислен с 1 января 1899 года, уволен в декабре 1899 года) оказался для него плодотворным с точки зрения получения новых архитектурных заказов. Руководство Технического училища не замедлило воспользоваться его архитектурным дарованием, поручив выстроить дополнительное здание для учебных нужд.

Так в 1899 году по проекту Льва Кекушева, напротив главного корпуса, помещавшегося в перестроенном Слободском дворце, было возведено простое по формам, ясное по композиции и гармоничное по пропорциям здание химической лаборатории Императорского Московского Технического училища. Строительство было вызвано насущной необходимостью, поскольку в самом конце XIX века значительно расширилась структура химического отделения ИМТУ, появилась кафедра аналитической химии, а на кафедре химической технологии возникли отделения органических, питательных, минеральных, красильных веществ и углеводородов. В 1901 году химическое отделение переехало в специально выстроенное для него здание, что впоследствии немало способствовало становлению и развитию инженерной химической школы в России.

Новая трёхэтажная постройка располагалась на небольшом пригорке, высотой примерно 3,5–4 м, создававшем для неё естественный природный пьедестал, в который был заглублен первый этаж. Такое решение было функционально необходимым, поскольку в цокольном этаже, с его узкими окнами и

На следующей странице – общий вид здания. Архивная фотография начала XX века

широкими простенками, размещались лаборатории, работа которых была связана с пожароопасными и взрывоопасными процессами, в отличие от кабинетов и лабораторий общего типа, занимавших второй и третий этажи.

Благодаря лаконизму и точно найденным пропорциям постройка выглядела на редкость монументально; создавая достойную пару расположенному напротив каре старинного Слободского дворца, где находились его основные учебные помещения. Здание было современным по облику, трактовке объёмов и деталей но по общему симметричному строению близко сооружениям классицизма. В центре и по сторонам фасада располагались ризалиты, выделенные в силуэте прямоугольными аттиками над значительно выступающим простым классическим карнизом. Собственно классическими, точнее, неогреческими, были и немногочисленные декоративные детали – тонкий «греческий» руст стен и мощный желобчатый руст углов объёмов на уровне первого этажа, мутулы (плоские модульоны) с зубчиками под карнизной плитой большого выноса, дентикулы в подоконных нишах, широкие плоские пилястры, и особенно характерный рисунок ограждений монументальной наружной парадной лестницы из восьми перекрещенных брусьев, образующей перед центральным входом в здание обширную террасу.

Одной из характерных особенностей внешнего облика Химической лаборатории были широкие (трёхчастные) оконные проёмы, дававшие больше света в учебные помещения, но в те годы ещё бывшие редкостью. Благодаря им здание, надстроенное в советское время четвёртым этажом, к сожалению,

нивелировавшим его прежде выразительный силуэт, сегодня очень напоминает школьные здания 1950-х годов, в которых использовались многие разработанные ещё в конце XIX века, архитектурные приёмы.

До 1930 года в этом здании находился химический факультет Московского высшего технического училища, который стал Вторым Московским химико-технологическим институтом. В 1932 году на базе 2-го МХТИ была создана Военно-химическая академия РККА, позднее – Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (ВАРХБЗ). В 2006 году академию перевели в Кострому. С тех пор здание бывшей Химической лаборатории не используется и в настоящее время остро нуждается в квалифицированном ремонте.

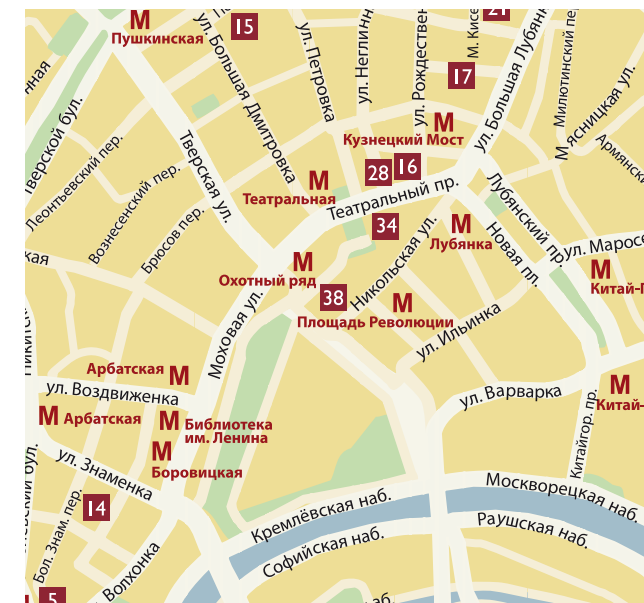
НИКОЛЬСКИЕ (ИВЕРСКИЕ) ТОРГОВЫЕ РЯДЫ

1899–1900 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Никольская ул., д. 5, стр. 3

Территории Китай-города, примыкавшие к Красной площади, издревле были торговыми. Это предназначение сохранялось вплоть до XIX века, когда вслед за Гостиным двором появились Теплые ряды, Шереметевское подворье, множество других крупных магазинов и торговых комплексов, и наконец, Верхние и Средние торговые ряды. Таким образом, место для постройки было выбрано безошибочно.

Замысел построить новые Никольские ряды первоначально родился в Северном домостроительном обществе под руководством С.И. Мамонтова, но осуществила его группа предпринимателей во главе с князем И.Н. Святополк-Мирским. 10 марта 1899 года они арендовали у Министерства внутренних дел участок позади губернских Присутственных мест, рядом с Казанским собором, сроком на 36 лет с обязательством построить на нём трёхэтажное с подвалом торговое здание. По условиям договора группа предпринимателей возводила здание без государственных субсидий, за свой счет, а затем должна была передать его в полную собственность Министерства внутренних дел. Видимо, даже в таком случае застройщики рассчитывали на большую прибыль, ведь Никольская издавна была одной из самых оживленных торговых улиц Москвы. В доходности предприятия убеждал и опыт Верхних торговых рядов, законченных по проекту А.Н. Померанцева всего за три года до начала строительства Никольских рядов.

Проект был заказан Льву Кекушеву, строительством руководил он и его постоянный помощник архитектор С.С. Щуцман. По свидетельству прессы, объём сооружения был выстроен уже осенью 1899 года, хотя общестроительные работы были окончены в 1900-м, а внутренняя отделка завершена только в 1903 году. Сначала ряды назывались Ново-Никольскими, или Иверскими, по находившейся рядом Иверской часовне. Структура будущего сооружения

На предыдущей странице – фрагмент летнего фасадного декора Никольских рядов

Общий вид здания. Архивное фото начала XX века

Окно в декоративном обрамлении

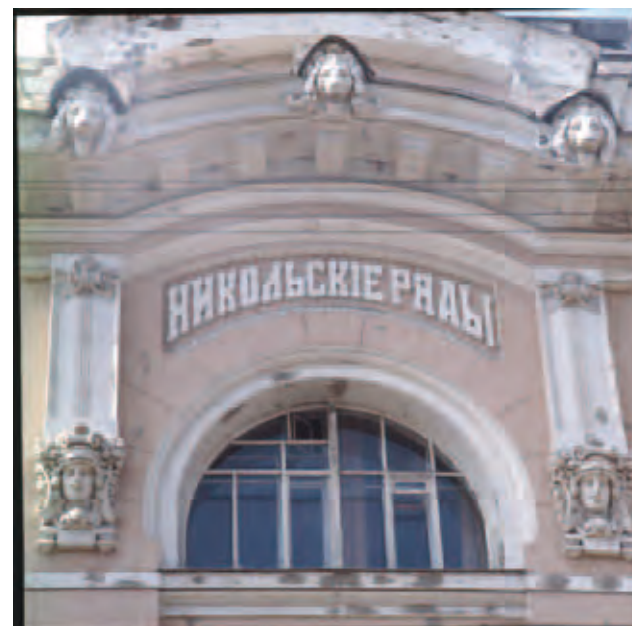
Декоративный элемент на фасаде здания

была очень проста и заведомо рассчитана только на самых состоятельных торговцев. В проекте Кекушева даже были намечены имена некоторых из них над арками магазинов: Абрикосов, Тихомиров, Краснокутов... В подвальном этаже размещались склады магазинов, на первом, втором и третьем этажах – восемь крупных магазинов, отделенных друг от друга капитальными стенами с внутренними лестницами для связи, каждому из которых соответствовала фасадная арка со входом. Связь между магазинами на уровне второго и третьего этажей осуществлялась также посредством открытых металлических галерей, расположенных по всей длине постройки со стороны двора. До наших дней эти галереи не дошли – в советское время их срезали.

Стоит сравнить старую фотографию Никольской около Казанского собора, со множеством ветхих деревянных лавчонок, с её обликом после возведения Никольских рядов, чтобы воочию ощутить, как эффектно зодчий перестроил часть этой старинной московской улицы, издавна ориентированной на высокий шатер Никольской башни, сохранив при этом её особую пластику и обаяние. Сменив разномасштабные одноэтажные лавки, новое компактное трёхэтажное здание с большими светлыми окнами и крупной аркадой первого этажа создало довольно выразительный облик начала улицы. Его элегантные современные формы особенно ясно прочитывались в соседстве с мелочной раскреповкой помпезных фасадов Верхних торговых рядов, подчеркивая их архаичность.

По устойчивой московской традиции, сохранявшейся со времен классицизма, постройка была трёхчастной и выглядела симметричной, хотя при ближайшем рассмотрении оказывалось, что ближняя к храму часть здания длиннее на один проём – здесь располагался ещё один вход и главная лестница, соединявшая три этажа. Эта часть рядов была подчеркнута самостоятельным ступенчатым аттиком и единственным на всём здании массивным балкончиком второго этажа, с которого удобно было наблюдать за происходящим на Красной площади (для этой цели он, скорее всего, и предназначался). Центральный ризалит был выделен арочными проёмами третьего этажа, повышенными аттиками над крайними окнами и особенно явственно – массивным четырёхгранным куполом с окнами-люкарнами, гребнем и декоративными вазами. Как считали современники, это было сделано для создания впечатления богатства и роскоши, как в самых фешенебельных европейских торговых домах. Общий симметричный объём сооружения с повышенным купольным покрытием в центре был традиционен для этого района Москвы и напоминал композиционные решения торговых зданий 1870–1890-х годов – например, Верхние и Средние торговые ряды. Другими словами, общая объёмная композиция сооружения продолжала традицию респектабельной московской эклектики кон-

Никольская улица и торговые ряды. Архивное фото начала XX века

Декоративное обрамление окна

Окно в декоративном обрамлении

ца XIX века, но трактовка фасада и выразительных декоративных деталей однозначно свидетельствовала о новых веяниях и эстетических приоритетах модерна.

В этой нарядной постройке автору удалось достичь гармонии ритмического и пластического решений. Огромные арочные проёмы с качественно выполненными дубовыми рамами, включающими входы в отдельные магазины, фактически занимают всё пространство между пилястрами и свидетельствуют о растущем стремлении к практичности и простоте архитектурных форм, характерном для рубежа веков. Чётко выделенная выступающими пилястрами рациональная структура дома дополнена крупными, сочно нарисованными скульптурными деталями, характерными для творческой манеры Кекушева, и очерчена плавно изгибающимся карнизом. Как и в большинстве произведений зодчего, среди лепного декора помещены львиные маски, бывшие для Кекушева, по-видимому, своего рода аллегорической «подписью». Они размещались под свесом кровли, образовавшим над каждой подбашней крошечного свода, что придавало карнизу живописный волнистый вид. От первоначального облика сохранились стилизованные надписи под карнизом, нарисованные самим зодчим – редкий образец шрифтовой рекламы начала XX века. Хотя не все элементы убранства были осуществлены (на аттиках центрального ризалита так и не появилась задуманная скульптура) или сохранились в натуре (утрачен фигурный гребень над куполом), здание до сих пор сохраняет присущую ему цельность композиции, а его глубокие «перспективные» проёмы лавок первого этажа и окон, выразительная лепнина, купол с фигурным гребнем, кованые решётки внутренних лестниц с тонким рисунком демонстрируют традиционные приёмы зодчего, трактованные в стиле модерн.

В советское время здание приспособили для административных целей, – в годы перестройки в его части работало кафе. Внутренние помещения здания были существенно перестроены и лишились первоначальной отделки, хотя и сохранили изначальное деление на отдельные магазины. В 1990-е годы в здании проведена реставрация (главный архитектор – Е.В. Степанова).

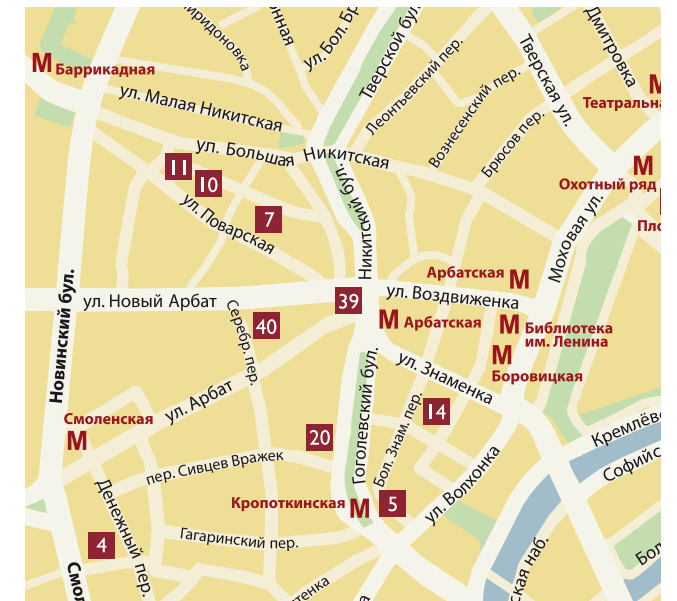
РЕСТОРАН «ПРАГА»

1902, 1906 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Арбат ул., д. 2/1

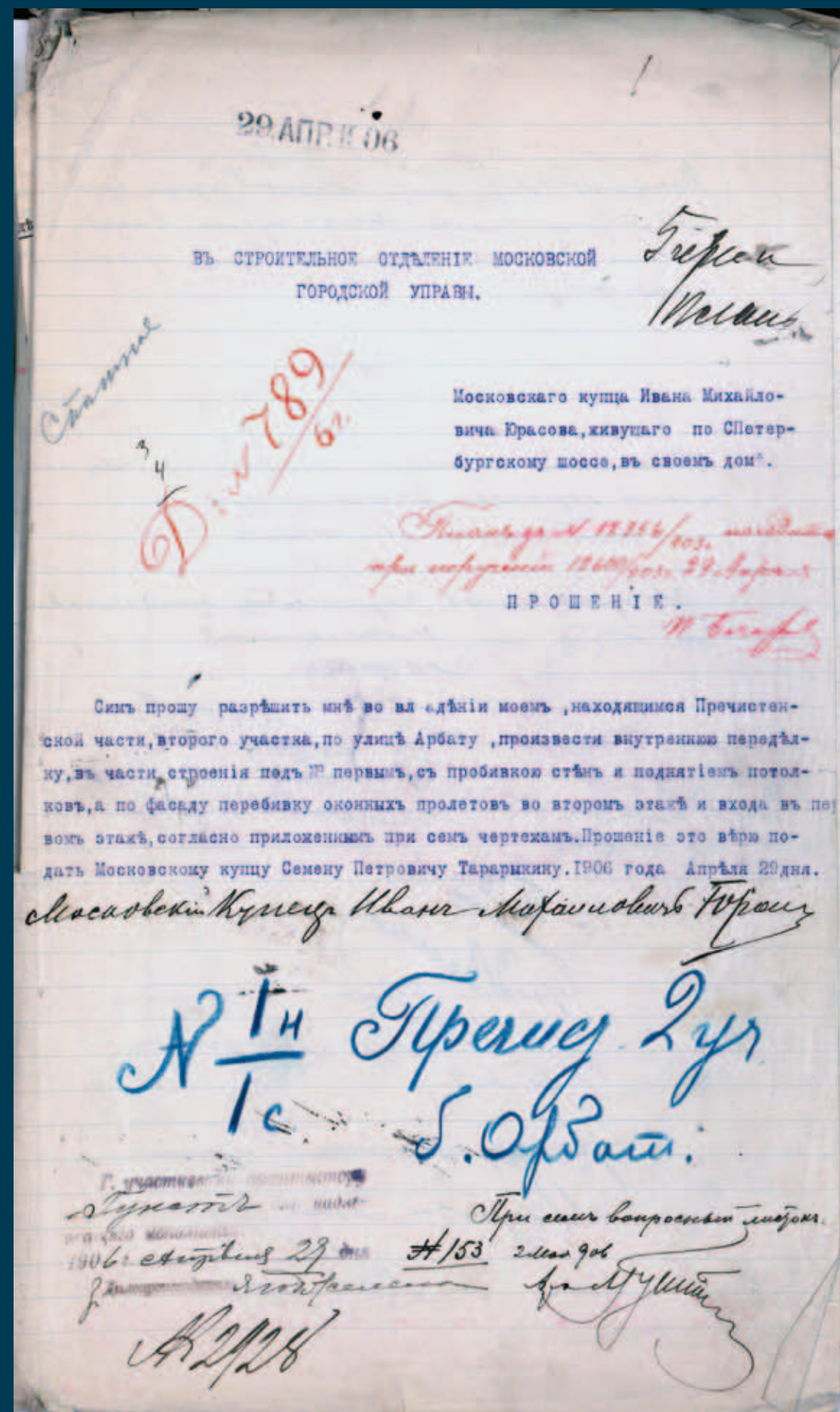
Светло-бежевое здание с купольной ротондой на углу Арбата и Поварской было построено ещё в начале XIX века, а в его основе, возможно, есть стены и более ранней постройки XVIII века, от которой сохранились и высокие сводчатые подвалы. Дом первоначально был жилым – с лавками на первом этаже. Подобные сооружения на пересечении улиц выразительно скрепляли живописную планировочную структуру классической Москвы, поэтому были в то время не единичными. Через пятьдесят лет, в 1872 году, на первом этаже купец Тарасов открыл небольшой заурядный трактир «Прага», который посещали в основном извозчики, стоявшие на Арбатской площади. В традициях специфического русского юмора посетители быстро переименовали «Прагу» в «Брагу», что и в самом деле точнее отражало назначение заведения.

В 1896 году купец С.П. Тарарыкин, новый владелец «Праги», решил начать капитальную перестройку дома для размещения в нём нового роскошного ресторана. Выгодное его расположение – недалеко от Кремля, на оживленной площади на стыке Арбата, Бульварного кольца и Поварской – сулило верную прибыль, и расчетливый купец решил превратить трактир для извозчиков в первоклассный ресторан, рассчитанный на состоятельных жителей этого аристократического района города. В начале 1900-х годов капитальная перестройка и оформление интерьера были заказаны Льву Николаевичу Кекушеву. И неслучайно Тарарыкин, обеспеченный строительством большого ресторана в «Метрополе», который предполагали открыть в скором времени, хотел, видимо, сразу превзойти потенциального конкурента, пригласил для перестройки того же архитектора.

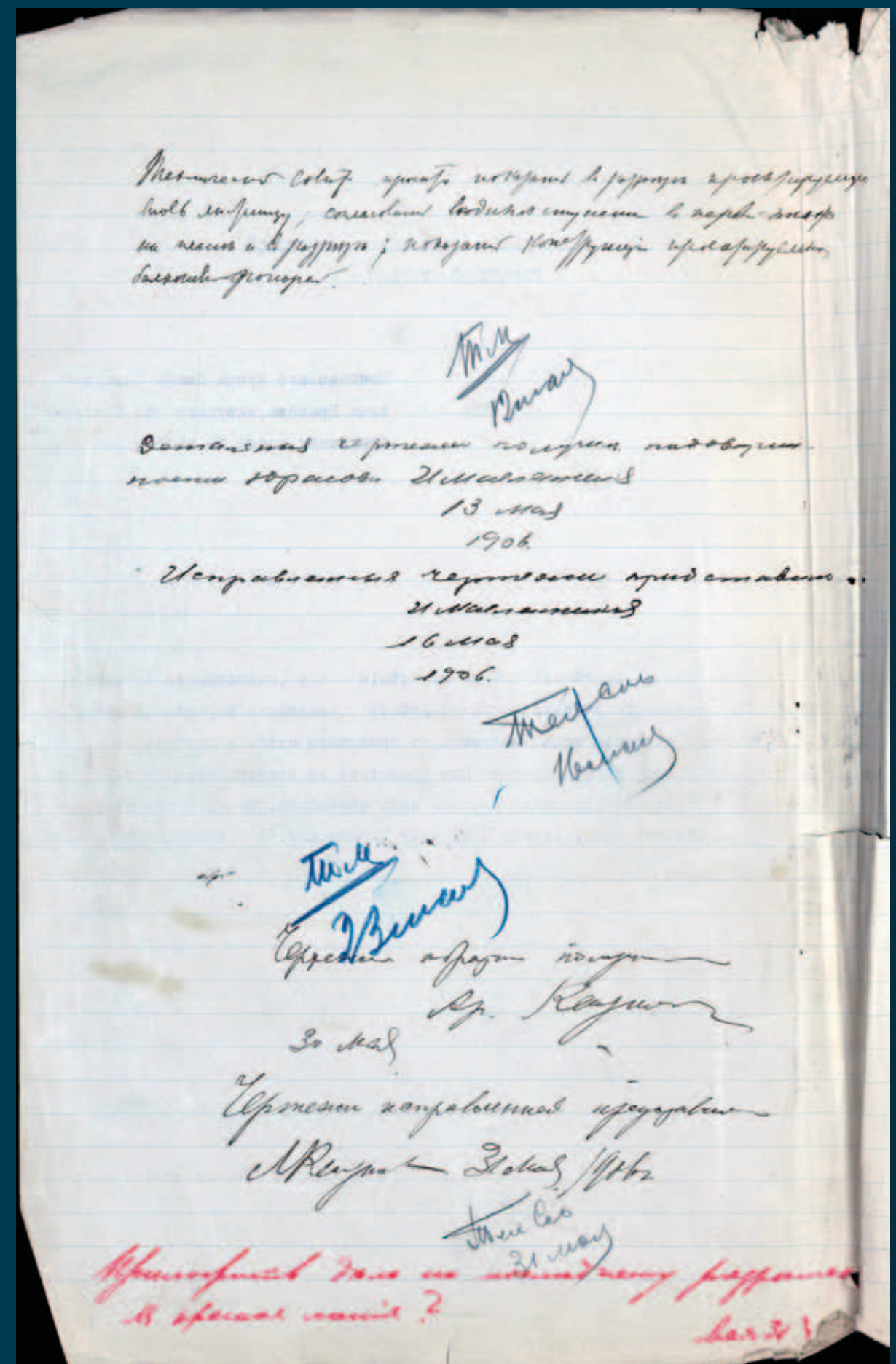
Реконструкцию и обновление «Праги» зодчий закончил в 1902 году – это следует из списка работ, составленного самим Кекушевым, и по упоминаниям в московской периодике начала XX века, но проект-

На предыдущей странице – фонтан Белого зала ресторана, сохранившийся от старой отделки

Прошение купца И. М. Юрасова в Строительное отделение Московской городской управы о разрешении осуществить переделки в существующем строении.
29 апреля 1906 г. (на оборотной стороне прошения автограф Л. Н. Кекушева).
Центральный архив научно-технической документации Москвы. Документ на 2 листах

ная документация этой перестройки не сохранилась, к тому же многие новации, внесённые в облик здания зодчим, до нас не дошли, поскольку сооружение ещё дважды капитально перестраивалось. Представить, что было сделано Кекушевым, помогают старые фотографии.

Выполненная им перестройка также носила капитальный характер. Именно благодаря Кекушеву здание из небольшого классицистического домика превратилось в обширный комплекс со множеством парадных и подсобных помещений. Огромные подвалы здания, охватившие всю территорию владения, включая внутренний двор сооружения, и перекрытые характерными сводами Монье, позволяют ощутить масштабы этой грандиозной перестройки. Со стороны Поварской в первом этаже был устроен внутренний проезд для подвоза продуктов на склады, соединявшийся с Арбатом.

Классическое в своей основе здание после перестройки обрело явные черты «кекушевского» стиля модерн. Существенно изменилась пластика фасада – стены архитектор отделал рустом, изменил окна, сделав вокруг них новые обрамления, и оконные рамы, на которые он был большой мастер, добавил лепные фризы и карнизы, а также подчеркнул существующую объёмно-пространственную композицию, пристроив в центре боковых фасадов на уровне второго этажа эркеры с высокими фигурными аттиками и увенчав угловую ротонду массивным, издалека заметным куполом с характерными барочными раскреповками и завершением, сменившим прежний – слишком плоский, потерявший в подросшей застройке. После перестройки сооружение вновь стало высотным акцентом в начале Арбата. Однако главными в предпринятой перестройке всё же были интерьеры ресторана.

В 1902 году новая «Прага» распахнула свои двери для посетителей – и сразу же поразила своим великолепием. Шесть огромных залов, два буфета, восемнадцать отдельных кабинетов, четыре билльярдных зала и открытая терраса, где проводились музыкальные вечера, – вот что представляла собой тогдашняя «Прага», сразу ставшая популярной у московской интеллигенции. Тарарыкин одним из первых среди московских рестораторов отказался от единого главного зала, который нередко становился ареной конфликтов между эмоциональными посетителями, и заказал архитектору серию разных залов. Кекушев виртуозно справился с задачей, создав многоярусную систему небольших залов, отдельных кабинетов, зимнего сада и просто интимных уголков. Это позволяло принимать одновременно сотни гостей, предоставляя каждой группе полную автономию, что было удобно и привлекательно для небольших компаний. Интерьеры были выполнены в разных стилях, в том числе и в новом стиле «ар нуво» – в этом убеждает фотография нового вестибюля ресторана со стороны Арбата, просто и элегантно отделанного деревом

Общий вид Зеркального зала. Фото 1970-х годов

Белый зал ресторана. Фото 1970-х годов

Бирюзовый зал ресторана. Фото 1970-х годов

Ореховый зал ресторана. Фото 1970-х годов

Чешский зал ресторана. Фото 1970-х годов

Парадная лестница, ведущая к основным залам ресторана. Фото 1970-х годов

и стильной лепниной. Качественная отделка деревом отличала и другие помещения «Праги».

Лев Кекушев выполнял заказы С.П. Тарарыкина и позже – в 1906 году перестройка коснулась 1-го и 2-го этажей «Праги»: здесь планировалась небольшая перебивка окон, поднятие потолков, устройство нового входа со стороны Арбата с новой плавно закрученной лестницей, на которые Кекушев был мастер. В 1910-х годах архитектор А.Э. Эрихсон надстроил здание открытыми террасами и устроил перголы на крыше.

В советские годы перестройка 1954–1955 годов, проведенная по проекту архитектора Б. Соболевского, вновь коснулась внешнего облика «Праги». Здание снова было надстроено, с фасадов исчез кекушевский декор, и сооружение обрело современный вид, соответствующий архитектуре мажорного послевоенного сталинского «ампира».

В ходе этой капитальной перестройки преобразился не только наружный облик здания, полностью утративший черты модерна, но и его интерьеры, в обновлении которых участвовал Московский метрострой.

Лишь некоторые, самые красивые залы сохранили – полностью или частично – отделку Льва Кекушева. К ним относились Белый зал с фонтаном (до нас дошел только фонтан); Ореховый зал, стены которого полностью покрыты деревянными панелями со встроенной деревянной мебелью; Чешский зал с выразительным деревянным кессонированным потолком, камином и невысокими резными деревянными перегородками между столиками; наконец, Зеркальный зал, всегда считавшийся жемчужиной «Праги». В его отделке было широко использовано стекло и превосходно отделанное полированное дерево. Расстекловка потолка, набранного из квадратных кусков матового стекла, декорированного в технике кислотного травления растительными орнаментами, гармонировало с отделкой стен зеркалами, оправленными в металлические квадратные витражные рамки, а также с собственно орнаментальными витражами, расположенными в верхней части зеркальных стен, часто раскрепованных тонкими деревянными полированными колонками. Общее впечатление от этого зала было очень ярким и запоминающимся.

К сожалению, вся отделка залов начала XX века и почти вся отделка 1950-х годов ныне утрачены в результате дорогой и чрезвычайно малохудожественной реконструкции залов ресторана, проведенной в 1990-х годах.

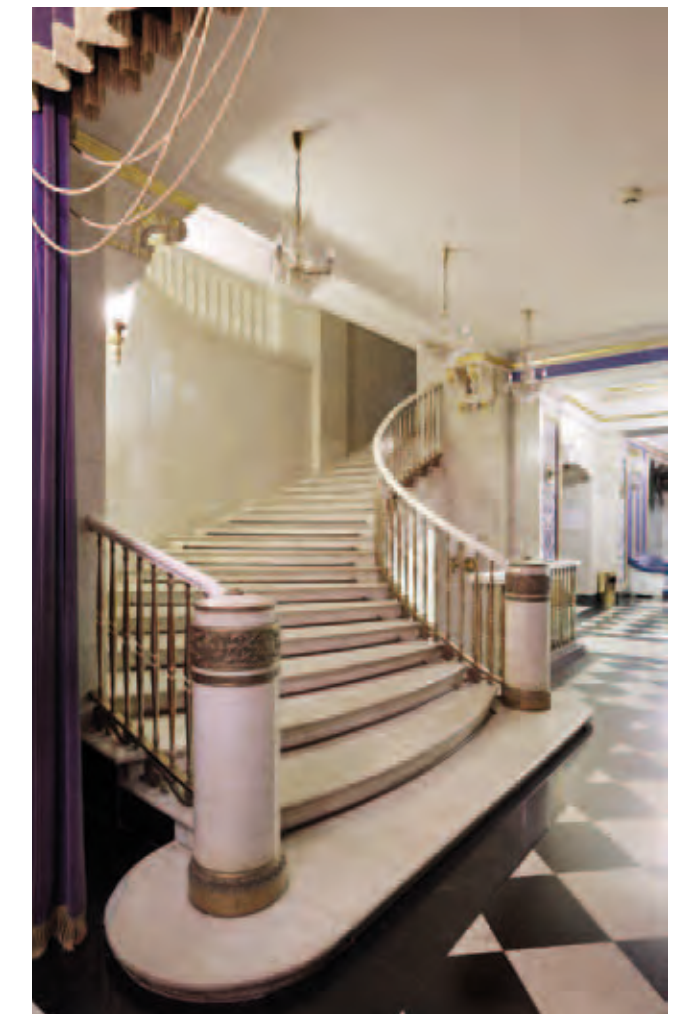
Сохранилась только эффектная мраморная лестница, выполненная в соответствии с проектом Кекушева, но, вероятно, дополненная в советское время, и некоторые элементы отделки 1950-х годов (в частности, ценные панно с изображением цветов и фруктов на мраморных стенах вестибюля со стороны Арбата, выполненные в технике энкаустики).

На предыдущей странице – фрагмент декоративной решётки парадной лестницы

Площадь перед рестораном. Архивное фото 1906 года

Вид на площадь Арбатские ворота со стороны Поварской улицы. Фото начала XX века

Парадная лестница

Площадь перед рестораном. Архивное фото 1910 года

Ресторан «Прага» до перестройки. Фото начала XX века

ХИРУРГИЧЕСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА С.М. РУДНЕВА

1902, 1910–1911 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Серебряный пер., д. 4

Переулок, где построена клиника С.М. Руднева, был назван по месту жительства мастеров Старого Государева серебряного (монетного) двора. Впрочем, в течение веков переулок менял свои названия, одно время его называли Никольским или Явленским – по стоявшей в переулке церкви Николая Явленного, построенной, по преданию, самим Борисом Годуновым в 1593 году (в храме хранился чудотворный образ святого Николая Явленного, то есть явившего чудо исцеления), и ставшей усыпальницей многих именитых людей того времени. Храм был популярен. В 1842 году к нему пристроили обширную трапезную, а в 1846–1860 годах на месте старой церкви был выстроен новый большой храм, сохранивший только прежнюю шатровую колокольню, фиксирувавшую изгиб Арбата и начало Серебряного переулка. Вдоль церковного участка от Серебряного отходил ещё один переулок – Криво-Никольский, изгибавшийся коленом в сторону Поварской. В XVIII веке Серебряный переулок который называли Мануковым (по фамилии домовладельца, приходившегося дедом А.В. Суворову), как и все окрестности Арбата, был застроен небольшими владельческими усадьбами. В пожаре 1812 года многие строения в этом районе выгорели, на их месте появились новые ампирные домики, в основном деревянные. Почти рядом с Серебряным переулком находилась знаменитая треугольная Собачья площадка с колоритным домом философа-славянофила А.С. Хомякова, превращенным после революции в недолго существовавший музей быта 1840-х годов.

На рубеже XIX–XX веков обветшавшие классические дома этого тихого аристократического района стали постепенно заменяться новыми строениями. В конце 1901 года популярный врач, хирург, доктор медицины С.М. Руднев купил у Е.С. Беляевой её участок на углу Серебряного и Криво-Никольского переулков и сразу после оформления сделки 2 марта 1902

На предыдущей странице – фрагмент фасада доходного дома С.М. Руднева с эркером

года заказал Льву Кекушеву выстроить новый угловой двухэтажный с полуподвалом дом, в котором должны были разместиться его частная лечебница и жилье для его семьи. Это сооружение, ставшее впоследствии первой частью лечебного комплекса, спланированное по всем правилам лечебных учреждений, было возведено в 1902-1903 годах. В нём у Руднева побывало много именитых пациентов, представлявших политическую и научную элиту Москвы.

Строительство вёл постоянный помощник Кекушева – С.С. Шуцман. В здание вели два входа с Криво-Никольского переулка. Один вход вёл в лечебницу, другой – в жилые помещения домовладельца. На первом этаже помещались приёмные кабинеты и палаты для пациентов, на втором этаже жил сам доктор, в полуподвале располагалась квартира управляющего, кухня, дворницкая, комнаты для прислуги и шофёра. Во дворе был построен гараж и подсобные службы.

Несмотря на небольшую этажность, новое нарядное угловое здание в стиле модерн смотрелось очень внушительно. Этому способствовал высокий цоколь с крупными лучковыми окнами полуподвала. Как и во многих других постройках зодчего, стены каменного цоколя немного расширялись книзу, что было подчеркнуто кладкой; простые наличники окон также были каменными. Особенно выразительно смотрелись окна полуподвала, по бокам от полукруглой угловой части здания, где их глубина была подчеркнута большим количеством профилей и где они были дополнены элегантными замковыми камнями. Полукруглый угол постройки был наиболее богато отделан лепниной и играл роль рекламы частной лечебницы, название которой было помещено в горизонтальной рамке аттика над ним. Здесь же помещались самые крупные трёхчастные оконные проёмы здания (по три в каждом этаже), выделенные четырьмя пилястрами, оформленными лепниной снизу и на уровне окон второго этажа и визуально поддерживавшими лепную тягу верхнего аттика. Сейчас от этой лепнины остались только два маленьких цветочных венчика на поверхности двух пилястр.

Сооружение, обладавшее многими характерными деталями кекушевского почерка той поры, и прежде всего мягкой фасадной пластикой, было, несомненно, очень заметно в ещё патриархальных арбатских переулках начала XX века – благодаря использованию натуральных материалов, новым формам и высокому качеству строительства. Фасад вдоль Криво-Никольского переулка демонстрировал излюбленное зодчим сочетание стен, облицованных керамическим «кабанчиком», с выразительной аппликацией широких оштукатуренных оконных обрамлений. Очень эффектно были решены входы со стороны Криво-Никольского переулка. Высокие порталы двухстворчатых дверей мягко закруглялись в углах, над ними помещались полукруглые окна с эффектно отделанным наличником, декоративные обломы которого развивались в глубь стены, напо-

миная порталы русских средневековых храмов. Над входами на изысканных кованых кронштейнах располагались навесы-зонтики.

Двухмаршевая лестница имела характерные кекушевские кованые ограждения, которые он не раз использовал в своих произведениях (например, в доходном доме Бочаровых). В советское время дом был надстроен двумя этажами, так что и высокие аттики над входами и аттик с надписью были разрушены. Сравнение изображенного на старой фотографии здания с существующим показывает, как много деталей было утрачено – не только характерные кекушевские сложные, частью криволинейные, оконные переплеты (угловые окна были к тому же заложены), но и фасадная скульптура и лепные украшения.

В 1910–1911 годах состоятельный владелец решил увеличить принадлежавший ему дом за счёт пристройки четырёхэтажного с полуподвалом и мансардой доходного дома по Серебряному переулку и трёхэтажного во дворе (по границе соседнего владения), квартиры в которых предполагал сдавать состоятельным москвичам. Дом должен был быть дорогим, оснащённым всеми возможными удобствами, то есть именно таким, какими были многие сооружения Кекушева. В проекте зодчий предусмотрел для квартиросъемщиков погреба, ледники, каретные сараи и прачечные. Проект, поданный в Управу, он сопровождал красивым акварельным фасадом, выполненным в привычной для него живописной манере по мокрой бумаге. Однако сами формы неоклассицизма, которые отличали его, были весьма необычны для Кекушева, но их предопределило настоявшее требование времени.

Фасад доходного дома С.М. Руднева, пристроенный к его лечебнице, демонстрировал традиционные кекушевские приёмы – на первый взгляд, он гармоничен, сбалансирован по светотени и ритму, обладает хорошими пропорциями. Как часто бывало в его композициях, постройка неявно асимметрична, то есть выделение её боковых сторон ризалитами, подчеркнутыми колоннами ионического ордера и одинаковыми аттиками, казалось бы, предполагало симметричное решение, но центральная плоскость фасада разделена на четыре очевидно неравные части. Эта противоречивость, однако, не умаляет достоинства целого. Нельзя не отметить выразительный ритм больших широких трёхчастных окон с характерными для зодчего сложными и выразительными переплётами, которые в данном случае заняли почти все пространство между этажами, будучи разделёнными только горизонтальными тягами сложного профиля, узкими пилястрами и импостами.

Принадлежность к стилю неоклассицизм выражалась в использовании ордерного языка, классических обломов и немногих лепных декоративных деталей. Неглубокие криволинейные в плане эркеры, расположенные по бокам главного фасада и явно напоминавшие своих предшественников в

Общий вид лечебницы и доходного дома
Ордерный элемент декора доходного дома

Кованый кронштейн навеса над входом в лечебницу
Фрагмент лепной отделки полукруглого окна над входом в лечебницу

Парадная лестница доходного дома

Серебряный переулок. Архивное фото начала XX века

Лестница с фигурным обрамлением

На следующей странице – лепное украшение в обрамлении фасадного окна лечебницы

стиле модерн, были украшены по бокам прекрасно нарисованными каннелированными ионическими колоннами классических пропорций, которые располагались на высоте третьего и четвёртого этажей и визуально поддерживали простые фриз и карнизы-козырьки, над которыми возвышались высокие аттики. Окончания трёх фасадных пилястр под мощной горизонтальной тягой между третьим и четвёртым этажами были очень оригинальны и в других сооружениях московского неоклассицизма не встречаются – это был боковой вид волют ионической капители. Эта деталь показывает, что в новых для себя стиливых формах неоклассики зодчий искал свой индивидуальный архитектурный язык. Фасадная пластика постройки была разработана на редкость сложно – и пилястры, и импосты, и оконные проёмы имели ступенчатые обломы, и именно пластическим выражением и общими принципами композиции постройка была более всего схожа с авторскими сооружениями Кекушева в стиле модерн. И всё же внесенные в неё элементы неоклассицизма обусловили большой декоративный аскетизм.

В больших просторных квартирах жилой части нового дома жили состоятельные постояльцы, а в мансарде поместились мастерские художников (здесь

долгое время жил скульптор В.Н. Домогацкий). Во время революции 1905 года в лечебнице С.М. Руднева находился перевязочный пункт. В 1920–1930-х годах в доме жили артисты Малого театра, тут же находилось творческое объединение московских художников и графиков «Жар-цвет» (1923–1929 годы), созданное Н.Е. Лансере, М.А. Волошиным, К.С. Петровым-Водкиным и другими московскими художниками. В 1931 году церковь святого Николая Явленного вместе с колокольней была разрушена, а вместо неё в 1936 году появилось типовое здание школы. В конце 1930-х годов оба здания клиники С.М. Руднева были переданы ведомственной поликлинике Наркомата обороны; часть Криво-Никольского переулка и бывшего церковного участка вошли в выделенную ей территорию. В 1960-х годах во время прокладки Нового Арбата (Калининского проспекта) многие окружавшие клинику Руднева дома были снесены, как и вся застройка Собачьей площадки. Доходный дом С.М. Руднева постройки 1910–1911 года оказался расположен впрытик к одному из новых строений, образовавших фронт проспекта. Сейчас оба здания бывшей хирургической клиники С.М. Руднева занимает Центральный военный клинический госпиталь № 2 им. П.В. Мандрыки.

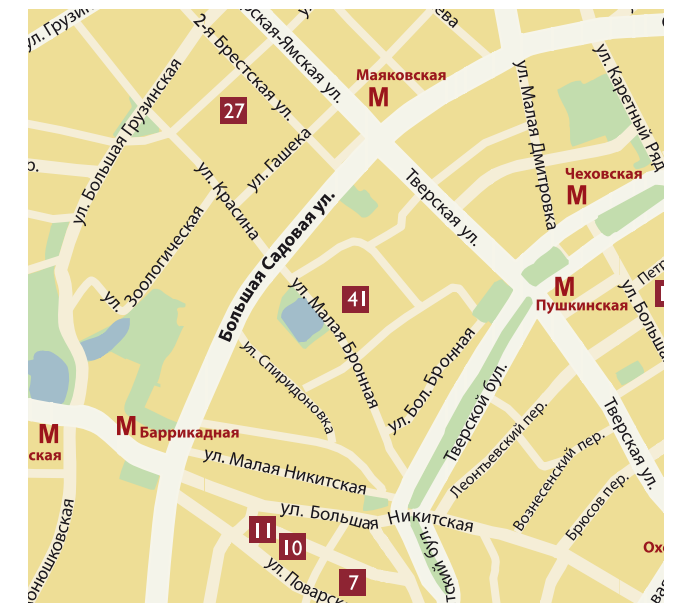

ДОМ 1-ГО ПЯТНИЦКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ДАМСКОГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О БЕДНЫХ ВЕДОМСТВА УЧРЕЖДЕНИЙ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ

1904 г., архитектор Л.Н. Кекушев (при участии Н.С. Шуцмана)
Малый Козихинский, д. 4

Низменная местность рядом с Патриаршим прудом издавна называлась Козихой и вплоть до середины XVIII века была частично занята огородами. Во второй половине XVIII века участок, где впоследствии был выстроен доходный дом Дамского попечительства, входил в состав крупного владения, занимавшего угол современных Малого и Большого Козихинских переулков. В начале XIX века оно принадлежало купцу Фирсову (Бирсову) и имело неплотную одноэтажную деревянную застройку. В пожаре 1812 года владение не пострадало, а при последующем владельце – титулярном советнике Н.Ф. Петрове было разделено на три части. В середине XIX века границы интересующего нас владения формируются окончательно. В 1856 году чиновница 13-го класса Дарья Семеновна Васильева строит в нём небольшой двухэтажный особняк, часть которого, по-видимому, сдавалась владельцами внаём. В центральных районах города смена индивидуального жилья, иногда очень скромного, на наёмные квартиры – характерный процесс середины и второй половины XIX века.

В 1870-х годах Васильева завещала своё владение 1-му Пятницкому отделению Дамского попечительства о бедных, занимавшемуся призрением слепых женщин. Эта благотворительная организация была создана ещё в 1844 году для оказания материальной, медицинской и другой помощи нуждающимся всех сословий – старикам, детям, неизлечимо больным и т.д. Попечительство имело отделения со своими капиталами и спецификой. В 1876 году 1-е Пятницкое отделение Дамского попечительства несколько увеличивает объём лицевого дома по Малому Козихинскому переулку пристройками, так что обновлённое строение занимает всю границу вдоль переулка. В 1897 году на месте сгоревших хозяйственных построек в глубине двора возводятся новые, каменные, а в 1904 году, после сноса прежнего сооружения, возводится новый четырёхэтажный жилой дом с подвалом.

На предыдущей странице – фрагмент фасада здания с боковым эркером

Общий вид доходного дома
Элемент фасадной лепнины

Построенный 1-м Пятницким отделением Дамского попечительства о бедных ведомства, учрежденного императрицей Марией, дом был доходным, то есть был предназначен для сдачи квартир внаём и для получения таким образом необходимых Попечительству средств. Проектный чертёж дома, подписанный инженером-капитаном Николаем Сергеевичем Шуцманом, был очень красив и, разумеется, демонстрировал характерные черты почерка Л.Н. Кекушева. Это неудивительно, поскольку Николай Шуцман был военным инженером и в серьёзных архитектурных проектах участвовал вместе со своим братом Сергеем только под руководством Льва Кекушева, выполняя роль его помощника по инженерной части. По-видимому, и в данном случае Шуцман занимался по обыкновению утверждением проекта как помощник мастера, подписавший копию фасадного чертежа, поскольку трактовка объёмов и фасадной пластики не оставляет сомнений в авторстве Кекушева.

Здание занимает всю северную границу владельческого участка и большую часть территории владения. Его планировочная структура была характерна для своего времени – этажи связывала одна парадная лестница в центре здания, на каждом этаже располагались четыре квартиры, имевшие кроме того, выходы на чёрные лестницы, спускавшиеся во двор в боковых частях дома. На первом этаже помещалась прачечная, технические службы, комната истопника.

Здание имеет типичный для произведений зодчего симметричный фасад с пластичными полуовальными в плане объёмами эркеров по сторонам. Симметрию нарушила только проездная арка с воротами во двор, расположенная не по центру, слева от парадной двери, что также характерно для кекушевских работ. Эта арка сохранила систему бетонных вспарушенных сводов, бывших традиционными в

Фрагмент лестничного ограждения

постройках мастера. Фасадная композиция, отличавшаяся гармонией, хорошими пропорциями и добротной прорисовкой всех деталей отделки, первоначально завершалась красивыми волнообразными аттиками над боковыми эркерами, создававшими очень выразительный силуэт дома. Традиционен для московского варианта стиля и декоративная отделка фасада здания, сочетающая штукатурку с элегантной качественной облицовочной плиткой и немногочисленными лепными деталями-картушами.

В небольшом дворе владения находились одноэтажные хозяйственные постройки 1897 года с подвалом, несколько дополненные в 1904-м. Они сохранили свой прежний объём, но утратили фасадные характеристики.

После 1917 года в доме образовалось Жилищное товарищество, превратившее дом в коммунальное жилье. В 1930-х годах дом принадлежал Центральному совету Осоавиахима, оборудовавшего в нём частично небольшие отдельные квартиры со входами с черной лестницы. В результате надстройки в 1932 году пятым этажом дом, к сожалению, потерял многие элементы качественной отделки, в том числе наиболее выразительные криволинейные оконные рамы четвертого этажа, силуэт, а с ними целостность, своеобразие и эффектную стильность своего первоначального облика. В 1987 году дом подвергся реконструкции с полной перепланировкой и заменой перекрытий и части внутренних капитальных стен, а также с заменой некоторых сложных фигурных оконных рам. В ходе работ были разобраны черные лестницы, на месте которых появились дополнительные жилые помещения, для чего в брандмауэрных стенах были пробиты окна. Таким образом, вся первоначальная кекушевская отделка интерьеров утрачена. Дом сохранил свою жилую функцию.

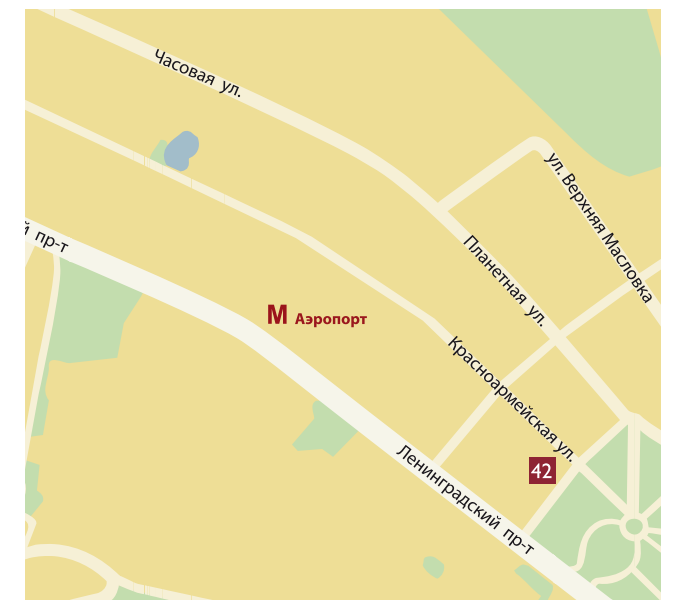

РЕСТОРАН И.А. СКАЛКИНА «ЭЛЬДОРАДО» (ПРОЕКТ)

1907 г., проект – архитектор Л.Н. Кекушев;
1908–1910 гг., архитекторы Л.Н. Кекушев, Н.Д. Поликарпов
Красноармейская ул., д. 1/7 (Серегина ул., д. 7/1)

Местность вдоль Петербургского тракта за Тверской заставой начала осваиваться городом в конце XVIII века. В 1774 году, после пышных торжеств на Ходынском поле, по случаю окончания победоносной войны с Турцией и заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора, Екатерина II заказала архитектору Матвею Казакову строительство каменного дорожного дворца у села Петровское-Зыково, неподалёку от Ходынки. В 1782 году Петровский дворец был завершён, и стал последней остановкой при въезде царского поезда из Петербурга в Москву. В 1812 году здесь располагалась ставка Наполеона I, а после Отечественной войны в 1820-х годах под началом директора Комиссии для строения города Москвы генерала А.А. Башилова территорию вокруг Петровского дворца превратили в пейзажный парк по проекту архитектора А.А. Менеласа. В парке был вырыт пруд, построены плотины, проложены три аллеи, лучами расходящиеся от дворца, и пейзажные тропинки. С 1830-х годов Петровский парк стал популярным местом гуляний москвичей. Вскоре здесь появился Петровский летний театр, здание для концертов, качели, беседки, бильярдные, купальни, кофейни. Тогда же, в 1836 году участки от Тверской заставы до Петровского парка были выделены под строительство дач. Во второй половине XIX – начале XX века на территории парка были построены знаменитые рестораны «Яр» и «Стрельна» с летним отделением «Мавритания». Место было настолько популярным, что первая в городе трамвайная линия в 1899 году была проложена от Страстного бульвара именно до Петровского парка. В 1907 году из-за сильно сократившейся парковой территории Николай II запретил раздавать земли Петровского парка под дачи, но рестораны и театрально-концертные заведения продолжали процветать.

В число самых известных ресторанов Москвы входил и «Эльдорадо», который располагался в дальнем

На предыдущей странице – фрагмент фасада с лепным декором

Зонттик над входом в ресторан

На следующей странице – вестибюль здания

конце Петровского парка – в Зыковском проезде, недалеко от трассы Санкт-Петербургского шоссе, на углу квартала. Долгое время он занимал небольшой деревянный дом, броско оформленный в русском стиле. Место было популярным, поскольку его владелец – Илья Арефьевич Скалкин любил пение; в «Эльдорадо» выступали знаменитые московские цыганки Варя Панина и Саша Артамонова. Времена менялись и требовали обновления. Закономерно, что центральным помещением нового роскошного ресторана должен был стать большой зал со сценой, ведь выступления певцов и танцоров были отличительной чертой «Эльдорадо».

Великолепный проект нового здания ресторана, выполненный Львом Кекушевым, представлял собой своего рода энциклопедию стиля модерн в его трактовке. Весь план был построен на плавно изогнутых линиях, упрямо утверждавших эстетику уже уходящего из московской практики стиля. Пространства центрального зала органично перетекали в соседние помещения, соединённые с главным входом. На углу участка, видимого издали, зодчий расположил эффектную, трёхъярусную круглую башенку с высоким фигурным шпилем, служившую одновременно своеобразным «маяком», привлекавшим посетителей, и главным входом в ресторан. Трёхэтажное здание предполагалось щедро украсить декоративными вазами, скульптурой и коваными решётками, которые так любил и умел делать Кекушев.

Однако первоначальный замысел постройки был существенно переработан, по-видимому, с целью его удешевления и финансовой реалистичности. Вероятно, яркая стилистика модерна в то время показала заказчику уже чересчур навязчивой; эстетические предпочтения москвичей во второй половине 1900-х годов эволюционировали в сторону простоты и традиционности. Поэтому не исключено, что Кекушев разработал более аскетичный вариант проекта, который и лёг в основу возведённого здания. Разрешение на постройку было выдано 12 сентября 1908 года. Строительство в 1908–1910-х годах вел архитектор Н.Д. Поликарпов, который, по-видимому, работал под началом Кекушева или пользовался его консультациями. В этом убеждает прорисовка отдельных деталей, в частности, наличников фасадных окон со стороны двора, а также эффектного декоративного металла, украшающего здание: флагодержателей, фонарей-горшеров у входа и ограды, варьировавшей мотив любимой Кекушевым греко-римской пальметты.

Однако во втором варианте сооружение утратило свою первоначальную органичность и целостность, став несколько противоречивым по формам и стилистическим характеристикам. При строительстве в облик сооружения были добавлены копиянные элементы, заимствованные из иностранных увражей (сам Кекушев этого никогда не делал). Так, огромное полуэллиптическое трёхчастное окно ресторанный

зала, обращённое на улицу, довольно точно воспроизводило аналогичную деталь из неоднократно публиковавшегося, в том числе в России, проекта кафе в Вене (архитектор Р. Свобода, 1898).

Общая отделка здания типична для московского модерна и для индивидуального почерка Льва Кекушева – его фасады сочетают оштукатуренные детали с поверхностями, облицованными светлой глазурованной плиткой. Угол постройки акцентирован купольным башенным объёмом, в котором расположен главный вход, что перекликалось с наиболее известным рестораном, отделанным зодчим, – «Прагой». Над входом в «Эльдорадо» был устроен ажурный металлический козырёк со стеклянными лепестками веером, напоминавший о временах Всемирной Парижской выставки 1900 года, когда подобные навершия поразили новизной не только над входами в рестораны и кафе, но и в парижское метро. Стены «башни» оштукатурены, а окна обрамлены филёнками, выложенными абрамцевской переливчатой («акварельной») плиткой бирюзово-фиолетовых оттенков с металлическими люстрами. В вестибюле посетителей встречала красивая лестница, украшенная коринфскими колоннами. Этот элемент был заложен ещё в первом кекушевском проекте и в выстроенном здании сохранил своё первоначальное эффектное пространственное решение.

Центральный зал ресторана со сценой был украшен цветными витражами с изображением цветов и великолепными светильни-

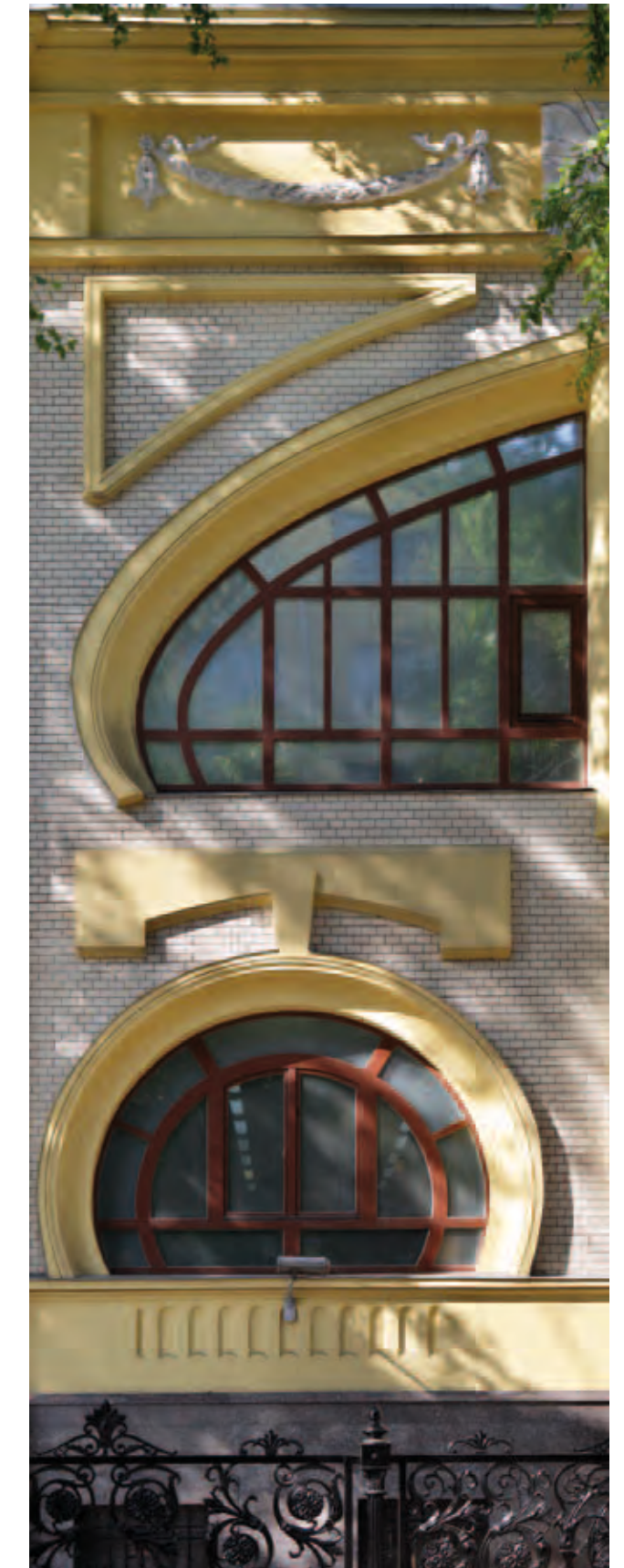

ками. Весьма экстравагантен был потолок — его центр занимало гигантское рельефное изображение обнаженного женского торса, к пупку которого первоначально была присоединена центральная люстра (эта люстра была снята в советское время). Как и в ресторане «Прага», в «Эльдорадо» были устроены небольшие кабинеты, отделанные в разных стилях: «Мавританский» с характерной росписью потолка и низкой мебелью; «Орловский», украшенный изображениями орловских рысаков, и т.д. Мебель для ресторана была выполнена московской фабрикой художественной мебели В. Смирнова.

После революции ресторанная жизнь быстро закончилась. В советское время пруды Петровского парка были засыпаны, а большую часть территории парка занял стадион «Динамо» и другие спортивные сооружения. В августе 1918 года Ленин выступил в здании «Эльдорадо» с речью «Советская республика в опасности», а в середине 1920-х в нём располагался Дом офицеров, хотя у местных жителей ещё долго бытовало старое название. В 1990-х годах Дом офицеров оттуда выселили, здание начали ремонтировать, но вскоре там случился пожар, после чего здание не один год простояло пустым и разрушающимся. За это время оттуда исчезли все приметы прежней отделки. Сегодня фасады приведены в порядок, но утрачены оригинальные оконные рамы — их сменили пластиковые, очень грубого рисунка; утрачено и большинство внутренних декоративных деталей постройки, вплоть до потолочных розеток. Сохранилась лишь часть парадной лестницы при входе с угла. Сейчас здание используется как административное.

На предыдущей странице — декоративные ограждения парадной лестницы
Фрагмент фасада угловой башни
Фрагмент фасада крыла здания вдоль Красноармейской улицы

УБЕЖИЩЕ ПРЕСТАРЕЛЫХ СЕСТЁР МИЛОСЕРДИЯ

1910–1913 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
г. Сергиев Посад, Митькина ул., 37

Примечательным богоугодным заведением, возведенным по проекту Кекушева, было Мариинское убежище (приют) престарелых сестёр милосердия Красного Креста, которые из-за потери трудоспособности или по возрасту нуждались в уходе. В 1910–1913 годах его построила в Сергеевом Посаде и открыла фактически одновременно с созданием Марфо-Мариинской обители в Москве великая княгиня Елизавета Фёдоровна, вдова московского генерал-губернатора.

Дом Романовых традиционно покровительствовал Сергиеву Посаду в создании благотворительных и воспитательных учреждений. Мать великого князя Сергея Александровича, вдовствующая императрица Мария Александровна была основательницей Российского Общества Красного Креста (РОКК). В 1877 году она приняла под своё покровительство лаврский Дом призрения, с тех пор именовавшийся Александро-Мариинским (по имени Царственных покровителей – императора Александра II и императрицы Марии Александровны). Александр III, брат великого князя Сергея Александровича, пожаловал Александро-Мариинскому дому призрения лесное имение Царь-Дар. Эти владения увеличил император Николай II, племянник великокняжеской четы Сергея Александровича и Елизаветы Фёдоровны. 14 ноября 1902 года в имении Царь-Дар был освящён храм во имя святой равноапостольной Марии Магдалины для сугубого поминовения Царственных покровителей и благодетелей Александро-Мариинского дома призрения.

В апреле 1910 года в Сергеевом Посаде был образован строительный комитет по возведению Мариинского убежища сестёр милосердия Красного Креста и объявлен конкурс. Проект, выполненный Л.Н. Кекушевым, был утверждён 19 августа 1910 года Вторым отделением Московского губернского правления. Здание построено на Нижней (ныне – Митькина) улице местным управлением Общества

На предыдущей странице – парадная лестница Убежища престарелых сестёр милосердия

Общий вид здания. Фотография из газеты 1977 года

Красного Креста. Кроме Елизаветы Фёдоровны, пожертвования внесли известный в своё время купец-рыботорговец М.И. Громов и будущий староста храма С.П. Аристов. 25 мая 1912 года, в день тезоименитства Государыни Императрицы Александры Фёдоровны, сестры почётной настоятельницы убежища, состоялось торжественное открытие приюта, который ещё был не вполне готов – окончательная отделка, меблировка помещений и устройство хозяйственных построек завершились только через год, 27 сентября 1913 года, когда состоялось второе освящение приюта.

Начальницей Убежища стала Наталия Александровна Киселёва, попечительницей – соратница великой княгини графиня Е.В. Уварова. Великая княгиня стала почётной председательницей его совета и в дальнейшем принимала самое непосредственное участие в его устройстве. Благодаря её протекции настоятелем домового храма Убежища во имя равноапостольной Марии Магдалины был назначен отец Павел Флоренский. Узнав о «бесприходном» положении отца Павла от его ученика, священника Евгения Синадского, который служил в московской Марфо-Мариинской обители, великая княгиня Елизавета Фёдоровна пригласила его к себе для знакомства. 19 мая 1912 года отец Павел совершил Божественную литургию в храме Марфо-Мариинской обители и встретился с великой княгиней и отцом Митрофаном Сребрянским. Тогда, вероятно, ею и было принято решение назначить отца Павла настоятелем в храм сергиевopосадского приюта, где он прослужил вплоть до закрытия убежища 17 (4) мая 1921 года.

При приюте вскоре была учреждена амбулатория имени великого князя Сергея Александровича, которая обслуживала малоимущее население, а во время

Световой фонарь над внутренней лестницей
Убежища престарелых сестёр милосердия

Первой мировой войны приют был преобразован в госпиталь для раненых воинов. Само по себе личное знакомство Кекушева с великой княгиней Елизаветой Фёдоровной и, возможно, с отцом Павлом Флоренским, как представляется, вносит в биографию архитектора дополнительный штрих.

Внешне симметричная постройка была очень проста – двухэтажное кирпичное здание с высоким полуподвалом. Центр сооружения был отмечен эдikuлой под треугольным фронтоном и оштукатурен, в отличие от остальных стен постройки, оставшихся неоштукатуренными. (Обработка стен позволяет предположить, что первоначально их также предполагали оштукатурить.) Центральная часть фасада отмечена характерными чертами кекушевского почерка: она усложнена пластически, имеет характерные раскреповки между двоянными окнами второго этажа. Оригинально трактован ордер эдикулы: колонны имеют воронкообразные капители, а их базы консольно нависают над узкими окнами вестибюля первого этажа, необычно завершая замковые камни. Однако в целом внешний облик постройки оставляет впечатление некоторой незавершенности, что косвенно подтверждает и её строительная история. К тому же качество строительства, конечно, несравнимо с московскими произведениями архитектора, что, скорее всего, было связано со стесненностью заказчиков в средствах. Качественно выполненные детали (например, ниши под окнами) соседствуют здесь с грубоватыми элементами.

Гораздо более завершённым и мастерским выглядит пространственное решение постройки. Входя в вестибюль, посетитель оказывался перед парадной, гостеприимно расширяющейся книзу лестницей, ведущей на уровень первого этажа. Здесь в высоком двухсветном кубическом по форме пространстве, над которым был устроен большой овальный по форме фонарь верхнего света, располагались лестничные марши, соединявшие два основных этажа. Такое эффектное построение интерьера традиционно для зодчего – аналогично, к примеру, был устроен вход и парадная лестница в особняке М.С. Саарбекова. Декоративным акцентом в этом высоком центральном помещении, как и в особняках Кекушева, служила элегантная кованая решётка, ограждавшая лестничные марши. Её рисунок уже не содержал нервных, изогнутых завитков модерна, а был выполнен, скорее, в духе мотивов раннего европейского «ар деко», также подвластных автору.

Просторные палаты для проживания насельниц объединялись широкими коридорами, выходившими большими трёхчастными окнами во внутренний двор, где был разбит небольшой садик с аллеями. Отделка помещений была очень проста, но в форме арочных проёмов, отделке стеновых ниш вестибюля, чудом уцелевшей столярке нескольких дверей и усложнённых оконных проёмов второго этажа процитируются характерные приёмы Кекушева.

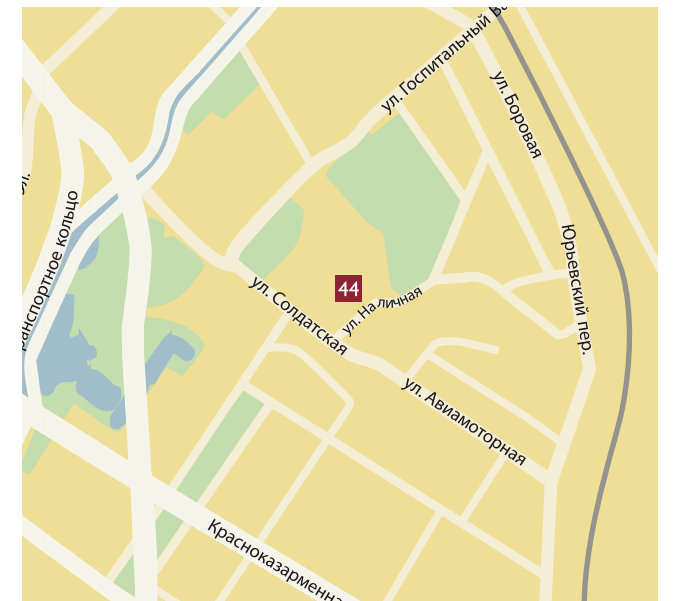

ЧАСОВНЯ-СЕНЬ Н.Ф. КЁЛЬХА НА ВВЕДЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ

1911 г., архитектор Л.Н. Кекушев.
Наличная ул., д. 1

В первый период своей работы в Москве – в 1890-е годы Лев Кекушев несколько раз строил или проектировал надгробные часовни-усыпальницы. Это намогильная часовня Прохоровой в Алексеевском монастыре (1890–1892), намогильная часовня Хлудовых в Покровском монастыре (1890–1892) (обе не сохранились) и проект усыпальницы Кузнецовых (1897). Названные часовни, хотя и имели небольшие размеры, были капитальными сооружениями, выстроенными из камня. Однако не исключено, что признанный мастер декоративного металла, каким несомненно был зодчий, выполнял и более лёгкие сооружения этого жанра из кованных стержней. Сегодня известна только одна поздняя намогильная постройка Кекушева, полностью выполненная из кованого металла. Это часовня-сень Н.Ф. Кёльха на Введенском кладбище.

Николай Фердинандович Кёльх происходил из обрусевшей состоятельной немецкой семьи, занимавшейся предпринимательством и золотодобычей. Сын потомственного почётного гражданина Санкт-Петербурга, студент Московского университета, он умер в 1894 году, всего через два года после женитьбы. Тогда же на его могиле была положена гранитная плита и установлено небольшое мраморное надгробие. На каменном основании сохранилась марка изготовителя: «Москва, Мясницкая, Кабанов», что свидетельствует о том, что каменное надгробие было создано по проекту архитектора Д.И. Кабанова на его фабрике мраморных и гранитных памятников. Вскоре после кончины Н.Ф. Кёльха его молодая вдова Варвара Петровна, происходившая из богатой купеческой семьи, вышла замуж за его брата Александра – предпринимателя и золотопромышленника, а в 1911 году на могиле Н.Ф. Кёльха, по заказу Варвары Петровны была сооружена часовня, посвященная святому Николаю Чудотворцу – небесному патрону умершего.

На предыдущей странице – фрагмент кованого декора часовни

Крестообразная в плане ажурная часовня, первоначально украшенная стеклами и зеркалами, была очень нарядна и декоративна, но при этом её архитектоника была выявлена достаточно чётко. К глухой тыльной юго-восточной стороне сооружения в интерьере был прислонён небольшой престол из белого мрамора, где находился образ Николая Чудотворца. Крупный, словно «расцветающий» животворящий крест был наложен на металлическую орнаментику как аппликация. Со стороны входа часовня, перекрытая двумя взаимопересекающимися цилиндрическими сводами, была прозрачной. Металлические стержни, обводившие её по контуру, фиксировавшие углы и места пересечения поверхностей, создавали четкую вертикальную структуру; по горизонтали стены были разделены на три регистра: нижний, цокольный; средний – в котором помещались стрельчатые окна, возможно, первоначально украшенные витражами; и верхний – здесь проходила ажурная панель-фриз и находились полукруглые тимпаны сводов, над которыми были помещены ажурные орнаментальные кокошники из просечного железа. Сочетание геометрически правильных элементов со свободными извивами линий растительной орнаментики и создавали одновременно ощущение архитектурной монументальности и изысканной декоративности. Люди, посещавшие Введенское кладбище, называли эту часовню «хрустальным дворцом».

Часовня сравнительно неплохо сохранялась до последнего времени, но после недавнего пожара металл серьезно пострадал, все сооружение нуждается в реставрации.

Фрагмент главного фасада часовни

Общий вид часовни

Фрагмент главного фасада часовни

Деталь мраморного надгробия

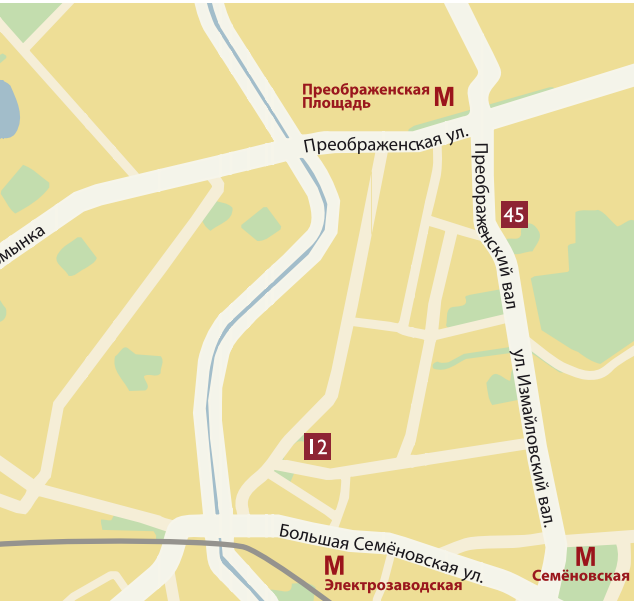

БОЛЬНИЦА ПРИ ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЕ

1912–1914 гг., архитектор Л.Н. Кекушев
Преображенский вал ул., д. 19, стр. 1

Старообрядцы беспоповского федосеевского толка начали селиться в окрестностях Преображенской заставы Камер-Коллежского вала между Хапиловским прудом и дорогой Стромынкой с 1740-х годов. Разразившаяся в городе в 1771 году эпидемия чумы, в борьбе с которой федосеевцы приняли активное участие, позволила им закрепиться в этом месте и получить Высочайшее разрешение на создание больницы-богадельни и кладбища. Таким образом, медицинская функция оказалась присуща старообрядческому центру, изначально образовавшемуся рядом с Преображенским кладбищем. Вскоре при нём появился женский беспоповский монастырь с детским приютом. Дальнейшая история Преображенского стала результатом самоотверженных усилий московских старообрядцев по развитию своего религиозного центра и колебаний в отношении их общегосударственной политики.

Преображенский богаделенный старообрядческий дом получил это название после того, как в 1860-х годах мужскую половину федосеевской общины перевели на территорию так называемого Женского двора. Указ императора Николая II 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости» впервые утвердил свободу вероисповедания, за которым последовало распечатывание всех старообрядческих алтарей Москвы. В 1907 году Преображенский дом был переименован в «Московскую общину христиан древле-православно-кафолического вероисповедания и благочестия старопоморского согласия». Силами этой общины, при активном участии состоявшего в ней подрядчика М.М. Мальшева, перед Преображенским старообрядческим богаделенным домом у южного конца складов, где хранили капусту и дрова, и была построена в 1912–1914 годах новая краснокирпичная больница для старообрядцев-федосеевцев Поморского согласия. Она стала одним из последних реализованных проектов Льва Кекушева в Москве.

На предыдущей странице – фрагмент бокового фасада больницы

Кованый козырёк над главным входом в здание
Площадка второго этажа парадной лестницы

Овальное окно парадной лестницы на боковом фасаде
Боковой фасад больницы

Не исключено, что получение этого заказа было как-то связано с постоянными заказчиками зодчего – семьями наследниц Г.И. Хлудова и Носовыми, поскольку они постоянно поддерживали старообрядцев Преображенского материально. Богатые купцы И.В. Носов и А.И. Хлудов в 1870-х годах даже построили там на свои средства колокольню, эффектно дополнившую ансамбль Никольского единоверческого монастыря, основанного в 1866 году, а родная сестра жены В.Д. Носова была настоятельницей Преображенской богадельни.

На сохранившемся чертеже фасада больницы стоит дата – 1912 год; строительство здания было завершено в 1914 году. Постройка располагалась торцом к Преображенскому валу, на котором в этом месте существовал небольшой изгиб, поэтому своим главным фасадом больница замыкала перспективу улицы со стороны Никольского единоверческого монастыря и Измайлова и служила своего рода градостроительным ориентиром.

Проект наглядно раскрывает замысел зодчего. Главный фасад постройки был по-кекушевски чуть-чуть асимметричен – слева к нему примыкала небольшая пристройка с дополнительным входом. Двухэтажное сооружение с полуподвалом имело три выступающих ризалита – центральный и два боковых, углы которых были мягко скруглены, так же как и углы самого здания. Главный вход располагался с его восточной стороны, удалённой от улицы. Трактовка форм постройки была в духе времени подчеркнута лаконична, хотя первоначально Кекушев предполагал декорировать фасад пилястрами большого ордера – центральный ризалит – коринфскими, боковые ризалиты – ионическими, завершить фронтоны пышным акротерием и т.д. Значимость центрального ризалита автор усилил, поместив в центре полуподвального и первого этажей декоративные ниши – в нижней нише, накрытой кованой сенью, он предполагал поместить скульптурную группу. Общий геометризм форм в про-

Вид здания со стороны главного входа
Овальное окно парадной лестницы

екте был подчеркнут по контрасту выразительной орнаментальной кованой решёткой, ограждающей свесы кровли (не сохранилась). Её рисунок заставляет вспомнить сходные по мотивам декоративные произведения архитектора, такие как балконные ограждения доходного дома Григорие-Богословской церкви или полотна ворот его собственного особняка на Остоженке. В процессе строительства произошло некоторое упрощение декоративных деталей, а потому капители пилястр, скульптуры и другие украшения не были реализованы.

Главными архитектурными достоинствами постройки стали её усложненный силуэт и богатая пластика фасадных плоскостей. Над центральным ризалитом, отмеченным на уровне полуподвального этажа неглубокой нишей с полукруглым верхом, а на уровне первого этажа – высокой прямоугольной нишей (возможно, предназначенной для размещения какого-то тематического панно или названия учреждения), был устроен простой треугольный фрон-

Задний фасад здания больницы
Фрагмент керамического напольного покрытия в помещениях больницы

тон, а выше водружён плоский четырёхгранный купол с невысоким фигурным завершением в центре. (Огромное трёхчастное окно со сложной орнаментальной рамой в центре фасада второго этажа в настоящее время заложено.)

Главный фасад чётко проявляет конструктивную структуру сооружения – горизонтали широкого плоского фриза и междуэтажных тяг перемежаются плоскими пилястрами между крупными окнами обоих основных этажей. Причём оконные переплеты, которые традиционно играют у Кекушева композиционную роль, в верхней части раскрепованы в клеточку, что создает дополнительную фасадную горизонталь. Хотя первоначально стены сооружения, видимо, предполагалось оштукатурить, что более традиционно для творчества Кекушева, они остались неоштукатуренными и были выполнены в технике лицевой кирпичной кладки. Именно это, в конечном счете, сообщило постройке более соответствующий 1910-м годам облик и позволило ярче

*Перила лестничного марша
Филёнка входной двери*

*Плитка керамического напольного покрытия
лестничной площадки
Фигурный импост фасадного окна*

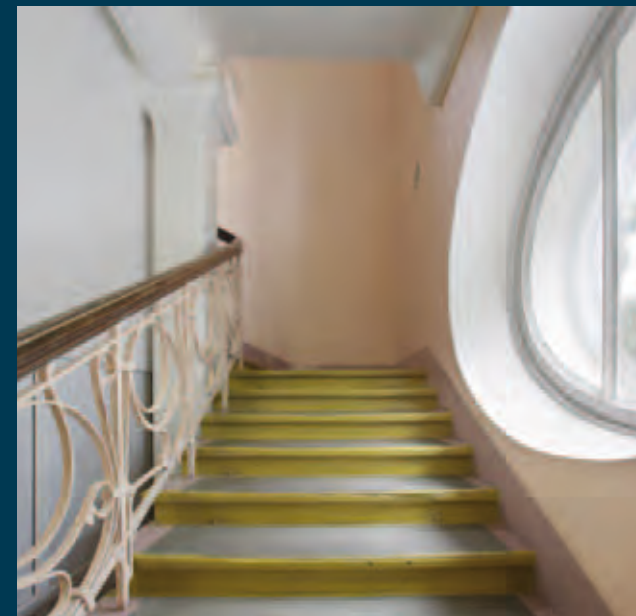
проявить её пластический потенциал. Особенно выразительно был скомпонован боковой фасад, обращённый в сторону монастыря, где архитектор создал необычную, как бы растущую вверх, рельефную композицию из простых пилястр с необычными выпуклыми стволами, между которыми расположились лежащее овальное окно с замковым камнем в верхней части (оно выходит на лестницу).

Традиционным для Кекушева элементом постройки стали абсолютно оригинальные и мастерски нарисованные кованые металлические кронштейны зонтиков над входами, представлявших собой энергичный коллаж из кругов и плавно изогнутых линий, как бы обнажающих напряжённую работу поддерживающей конструкции. Простые металлические решётки ограждений входных лестниц, представляющих собой дважды перекрещенные ромбовидные

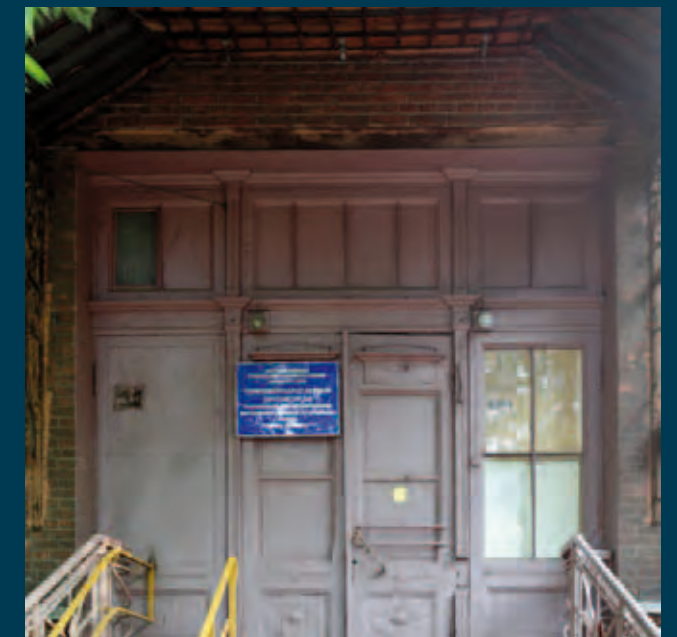
ячейки, удачно дополняли лаконичный облик больницы.

Стоит сказать, что этот геометрический декоративный мотив очень характерен для творчества Кекушева. По-разному трактованный, он уже встречается в самых ранних его постройках в Москве – в завершении особняка Пантелеева, в служебной лестнице Центральных («Китайских») бань наследниц Г.И. Хлудова в Театральном проезде, в оформлении входной лестницы в здание Химической лаборатории ИМТУ и других.

Поскольку здание сохранило своё медицинское назначение, интерьеры постройки, отделанные функционально и просто, в основном сохранились. Палаты и широкие коридоры просторны и прекрасно освещены. Отделка их выполнена с учётом новейших гигиенических требований того време-

*Внутренняя дверь больничного коридора
Лестничный марш
Кованая решётка лестничного марша*

*Главный вход в здание больницы
Фрагмент кирпичной кладки бокового фасада*

ни. Хорошо сохранились первоначальные широкие оконные рамы со сложными переплетами геометрического рисунка, а также покрытия полов керамической плиткой, произведенной харьковской фирмой «Бергенгейм». Наиболее эффектным элементом интерьеров является междуэтажная лестница, демонстрирующая оригинальные кованые ограждения маршей, состоящие из легких, изящных завитков, образующих динамичный рисунок в стиле модерн. Эти ограждения, безусловно, относятся к лучшим произведениям Льва Кекушева в художественной обработке металла.

ПРЕССА НАЧАЛА XX ВЕКА О ПОСТРОЙКАХ ЛЬВА КЕКУШЕВА

«Строитель» 1900, № 15-16.

Постройка здания Ново-Никольских рядов

Группа предпринимателей с князем И.Н. Святополк-Мирским во главе арендовала принадлежащий М-ву Внутренних Дел участок земли, находящийся по Никольской улице, позади здания губернских присутственных мест, с обязательством выстроить на этом участке трёх-этажное здание, назначаемое под торговые помещения. Арендный договор сроком на 36 лет заключен 2 марта текущего года, а в настоящее время на указанном месте высятся уже великолепный, даже в незаконченном виде дом, который изображен на наших чертежах.

Небезынтересны подробности арендного договора. Все постройки производятся на средства арендаторов без всяких затрат и субсидий от казны, причём стоимость нового здания определена по смете в 230 тыс., а стоимость перестройки и ремонта существующих строений – в 70 тыс. рублей. По окончании всех строительных работ постройки будут осмотрены и по описи приняты особую комиссией Министерства. После этого все здания составляют полную собственность Министерства, причём новый корпус по Никольской улице поступает в арендное содержание контрагентов на 36 лет, а остальные здания остаются в пользовании казны. За аренду названной части недвижимости контрагенты уплачивают: за первые 5 лет по 9000 руб., за последующие – по 10 тыс. и за последние 6 лет – по 15 тыс. руб. в год.

На осуществление всего предприятия контрагентам дается пятилетний срок, между тем, как сказано выше, уже в настоящее время здание совершенно выведено вчерне и приступлено к некоторым штукатурным работам по фасаду; в то же время спешно производятся работы по внутреннему оборудованию помещений. Постройка производится гражд. инж. Л.Н. Кекушевым по его же проекту.

В 1-м этаже здания помещаются 8 больших магазинов, которые сообщаются посредством особых лестниц, как с подвалами, так и с двумя верхними этажами, которые соответственно разделены также на восемь частей каждый. На случай соединения двух или большего числа магазинов в один – в разделяющих их стенах оставлены большие апро-

ные проёмы. Фасад сочинен в современном вкусе и вполне отвечает специальному назначению здания; колоссальные окна трёх этажей, разделенные легкими простынками, делают его почти ажурным; богатое венчание стен и крыши, при сравнительно простой обработке столбов, производит впечатление богатства и роскоши, которые оставляют отличительную черту современных торговых помещений, особенно больших городов Европы. Нужно сознаться, что Москва в этом отношении идет впереди других русских городов.

Место, избранное для постройки здания рядов, как нельзя более отвечает цели: Никольская улица – одна из самых оживленных в торговом отношении московских улиц, а та часть ее, где находится описываемая постройка, непосредственно примыкает к богатейшим «верхним торговым рядам», построенным в 1896 г. профессором А.И. Померанцевым. Все это обещает успех новому предприятию, несмотря на большие единовременные затраты и на сравнительно высокую арендную плату.

«Зодчий» 1901, XXX, таблицы, табл.10

Богательня имени З.И. Геер. Построена 1892–96 г. на земле, пожертвованной вдовой Геер, и на средства, отпущенные городом. Проект богательни составлен для престарелых жителей г.Москвы, с подразделением на мужское и женское отделение, по 30 человек в каждом. В первом этаже здания помещается вестиболь; прямо из него входят в церковь при богательне на 1000 человек; вправо – помещения конторы, кухни и прислуги; влево – квартиры надзирателя, экономки и фельдшера; парадная лестница ... ведет в широкий, 5-аршинный коридор, служащий для прогулок призреваемых, по каждой стороне которого имеются по две палаты, вместимостью на 15 кроватей каждая. В центральной части здания помещается столовая; через арку, расположенную на узкой стороне ее и выходящую прямо в церковь, призреваемые, не сходя в первый этаж, могут входить в церковь. В каждом из боковых крыльев по сторонам здания помещены добавочная лестница и уборные. Здание построено под штукатурку

Проект двери в английском стиле. Арх. Л.Н. Кекушев. Бумага, тушь, акварель, гуашь.
На страницах 404–410 – документы из архива семьи зодчего

Дом И.П. Исакова на Пречистенке. Фото 1900-х годов.

в романо-византийском характере, с воздушным отоплением и вентиляцией, паркетными полами и без особой внутренней отделки. Общая стоимость 140.000 рублей. [Л.Н. Кекушев]

«Зодчий» 1901, XXX, таблицы, табл.12

Дом Н.Коробкова в Москве, находящийся на Пятницкой улице, частью достроен, частью же перебит (2-й этаж) и надстроен из старого двухэтажного дома. Та часть строения, где на фасаде помещен фонарь, заканчивающийся башенкою, - построена с основания; в ней помещается вестибюль и парадная лестница... В остальной части фасада, во 2-м этаже все окна были перебиты – расширены на 3 вершка и вместо прямых перемычек сделаны полуцифкульные, а также увеличена на полтора аршина высота всех помещений. По фасаду расположены комнаты, зал, гостиная и будуары; во вновь пристроенной части – столовая, кабинет, зимний сад, буфетная и кухня наверху и детская внизу.

Стоимость переделки с внутреннею отделкою приблизительно составила 55.000 руб. [Л.Н. Кекушев]

«Зодчий», 1901, №4 , табл.20.

Дом О.А. Листа в Москве

Дом О.А. Листа бывший Л.Н Кекушева, находящийся в Москве, по Глазовскому переулку, начат постройкою в мае 1898 г. И окончен в феврале 1899 г. Он занимает площадь в 86 кв.с. и имеет 3 этажа. В первом помещаются вестибюль, гостиная, зал, кабинеты, столовая, буфетки, уборная и лестничная клетка. Во втором этаже спальни, две уборных и две ванных, три детских, комната прислуги и лестница, ведущая на чердак, где имеется ещё комната для прислуги, а также выходы на террасы, из которых одна расположена над балконом, а другая на срезанном конце крыши. В полуподвальном этаже помещаются: кухня, кладовая для кушанья (garde-manger), три комнаты для прислуги, кладовая для вина и провизии и котельная для отопления. Последнее проектировано водо-духовое, и для него устроены три камеры, через которые подается в комнаты теплый и увлажненный воздух.

Наружный фасад облицован Боровичским кирпичем палево-желтого цвета; цоколь, наличники, балкон и парадный вход отделаны тарусским мрамором светлосерого цвета. Карниз, в котором устроен и желоб для стока воды – цинковый, окрашен в бледно-зеленый цвет, под старую бронзу. В западинах над входом и над окнами помещена мозаика – композиция орнамента из растительной жизни. Все оконные переплеты – из темного, моренного дуба; они разделены несимметрично и имеют особая приспособления частей в створах, позволяющая на зиму не замазывать и не заклеивать их.

Потолки в кабинете и столовой обработаны в балочку, с кессонами и живописью между ними; гостиная с ореховым потолком и панелью в японском характере. Во

втором этаже отделка простая с оклейкой стен обоями и окраской масляной краскою. Парадная лестница – по железному каркасу, с дубовою отделкою: поручнем, балюсником, и с дубовым потолком. Облицовка стен в ванных и кухне – фарфоровыми плитками: полы вестибюля и кухни из метлахских плиток.

По всему домовладению канализация и водопровод.

Во дворе устроены конюшня и 5 денников, каретный сарай, помещения для кучеров и дворников, погреба, сарай для дров и ледник.

Участок земли, занятый под владением, имеет 330 кв.с. и стоит 20.000 р.; стоимость постройки – 100.000 р. Приблизительная стоимость современных построек в этого типа в Москве.

Сообщил гражд. инж. Л. Кекушев.

«Неделя строителя», 1904, №36

Двухэтажный дом особняк на Поварской, построенный гражд. инженером Л. Кекушевым, вновь свидетельствует о выдающемся таланте этого зодчего. Дом выдержан в простом «Style nouveau» крайнего направления, не без дорого стоящих вычур. Стены бело-кирпичные с штукатурными тягами; карниз деревянный на железных кронштейнах (концах стропил); крыши черепичные.

Yvonne d’Ахе. Современная Москва // «Зодчий». 1904. № 17. 25 апреля. С. 201.

Современная Москва

...К лучшим постройкам этого общеевропейского направления следует отнести произведения инженера-художника Кекушева. У него разбросанность и неясность композиции бросаются в глаза менее, чем у кого-либо, и можно проследить общую идею композиции без особого затруднения. Хотя и он не избег общего увлечения колоссальным единственным окном, но у него эта деталь умело обработана и кажется даже как бы нужно, как бы вытекающей органически из самих условий композиции. То же самое можно сказать и вообще про все детали этого художника, отличающегося склонностью к формам так называемой романской эпохи. Его дома, сравнительно с другими, отличаются более городским характером и только в своём собственном доме он позволил себе дать его очертаниям более разбросанный характер загородной виллы.

В него ведет богатое крыльцо, помещенное немного отступя от линии тротуара. По сторонам ниши, в которой находится дверь, поставлены две колонки, поддерживающие спереди очень высокую коронующую часть. Эта деталь, впрочем, довольно употребительна в Москве: большинство крылец там имеет над дверью очень высокий лоб, чаще гладкий, иногда покрытый орнаментом. Хотя такие пустые пространства могли бы служить удобным местом для помещения фамилии домовладельца или номера дома, но обыкновенно эти надписи на стол-

бах ворот. У Кекушева в этой части помещена впадина и вся композиция сверху сужена, что несколько скрадывает ненужность. Узенькое, простое окно отделяет вход от главного корпуса здания, выступающего вплоть до границы тротуара.

Угол корпуса со стороны крыльца обработан восьмиугольной башней, перекрытой высокой пирамидальной крышей. Сама башня около середины обвита сильно выступающим скульптурным поясом из стилизованных растений, довольно широкой лепки. Такой же по характеру пояс проходит и по верху башни.

Другая, большая часть лицевого корпуса обработана самостоятельно. Она немного выступает против башни и перекрыта фронтоном со срезанной верхушкой, на которой гордо поставлена фигура льва. Может быть этот лев, если принять во внимание, охраняющее значение львов на воротах в эпоху строгая стиля, служит символом гостеприимства и доверия к проходящим. Он как бы говорит: “Смотрите: я далеко. Я вышел прогуляться и вы можете спокойно зайти к хозяину и пообедать”. По середине фронтона, в глубокой нише – средних размеров окно. Под ним, через оба этажа здания проходит композиция, изображающая большую арку, переизогнутую чем то вроде балкона, или навеса. Балкон разделяет арку на два окна: полукруглое и прямоугольное, имеющие, благодаря обработке, вид одного. Низ здания сложен из грубообтесанных камней, прорезанных очень простой обработки окошками.

Само здание выстроено из кирпича и почти не затерто штукатуркой, за исключением некоторых частей башни и фронтона. Белый, слегка палевый цвет кирпи-

ча весьма гармонирует с естественным серовато-белым камнем цоколя и с окружающим зимним пейзажем, и все здание, и даже лев на верху его, производят вследствие этого, впечатление чего-то светлого, свежего, чистого, и симпатичного. Этому способствует и то, что большие штукатурные навесы, пугающие проходящих, почти отсутствуют в этой постройке, и вы можете идти мимо почти без страха.

Здесь место отметить, что не только у Кекушева, но и у большинства московских художников, мы встречаем в последнее время весьма симпатичное стремление пользоваться, по возможности, естественным видом самого материала, избегая окраски или оштукатурки, а также и стремление избавиться от больших штукатурных навесов.

Как на переход от прежних тяжелых свесов кровли строгого стиля к последнему, легкому разрешению вопроса о защите кровли со стеною, можно указать на ряды фрончек из кирпича, на выступающих из стены железных брусках. Известно, что в архитектуре, как и во всем, прежде чем сделать шаг к лучшему, всегда приходится несколько потоптаться на месте, чтобы размять отекишие ноги. Последний приём: это довольно большой железный выступ, внутри которого помещается желоб для стока воды. Может быть этот выступ можно было бы сделать и поменьше, но нужно быть довольным и тем, что мимо таких домов можно ходить, не рискуя, что отвалившимся куском штукатурки проломит голову.

У Кекушева мы иногда встречаемся даже с полным отсутствием свеса, причём желоб помещен или на самой стене или за нею, и тогда вода выводится пробитыми в стене отверстиями. Но определенно нельзя заключить, что он

Парадная лестница в Центральных («Китайских») банях наследниц Г.И. Худова. Фото 1890-х годов

Выписка из Юбилейного сборника сведений о деятельности бывших воспитанников ... Института гражданских инженеров... (оборот листа на следующей странице). 8 августа 1929 г. Архив семьи Зодчего.

преследует такое гуманное решение, как тенденцию. По крайней мере, в другом его особняке мы встречаемся и с тем, и с другим решением одновременно.

Этот дом на углу, в верхнем этаже имеет лоджию, которая разрешается совершенно гладкой стеной; главный же корпус здания имеет довольно большой железный свес, поддерживаемый рядом железных кронштейнов. Под лоджией в нижнем этаже - дверь романского характера, хотя и современной трактовки. Этот вход, поставленный на линии тротуара, придает этому дому городской характер, ничуть не лишая его художественных достоинств.

Сама дверь помещена в нише с полукруглым верхом, заполненным мозаикой, изображающей цветы. Средняя часть здания выступает и имеет в обоих этажах по одному большому окну. Верхнее окно, полукруглое, поставлено на широкий орнаментированный пояс, отделяющий его от прямоугольного нижнего окна. Таким образом, в общем, и здесь замечается желание слить оба окна в одно большое целое.

Другой бок здания, отвечающий входной части, обработан довольно просто и имеет также по одному окну в этаже.

Материал здания — желтоватый кирпич и естественный камень с незначительным количеством шукатурки. Так как дворовый фасад совершенно его не имеет, что ничуть не умаляет его достоинств, то может быть разгадка этого явления просто в требованиях полиции, которая ведет своё начало с той эпохи, когда классический строгий стиль был обязателен для построек...

«Зодчий», 1908, №24, с. 216

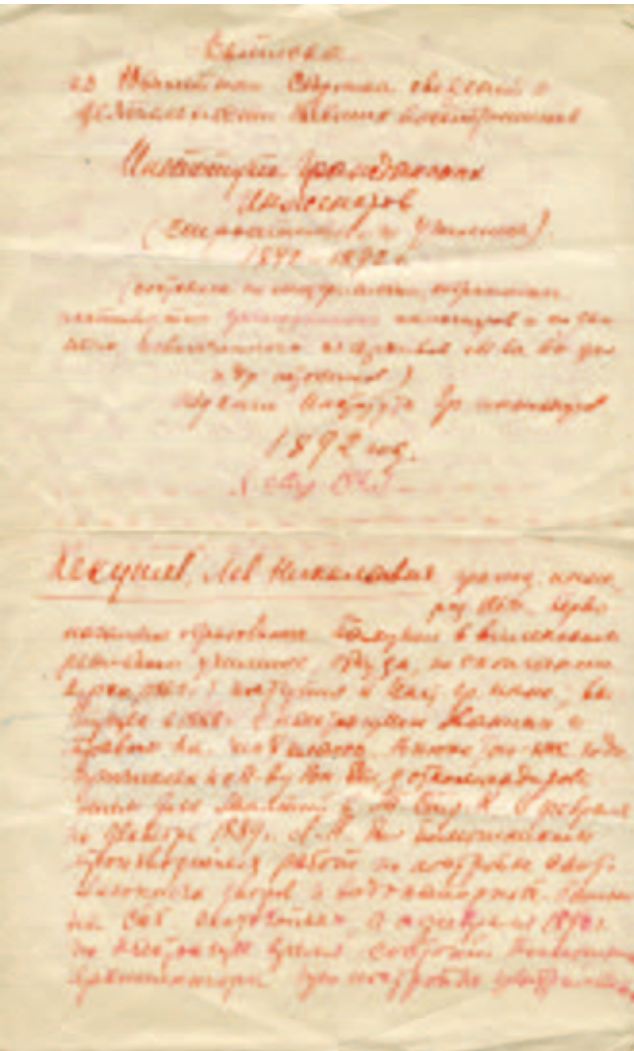
Дом-особняк В.Д. Носова в Москве

Дом-особняк В.Д. Носова построен гражд. инженером Л.Н. Кекушевым в 1903 г. в Москве на Введенской площади, в саду владельца, и обошелся с внутренней отделкой свыше 200 000 руб. приём плана и тип постройки, по желанию владельца, заимствован с американских колледжей, опубликованных около того времени в «Scientific American» и очень понравившихся владельцу.

Дом снабжен центральным (водяным низкого давления) отоплением, приточной и вытяжной вентиляцией, канализацией и электрическим освещением.

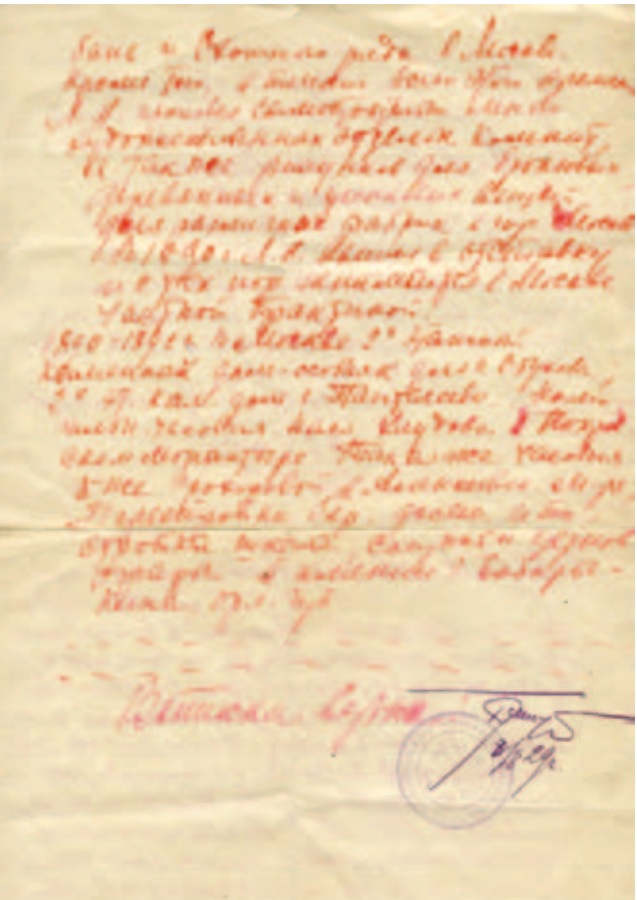
Так как для постройки был дан весьма короткий срок — с 25 декабря 1902 г. по декабрь 1903 г., с обязательством сделать дом деревянный на каменном полуподвале и вполне закончить в этот срок всю внутреннюю отделку, то пришлось прибегнуть к не совсем обычным приёмам конструкции, дабы избежать осадки стен, могущей повредить внутреннюю отделку. А именно, кладка стен жилого полуподвала велась, для скорейшей их просушки, с шанцами за 1/2 кирпича с внутренней их стороны, сруб остальных двух этажей сделан частью в стояк из деревянных балок, лафетных 3-вершковых досок и вершковой обшивки. Начата постройка была в середине апреля 1903 г. и к указанному выше сроку вполне закончена.

Внутренняя отделка состояла из довольно гладких по-

Удостоверение о возможности вступить в законный брак. 5 апреля 1897 г.

Оборот листа выписки из Юбилейного сборника сведений о деятельности бывших воспитанников ... Института гражданских инженеров. 8 августа 1929 г. Архив семьи Зодчего.

Свидетельство о венчании. 21 апреля 1897 г.

Эскиз оформления обеденного меню ресторана «Прага». 1902. Рис. Л.Н. Кекушева. Калька, перо, тушь.

Семья Льва Кекушева на отдыхе.
Слева направо: А.И. Кекушева, Екатерина, Николай, Татьяна, Л.Н. Кекушев.
1905 год

толков с небольшими тягами карнизов, гладко оштукатуренных стен, окрашенных масляной краской или обитых материей, и панелей из различных пород дерева. Парадная лестница, ведущая во второй этаж из столовой – дубовая, с дубовыми же поручнями, панелями по стенам и входной дубовой аркой. В столовой также дубовые панели на высоту 2 ари., далее стены оштукатурены и окрашены масляной краской. Каминны также отделаны разным деревом, с майоликовыми плитками и бронзой. Лепных украшений ни внутри дома, ни на фасаде нет вовсе. [Л.Н. Кекушев]

Архитектурная Москва. Вып. 1. М., 1911. С. 13–14

Лев Николаевич Кекушев

Это архитектор – энциклопедист.
Все стили ему одинаково доступны и во всем он сумел показать себя.

Это он построил одно из популярнейших и интереснейших зданий в Москве для Г.И. Хлудова, – здание, где блестяще разрешена труднейшая проблема сочетания доходного дома (с магазинами и гостиницей), бань и жилых квартир. Уже одним этим созданием Кекушев мог бы составить себе громкое имя архитектора-конструктора и архитектора-декоратора. Декоративная часть этого здания уступает конструктивной. Хлудовская лестница, например, одна из лучших лестниц Москвы.

Это он построил дома Грачёва под Москвой в пышном стиле французского ренессанса.

Это он построил особняк С.А. Кусевицкого, где опять-таки блеснул сочетанностью декоративного и конструктивного элементов. Такую интересную модернизацию романского стиля трудно ещё указать.

Это он выстроил храм при фабрике Барановых, где выказал глубокое знание русского стиля XVII века. Единственным упреком может быть только то, что архитектор каким-то чудом скрыл настоящий размер церкви: на взгляд здание не производит впечатление такого громадного. Но ведь и собор Петра в Риме не производит впечатления такого коллоса, каким он на самом деле является.

Это он построил в романско-византийском стиле городскую богадельню на Алексеевской улице.

Это он старое, никуда негодное здание на Арбате превратил в уютнейший и любимейший ресторан Москвы – «Прагу».

Это он построил особняк «со львами» на Остоженке.
Это он в имении Некрасова под Москвой щегольнул африканским стилем.

Это его особняки выделяются на Поварской.
Это его проект торгово-доходного дома Лямина обратил на себя всеобщее внимание на конкурсе проектов.

Это он так много сделал для Императорского Технического училища, где проявил находчивость в конструкции специальных лабораторий.

Это он участвовал при постройке Метрополя первоначальный проект которого принадлежит Валькоту, а окончание работ Висневскому.

Это Кекушев, наконец, подал, откровенно говоря, лучший проект на конкурс проектов для «Яра».

И это все ещё далеко не «наконец», – несмотря на свой молодой, бодрый вид Л.Н. изумительно продуктивен.

Родился он в 1863 году в Симбирской губернии. Окончив курс Виленского Реального училища в 1884 году, поступил в Институт Гражданских инженеров. В 1887 году получает за архитектурные проекты золотую медаль и кончает училище со званием гражданского инженера.

Сначала Л.Н. поселился в Петербурге и принял деятельнейшее участие в перестройке петербургских скотобоен.

Полтора года пробыл помощником главного инженера этих скотобоен и переселился в Москву, – помощником к известному Христофору Эйбушitzу.

Но скоро эмансипировался от него и самостоятельно повел свою деятельность, обогащая Москву великолепными зданиями.

Его декоративные способности обратили на него внимание города и ему были поручены ответственные работы по декорированию думы, вокзалов и других зданий во время коронационных торжеств. Ему же было поручено построить павильон для встречи императора Александра III-го.

Строгановское училище – эта академия прикладных искусств – с 1898 по 1901 гг. имела Л.Н. в числе своих преподавателей.

Здесь он также проявил свою энциклопедичность: преподавая в старших классах серебрение, бронзовую и железную ковку, ткацкое и набивное искусства.

ГЛОССАРИЙ. СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

АКРОТЕРИЙ – скульптурное украшение (в форме пальметты или статуи), поставленное над углом здания или на вершине его фронтона.

АНТАБЛЕМЕНТ – верхняя часть здания, стен, с украшениями: карниз, фриз и архитрав.

АРХИВОЛЬТ – наружное обрамление (наличник) арки.

АРХИТРАВ – главная балка, нижняя часть антаблемента.

БЕЛЬВЕДЕР – постройка с открывающимся видом вдаль, терраса, башенка на верху здания.

БРАНДМАУЭР – противопожарная стена – огнестойкая стена, разъединяющая смежные помещения одного здания или два смежных здания для предупреждения распространения пожара.

БЫКОВСКИЙ МИХАИЛ ДОРИМЕДОНТОВИЧ (1841–1906) – русский архитектор, реставратор, преподаватель и общественный деятель. Академик архитектуры, видный представитель поздней эклектики. Главный архитектор Московского университета, автор многих московских зданий.

ВАГНЕР ОТТО (1841–1918) – архитектор, воспитанник венской школы середины XIX века, одним из первых выступил против всеобщего увлечения историческими стилями. Преобладающее место в работе мастера занимал жанр городского доходного дома. Профессор архитектуры в венской Академии искусств, почётный член Союза архитекторов из Лондона, Брюсселя, Петербурга, Рима, Германии, Голландии, Франции, Северной Америки.

ВАЛЬКОТ ВИЛЬЯМ ФРАНЦЕВИЧ (1874–1943) – британский архитектор и художник, работавший в Москве в 1898–1908. Один из авторов проекта гостиницы «Метрополь» и автор двух особняков в Пречистенском переулке, мастер стиля модерн. По возвращении в Великобританию, стал знаменит как мастер архитектурной графики и городского пейзажа.

ВАН ДЕ ВЕЛДЕ ХЕНРИ КЛЕМАНС (1863–1957) – бельгийский архитектор и художник, один из основателей бельгийской ветви стиля модерн.

ВОЕЙКОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ (1873–1948) – русский и советский архитектор, один из мастеров стиля модерн. В 1895 году окончил Институт гражданских инженеров со званием гражданского инженера. С 1897 по 1914 годы состоял на службе в Строительном отделе Московского Губернского Правления. В 1902–1903 годах служил преподавателем и архитектором Строгановского училища. С 1906 по 1913 годы работал заведующим хозяйственной частью Инженерного училища путей сообщения. На начальном этапе карьеры сотрудничал с Г.В. Барановским, участвовал в проектировании и строительстве магазина Елисеевых. С 1918 по 1945 годы служил заведующим Технического отдела Наркомата здравоохранения. В 1927 году работал в Наркомате транспорта. В 1940-е годы был архитектором Малого театра.

ВОЛЮТА – архитектурный мотив, представляющий собой спиралевидный завиток с кружком («глазком») в центре. Является составной частью ионической, коринфской и композитной капителей.

ВСПАРУШЕННЫЙ СВОД – крестовый свод, у которого центральная часть заметно поднята над боковыми.

ГАРНЬЕ ЖАН ЛУИ ШАРЛЬ (1825–1898) – французский архитектор эпохи эклектики и историк искусства. Идеолог и практик стиля боз-ар.

ГЕРМА – бюст на опоре прямоугольного сечения, обычно сужающейся книзу.

ГИМАР ГЕКТОР (1867–1942) – французский архитектор и дизайнер, представитель стиля модерн.

ДЕНТИКУЛЫ – расположенные с незначительными промежутками по горизонтали, пологой дуге или наклонной линии одинаковые прямоугольные выступы, поддерживающие карниз либо скаты фронтона.

ДЕСЮДЕПОРТ – декоративная панель, живописное панно, рельеф, расположенные над дверным проёмом и связанные с ним общим обрамлением.

ЖИЛЯРДИ ДОМЕНИКО (1785–1845) – швейцарский архитектор, работавший в Москве. Сын архитектора Джованни Жилярди, дядя Алессандро Жилярди. В 1799–1803 гг. обучался в Санкт-Петербурге живописи у Карло Скотти. В 1803–1810 гг. продолжил образование в Европе, изучал искусство и архитектуру. По возвращении в Россию работал в «семейной фирме» в Воспитательном доме. Лично и в соавторстве с А.Г. Григорьевым восстановил разрушенные пожаром 1812 года общественные здания Москвы: Университет, Слободской дворец, Екатерининский институт и др. Автор городских усадеб, здания Опекунского Совета и загородной усадьбы Кузьминки.

ЗАКОМАРА (в древнерусской архитектуре) – наружные полукруглые завершения прясел (плоскостей стен, расчлененных по вертикали выступами – лопатками), соответствующие сводчатым перекрытиям внутри.

ИВАНОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (1845–1917) – российский архитектор, работавший в Санкт-Петербурге и Москве. В 1863–1872 обучался в Императорской академии художеств. Профессиональную практику начал помощником М.А. Макарова, после его смерти в 1873 достраивал начатые учителем постройки. В 1903–1905 годах являлся Председателем Московского архитектурного общества. В Москве наиболее значимым оказалось участие Иванова в перестройке Китай-города и центральных площадей, однако большинство его построек не сохранилось. Здание страхового общества «Россия» на Лубянке было полностью перестроено под здание НКВД-КГБ-ФСБ в 1940-е гг., а постройки в Зарядье снесены в конце 1940-х годов при подготовке к строительству нереализованного высотного здания. Сохранилась гостиница «Националь» на углу Тверской и Моховой улиц и доходные дома в разных концах Москвы.

ИМПОСТ – камень, плита, служащие опорой пят арки, расположенные между аркой и вертикальной опорой – столбом, пилоном, колонной.

КАМПИОНИ ПЁТР САНТИНОВИЧ (? – 1878) – русский архитектор, основатель Московского архитектурного общества и его председатель в 1875–1878 годах. Сын скульптора С.П. Кампиони. В 1848 году окончил Императорскую академию художеств со званием неклассного художника архитектуры и серебряной медалью за проект концертного зала. В начале 1860-х участвовал в сооружении первых построек Московского зоосада. Для зоосада Кампиони привёз из Франции большую группу животных, подаренных Парижским акклиматизационным садом. В 1865 году стал одним из основателей Московского архитектурного общества, а с 1875 по 1878 годы являлся председателем общества.

КАННЕЛЮРЫ (в классической архитектуре) – вертикальные желобки, углубления вдоль ствола фуста колонны или пилястры.

КАРТУШ (в архитектуре и декоративном искусстве) – мотив в виде полуразвернутого, часто с надорванными либо надрезанными краями рулона бумаги, свитка.

КЕССОНЫ (в архитектуре) – углубления квадратной формы на внутренних поверхностях арок, сводов и потолков.

КУЗНЕЦОВ ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ (1878–1929) – русский и советский архитектор. Родился года в Москве в семье крестьянина-каменщика. В 1890 г. поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. В 1896–1897 году окончил курс наук, в 1898–1899 году закончил учебу в Училище и получил малую серебряную медаль. Поступил в Императорскую Академию Художеств в Санкт-Петербурге и закончил её со званием художник-архитектор. Кузнецов был членом Литературно-художественного кружка, входил в кружок «Алатр». С 1908 года член Московского архитектурного общества.

КУРДОНЁР – парадный двор перед усадебным домом, дворцом или особняком, ограниченный с боков флигелями или крыльями этого здания, а спереди – сквозной оградой.

ЛАБРАДОР – минерал из группы полевых шпатов, разновидность плагиоклаза. Собственный цвет этого минерала серый и довольно непривлекательный, но он служит хорошим фоном для сверкающих бликов зеленого, желтого или красного цвета, которые пробегают по нему, когда камень поворачивают. Игра отблесков лабрадора объясняется его слоистой структурой.

ЛЮКАРНА – оконный проём в чердачной крыше или купольном покрытии. Люкарны, также имеющие декоративное значение, снаружи обычно украшены наличниками, лепными обрамлениями и тому подобное.

ЛЮНЕТ – арочный проём в своде или стене, ограниченный снизу горизонталью. В сквозных люнетах помещаются окна, глухие люнеты украшают росписью и скульптурой.

МАШИКУЛИ – навесные бойницы, расположенные в верхних частях стен и башен средневековых укреплений. Утратив с развитием огнестрельного оружия оборонительное значение, машикули использовались как элемент архитектурного декора.

МЕАНДР – в античном искусстве – мотив орнамента геометрического стиля, образуемый ломаной под прямым углом линией либо спиральными завитками.

МЕДАЛЬОН – изобразительная или орнаментальная композиция (лепной или резной рельеф, роспись, моза-

ика) в овальном или круглом обрамлении; применяется для декорирования зданий, интерьеров, мебели и др.

МОДУЛЬОН, МОДИЛЬОН – архитектурная деталь типа кронштейна, которая поддерживает выносную плиту венчающего карниза, преимущественно в ордерной архитектуре. Иногда Модульон играет лишь декоративную роль.

ОБЛОМЫ – архитектурные элементы, различные по своему поперечному сечению – профилю, – расположенные по горизонтали (на цоколях, в карнизах, междуэтажных поясах или тягах, базах колонн), иногда по наклонной (в карнизах фронтонов),

ОЛЬБРИХ ЙОЗЕФ (1867–1908) – немецкий архитектор, один из основоположников стиля модерн. Учился в Вене (1882–1893) в Академии художеств, где главным наставником Ольбриха был О. Вагнер. Получив диплом, остался ассистентом в мастерской Вагнера; участвовал в проходившем под руководством последнего проектировании Венской железной дороги (вкупе с метро) (1894–1897). Стал одним из организаторов венского Сецессиона (1897). Выдвинулся в число ведущих фигур венского модерна, спроектировав дом Сецессиона (1897–1899). Проектировал жилые и общественные здания.

ОРИФЛАММА – «золотое пламя», небольшой штандарт французских королей пурпурного цвета, расшитый золотом. Была главнейшей воинской хоругвью королевских французских войск до 1415 года.

ОРТА ВИКТОР (1861–1947) – бельгийский архитектор, один из основателей стиля модерн в архитектуре. Родился и вырос в Генте, в юности уехал в Париж, работал декоратором, изучал на практике прикладные технологии и ремесла. В 1880 вернулся в Бельгию, учился в брюссельской Академии искусств. Альфонс Бала, архитектор короля Леопольда II, нанял Орта на строительство дворцовых оранжерей, предоставив тому возможность обрести опыт работы со стальными несущими каркасами. В 1885 году начал собственную практику. Четыре брюссельских дома работы Орта включены в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

ПАЛЬМЕТТА – элемент орнамента в виде симметрично расположенных листьев пальмы. Геометризованные листья пальметты расходятся веерообразно из цветочной чашечки с двумя спиралевидными усиками по сторонам, иногда заключаются в круг.

ПИЛОН – столб большого сечения, служащий опорой плоских или сводчатых перекрытий в некоторых типах сооружений.

ПИЛЯСТРА (в архитектуре) – плоский вертикальный выступ прямоугольного сечения на поверхности стены (горизонтальный выступ именуют тягой или теней).

ПОЛИКАРПОВ НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ (биографические данные неизвестны) – русский архитектор, один из мастеров московского модерна. В 1901 году окончил Императорскую Академию художеств. Служил старшим техником при Московской полиции. С 1916 года состоял техником Московской городской управы. Основные работы Поликарпова осуществлены в стиле модерн и в псевдорусском стиле. Самым значительным произведением архитектора, является старообрядческий Успенский собор «на Апухтинке».

ПОРТИК (в классической архитектуре) – выступающая часть здания, образованная колоннадой (реже аркадой), имеющей собственное перекрытие: антаблемент, увенчанный аттиком или треугольным фронтоном.

РАСКРЕПОВКА – приём конструктивного (но чаще зрительного) усиления каких-либо элементов композиции.

РИЗАЛИТ – часть здания, выступающая за линию фасада во всю его высоту. В отличие от «крыльев», флигелей, ризалит представляет собой небольшой выступ, который не влияет на внутреннюю планировку здания.

РОЗЕТКА – декоративный мотив. Геометризованное изображение цветка, лепестки которого располагаются по принципу радиальной симметрии.

РУСТ – рустом в архитектуре называют большой, грубо отесанный камень, лицевая сторона которого сохраняет сколы и фактуру каменной глыбы.

САНДРИК – в архитектуре небольшой профилированный карниз, горизонтальная «полочка» над наличником оконного или дверного проёма.

СВОДЫ МОНЬЕ – опирающиеся на балки параллельные лучковые железобетонные сводики, пронизанные внутри стержнями арматуры под прямым углом.

ФИЛЁНКА – часть плоскости, например поля стены или панели, двери, пилястра, ограниченная профилированной рамой. Внутреннее поле филёнки называют зеркалом. Филёнки украшают резным или лепным декором, росписью.

ФОМИН ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ (1872–1936) – русский, советский архитектор. Учился в Академии художеств в Петербурге, был исключён из неё за участие в студенческих волнениях (1897), после чего переехал в Москву и работал там помощником архитекторов Л.Н. Кекушева и Ф.О. Шехтеля. Работал в Германии, Франции, Италии, Греции и Египте. С 1915 – академик архитектуры, с 1933 руководил Третьей проектной мастерской Моссовета. В первые годы своей деятельности, относясь критически к стилю модерн, вносил в композицию сдержанность орнаментации и плоскостную трактовку форм (внутренняя отделка Московского Ху-

Дом № 1 на Дзержинского в Москве, 1905 г. Фото: А. С. Шендеров

дожественного театра, под руководством Шехтеля). После 1905 выступил в качестве одного из вдохновителей и главных представителей петербургского неоклассицизма. В советский период пытался обогатить аскетические формы конструктивизма обобщенной трактовкой элементов классики (схематизированная колонна без капители и др.) в доме НКВД на ул. Дзержинского в Москве, новом здании Моссовета на ул. Станкевича, доме НКПС у Красных Ворот и др. С 1933 пришел к более широкому использованию классики.

ФРИЗ – 1. в архитектурных ордерах средняя горизонтальная часть антаблемента, между архитравом и карнизом; в дорическом ордере членится на триглифы и метопы, в ионическом и коринфском иногда заполняется рельефами
2. Декоративная композиция (изображение или орнамент) в виде горизонтальной полосы (наверху стены, на предмете, кайма на паркете или ковре и т. д.).

ШЕВЯКОВ НИКОЛАЙ ЛЬВОВИЧ (1868–1942) – русский архитектор и преподаватель, один из мастеров московского модерна. В 1893 году окончил Институт гражданских инженеров в Санкт-Петербурге со званием гражданского инженера. Во время службы в армии в 1893–1894 годах работал на перестройке Инженерного замка в Санкт-Петербурге. В 1898–1900 годы работал помощником архитектора Л.Н. Кекушева при проектировании гостиницы «Метрополь». В 1908 году Н.Л. Шевяков стал архитектором Румянцевского музея, а в 1911 – архитектором Николаевского лицея. Вступил в Московское архитектурное общество в 1910 году. Архитектурную практику Шевяков совмещал с преподавательской деятельностью: в 1904–1912 годах преподавал на Строительных курсах Приорова; с 1906 по 1915 год – на Женских строительных курсах; в 1926 году в МИИТе.

ШУЦМАН СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ (1869 – ?) – русский архитектор, один из ведущих архитекторов московского модерна. Брат военного инженера Н.С. Шуцмана и архитектора М.С. Шуцмана. Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества в 1894 году со званием классного художника архитектуры, Малой серебряной медалью по рисованию и Большой серебряной медалью. После окончания училища продолжил обучение в ИАХ. Работал в Москве в стиле модерн. С 1894 по 1902 годы являлся помощником архитектора Л.Н. Кекушева. С 1902 года состоял в Московском архитектурном обществе. Малое количество самостоятельных построек связано с полной потерей С.С. Шуцманом зрения. Судьба С.С. Шуцмана после 1917 года неизвестна.

ЩИПЕЦ – островерхий фронтон, типичный для средневековых зданий Северной Европы. Образуется от крутых скатов кровли. В отличие от обычного треугольного фронтона классической архитектуры не отделен снизу горизонтальным карнизом и является частью фасадной стены.

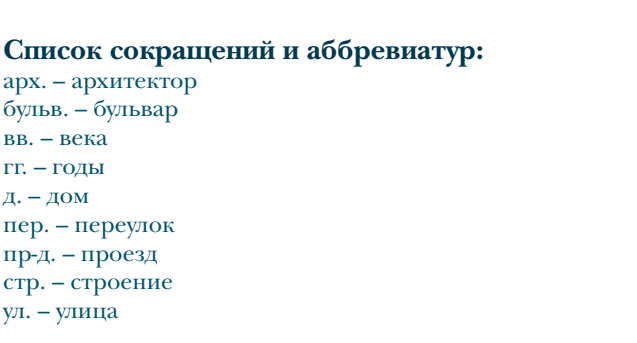
Дом № 1 на Дзержинского в Москве, 1905 г. Фото: А. С. Шендеров

ЭДИКУЛА – в античности так называли маленький храм, молельню, гробницу, ларарий в виде ниши для культовой статуэтки. Так же называли ниши для больших статуй или урн на надгробных памятниках. Позднее возникло второе значение: небольшая пристройка в виде полуротонды – полуниши, обрамленной колоннами. Затем эдикулой стали называть рельефную композицию на стене здания, обрамление портала, оконного или дверного проёма колоннами или пилястрами, опирающимися на цоколь, в верхней части завершенное антаблементом и небольшим фронтоном.

ЭЙБУШИЦ СЕМЁН СЕМЁНОВИЧ (1851–1898) – известный российский архитектор, автор многочисленных сооружений в Москве. Подданный Австрии, в 1877 году Эйбушиц получил в Московском училище живописи, ваяния и зодчества звание неклассного художника архитектуры. Некоторое время работал помощником архитектора А.С. Каминского. В 1882 году С.С. Эйбушиц получил российское подданство. В 1885 году служил архитектором Московского земельного банка. В 1890 году работал архитектором Мариинского училища. В 1890–1893 годах помощником Эбушица работал Л.Н. Кекушев, который принял участие в ряде построек архитектора. С.С. Эйбушиц – архитектор Московской хоральной синагоги в Спасоглинищевском переулке. По его проекту построено здание Международного торгового банка на углу улицы Рождественки и Кузнецкого Моста в Москве.

ЭНКАУСТИКА – техника росписи восковыми красками горячим способом.

ЭРКЕР (в архитектуре) – закрытый балкон, выступающая часть здания полукруглой или многогранной формы. Представляет собой часть интерьера, вынесенную за плоскость наружной стены. Освещается окнами, поэтому имеет и другое название: фонарь.

Главархив – Главное архивное управление города Москвы
МУАР – Государственный музей архитектуры имени А.В. Шусева
ФСБ РФ – Федеральная служба безопасности Российской Федерации
ЦАНТД – Центральный архив научно-технической документации
ЦИГИ – Центр историко-градостроительных исследований

СПИСОК ОБЪЕКТОВ Л.Н. КЕКУШЕВА, ВНЕСЁННЫХ В ГОРОДСКОЙ РЕЕСТР НЕДВИЖИМОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Дом № 1 на Дзержинского в Москве, 1905 г. Фото: А. С. Шендеров

- Особняк О.П. Коробковой, 1894 г., Пятницкая улица, д. 33
- Особняк Листа в Глазовском переулке, со служебным флигелем, 1898-1899 гг., арх. Л.Н. Кекушев, Глазовский пер., д. 8, стр. 1
- Городская усадьба кн. И.М. Оболенского–И.И. Некрасова–А.А. Катуар-де-Бионкур, XVIII–XIX вв. Дом главный (с палатами) 2-я пол. XVIII в., 1783 г., 1802 г., 1834 г., 1890-е гг., арх. РИ. Клейн, Л.Н. Кекушев, 1903 г., (балкон) арх. И.П. Залесский, Гоголевский бульв., д.4/3, (Знаменский Б. пер., д. 3), стр. 1
- Усадьба «Грачёвка», XVIII–XIX вв. Главный дом. Клинская ул., 2 (Фестивальная ул., д. 77а, Зеленоградская ул., д. 13)
- Особняк М.С. Саарбекова, 1899–1900 гг., архитекторы Л.Н. Кекушев, С.С. Шуцман. Здесь в 1920–1940 гг. размещалась литовская дипломатическая миссия под руководством Ю.К. Балтрушайтиса. Поварская ул., д. 24, стр. 1
- Особняк Кекушевой на Остоженке, 1903 г., арх. Кекушев Л.Н. <главный дом>. Остоженка ул., д. 21, стр.1
- Особняк Лыжина, 1830-е гг., 1902 г., Остоженка ул., д. 24
- Особняк со службами, 1903-1904 гг., архитектор Л.Н. Кекушев Поварская ул., д. 42/1 (Скатертный пер., д. 1)
- Особняк И.А. Миндовского с флигелем и оградой, 1903 г., арх. Л.Н. Кекушев. Поварская ул., д. 44/2, (Скарятинский пер., д. 2), стр. 1, 2
- Особняк Носова на Введенской пл., 1903 г., арх. Кекушев Л.Н. Каретный сарай городской усадьбы В.Д. Носова, 1903 г., арх. Л.Н. Кекушев (с фрагментом белокаменной стены). Электрозаводская ул., д. 12
- Усадьба А.И. Морозова, XVIII–XIX вв. Городская усадьба фабриканта и мецената Морозова. В 1918–1948 гг. – Музей нового западного искусства (Академия художеств). Пречистенка ул., д. 21/12, (Мансуровский пер., д. 12/21)
- Городская усадьба Трубецких-Шукиных, сер. XVIII в. – нач. XX в. – Главный дом с флигелем, 1740-е гг., кон. XVIII в., 1850-е гг., 1907–1912 гг., гражданский инженер Л.Н. Кекушев. Здесь в 1888–1909 гг. жил предприниматель и коллекционер С.И. Шукин, в 1909–1917 гг. располагался созданный им Музей французской живописи. В 1920-е гг. – Музей западно-европейского искусства и фарфора. В 1911 г. в доме останавливался французский художник А.Матисс. Знаменский Б. пер., д. 8/12, (Колымажный пер., д.12), стр. 1
- Доходный дом храма Св. Григория Богослова, что на Б. Дмитровке – жилой дом, 1893 г., арх-ры: С.И. Тихомиров, Л.Н. Кекушев, 1933–1936 гг., арх. И. Смирнов. Постройка хозяйственная храма Св. Григория Богослова, что на Б. Дмитровке – административное здание, 1860–1870-е гг., 1894 г., арх. Л.Н. Кекушев, кон. 1990-х гг. Дмитровка Б. ул., д. 30/1, (Петровский пер., д. 1), стр. 3
- Комплекс домов доходных и бань Хлудовых. Дом доходный с магазинами – административное здание, 1820-е гг., 1894–1896 гг., арх. Л.Н. Кекушев, 1933–1934 гг., С.Н. Чернышов, 2001 г., арх. М.М. Посохин. Театральный пр., д. 3/1/2, (Рождественка ул., д. 1, Неглинная ул., д. 2), стр.1
- Доходный дом, 1898 г., арх. Л.Н.Кекушев, реконструкция 1990-х гг. Варсонофьевский переулок, д. 6, стр. 1
- Жилой дом Я.А. Бабушкина, 1897 г., арх. Л.Н. Кекушев. Покровка ул., д. 29
- Доходный дом, 1901 г., арх. Л.Н. Кекушев. Остоженка ул., д. 17, корп.1

- Доходный дом, 1903 г., архитектор Кекушев Л.Н. Гоголевский бульвар, д. 21, стр. 1
- Доходный дом, 1877г., 1902г., арх. Л.Н. Кекушев. Колпачный пер., д. 4, стр. 1
- Доходный дом Кекушевой, 1902 г., арх. Кекушев Л.Н. Остоженка ул., д. 19, стр. 1
- Доходный дом 1904 г., арх. Л.Н. Кекушев. Пятницкая ул., д. 49, стр. 3
- Доходный дом Исакова на Пречистенке, 1906 г., арх. Кекушев Л.Н. Пречистенка ул., д. 28
- Доходный дом купца В.Е. Быкова, 1909 г., арх. Л.Н. Кекушев. Брестская 2-я улица, д. 19/18, стр. 1
- Доходный дом С.Е. Кокорина, 1902 г., арх. К. Дуванов, 1910 г., арх. Л.Н. Кекушев. Брестская 2-я улица, д. 19/18, стр. 4
- Центральные («Китайские») бани, 1891–1892 гг., архитектор С.С. Эйбушиц. Театральный пр., д. 3, стр. 3, 4
- Богдельня им. И.Н. Геера с храмом св. прав. Иосифа Обручника, 1893-1897 гг., гражданские инженеры Л.Н. Кекушев, И.А. Иванов-Шиц. Красносельская Верхн. ул., д. 15, стр. 1
- Здание Ярославского вокзала, 1903–1904 гг., арх. Ф.О. Шехтель. Комсомольская пл., д. 5
- Начальное училище им. Востряковых, кон. XVIII в., 1817–1821 гг., 1893 г., арх. Б.В. Фрейденберг, 1895 г., арх. Л.Н. Кекушев(?). Сыромятнический пр., д. 8, стр. 1
- Техническое училище (перестройка быв. «Слободского дворца» после пожара 1812 г., арх. Д.И. Жилярди). На аттике главного входа – монументальная скульптурная группа, ск. И.П. Витали. Часть интерьера и ротонда фасада к реке Яузе конца XVIII в. Ограда начала XIX в. Бауманская 2-я ул., д. 5
- Здание гостиницы «Метрополь», 1899–1903 гг., арх. В.Ф. Валькотт, худ. М.А. Врубель. Театральный пр., д. 2
- Никольские торговые ряды, 1899–1900 гг., арх. Кекушев Л.Н. Никольская ул., д. 5, стр. 3
- Ресторан «Прага», конец XVIII в. – начало XIX в., 1893–1906 гг., 1912–1915 гг., 1954 г., архитекторы Л.Н. Кекушев, А.Э. Эрихсон, Б.И. Соболевский. Арбат ул., д. 2/1
- Овелирная фабрика О.Ф. Курлюкова с конторой и магазином, 1902 г., гражданский инженер Л.Н. Кекушев. Колпачный пер., д. 4, стр. 3
- Хирургическая лечебница доктора медицины С.М. Руднева. В 1913–1939 гг. в кв. 9 жил и работал скульптор В.Н. Домогацкий. 1902 г., арх. Л.Н. Кекушев. Серебряный пер., д. 4
- Доходный жилой дом, 1904 г., арх. С.С. Шупман, 1932 г. – надстройка. Козихинский М., д. 4
- Ресторан Скалкина И.А. «Эльдорадо». Здесь в августе 1918 г. Ленин В.И. выступал с речью «Советская республика в опасности», н. XX в., арх. Кекушев Л.Н. Красноармейская ул., д. 1/7, (Серегина ул., д. 7/1)
- Введенское кладбище. Часовня-сень Н.Ф. Кельха, 1911 г., арх. Л.С. Кекушев. Наличная ул., д. 1
- Ансамбль памятников Преображенской старообрядческой общины, XIX – нач. XX вв., арх. Л.Н. Кекушев. Больница, 1912–1914 гг., арх. Л.Н. Кекушев. Преображенский вал ул., д.19, стр. 1

ЛЕВ КЕКУШЕВ. АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МОСКВЫ

Руководитель проекта – министр Правительства Москвы,
руководитель Департамента культурного наследия города Москвы А.В. Кибовский

Автор-составитель – М.В. Нащокина

Фотограф – М.П. Федина

Художник (карта-схема) – С.А. Рубис

Дизайн, адаптация серийного макета и вёрстка – Ф.И. Смирнов, бюро «Sm...art»

Ответственный редактор – И.А. Савина

Выпускающие редакторы – И.П. Иванова, Н.П. Логинова

Корректор – Ю.П. Балакова

Координатор съёмок – И.Ю. Аكوпова

Пре-пресс – Бюро «Sm...art»

Издатель – ООО «ВЕГА», генеральный директор А.В. Кузьменко

Отпечатано ООО «МПК-МЕДИА»

Тираж – 1000 экз.

Москва, 2012